

Игорь
Фроянов

Россия
Погружение
в бездну

В 10 томах

**Игорь
Фроянов**
Россия
Погружение
в бездну

Москва
АЛГОРИТМ
ЭКСМО
2009

Оформление серии Б. Протопопова

Фроянов И. Я.

Ф 91   Россия. Погружение в бездну / Игорь Фроянов. — М. :
Эксмо : Алгоритм, 2009. — 448 с. — (Суд истории).

ISBN 978-5-699-34608-0

Превращение России из мировой сверхдержавы в нищую страну — одно из самых трагических событий в истории человечества. Это крушение произошло в мирное время всего за несколько лет. По темпам и масштабу этот крах не имеет в мировой истории прецедента.

В сущности, это было невиданное в мировой истории предательство. Его, по верному наблюдению А. А. Зиновьева, «совершили прежде всего высшие руководители страны, работники партийного аппарата, идеологические вожди и представители интеллектуальной элиты». Об этом предательстве идет речь в книге выдающегося российского историка И. Я. Фроянова.

УДК 338
ББК 65.9(2)

ISBN 978-5-699-34608-0

© Фроянов И. Я., 2009
© ООО «Алгоритм-Книга», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ОТ АВТОРА

Современные историки, писатели и публицисты уподобляют порою происходящие ныне события в России Смуте начала XVII в. Для этого есть определенные основания. Но главное состоит в том, чтобы учесть уроки прошлого. И основной из них, как представляется, — недопустимость равнодушия и робкого безмолвия. Очевидцы Смуты Иван Тимофеев, Авраамий Палицын и другие безымянные свидетели корень беды, поразившей Русь в начале XVII века, видели «в недостатке мужественной крепости у общества», умения соединяться против властных нарушителей порядка и закона. Когда Б. Годунов совершал свои беззакония, губил столпы великие, которыми земля укреплялась, все «благороднейшие» онемели, были безгласны, как рыбы... За это общественное попустительство, за «безумное молчание всего мира», по выражению А. Палицына, и наказана земля». Не поддаваться «безумному молчанию», по мере сил и возможностей доискиваться правды, доносить ее до людей — моральный долг историка.

Писать о том, что происходит сейчас у нас в России без боли в сердце невозможно. Поэтому повествование о российских бедах не может быть бесстрастным, как у старца Пимена из знаменитой драмы А. С. Пушкина: «Спокойно зрит на правых и виновных, добру и злу внимая равнодушно». Нет сил «внимать равнодушно» злу, которое разлилось по нашей многострадальной стране. Негодование

и ненависть клокочут в груди. Вот почему в книге некоторые проблемы, быть может, чересчур заострены. Но за этой заостренностью скрывается и нечто более существенное, чем простая эмоциональность: исследовательский прием, усиливающий эффект наблюдений и выводов, содержащихся в данном исследовании.

В заключение выражаю признательность М. П. Ирошникову, М. Ф. Флоринскому, И. Б. Михайловой и А. В. Валерову за помощь при написании книги.

Глава первая

ВНЕШНИЙ ФАКТОР

Многострадальная судьба русского народа породила в сознании классика нашей литературы М. Е. Салтыкова-Щедрина художественный, но обладающий глубокой реалистичностью образ Коняги, изнуренного непосильным «рабочим» игом истории. Сколько веков Коняга несет это иго, он, по словам писателя, «не знает; сколько веков предстоит нести его впереди — не рассчитывает. Он живет, точно в темную бездну погружается... Самая жизнь Коняги запечатлена клеймом бесконечности. Он не живет, но и не умирает. Поле, как головоног, присосалось к нему бесчисленными щупальцами и не отпускает его с урочной полосы. Какими бы наружными отличками ни наделил его случай, он всегда один и тот же: побитый, замученный, еле живой. Подобно этому полю, которое он орошает своею кровью, он не считает ни дней, ни лет, ни веков, а знает только вечность... Целая масса живет в нем, неумирающая, нерасчленимая и неистребимая. Нет конца жизни — только одно это для этой массы и ясно. Но что такое сама эта жизнь? зачем она опутала Конягу узами бессмертия? откуда она пришла и куда идет? Вероятно, когда-нибудь на эти вопросы ответит будущее... Но, может быть, и оно останется столь же немо и безучастно, как и та темная бездна прошлого, которая населила мир привидениями и отдала им в жертву живых».

Картина, разумеется, безотрадная, но живо, увы, напоминающая день сегодняшней, когда Россия еще раз на протяжении последнего столетия погружается в «темную

бездну», когда происходит принесение «в жертву живых» ради новых «привидений».

На исходе XX века, как и в его начале, снова появились «борцы» за «народное дело», самочинно взявшие на себя роль поводырей в «светлое будущее», связанное теперь не с коммунизмом, как это было при большевиках, а с капитализмом. Предметом трепетного обожания и едва не религиозного поклонения они провозгласили частную собственность, «священную» и «неприкосновенную», как известная индийская корова. Рыночная экономика, буржуазная демократия, правовое государство, приоритет отдельной личности перед коллективом причислены к разряду высших человеческих ценностей.

Вполне понятно, что столь радикальная смена социальных ориентиров в стране, где культивировались коллективизм, общественные формы собственности и плановое хозяйство, не могла не привести к состоянию нестабильности и смуты в обществе. Но здесь мы наблюдаем чисто внешнюю, т.е. видимую, сторону событий, которые имеют, помимо того, скрытый, далеко не менее драматичный смысл.

Войну против России ведут ее старые, закоренелые враги. Приведем циничное высказывание одного из апостолов «холодной войны» А. Даллеса, сформулировавшего главные принципы политики Запада по отношению к России следующим образом: «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные челове-

ческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства,— словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников и взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу: все это мы будем ловко и незаметно культивировать... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества».

Россию, всех нас, русских, взяли, пользуясь известным выражением Ивана Ильина, «тихой сапой». Но пока, к счастью, не совсем. И все же необходимо осознать факт данного «пленения», поскольку это первое и непереносимое условие собирания сил с целью возвращения русского народа на покинутую им временно, в силу тяжких обстоятельств, собственную историческую дорогу. Возвращение, на наш взгляд, неизбежно. Оно не состоится лишь тогда, когда с русским народом как этнической общностью будет покончено навсегда. Во всяком случае, исторический опыт России, в частности опыт революций начала XX века, говорит о неприятии русским народом капиталистических отношений, построенных на индивидуализме, холодном расчете, голом чистогане и почитании «золотого тельца».

Следует согласиться с Г. А. Зюгановым в том, что главная причина болезни нынешней России — **«попытка капиталистической реставрации, подрывающая материальные и духовные основы общества и государства и все более**

раскрывающая сущностную несовместимость западной буржуазной цивилизации и цивилизации российской. Капитализм не входит органически в плоть и кровь, в быт, привычки и психологию нашего общества. Однажды он уже втравил Россию в братоубийственную гражданскую войну и, как подтверждает многолетний опыт, не приживется на российской почве. Свидетельством тому и те три революции, которые произошли в стране с минимальным временным интервалом: с октября 1905 по октябрь 1917 года. Эти революции показали, что основная часть российского общества была решительно недовольна «недоделанным» российским капитализмом, бурно развившимся в стране после крестьянской реформы 1861 года, посягнувшим на соборные, общинно-коллективистские и духовно-нравственные устои народной жизни. Его-то и не принял весь народ, а не только мятувшаяся, радикально настроенная интеллигенция, как пытаются доказывать сегодня ангажированные идеологи режима»¹.

В сети капитализма Россию загнал прежде всего Запад, весьма заинтересованный в осуществлении контроля над ее богатыми сырьевыми ресурсами и в получении дешевой рабочей силы. Достигнув данной цели, он решил свои важнейшие экономические и политические задачи, сделал крупный, быть может, главный шаг вперед на пути создания «нового мирового порядка», выгодного странам так называемого «золотого миллиарда». Разумеется, такое возможно только при включении России в мировую капиталистическую систему в качестве полупериферийного «партнера», имеющего в экономической и финансовой конкурентной борьбе неравные шансы со странами «высокоорганизованного пространства» и потому обреченного на подчиненное и зависимое положение со всеми вытекающими отсюда колоссальными потерями для россиян².

---

¹ Зюганов Г. А. География победы. Основы российской геополитики. М., 1997. С. 225; см. также: Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997.

² Краус Т. О ЕЛЬЦИНИЗМЕ // Ельцинщина. Будапешт, 1993. С. 75—101.

В высшей степени активную роль по втягиванию России, стран СНГ и бывшего социалистического лагеря в орбиту влияния западного мира играют Соединенные Штаты Америки. «В новую эру опасностей и возможностей,— заявил в свое время президент США Б. Клинтон,— нашей всепоглощающей целью должно стать расширение и усиление мирового сообщества стран демократического характера, опирающихся на рыночную экономику. Во время «холодной войны» мы стремились уменьшить угрозу выживания свободных институтов. Теперь мы стремимся расширить круг наций, которые живут при наличии свободных институтов...»¹

Г. Киссинджер дал следующий, любопытный для нас по откровенности комментарий к этим словам американского президента: «В третий раз на протяжении нынешнего столетия Америка подобным образом провозглашает свои намерения выстроить новый мировой порядок, применяя свои собственные ценности на всем мировом пространстве (курсив мой.— И. Ф.). И в третий раз Америка, похоже, возвышается над всей международной ареной. В 1918 году Вильсон своей тенью заслониł Парижскую мирную конференцию, где союзники слишком зависели от Америки, чтобы громко высказаться против. К концу Второй мировой войны Ф. Рузвельт и Г. Трумэн, казалось, имели возможность *перекроить весь глобус по американской модели*. Конец «холодной войны» породил еще большее искушение *переделать мир по американскому образу и подобию* (курсив мой.— И. Ф.). Вильсона ограничивал изоляционизм во внутренней политике, а Трумэн столкнулся со сталинским экспансионизмом. В мире по окончании «холодной войны» Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, которая обладает возможностью вмешательства в любой части земного шара. Однако могущество их стало менее ощутимым, а вопросы, решаемые военной силой, исчезли»².

---

¹ Цит. по: Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С.733.

² Там же.

Бывшему Государственному секретарю США отказывает явно чувство меры, когда он утверждает, будто «вопросы, решаемые военной силой» со стороны Соединенных Штатов, якобы «исчезли». Одна история с Ираком, а также ракетные удары США по Судану и Афганистану, варварская бомбардировка Югославии показывают, какова истинная цена приведенным словам. Но это так, кстати. Главное же для нас состоит в признании Киссинджером соблазна у американцев «выстроить новый мировой порядок, применяя свои собственные ценности на всем мировом пространстве», «перекроить весь глобус по американской модели». Этот соблазн таит угрозу всему человечеству.

Американцы намерены «применить свои собственные ценности» в отношениях с нынешней и будущей Россией, что явствует из доклада «Америка и Россия в меняющемся мире» Струба Тэлбота. «Америка,— заявил он,— проявляет себя наилучшим образом тогда, когда при выработке концепции своих интересов за рубежом исходит из ценностей и идеалов, на которых мы выросли здесь, в Америке. С момента, когда мы стали новым независимым государством, мы продолжаем верить, что принципы управления государством, заложенные в Конституции и Билле о правах, привлекательны и актуальны для всех. Иными словами, мы желаем другим странам того же, что мы желаем для самих себя. Это значит, что мы хотим видеть эти страны демократическими, уверенными в своей безопасности, стабильными, процветающими и интегрированными в растущее сообщество других стран со сходным государственным устройством и ориентацией»¹. Дай волю г-ну Тэлботу, он старательно «при-

---

¹ Независимая газета, 1996, 27 ноября.— В публичных речах перед российскими гражданами американские политики, скрывая истинные свои планы, предпочитают говорить по-иному. Так, Рональд Рейган, выступая 31 мая 1988 года на встрече со студентами МГУ, сказал: «Перемены не должны означать отказа от прошлого. Подобно дереву, в котором сохраняется жизнь во все времена года, уходящему корнями в землю и черпающему жизнь от солнца, позитивные перемены также должны уходить корнями в традиционные ценности — в землю и куль-

чешет» народы мира под американскую Конституцию и Билль о правах.

Перед нами новый, более утонченный и коварный вариант агрессивного экспансионизма, при осуществлении которого нет прямого насильственного захвата, присоединения или подчинения чужих земель, а есть втягивание других государств в сферу влияния своей экономической мощи с целью хозяйственного, финансового господства и подавления, бесцеремонное навязывание своих политических и духовных ценностей, деформирующих менталитет народов, подвергшихся подобной агрессии. По существу, мы имеем здесь своеобразную форму продолжения «холодной войны», но с другими установками и средствами, чем это было до крушения СССР. Однако нас уверяют в обратном, утверждая, будто «холодная война» уже закончилась.

Впервые об окончании «холодной войны» и начале «новой эры» заявили Дж. Буш и М. С. Горбачев при встрече на Мальте в декабре 1989 года¹. Позднее об этом заговорили и другие, причем в весьма уверенном тоне. ««Хо-

---

туру, в семью и коллектив,— и они должны черпать силу от вечных вещей, от источника самой жизни, каковым является сама вера. Такая перемена приведет к новому пониманию, новым возможностям, позволит раздвинуть горизонты будущего, в котором традиции не будут насаждаться, а наступит их полный расцвет. Именно такое будущее манит ваше поколение» (Рейган Р. Избранные речи. М., 1990. С. 355).

¹ Геллер М. История России 1917—1995. В 4 т. М., 1996. Т. 3. Утопия у власти. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. С. 390. Впоследствии Горбачев неоднократно повторял мысль об окончании «холодной войны». Даже в последнем своем выступлении в качестве Президента СССР (25 декабря 1991 г.) по центральному телевидению он говорил, что с «холодной войной» покончено (Государство Российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сб. докл. М., 1996. С. 482). Не расстается с этой мыслью он и сейчас, рассуждая о том, как ему с «западными партнерами» удалось «вывести мир из тупика холодной войны» и открыть новые перспективы в связи с ее прекращением (Горбачев М. То, что произошло на этой древней земле полвека назад,— уникальное событие в мировой истории. К пятидесятилетию Государства Израиль// Международная Еврейская газета, апрель 1998. № 16).

лодная война» закончилась,— это уже стало аксиомой»,— писал 9 марта 1990 года в одной из американских газет Генри Киссинджер¹.

О завершении «холодной войны» говорит и другой американский аналитик Збигнев Бжезинский². Идея о завершении «холодной войны» выгодна западным идеологам потому, что она позволяет, так сказать, дистанцировать Запад от последующих, наиболее драматических событий, связанных с расчленением СССР. Примечательны в данном отношении высказывания бывшего посла США в СССР Джека Мэтлока: «Очень важно не допускать путаницы между такими историческими событиями, как конец «холодной войны» и прекращение существования Советского Союза. Я не считаю, что последующие события, значение которых в истории столь же велико, с неизбежностью вытекали из окончания холодной войны. Наоборот, прекращение холодной войны было успехом обеих сторон, ибо холодная война закончилась на справедливых условиях, отвечавших интересам обеих сторон. Последующие события в Советском Союзе были вызваны исключительно внутренними причинами, причем во многих случаях Запад отнюдь не способствовал такому развитию событий. Однако в России, по причинам внутривнутриполитического характера, а также на Западе нередко отождествляют эти разноплановые события, что неверно»³. Р. А. Медведев в этих словах Мэтлока усматривает разумную и трезвую оценку, наиболее близкую к истине⁴. На наш взгляд, тут мы имеем случай не приближения к истине, а попытку ухода от нее.

Идея об окончании «холодной войны» внедряется в общественное сознание различными способами, в том числе

---

¹ Цит. по: Медведев Р., Медведев Ж. Россия и Запад в конце XX века. М., 1997. С.20.

² Б ж е з и н с к и й З. Геостратегия для Евразии. Краткосрочные и долгосрочные цели политики США в этом регионе// Независимая газета. 1997. 24 октября.

³ Независимая газета. 1997, 15 февраля.

⁴ М е д в е д е в Р.А. Россия и Запад в конце XX века. С.26.

и посредством организации всякого рода конференций с привлечением известных ученых, политиков и государственных деятелей. Например, в 1994 и 1996 годах в Принстонском университете прошли две большие конференции, посвященные проблематике, связанной с окончанием «холодной войны». В них принимали участие Шульц, Бейкер, Скоукрофт и другие видные государственные деятели¹.

Некоторые ученые, говоря об окончании «холодной войны», склонны видеть в ней «историческое недоразумение». Такова, например, точка зрения бельгийского историка и политолога И. В. Берге. «Сейчас «холодная война», — пишет он, — действительно закончилась. Я по-прежнему убежден, что «холодную войну» можно рассматривать как историческое недоразумение. Это не гипотеза, а скорее вывод, сделанный в результате многолетних исследований. Капитализм и коммунизм и две сверхдержавы были соперниками. Конечно, велась идеологическая борьба и сверхдержавы оспаривали друг у друга сферы влияния. Тем не менее ни одна из сторон не планировала нанесение сокрушительного удара по противнику. Таким образом, дорогостоящая гонка вооружений была не нужна. Высшие руководители всегда это знали, но постоянно держали широкие массы в заблуждении. Все это позволяет с полным основанием заключить, что у «холодной войны» были другие задачи. Как американские, так и советские руководители использовали ее для решения внутренних проблем»². Не понять, чего тут больше: лукавства или исторической инфантильности?

«Холодная война», увы, продолжается и сегодня³. Для нас так это ясно, как простая гамма. И всякие рассужде-

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 4, 308.

² Берге И. В. Историческое недоразумение? «Холодная война» 1917—1990. С. 10—11.

³ Забавно, но факт: некоторые «политики» связывают прекращение «холодной войны» прежде всего с М. Горбачевым. А. А. Собчак, например, утверждал, что «Михаил Горбачев вошел в мировую историю как человек, положивший конец холодной войне...» (Собчак А. А. Жила-

ния по поводу того, что она отошла в прошлое, являются или непониманием происходящего в мире, или уловкой, рассчитанной на простаков. Следует согласиться с О. А. Платоновым, когда он говорит: «Разрушение СССР не остановило «холодную войну» Запада против России. Более того, после отпадения бывших союзных республик западное наступление на Россию усилилось и приобрело открыто агрессивный и экономически грабительский характер»¹.

Правильно поступает и В. С. Широнин, который, говоря об окончании «холодной войны», берет слово «окончание» в кавычки, поскольку речь, по его убеждению, следует вести «не об установлении истинно дружеских отношений» между нашей страной и Америкой, а «всего лишь о новом этапе противостояния, о новых, более изощренных формах истощения экономического потенциала России, что очень логично укладывается в главную национальную доктрину США, ставящую своей целью единоличное, глобальное лидерство»².

была коммунистическая партия. СПб., 1995. С.179). В. В. Жириновский, общественный деятель иной политической ориентации, смотрит на дело по-другому и, на наш взгляд, более правильно, чем А. А. Собчак. Он пишет: «С разрушением Советского Союза в 1991 году «холодная война» не закончилась. Более того, в том же самом роковом году родился новый «американский экспансионизм 1991 года». «Холодная война» перешла уже в настоящую горячую войну» (Жириновский В.В. Мы возродим Великую Россию. М., 1997. С.106.) По мнению А. А. Зиновьева, «холодная война» закончилась в пользу Запада. При этом она перешла в стадию «теплой войны» (Зиновьев А.А. 1) Русский эксперимент. М., 1995. С. 310—314; 2) Посткоммунистическая Россия: Публицистика 1991—1995 гг. М., 1996. С. 15, 37, 82, 102—103.

¹ П л а т о н о в О.А. Россия под властью криминально-космополитического режима//Русский фронт. Сб.статей о русском этносе и цивилизации. СПб., 1998. С. 250.

² Ш и р о н и н В. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М.,1997. С.64—65. Привлекают внимание высказывания Р. Никсона. «Как нация,— говорит он,— мы должны понять, что точка в геополитической борьбе никогда не ставится. Не бывает такого, чтобы все стороны одновременно проиграли и все выиграли» (Н и к с о н Р. На арене воспомина-

«Холодная война» не окончена потому, что в стратегическом плане со стороны Запада она велась и ведется не против СССР и коммунистического режима, а против России и русского народа¹. В конечном итоге можно утверждать, что перед нами война цивилизаций, но отнюдь не конфликт идеологий двух разных общественных систем.

При переводе этой войны в геополитическую плоскость возникнет модель развития дуализма двух стихий — суши и моря, которые «распространяют свое изначальное противостояние на весь мир»². В «холодной войне» данный геополитический дуализм «достиг максимальных пропорций»: в настоящий момент талассократия (морское могущество) отождествляется с США, а теллурократия (сухопутное могущество) — с Россией³. Успех в данное время сопутствует талассократии, нанеся серьезное поражение теллурократии. Если исходить из стратегии, проводимой в данное время США, то полная победа талассократии будет означать конец цивилизации теллурократии⁴, или гибель России. На пути к своей гибели и находится сейчас Россия, истерзанная горбачевской «перестройкой» и либерально-рыночными реформами демократов. «Но долог день, и солнце не зашло». Врагам России рано праздновать победу. Они должны знать, что последний бой еще впереди.

Нельзя, конечно, все беды, переживаемые ныне Россией, односторонне объяснять действиями ее «закордонных» недругов. Вместе с тем нельзя и по-детски закрывать глаза на их подрывную работу, как это делает Е. Гайдар. «В манихейском сознании части нашего общества, пораженном «манией заговоров», — заявляет он, — возникли... идеи мирового заговора номенклатуры, инспирированные, естественно, из

ния о победах, поражениях и возрождении. М., 1992. С. 375). И еще: «Напряжение в отношениях между двумя сверхдержавами ослабло, но это не значит, что «холодная война» кончилась» (там же, с. 354).

¹ Ф р о я н о в И.Я. Октябрь семнадцатого... С. 133—135.

² Д у г и н А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 19.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 21.

Вашингтона и Тель-Авива, вплоть до откровенно параноидального бреда про «агентов ЦРУ в Политбюро» и тому подобных галлюцинаций»¹. Стремясь показать свою «объективность», Гайдар пытается нащупать реальную почву, на которой возникают такого рода галлюцинации. Оказывается, что «исторические катастрофы естественно вызывают потрясения в сознании. Когда гигантская империя «вдруг» разваливается, падает, как колосс на глиняных ногах, мифологическое сознание ищет тут тайную и «рукотворную» причину — очередной всемирный заговор»². Здесь у Гайдара взгляд какой-то ущербный. Ему явно не хватает объема. За внешне научными его рассуждениями скрывается такая же мифология, но в противоположном варианте и с обратным знаком, т.е. односторонность наоборот.

Любой серьезный исследователь не может игнорировать вполне очевидные факты борьбы Запада с Россией (СССР). Он не может отрицать и того, что в рамках этой борьбы особо важное место занимали тайные операции, которые по совокупности следует квалифицировать как заговор против нашего государства. Конечно, никакие усилия из-за рубежа не имели бы успеха, если бы советское общество не находилось в состоянии кризиса. Вот почему в нашем падении есть и наша собственная вина³. Правда, вина не столько самого народа, сколько партийной номенклатуры во главе с ее лукавыми, бездарными и продажными бонзами. Об этом пойдет речь в следующей главе.

---

¹ Г а й д а р Е. Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб., 1997. С. 110—111.

² Там же. С. 111.

³ Ср.: Бегунов Ю.К. Тайные силы в истории России. СПб., 1996.

Глава вторая

ВНУТРЕННИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Построенный в годы сталинских пятилеток социально ориентированный государственный капитализм, обеспечивавший оборону страны в условиях постоянной внешней опасности со стороны Запада, исчерпал свой исторический ресурс после того, как было создано ракетно-ядерное оружие, сделавшее невозможным нападение на СССР извне¹. «Создание отечественного ядерного оружия исключало все возможности силового вмешательства в наши внутренние дела»². Отпала главная причина, побуждавшая народ мириться с прежним порядком вещей, терпеть суровые лишения. Жизнь настойчиво требовала глубоких экономических, социальных и политических перемен, связанных с упразднением монопольной собственности государства на средства производства и децентрализацией экономики, с расширением самостоятельности трудовых коллективов и ассоциаций, с усилением институтов народовластия и утверждением прав личности. Эта потребность явственно обозначилась в конце 50-х — начале 60-х годов. Но еще в 1953 году Г. М. Маленков предложил отказаться от привычных экономических канонов, которых неукоснительно придерживались его предшественники³. Однако ини-

---

¹ Подробнее см.: Фронов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 120—129.

² Зюганов Г. А. География победы. Основы российской геополитики. М., 1997. С. 108.

³ Земцов И. Андропов: политические дилеммы и борьба за власть. Иерусалим, 1983. С. 119.

циатива Маленкова заглохла, ибо слишком сильна была номенклатурная рутина, о которую разбивались попытки нововведений, выходящих за рамки ортодоксальных представлений партийной верхушки.

Разочарование и усталость народа, граничащая с апатией, недоверие к власти, переходящее в ее неприятие, — вот итог первого десятилетия правления наследников Сталина. Некоторые из них, наиболее трезво оценивающие ситуацию, понимали, что советское общество начинает движение по наклонной плоскости. Одним из них был А. Н. Косыгин, ставший инициатором экономической реформы, запущенной в 1965 году.

Эта реформа позволила сократить адресное директивное планирование, изменить подход к выполнению плана, что теперь выражалось не в валовой, а в реализованной продукции. Предприятия получили возможность сами планировать темпы роста производительности труда, снижение себестоимости, определять величину средней заработной платы, более свободно распоряжаться прибылью. В хозяйственную жизнь вводились элементы рыночной экономики¹. Но самое главное состояло в том, что был сделан первый, хотя и очень малый, шаг в приближении непосредственных производителей к собственности. Таким образом создавались условия, способствовавшие их заинтересованности в рентабельном производстве и улучшении экономических показателей. В целом курс косыгинской реформы был направлен на демократизацию экономики, что являлось важнейшим велением времени.

Результаты не замедлили сказаться. Н. И. Рыжков, работавший в ту пору на Уралмаше, свидетельствует: «Косыгинская экономическая реформа 1965 года дала заметный толчок буксовавшему народному хозяйству. Только за восьмое пятилетие объем промышленного производства вырос в полтора раза, производительность труда — на одну

---

¹ Александров Ю. СССР: логика истории. М., 1997. С. 141; Медведев Р. А. Миражи и реальности капиталистической революции в России. М., 1997. С. 7.

треть. Темпы роста товаров народного потребления наконец-то сравнялись с темпами роста средств производства, которым всегда отдавалось предпочтение»¹. В итоге «происходившее три предыдущие пятилетки снижение темпов роста производства было на время приостановлено»². Магазины стали наполняться товарами, что людей очень радовало и вдохновляло даже на сложение виршей:

А нынче, как знаменья знаки,
Я обомлел, узрев в хозмаге
Лиолеум семи сортов,
Фаянсовые унитазы,
Канистры, мясорубки, вазы,
Обои всяческих цветов.
Россия устремилась в быт,
Спустилась наземь с небосвода.
Что делать, если так велит
Инстинкт великого народа!

(Ст. Куняев)

Реформа, к сожалению, так и не состоялась. Ее заметно стали тормозить и свертывать в конце 60-х годов³. Причин тому было несколько. Одна из них заключалась в том, что демократизация экономики, по верному замечанию Н. И. Рыжкова, «вытягивала за собой демократизацию общества»⁴, не входившую в планы правящей верхушки.

Следует далее сказать, что партийно-хозяйственная номенклатура не поддерживала экономические нововведения, поскольку в случае успешного проведения реформы она утратила бы не только контроль над экономикой, но и все сопряженные с этим контролем личные выгоды. Вместе с тем «хозяйственная реформа 1965 г., оживившая товарно-денежные отношения в стране, дала мощный им-

---

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 44.

² История России. XX век. С. 578.

³ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 45.

⁴ Там же.

пульс собственническим ориентациям номенклатуры»¹, которая, почувствовав дурманный запах собственности, прочно связала с ней свою судьбу.

Отступление от экономической реформы произошло без каких-либо затруднений, ибо она не сопровождалась преобразованиями в политической и социальной сферах. Отказ от нее означал, что кремлевская верхушка ради собственного покоя и самосохранения оставляет систему нереформированной². Сработал, очевидно, старый принцип: после нас — хоть потоп. Советское общество входило в период, который впоследствии получит название «застойный». Впрочем, «еще дважды были сделаны попытки оживить экономику (1973, 1979 гг.), но они по масштабам уступали реформам 1965 г.»³. К тому же они не затрагивали, как и прежде, отношений собственности. Немудрено, что ничего путного из этих попыток не вышло. «Ситуация была грустной. Темпы экономического роста после некоторого подъема в 1966—1970 гг. постоянно сокращались (1966—1970 гг. — 7,8% в год; 1971—1975 гг. — 5,7%; 1976—1980 гг. — 4,3%)»⁴.

Нельзя, конечно, изображать эпоху «застоя» только мрачными красками. Она имела и впечатляющие достижения, прежде всего в сфере освоения космоса, жилищного строительства, в развитии энергетики, разведывании и разработке сырьевых ресурсов, военного производства, гражданской авиации, железнодорожного и морского транспорта, в области науки, образования и культуры. Однако отжившие свой век производственные отношения сковывали экономику, лишая ее необходимой динамики, а значит, будущего. В результате все четче ощущалось экономическое отставание СССР от передовых стран Запада. Это еще более подорвало авторитет системы в глазах общества.

---

¹ История России. XX век. С. 573.

² Зюганов Г. А. Я русский по крови и духу. М., 1996. С. 22.

³ Коловангин П. М., Рыбаков Ф. Ф. Экономическое реформирование России... С. 27.

⁴ Там же. С. 29.

«Застойный период» является чрезвычайно важным для понимания последующих событий, связанных с перестройкой, распадом СССР и капитализацией России. Именно в рамках этого периода сформировались социальные группы, прослойки и тайные союзы лиц, которые привели советскую державу к гибели, а советское общество — к буржуазной реставрации. Иными словами, во времена «застоя» сложились главные движущие силы катастрофических для нашей страны «преобразований» и произошли существенные внутриобщественные изменения, в основе которых лежали факторы не столько объективного, сколько субъективного свойства. Толчок же всему дало ниспровержение сталинского авторитета и ослабление созданного Сталиным режима власти. И. В. Сталин, по известному выражению, как в воду смотрел, когда говорил Главному маршалу авиации А. Е. Голованову: «Я знаю, что, когда меня не станет, на мою голову выльют не один ушат грязи, на мою могилу нанесут кучу мусора». Затем убежденно добавил: «Но я уверен, что ветер истории все это развеет»¹.

Критика культа личности Сталина вызвала сильнейший психологический стресс в советском обществе. Рухнул кумир, которому поклонялись десятилетия. Началась переоценка ценностей, порождающая идейный разброд и шатания. Люди не знали теперь, кому и во что верить. Общественное сознание замутилось и потеряло устойчивость, предохраняющую от разлагающих воздействий извне. Ситуация усугублялась тем, что так называемый железный занавес был приподнят, и советское общество стало более открытым для дуновений западной идеологии. Создавались благоприятные условия, чтобы, как выражался И. А. Ильин, «овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли». Настал момент, когда можно было приступить к постепенной реализации того плана, о котором говорил после окончания Второй мировой войны Аллен Даллес.

---

¹ Ч у е в Ф. Неписочный маршал. Из дневника. М., 1995. С. 44.

Сложная комбинация внутренних явлений, связанных с неприятием сталинизма во всех его проявлениях (в том числе и в общественно-экономической сфере), а также внешних влияний, осуществляемых целенаправленно Западом, вызвала своеобразную, если можно так сказать, социальную и политическую сегментацию в обществе. Как и следовало ожидать, данный процесс затронул прежде всего интеллигенцию. Из ее среды вышла та открытая диссидентская оппозиция, с которой советская система столкнулась впервые во второй половине 50-х и в 60-е годы¹. Она именовалась демократическим движением. Это движение, будучи неоднородным, включало в себя «представителей трех основных идеологий, кристаллизовавшихся в послесталинскую эпоху как альтернативные программы: «подлинного марксизма-ленинизма», «либерализма» и «христианской идеологии». Первая из альтернативных программ исходила из того, что Сталин искажил марксистско-ленинскую идеологию, а возвращение к ней позволит оздоровить общество; вторая полагала возможным постепенный переход к демократии западного типа с сохранением принципа общественной и государственной собственности; третья — предлагала в качестве основы общественной жизни христианские нравственные ценности и, следуя традициям славянофилов, подчеркивала особый характер России.

В начале 70-х годов, одновременно с обособлением трех оппозиционных течений, произойдет их персонификация. Каждая из программ станет отождествляться с личностью, наиболее ярко ее выражающей: Андрей Сахаров будет восприниматься как воплощение либерально-демократической оппозиции; Александр Солженицын превратится в символ «христианской идеологии», Рой и Жорес Медведевы становятся наиболее известными глашатаями «подлинного марксизма-ленинизма»².

---

¹ Геллер М., Некрич А. История России 1917—1995. В 4 т. М., 1996. Т. 2. Утопия у власти. Кн. вторая. Мировая империя. С. 195.

² Там же. С. 194; см. также: История России: XX век. Курс лекций. Вторая половина XIX—XX в. Екатеринбург, 1993. С. 218-219.

Впоследствии из трех названных «оппозиционных течений» преобладающее значение в политической жизни страны приобрело либерально-демократическое течение, представители которого изменили свои установки и от признания принципов общественной и государственной собственности перешли к их полному отрицанию в пользу частной собственности. Сахаровцы вчера — это демократы сегодня.

Нынешних демократов характеризуют, по справедливому замечанию Ю. Александрова, «крайняя форма «западопоклонства», цинизм и нигилизм». Перед нами социальная популяция, отличительным свойством которой является космополитизм, или мировое гражданство. Для ее членов свобода выезда за границу «важнее целостности Отчизны. Это их усилиями романтизируются и морально оправдываются предатели Родины, а слово «патриот» в их устах звучит как синоним фашиста. Самым большим несчастьем своей жизни эти люди считают то, что они родились в «этой» стране. Любимая их поговорка — «с Родиной нам не повезло». Тело их еще здесь, но душа постоянно пребывает за океаном. Ключ к пониманию мотивов их поведения — гипертрофированный индивидуализм. Для них не существует других интересов, кроме личных, — ни интересов народа, ни интересов государства... Получив вожаемую буржуазную «свободу», они удивительно быстро научились ненавидеть простой трудовой народ — «совков» и «быдло». Им действительно неуютно в стране, населенной народом с коллективистской психологией, который всегда жил по принципу: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Эти люди, составившие ядро «демократических сил», открыто презирали государство, в котором жили»¹.

В канун горбачевской «перестройки» демократы представляли собой единомышленников, готовых в любой момент структурно организовать и включиться в активную политическую борьбу. Нужен был лишь сигнал. Таковым и послужила перестройка, вызвавшая образование всевоз-

---

¹ Александров Ю. СССР: логика истории. С. 165—166.

можных «народных» фронтов в союзных республиках, а в Российской Федерации — движения демроссов. Ясно, что они возникли не на пустом месте. Сформировавшаяся в «застойный период» демократическая прослойка стала одной из главных движущих сил перестройки и последующих за ней капиталистических превращений¹.

Космополитические настроения, характерные для демократов, обеспечили им всестороннюю поддержку со стороны Запада, видевшего в них (порой не без оснований) проводников своей разрушительной антирусской политики. Идея вестернизации, проповедуемая ими, влияла даже на близкое окружение партийного руководства. Например, при Л. И. Брежневе сначала существовала группа советников, куда входили Г. Арбатов, Н. Иноземцев, А. Бовин; генсек называл их «мои социал-демократы»².

Добродушно-снисходительный тон, в каком глава КПСС говорил о социал-демократах, может показаться мелочью. Но за этой мелочью скрывались симптомы начавшегося перерождения партийной верхушки, если не всей, то, во всяком случае, ее части, стихийно тянувшейся к социал-демократии. Здесь показательна сама деятельность брежневских «социал-демократов». Ведь они работали над проектами реформ³. Значит, их кто-то наверху к этому побуждал. Другое дело, что все кончилось, так сказать, пухом. Но факт деятельности этих разработчиков, именую-

---

¹ Следует иметь в виду перемены в личном составе демократических сил. На смену благородной когорте идеалистов-«шестидесятников», пробужденных «оттепелью» конца 50-х — начала 60-х годов, взявших друг друга за руки и воспаривших, по выражению поэта Булата Окуджавы, в канун «перестройки» и в ходе ее пришла маргинальная публика, состоящая, как правило, из людей, не сумевших по тем или иным причинам реализовать себя так, как этого им хотелось, и потому переживавших комплекс неполноценности. Трусливая и робкая по своей природе, она проявила чрезвычайную настырность, непримиримость и злобу, когда почувствовала одобрение и поддержку со стороны «архитекторов» и «прорабов перестройки».

² История России. XX век. С. 576.

³ Там же.

мых социал-демократами, весьма примечателен. В дальнейшем люди, подобные Г. Арбатову и А. Бовину, станут верной опорой горбачевской перестройки.

Некоторые из демократов оказались в роли прямых проводников интересов Запада в нашей стране. Тут не обошлось без западных спецслужб, сумевших создать в советском обществе целую сеть «агентов влияния». В этой связи привлекает к себе внимание один документ. Речь идет о подготовленной в 1977 году внешней разведкой КГБ СССР и подписанной его председателем Ю. В. Андроповым записке, адресованной ЦК КПСС. Текст ее был оглашен председателем КГБ В. А. Крючковым на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года в Кремле. Вот эта записка: «По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающей приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры — преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства. Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих

в жизнь политику саботажа и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки. По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутривнутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях. По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов. КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки»¹.

Вряд ли следует сомневаться, что КГБ «учитывал полученную информацию». Но в то, что он сумел разработать и осуществить мероприятия «по вскрытию и пресечению планов американской разведки», верится с трудом. «Агенты влияния» сделали свое черное дело, разрушив СССР и погрузив Россию во мглу. Сначала КГБ, похоже, упустил время, а потом оказался бессилён помешать «процессу», который «пошел». Почему так случилось, ответ дать может только время.

Как явствует из приведенного документа, американские спецслужбы ставили задачу внедрения «агентов влияния» прежде всего в сферу управления политической, экономикой и наукой. Вероятно, не исключался и

---

¹ Крючков В. А. Личное дело. Ч. II. М., 1997. С.389-390.

самый высокий уровень управления. В этой связи привлекают к себе внимание сведения В. А. Крючкова, касающиеся А. Н. Яковлева — видного «прораба» перестройки, человека, чрезвычайно близкого М. С. Горбачеву и потому очень влиятельного.

Еще в 1983 году Ю. В. Андропов, будучи уже Генеральным секретарем ЦК КПСС, в телефонном разговоре с В. А. Крючковым нелестно отзывался о Яковлеве. «Он не только подчеркнул неоткровенность этого человека («Что думает на самом деле, ни черта не поймешь!»), но и более того — выразил большие сомнения в безупречности Яковлева по отношению к Советскому государству в целом. Тут же Андропов сказал, что Яковлев десять лет уже как работает в Канаде и что пора его отзывать в Москву. «Кстати,— заметил Юрий Владимирович,— есть люди, которые очень хлопочут о возвращении Яковлева в Москву, вот и пусть порадуются». В числе хлопочущих людей был назван Арбатов, который, по словам Андропова, еще при Брежневем сам приложил руку к тому, чтобы подальше отправить Яковлева из Москвы на посольскую работу, «а теперь вдруг почему-то не может обойтись без этого проходимца». Да, именно так, назвав Яковлева «проходимцем», и закончил наш телефонный разговор Юрий Владимирович», — заключает свой рассказ В. А. Крючков¹.

Здесь, как видим, фигурирует Арбатов, один из брежневских «социал-демократов». Его хлопоты о Яковлеве нам понятны². Непонятно другое: почему Генеральный секретарь, обладающий необъятной властью, потворствует хлопочущим за человека, который вызывает сомнения отно-

---

¹ Крючков В. А. Личное дело. Ч. I. М., 1997. С. 284—285.

² О. А. Платонов относит Г. А. Арбатова к числу «агентов влияния», которые, «маскируя свою антигосударственную деятельность привычной марксистской фразеологией», «подталкивали политическое руководство страны к принятию решений, ставших первыми шагами на пути к разрушению СССР». Арбатов, занимавший «проамериканскую позицию», стал «другом Америки», по признанию заместителя Госсекретаря США Тэлбота, еще с 70-х годов. (Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731—1996. М., 1996. С. 402).

сительно «безупречности» его отношения к Советскому государству и которого нельзя назвать иначе, как проходцем. Быть может, Андропов лишь на словах не одобряет Яковлева, а втайне с ним? Или за Яковлевым уже тогда стояли такие силы, с которыми не мог не считаться даже Генеральный секретарь? По-видимому, утвердительный ответ может быть дан как на первый, так и на второй вопрос. Похоже, Юрий Владимирович лукавил, когда по отношению к Арбатову занял несколько отстраненную позицию. Брежневский «социал-демократ» стоял близко к Андропову в качестве советника по внешнеполитическим вопросам¹. И он, конечно, имел непосредственное влияние на Андропова. К Яковлеву был благожелательно настроен и Горбачев², которого Андропов считал своим человеком. Наконец, нелестный отзыв Андропова о Яковлеве мог не отражать настоящего отношения генсека к послу в Канаде. Существует версия, согласно которой между ними было и нечто общее³. Но даже если она неверна, бесспорно другое: Яковлева поддерживали и продвигали весьма влиятельные люди.

Сейчас, по прошествии времени и конкретных событий, недоумение Андропова насчет того, почему кое-кто в Москве не может обойтись без Яковлева, кажется наивностью, довольно странной для генсека, бывшего совсем недавно председателем КГБ СССР и подписавшего записку об «агентах влияния» иностранных спецслужб, направленную в ЦК КПСС. Неужели Андропов не знал, что приближается перестройка и Яковлев нужен именно в Москве? Не случайно, на наш взгляд, в судьбе Яковлева активное участие принимает Горбачев, с помощью которого тот вернулся в Союз и сразу же «был назначен директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Он довольно быстро вошел в

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн.1. С. 224.

² Там же. С. 237.

³ Семанов С. Н. Юрий Владимирович. Зарисовки из тени. М., 1995. С. 90.

неофициальную команду Горбачева, помогая последнему готовить материалы к докладам и статьям»¹.

А. Н. Яковлев «не воспринимал Союз, считал нашу страну империей, в которой союзные республики были лишены каких бы то ни было свобод. К России он относился без тени почтения, я никогда не слышал от него ни одного доброго слова о русском народе,— пишет В. А. Крючков.— Да и само понятие «народ» для него вообще никогда не существовало»². В другой раз Крючков говорит: «Я ни разу не слышал от Яковлева теплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру, нашей победой в Великой Отечественной войне. Меня это особенно поражало, ведь сам он был участником войны, получил на фронте тяжелое ранение. Видимо, стремление разрушать, развенчивать все и вся брало верх над справедливостью, самыми естественными человеческими чувствами, над элементарной порядочностью по отношению к Родине и собственному народу»³. Если Крючков верно подметил индивидуальные особенности Яковлева, то следует признать факт разложения правящей партийной верхушки, допускающей в свою среду и удерживающей в ней лиц с подобными взглядами и настроениями.

По свидетельству В. А. Крюčkова, «начиная с 1989 года в Комитет госбезопасности стала поступать крайне тревожная информация, указывающая на связи Яковлева с американскими спецслужбами. Впервые подобные сведения были получены еще в 1960 году. Тогда Яковлев с группой советских стажеров... в течение одного года стажировался в США в Колумбийском университете»⁴. В 1990 году

---

¹ Крючков В. А. Личное дело. Ч. I. С. 286. «После возвращения из Канады и назначения на должность директора Института мировой экономики и международных отношений в разработке концептуальных материалов самую активную роль стал играть А. Н. Яковлев»,— сообщает и В. А. Медведев (Медведев В. А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 18).

² Там же. С. 288.

³ Там же. С. 289.

⁴ Там же. С. 294.

КГБ «как по линии разведки, так и по линии контрразведки получил из нескольких разных (причем оценивавшихся как надежные) источников крайне настораживающую информацию в отношении Яковлева. Смысл донесений сводился к тому, что, по оценкам спецслужб, Яковлев занимает выгодные для Запада позиции, надежно противостоит «консервативным» силам в Советском Союзе и что на него можно твердо рассчитывать в любой ситуации. Но, видимо, на Западе считали, что Яковлев сможет проявлять больше настойчивости и активности, и потому одному американскому представителю было поручено провести с Яковлевым соответствующую беседу и прямо заявить, что от него ждут большего. Профессионалы хорошо знают, что такого рода указания даются тем, кто уже дал согласие работать на спецслужбы, но затем в силу каких-то причин либо уклоняется от выполнения заданий, либо не проявляет должной активности. Именно поэтому информация была расценена нами как весьма серьезная, тем более что она хорошо укладывалась в линию поведения Яковлева, соответствовала его практическим делам»¹. Далее В. А. Крючков сообщает, что В. И. Болдин, работавший тогда заведующим общим отделом ЦК КПСС, посоветовал ему переговорить о Яковлеве с Горбачевым². Состоялась довольно любопытная сцена, описание которой заслуживает того, чтобы быть приведенной целиком.

«До сих пор,— пишет В. А. Крючков,— хорошо помню свою беседу с Горбачевым. Я показал ему информацию — агентурные сообщения, откровенно поделился опасениями, подчеркнул необходимость тщательной и срочной проверки. Нужно было видеть состояние Михаила Сергеевича! Он был в полном смятении, никак не мог совладать со

---

¹ Крючков В. А. Личное дело. Ч. I. С. 296.

² В. И. Болдин подтверждает факт разговора с ним В. А. Крюčkova о А. Н. Яковлеве. Вместе с тем он сообщает, что военная разведка располагала насчет Яковлева «приблизительно такими же данными, как и КГБ», ссылаясь при этом на свидетельство начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР С.Ф.Ахромеева (см: Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995. С. 263—264).

своими чувствами. Немного придя в себя, он спросил, насколько достоверной можно считать полученную информацию. Я ответил, что источник, сообщивший ее нам, абсолютно надежен, но объект информации настолько неординарен, что весь материал нуждается еще в одной контрольной проверке. При этом я рассказал, что каналы и способы проведения необходимых проверочных материалов в данном случае имеются, и притом весьма эффективные, и всю работу можно будет провести в сжатые сроки. Горбачев долго молча ходил по кабинету. «Неужели это Колумбийский университет, неужели это старое?!» — вдруг вырвалось у него. Спустя какое-то время Михаил Сергеевич взял себя в руки и, как всегда в таких случаях, начал искать не решение возникшей проблемы, а думать, как уйти от нее. «Возможно, с тех пор Яковлев вообще ничего для них не делал,— заглядывая мне в глаза, лепетал он,— сам видишь, они недовольны его работой, поэтому и хотят, чтобы он ее активизировал. Видя всю нелепость таких рассуждений, он снова надолго замолчал, о чем-то напряженно размышлял. «Слушай,— выпалил он вдруг с облегчением,— поговори сам напрямую с Яковлевым, посмотрим, что он тебе скажет!» Признаюсь, я ожидал чего угодно, только не такого поворота. Собираясь к Горбачеву, я заранее предполагал, что он будет уваливать, что ни на какое решение не отважится, а предложит, к примеру, подождать и посмотреть, что будет дальше, не поступят ли дополнительные сведения. Но чтобы все это «вывалить» самому Яковлеву! Я попытался сопротивляться, отвечал, что такого в практике еще не было, мы же просто предупредим Яковлева, и на этом дело закончится, до истины так и не докапаемся. Горбачев слушал мои возражения рассеянно, и я понял, что решение он уже принял. Было совершенно очевидно, что в случае отказа поговорить с Яковлевым Горбачев предупредит его сам»¹.

---

¹ Крючков В. А. Личное дело. Ч I. С.297—298. Это и другое, по верному заключению В. С. Бушина, «свидетельствовало о том, что Горбачев покрывает Яковлева, но Крючков и подумать не смел, что-

Итак, Горбачев знал о колумбийском прошлом Яковлева, но, несмотря на это, выдвигал его и поддерживал. По характеру поведения и ряду высказываний Горбачева в разговоре с Крючковым можно предположить, что между ним и «колумбийцем»-Яковлевым существовала какая-то незримая и потаенная связь. «Подобное поведение первого лица в государстве,— замечает О. А. Платонов,— свидетельствовало о том, что и он к тому времени был тесно интегрирован в систему связей мировой закулисы»¹. Не случайно В. И. Болдин говорил Крючкову: «Горбачев по Яковлеву все равно ничего предпринимать не будет»². Еще более определенно высказывался В. М. Чебриков, заявив, что «Яковлев и Горбачев — одно и то же. Через Яковлева не перешагнуть, можно сломать шею»³. В. А. Крючков наконец понял: «Обе зловещие фигуры нашей действительности — Горбачев и Яковлев — одновременно являются и «архитекторами» и «прорабами» перестройки. Коварные задумки и их исполнение относятся к тому и другому. Они договорились, спелись, слились воедино, органически дополняя друг друга. В черной игре они менялись местами, но из чисто тактических соображений»⁴.

В этой оценке Горбачева и Яковлева справедливо все, за исключением того, что названные лица являются одновременно «архитекторами» и «прорабами» перестройки. В разряд «прорабов» их зачислить можно. На такую «должность», т.е. на роль ловких исполнителей, они, как говорится, «тянут». А вот отнести их к «архитекторам» перестройки нельзя, поскольку ее «архитектурный» проект был задуман и разработан, судя по всему, не у нас⁵.

бы... тайно продолжать расследование. Он покорно подчинился. Человек просто не понимал, что служит не президенту, не генсеку, а народу, стране, строю, перед которыми в конечном счете и несет ответственность» (Бушин В. С. Честь и бесчестие нации. М., 1999. С. 283).

¹ П л а т о н о в О. А. Терновый венец России... С. 407.

² К р ю ч к о в В. А. Личное дело. Ч. I. С. 298.

³ Там же. С. 303.

⁴ Там же. С. 292.

⁵ Аналогичным образом думает и А. И. Лебедь, который, касаясь событий августа 1991 года, замечает: «Буш к тому времени уже успел

Этот поистине дьявольский план свидетельствует о причастности к нему интеллектуалов самой высокой марки, сопоставления с которыми ни Горбачев, ни Яковлев, конечно, не выдерживают. Надо отдать должное прозорливости Б. И. Олейника, который, обращаясь к Горбачеву, говорил: «И вы, Михаил Сергеевич, хоть и «первый немец» или «первый американец» — тоже всего лишь пешка в последнем ряду сатанинской игры»¹.

Впрочем, в литературе существуют и несколько иные оценки деятельности Горбачева и Яковлева. Так, В. С. Павлов, наблюдавший Горбачева с близкого расстояния, характеризует его так: «Типичный исполнитель и проводник чужих идей, который сам способен только продолжать, стараться в меру своих возможностей реализовывать чужие идеи и мысли»². Это верно. Надо только подчеркнуть, что исполнитель весьма умелый, ловкий, изворотливый и хитрый, настоящий мастер интриги. А вот с другим мнением Павлова относительно роли Яковлева согласиться нельзя. Называя Яковлева «семейным кардиналом», Павлов полагает, что он являлся «основным конструктором политической линии «перестройки» и руководителем ее осуществления... Был стратегом и тактиком политики Горбачева, хотя и держался в основном в тени, стараясь не афишировать свою реальную роль в руководстве»³.

Мы сомневаемся в таких конструкторских способностях Яковлева. Учитывая то, что пишет о нем Крючков, можно высказать предположение, согласно которому Яковлев служил посредствующим звеном между Горбаче-

---

ему (Горбачеву. — И. Ф.) объяснить, что архитектором перестройки был он, Буш, а М. С. Горбачев — только прорабом» (Л е б е д ь А. И. За Державу обидно... Киров, 1995. С. 313).

¹ О л е й н и к Б. И. Князь тьмы: два года в Кремле. М., 1992. С. 19. Впрочем, в другом месте своей книги Б.И.Олейник называет Горбачева «главным архитектором», а Яковлева — «главным теоретиком перестройки», явно завышая интеллектуальные способности обоих «прорабов».

² П а в л о в В. Август изнутри. Горбачев-путч. М., 1993. С. 9.

³ Там же. С. 20.

вым и закордонными разработчиками «перестройки», т.е. получал первым инструкции и сигналы с той стороны. Это и создавало иллюзию, будто ему принадлежит роль «стратега и тактика политики Горбачева». И Яковлев, по свидетельству А. С. Черняева, сам был не прочь из непомерного тщеславия приписать себе эту роль: «Он мнит себя «автором» перестройки, «автором» самого Горбачева...»¹ По Черняеву, именно Горбачев — «убежденный и непоколебимый автор перестройки, умудренный ее «разносным» опытом»². На наш взгляд, Горбачева следует считать главным исполнителем перестройки, а Яковлева — главным передатчиком поступающих с Запада «перестроенных» идей и помощником Горбачева в их реализации.

А. А. Громыко присовокупил к паре Горбачев — Яковлев Э. Шеварднадзе. «Яковлев и Шеварднадзе — не те люди. Куда зайдут они вместе с Горбачевым?» — говорил он в январе 1988 года Крючкову, что для последнего прозвучало «несколько неожиданно»³. Однако у О. А. Платонова принадлежность Шеварднадзе к «мировой закулисе», в частности к масонским кругам, не вызывает сомнений⁴. А весьма осведомленный бывший контрразведчик генерал В. С. Широнин высказывает предположение о связях Шеварднадзе с ЦРУ⁵. И в принципе тут нет ничего неправдоподобного.

А. В. Шебаршин, возглавлявший Первое главное управление КГБ (внешняя разведка) в 1989—1991 годах, рассказывает об одной оперативной информации, поступившей к нему в октябре 1990 года. «Месяца два назад,— говорит он,— помощник одного из виднейших государственных деятелей КПСС и Советского Союза (назовем его Костин) побывал в Соединенных Штатах. Его исключительно хо-

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 123.

² Там же. С. 132—133.

³ Крючков В. А. Личное дело. Ч. I. С. 253.

⁴ Платонов О. А. Терновый венец России... С. 410, 438.

⁵ Широнин В. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М., 1996. С. 170—171.

рошо приняли, обласкали и предложили... тайное сотрудничество. Американцы обнаружили полнейшую осведомленность о всех служебных делах «объекта», похвалили его либеральные взгляды и вообще вели себя так, будто были абсолютно уверены в его согласии работать с ними. Твердый отказ поверг их в смятение. Почему? Откуда у них была уверенность? В разведке такие ситуации известны — с помощником беседовали «по наводке», иными словами, по рекомендации человека, хорошо знающего «объект» вербовки. Уж не сам ли босс навел американцев на своего помощника? Напрасно Костин отказался так решительно, надо было поиграть, и, возможно, мы увидели бы истинное лицо его начальника. Теперь добраться до правды будет трудновато»¹. Л. В. Шебаршин получал агентурные сведения о присутствии «людей ЦРУ в советских верхах»².

Была, конечно, публика и менее сановная, типа Ю. Н. Афанасьева, как явствует из наблюдений Б. И. Олейника. Писатель вспоминает о пребывании Афанасьева в Париже. «Как и у кого он там стажировался,— пишет Б. И. Олейник,— мне неизвестно, но возвратился Юрий Николаевич совершенно другим человеком. И до этого не отличавшийся изысканностью стиля, он после Парижа и вовсе распоясался. К лицу приклеилась постоянная брезгливая гримаса. Голос потяжелел вкупе с фигурой. Но больше всего поразил бывших коллег бросок Афанасьева в карьере. Не особенно преуспевающий в науках, элементарно компилирующий «марксо-ленинские источники» (полистайте его диссертации), вернейший апологет соцсистемы, он заимел доктора наук, потом и целый историко-архивный институт. Словом, за ним угадывалась чья-то мощная рука, все время подталкивающая вверх и манящая из-за рубежа, где он стал завсегдатаем»³.

---

¹ Шебаршин Л. В. Из жизни начальника разведки. М., 1994. С. 14.

² Там же. С. 30.

³ Олейник Б. И. Князь тьмы... С. 15; см. также: Платонов О. А. Терновый венец России... С. 409, 424.

Привлекает к себе внимание свидетельство А. А. Собчака, который простодушно повествует о том, что, будучи введенным в состав Президентского совета при Горбачеве, спросил как-то президента, почему он «не попытался опереться на новых лиц, пришедших в политику благодаря его реформам, т.е. на представителей демократической оппозиции и прогрессивно мыслящих ученых». Последовал знаменательный ответ: «Как я мог это сделать, если на каждого из вас практически от КГБ и других служб поступали компрометирующие материалы»¹. Нетрудно догадаться, какой характер имели эти «компрометирующие материалы»...

Таким образом, к моменту перестройки Запад управлял тайным корпусом «агентов влияния», занимавших видные места в экономике и политике, науке и культуре. В этом нас убеждают не только приведенные выше факты, но и высказывания некоторых осведомленных западных деятелей.

В 1995 году Госдепартаментом США в соответствии с законом «О свободе информации» и по заявке неправительственного Архива национальной безопасности были рассекречены некоторые документы в связи с так называемым окончанием «холодной войны», в том числе три телеграммы (донесения, депеши) Джека Мэтлока, посла Соединенных Штатов в Москве, к мнению которого прислушивались президенты Р. Рейган и Дж. Буш². Посол отправил в Вашингтон эти телеграммы в феврале 1989 года. Наше внимание привлекает первая депеша Мэтлока, где мы читаем: «Нынешний хаос во внутривластической жизни СССР предоставляет Соединенным Штатам беспрецедентную возможность повлиять на советскую внешнюю и внутреннюю политику. Наши возможности отнюдь не безграничны — мы не можем заставить их отдать нам ключи от своей лавки — но достаточны, чтобы изменить в нашу

---

¹ Собчака А. А. Жила-была коммунистическая партия. СПб., 1995. С. 196.

² Медведев Р. А. Россия и Запад в конце XX века. С. 18.

пользу баланс интересов по многим ключевым вопросам, при условии, если проявим достаточную мудрость в умелом, последовательном и настойчивом использовании нашего скрытого влияния»¹.

Стало быть, по Мэтлоку, американцы не могут заставить русских отдать им «ключи от своей лавки» и сделаться полными хозяевами в их доме. Но при «последовательном и настойчивом использовании скрытого влияния» они могут, по словам посла, заставить их действовать так, как это выгодно США. Американский посол определяет круг людей, осуществляющих в СССР это «скрытое влияние»: «Нет никакого сомнения, что горстка представителей советской элиты, получившая самые свежие и обширные личные впечатления о Западе, находится в числе движущих сил, выступающих за плюрализм и права личности. Но не следует недооценивать силу воздействия нашего примера на советские умы, и если мы расширим возможности для советской политической элиты увидеть жизнь в Соединенных Штатах, это будет служить нашим интересам»². Развивая эту мысль, Мэтлок предлагает, не теряя времени, выработать «системный план приглашений в Соединенные Штаты под той или иной эгидой тех членов политбюро, которые еще не были там, а также многочисленных партийных и хозяйственных лидеров из основных республик и областей»³. Нет сомнений, что Мэтлок ведет речь о формировании контингента «агентов влияния». Но, в отличие от предшествующей, если можно так выразиться, поштучной работы ЦРУ в данном направлении, посол рекомендует перевести пополнение этого контингента на поточную систему. Мэтлок исходил из трезвой оценки ситуации, сложившейся к 1989 году в СССР, характеризуя ее как хаотическую. Надо было не упустить момента, чтобы поймать рыбу в мутной воде, среди которой могли попа-

---

¹ Донесения посла США в Москве Дж. Мэтлока. Взгляд на перестройку М. С. Горбачева//Новая и новейшая история, 1996, № 1. С. 107.

² Донесения посла США в Москве Дж. Мэтлока... С. 109.

³ Там же.

стись на крючок и такие крупные экземпляры, как члены Политбюро ЦК КПСС.

Любопытно сопоставить советы Мэтлока с рассуждениями помощника Горбачева по международным вопросам А. С. Черняева, если не осведомленного, то догадывающегося о связях своего патрона с мировой закулисой. «Все внешнеполитические условия,— пишет Черняев,— были налицо, чтобы *политически* порвать со старым строем, именно тогда — в конце лета и осени 1990 года. Порвать с партией, с социалистической идеологией, с прежним порядком осуществления власти, назначить выборы в новый парламент, отказаться от Советского Союза»¹.

При различии терминологии (у Мэтлока фигурирует «скрытое влияние», а у Черняева — «внешнеполитические условия») в главном посол и помощник сходятся, отмечая активное воздействие внешних сил на внутренние процессы, происходящие в советском обществе. Само собой разумеется, что это воздействие могло осуществляться посредством «агентов влияния». Но формирование этой агентуры — дело длительное, требующее немало времени. Вот почему есть основание утверждать, что создание ее следует отнести к «застойному периоду». При переходе к «перестройке» «агенты влияния» находились, по выражению Мэтлока, «в числе движущих сил, выступающих за плюрализм и права личности», а если говорить проще,— за разрушение общественного и государственного строя СССР. В одной упряжке с ними оказалась часть партийной, советской и хозяйственной номенклатуры.

То была довольно влиятельная группа функционеров, ближе, чем кто-либо другой, стоявшая к государственной собственности, ощущавшая ее притягательность и потому испытывавшая постоянный соблазн завладеть ею. Но при Сталине, когда действовала мощная карательная система, принцип неприкосновенности государственной собственности соблюдался, причем не на словах, а на

---

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 375.

деле. С течением времени многое переменялось. Не стало строгого хозяина, стоявшего на страже «социалистической собственности». Партийно-государственная верхушка, натерпевшаяся страха от Сталина, все больше входила в состояние расслабленности, и естественным ее спутником стали различные привилегии, сложившиеся в тщательно разработанную, так сказать, лестничную, систему, где каждая номенклатурная ступень имела свой набор и характер благ, предусмотренных данной системой. Привилегиями в той или иной мере пользовалась вся номенклатура. Это номенклатурное потребление прибавочного продукта являлось одной из вопиющих несправедливостей, вызывающей гнев и глухой ропот у народных масс. Не случайно Б. Н. Ельцин пришел к власти, провозгласив главным принципом своей политики борьбу с партийными привилегиями, что обеспечило ему мощную народную поддержку.

Номенклатурная система привилегий служит превосходной исторической иллюстрацией к известной народной мудрости: «Рыба гниет с головы». Эта система не только разложила и развратила верхушку партии, но и лишила ее морального права требовать от остальных соблюдения норм «социалистического общежития». Этический пример, который она подавала обществу, был примером отрицательным. А когда правители не на высоте, трудно рассчитывать на добродетельную жизнь подданных. Общественные последствия разложения партийной верхушки наступили незамедлительно.

Среднее номенклатурное звено, непосредственно соприкасающееся с государственной собственностью, стало управлять этой собственностью, не забывая, мягко говоря, своих личных интересов. Дачи, машины, драгоценности, деньги — вот что стало предметом если не вождельний, то, во всяком случае, повышенного внимания многих функционеров из этого звена. В конце концов, из них образовалась плотная социальная прослойка, заинтересованная в номенклатурной приватизации и реставрации капитализма. Эти люди, порожденные временем «застоя»,

ждали своего часа. И он настал. «Перестройка» и вышедшие из нее «демократические» преобразования «исполнили все сроки».

В аналогичном ожидании находились дельцы теневой экономики, которая пышным цветом расцвела в «застойный период»¹. Социальная опасность теневой экономики заключалась в том, что она разлагающим образом действовала на нравственное состояние общества, распространяя в нем теневые отношения. Теневая экономика, как раковая опухоль, расплзалась по всей стране. «Теневики» накопили огромный криминальный капитал, требующий легализации и открытого применения в производстве и финансовом деле, а поэтому были весьма заинтересованы в изменении общественного строя в стране и готовы оказать всемерную помощь тем, кто решится на слом существующей социальной системы.

Названные выше метаморфозы, происходившие внутри советского общества, не являлись чем-то таинственным или скрытым от народа. Он видел перерождение номенклатуры, ее, как говорили в старину, «несытовство» и понимал, что в жизни отсутствует главное — социальная справедливость (не путать с социальной поддержкой, помощью и некоторым набором социальных гарантий!), которая, как выяснялось, все еще остается его вековой и неосуществленной мечтой. А коль так, то «с волками жить — по-волчьи выть»: народ ответил жиреющей номенклатуре падением дисциплины, интереса к работе и своеобразной «приватизацией» общественного прибавочного продукта — расхищением государственной собственности. Массовые воровство и хищения стали повседневностью. Люди уносили домой все, что можно было вынести. Для обозначения такого рода «приватизаторов» появился даже специальный технический термин «несуны». Этих «несунов» была тьма, и с ними, несмотря на старания властей, ничего нельзя было сделать, поскольку их «работа»

---

¹ Б о ф ф а Д. От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964—1994. М., 1996. С. 68—72.

приобрела такой размах, что превратилась по существу во «всенародное» дело.

Массовое поведение, пронизанное мелкособственническим духом, мотивами эгоизма и индивидуализма, не могло не вызвать отрицательных последствий, связанных прежде всего с ослаблением начал коллективизма и чувства ответственности за судьбу советского государства. Произошло самое опасное для жизни страны — отчуждение народа от государства, их разделение. Народные массы, отождествляя государство с партийной номенклатурой, смотрели на него как на нечто внешнее, постороннее, чужое. Отсюда равнодушие к нему. И когда советское государство переживало свой роковой час, народ безмолвствовал, заняв положение наблюдателя. В этом положении мы находим его и сегодня.

Перед нами явные признаки национального кризиса, поразившего прежде всего русский народ. В такие моменты людьми овладевает общественная апатия, они мало осознают, что принадлежат к одной этнической общности, имеющей собственное историческое предназначение, ради которого есть смысл работать и жить. Их полностью захватывают заботы дня нынешнего, прежде всего материальные. Это — состояние болезни нации, ослабляющей ее силы и способность к активному сопротивлению и самозащите.

Глава третья

НОВЫЕ ПЛАНЫ ЗАПАДА

Желание Запада «прибрать к рукам» советскую страну имело прежде всего две побудительные причины: экономическую и военно-политическую.

С точки зрения экономической подчинение России западному влиянию сулило мировой промышленно-финансовой элите богатейший источник сырьевых ресурсов и неисчерпаемый резервуар дешевой рабочей силы. В плане перспективного экономического развития речь шла о перемещении промышленных мощностей в страны Восточной Европы. На этот счет было подготовлено немало документов, главные идеи которых сводятся к следующему: «1. Возросло загрязнение окружающей среды в развитых странах, вывоз сырья себя не оправдывает, малая окупаемость. 2. Необходимость вывода за пределы стран с развитой рыночной экономикой не только добывающих, но и многих перерабатывающих предприятий. Научно-информационные общества США, Японии и Западной Европы ввиду завершения структурной перестройки, начавшейся с 1973 года, отказываются от традиционной политики «консервирования» СССР и ряда других стран в качестве аграрно-сырьевой колонии и переводят их в разряд промышленных колоний, так называемый нижний этаж мировой цивилизации, вынося на территорию этих стран все материалоемкие, трудоемкие, экологически грязные производства... 3. Ввиду нестабильности в странах Азии и Африки предпочтение отдать территории СССР.

С точки зрения военно-политической ставилась задача устранения с мировой арены СССР как великой державы с последующим его расчленением на части и превращением русского народа в безликую и безвольную этническую массу, подвластную западным манованиям. Именно в начале 80-х годов президентом США Р. Рейганом вместе с несколькими избранными и особо доверенными советниками разрабатывается конкретный план развала социалистического лагеря, ослабления экономической мощи и влияния СССР. По признанию К. Уайнбергера, для этого «была принята широкая стратегия, включающая также и экономическую войну. Это была супертайная операция, проводимая не в содействии с союзниками, а с использованием других средств»¹. Так «началось стратегическое наступление, имеющее своей целью перенесение центра битвы супердержав в советский блок и даже в *глубь самой Страны Советов* (курсив мой.— И. Ф.).

Цели и средства наступления были обозначены в серии секретных директив по национальной безопасности (NSDD), подписанных президентом Рейганом в 1982 и 1983 годах,— официальных документах президента, направленных советникам и департаментам, касающихся ключевых проблем внешней политики. Как всегда в таких случаях, они шли под грифом «совершенно секретно». Эти директивы по многим аспектам означали *отказ от политики, которую еще недавно проводила Америка* (курсив мой.— И. Ф.). Подписанная в марте 1982 года «NSDD-32» рекомендовала «нейтрализацию» советского влияния в Восточной Европе и применение тайных мер и прочих методов поддержки антисоветских организаций в этом регионе. Принятая Рейганом в ноябре 1982 года «NSDD-66», в свою очередь, объявляла, что цель политики Соединенных Штатов — подрыв советской экономики методом атаки на ее «стратегическую триаду», т.е. на базовые средства, считавшиеся основой советского народного хозяйства. Наконец, в январе 1983 года Рейган подписал «NSDD-75», в которой Соединенным Штатам рекомендо-

---

¹ Швейцер П. Победа. Минск, 1995. С. 13.

валось не только сосуществование с советской системой, но и фундаментальные ее изменения. Некоторые из этих директив имели своей целью проведение Америкой наступательной политики, результатом которой должно быть ослабление советской власти, а также ведение экономической войны, или войны за ресурсы»¹.

Важнейшая роль в осуществлении планов Рейгана отводилась разведке. «За годы президентства Рейгана было проведено значительное число мероприятий, направленных на укрепление американской разведки»². Особое значение при этом придавалось аналитическим службам. Только в начале 80-х годов было принято на работу в ЦРУ «около 2000 аналитиков, пришедших из университетов и научно-исследовательских центров»³. В целом «при администрации Рейгана был принят ряд основополагающих документов, составляющих в совокупности концепцию долгосрочных программ в области разведки и контрразведки»⁴. Денег на разведывательную деятельность в СССР американцы не жалели. «Так, например, по данным сенатского комитета по разведке за 1986 год, две трети ассигнований, выделенных на разведку, расходовались на работу, направленную против Советского Союза»⁵. Известно также, что президент Дж. Буш дал указание «увеличить в два раза ассигнования на агентурную разведку и активизировать ее деятельность в СССР»⁶. При этом особую роль администрация Буша отводила всякого рода тайным операциям⁷.

---

¹ Шейцер П. Победа. С. 13—14.

² Даллес А. Искусство разведки. М., 1992. С. 262.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 263.

⁶ Там же. С. 264.

⁷ Там же. Р. Никсон считал секретность важнейшим инструментом политики США. Он писал: «Пока мы не поймем, что секретность — это один из инструментов власти, мы будем изначально в невыгодном положении в геополитическом соперничестве с Москвой. Сами по себе секретные операции ни плохи, ни хороши. Секретная операция — не самоцель, это средство для достижения цели... Часто случается так, что

Согласно определению одного из ведущих американских специалистов по вопросам разведывательной деятельности США Д. Ричелсона, к тайным операциям относятся: «1. Оказание влияния на политических, государственных и общественных деятелей зарубежных стран. 2. Создание выгодной для США ориентации общественного мнения в зарубежных странах. 3. Оказание финансовой поддержки и материально-технической помощи (включая снабжение оружием и боеприпасами) политическим партиям, группам, фирмам, организациям и отдельным лицам, деятельность которых отвечает государственным интересам США. 4. Пропагандистские мероприятия. 5. Политические и полувоенные акции с целью поддержки или свержения существующих в зарубежных странах режимов. 6. Физическая ликвидация отдельных лиц»¹. Обращает на себя внимание установка на финансирование отдельных лиц, «деятельность которых отвечает государственным интересам США». Наверняка можно сказать, что тут фигурируют «агенты влияния», о которых мы уже говорили.

Руководители Соединенных Штатов разработали системную программу разрушения СССР. Их глобальная стратегия была направлена против ядра советской системы и содержала в себе:

— «тайную финансовую, разведывательную и политическую помощь движению «Солидарность» в Польше, что гарантировало сохранение оппозиции в центре Советской империи»²;

секретная операция является единственным средством для достижения какой-нибудь важной цели» (Никсон Р. На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992. С. 377).

¹ Д а л л е с А. Искусство разведки. С. 271.

² По типу «Солидарности» будет создана позднее в СССР организация под названием «Демократическая Россия». О родстве «Демократической России» с «Солидарностью» говорилось в Обращении Оргкомитета «демроссов»: «Эффективность именно такой структуры в переходный период подтвердил польский опыт «Солидарности». Наша задача — создать сходное с ней массовое движение, которое включит всех сторонников демократических реформ» (Огонек, 1990, № 38. С. 3). Как видим, наши демократы действовали по американским прописям.

— значительную военную и финансовую помощь движению сопротивления в Афганистане, а также поставки для моджахедов, дающие им возможность распространения войны на территорию Советского Союза;

— кампании по резкому уменьшению поступления твердой валюты в Советский Союз в результате снижения цен на нефть в сотрудничестве с Саудовской Аравией, а также ограничения экспорта советского природного газа на Запад;

— всестороннюю и детально разработанную психологическую войну, направленную на то, чтобы посеять страх и неуверенность среди советского руководства;

— комплексные акции мирового масштаба с применением тайной дипломатии с целью максимального ограничения доступа Советского Союза к западным технологиям;

— широко организованную техническую дезинформацию с целью разрушения советской экономики;

— рост вооружений и поддержание их на высоком техническом уровне, что должно было подорвать советскую экономику и обострить кризис ресурсов»¹.

В поход против СССР вместе с Рейганом пошел и римский папа. Известно, что 7 июня 1982 года в библиотеке Ватикана состоялась встреча и беседа Рейгана с Иоанном Павлом II. Собеседники, по словам К. Бернштейна, осуществившего журналистское расследование взаимоотношений между Вашингтоном и Ватиканом и выступившего со статьей на эту тему в журнале «Тайм» (Нью-Йорк), договорились «о проведении тайной кампании с целью ускорить процесс распада коммунистической империи»². Как свидетельствовал советник Рейгана по национальной безопасности Р. Аллен, «это был один из величайших тайных союзов всех времен»³.

Участие в нем римского папы весьма красноречиво. Оно говорит о том, что этот союз был направлен не столь-

---

¹ Шейцер П. Победа. С. 18—19.

² Цит. по: Олейник Б. И. Князь тьмы... С. 68.

³ Там же.

ко против коммунистического строя, сколько против православия, русского народа, России. Экспансия католицизма на территории бывшего СССР, его враждебность по отношению к православию, наблюдаемые ныне, — яркое тому подтверждение.

Сговор американского президента с папой предусматривал следующее: «Обеспечить крах советской экономики, ослабить контакты и связи Советского Союза с его клиентами по Варшавскому Договору, навязать реформы в рамках советской империи»¹. Появление такой программы необходимо, на наш взгляд, связывать с ослаблением СССР, вызванным застойными явлениями и эрозийными внутриобщественными процессами, о которых говорилось выше.

Начало тотальной «холодной войны» против Советского Союза, одобренной и благословленной римским понтификом, можно и должно рассматривать как современный вариант крестового похода на Россию. Здесь лежит грань в истории нашей страны: с этого момента перемены, происходящие в СССР, в значительной мере обусловлены внешним влиянием, которое становится доминирующим, а внутренний фактор отступает на второй план. С приходом же к власти Горбачева и его единомышленников типа Яковлева и Шеварднадзе Советский Союз вступил на путь извне управляемой катастрофы. Но мы, как говаривал древнерусский летописец, «на прежнее возвратимся».

Неблагополучие страны, обозначившееся к началу 80-х годов, почувствовали и на кремлевском Олимпе. Это хорошо видно по действиям Ю. В. Андропова, сменившего Л. И. Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС.

---

¹ О л е й н и к Б. И. Князь тьмы... С. 69.

Глава четвертая

АНДРОПОВ

Ю. В. Андропов, возглавляя долгие годы КГБ, лучше, чем кто-либо из высшего руководства, знал действительное положение дел в государстве. Он яснее других своих коллег и товарищей чувствовал приближение кризиса, лучше просчитывал варианты манипулирования страной и народом в условиях этого кризиса. Тем любопытнее его высказывания.

Выступая 22 ноября 1982 года на Пленуме ЦК КПСС, генсек нарисовал удручающую картину: «По ряду важнейших показателей плановые задания за первые два года пятилетки (одиннадцатой.— *И. Ф.*) оказались невыполненными... Главный показатель эффективности экономики — производительность труда — растет темпами, которые не могут нас удовлетворить. Остается проблема несопряженности в развитии сырьевых и перерабатывающих отраслей. Практически не снижается материалоемкость продукции»¹. Андропов понимал, что на лозунгах дальше двигаться нельзя².

И. Земцов, комментируя приведенные слова Генерального секретаря, говорил, что «никогда ни один советский руководитель не произносил такого жесткого и ясного приговора советской системе, как это сделал Андропов, хоть опирался он на неверные предпосылки и оставался в плену неправильных выводов. До него советские руково-

---

¹ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983. С. 210.

² Там же. С. 212.

дители, чтобы не представлять действительность слишком мрачной, старались больше подчеркивать достижения...»¹. У Земцова сложилось впечатление, будто «речь генсека убедительно рисовала картину полного развала и глубокого кризиса советской промышленности и сельского хозяйства...»². Думается, автор чересчур сгустил краски: до «полного развала и глубокого кризиса промышленности и сельского хозяйства» дело пока не дошло, но было ясно, что все это не за горами, близко. Поэтому необходимо было действовать в экстренном порядке. Что предлагал Ю. В. Андропов?

Оказалось, «готовых рецептов» для решения «назревших задач» у генсека нет³. Тем не менее он назвал ряд неотложных мер. Это — ускорение темпов развития экономики и научно-технического прогресса, внедрение новой техники, энергосберегающих технологий, строгое соблюдение партийной, государственной и трудовой дисциплины, рациональное использование материальных и трудовых ресурсов, экономия и рачительное отношение к «народному добру», увеличение производства и улучшение качества товаров «народного потребления», расширение самостоятельности «объединений и предприятий, колхозов и совхозов»⁴. Велением времени Андропов считал «дальнейшее развитие социалистической демократии в самом широком ее смысле, то есть все более активное участие трудящихся масс в управлении государственными и общественными делами»⁵. Помимо этих мер, вполне добропорядочных с точки зрения ортодоксальных представлений, Генеральный секретарь упомянул и такие, которые являлись, мягко говоря, нестандартными. Он заявил о том, что «планируется опережающий рост отраслей

---

¹ Земцов И. Андропов: политические дилеммы и борьба за власть. Иерусалим, 1983. С. 116.

² Там же.

³ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 212.

⁴ Там же. С. 209, 210, 211, 213.

⁵ Там же. С. 218.

группы «Б», отступая, следовательно, от закона политической экономии социализма¹.

Непривычным был и его призыв «учесть опыт братских стран»². По этому случаю Земцов замечает: «65 лет советская пропаганда настойчиво утверждала, что СССР и только СССР открывает и прокладывает новые, неизведанные, «самые эффективные и передовые» дороги к «светлому будущему». Его опыт (и ничей другой) должно изучать, перенимать и проводить в жизнь «все передовое человечество» и в первую очередь — «братские страны». И вдруг в горьком признании Андропова открывается печальная правда: Советский Союз утратил монополию на идеальное социальное устройство. Более того, стало ясно: устройство это никогда не было совершенным и нуждается, срочно и неотложно, в экономических подпорках, которые следует импортировать из стран, следовавших доселе советскому примеру, причем всегда «с ошибками и с отклонениями». На партийном форуме повеяло тревожным — и опасным для Андропова — духом реформаторства: ведь бюрократическая инерция укрепляет идеологическую нетерпимость»³.

Ю. В. Андропов призывал не только использовать опыт «братских стран», но и обобщать «мировой опыт», т.е. стран капиталистического мира. Отсюда до идеи конвергенции и общечеловеческих ценностей — прямая дорога. Следовательно, уже на ноябрьском 1982 года Пленуме ЦК КПСС обозначился реформаторский замысел Андропова. Не случайно на Западе его стали воспринимать как «потенциального революционера»⁴. А это означает, что на

---

¹ А н д р о п о в Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 209.

² Там же. С. 211.

³ З е м ц о в И. Андропов: политические дилеммы и борьба за власть. С.118—119.

⁴ Н о u g h J. F. Soviet succession//Problems of Communism. 1982, p. 9—10, p. 13—15; З е м ц о в И. Андропов: политические дилеммы и борьба за власть. С. 120. Представляется поверхностной попытка Р.Г.Пихоя связать с именем Андропова стремление к «возрождению коммунистического фундаментализма» (Пихоя Р. Г. Советский Союз: Исто-

него смотрели как на политического деятеля, способного если не сломать, то радикальным образом изменить традиционную советскую систему.

О существенных недостатках в сфере экономики и финансов Андропов говорил на встрече с рабочими Московского станкостроительного завода им. Серго Орджоникидзе, состоявшейся 31 января 1983 года. «То, что мы производим,— сказал он,— обходится нам нередко слишком дорого. Есть значительные перерасходы материальных, финансовых средств, чрезмерны трудовые затраты. И как следствие — образование диспропорции между ростом производства и ростом денежных доходов населения»¹. Речь, стало быть, шла о неэффективности советской экономики. Необходимо подчеркнуть мысль генсека насчет существующей в стране диспропорции между «ростом производства и ростом денежных доходов населения», поскольку такая диспропорция порождает дефицит на рынке потребительских товаров, усиливая социальную напряженность в обществе².

Понимая, что это вопрос хотя и очевидный, но чрезвычайно важный, Андропов снова и снова возвращается к нему. Он говорит, обращаясь к рабочим: «Чудес на свете не бывает. Вы сами понимаете, что государство может дать товаров ровно столько, сколько их произведено. Рост заработной платы, если он не обеспечен товарами нужными, хороши-

---

рия власти. 1945—1991. М., 1998. С. 417-435). Положительные отзывы об Андропове в западной прессе находят у него чересчур простое объяснение. Он пишет: «В западной прессе с начала 1982 г. начали распространяться слухи об Андропове, просвещенном диктаторе, не чуждом западных ценностей. Несомненно, за этим стояла агентура КГБ, работавшая на создание нового имиджа» (там же, с. 418).

¹ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 224.

² Мы обращаем внимание на эту мысль Андропова потому, что при М. Горбачеве ситуация в этом отношении станет неуправляемой: не контролируемый рост денежных доходов населения при спаде производства вызовет резкое оскудение потребительского рынка и, как следствие, рост недовольства масс существующим строем. Похоже, то была сознательная политика, но об этом скажем ниже.

ми, если, наконец, хромает сфера услуг, дать реального увеличения материального благосостояния не может. Возникает вопрос, какой же выход из такого положения? Можно, конечно, идти по пути повышения цен. Но нам такой путь как генеральный не годится... Что же остается? Главный путь для нас — это повышение эффективности производства. Надо все, что мы делаем и производим, делать и производить по возможности с наименьшими издержками, с высоким качеством, быстро, добротнo. Производить товаров нужно больше, чтобы на полках не было пусто»¹. Все эти задачи невозможно решить без наведения должной дисциплины — трудовой, плановой, государственной. Тем более, что наведение порядка «не требует каких-либо капиталовложений, а эффект дает огромный».

Ю. В. Андропов специально отмечал, что, говоря о дисциплине, он имеет в виду «трудовую производственную цепочку» в целом, все аспекты производственной дисциплины, включая технологический, снабженческий и пр. Он предупреждал, что все усилия по борьбе за дисциплину «пойдут насмарку», если разменяются на мелочи: «кто-то опоздал на пять минут, другой зачастил на перекуры»². К сожалению, ему не удалось вытянуть всю «производственную цепочку» и наведение дисциплины, действительно, разменялось на мелочи: началось и кончилось отлавливанием прогульщиков в метро, кинотеатрах, магазинах, парикмахерских и банях.

«Отсутствие «скороx» результатов стало подталкивать Юрия Владимировича на шаги, которые, по моему мнению, носили более чем спорный характер. Я имею в виду те формы, которые стала принимать борьба за повышение дисциплины и порядка», — так оценил андроповские меры по наведению трудовой дисциплины и порядка М. С. Горбачев³. «Отсутствие скороx результатов» тут, по-видимому, ни при чем. Дело скорее в логике намечае-

---

¹ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 224—225.

² Там же. С. 225, 226.

³ Горбачев М. С. Реформы и жизнь. М., 1995. Кн. 1. С. 235.

мых действий. «Повышение дисциплины и порядка» естественно напрашивалось как первоочередная задача, без решения которой нельзя было двигаться дальше. К тому же надо было показать, что есть еще сильная власть, способная поставить предел безнаказанности и вседозволенности, получившим широкое распространение в брежневское время, и повести за собой общество.

Разочарование к советским людям пришло не столько потому, что борьба за дисциплину приобрела «более чем спорный характер», сколько потому, что за ней не последовало серьезных преобразований, ожидаемых от Андропова. Возможно, преклонный возраст, проблемы со здоровьем мешали ему энергично приступить к этим преобразованиям. Но не исключено и другое: недостаточное знание ситуации, переживаемой страной. Поэтому надо было серьезно ее изучить и осмыслить. А для этого требовалось время.

Наше последнее предположение подтверждают, кажется, последующие высказывания Ю. В. Андропова. Здесь существенный интерес представляет его статья «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», опубликованная в журнале «Коммунист» (1983, № 3). Американский публицист М. Дэвидоу назвал ее «блестящей», полагая, что ею «подведено теоретическое обоснование для одной из существенных корректировок, предпринятых потом в начале перестройки»¹. Похваль-

---

¹ Дэвидоу М. Камо грядеши, Русь?.. Заметки американского публициста о перестройке. М., 1993. С. 14.— Совсем по-иному высказывается об андроповской статье А. С. Черняев, испытывавший к Андропову, как признается он сам, неприязнь. «К 100-летию Маркса (!),— пишет он,— Андропов опубликовал статью в «Коммунисте». Она отличалась отсутствием хвастовства, отношением к обществу как к реальной категории, «населенной» живыми людьми, а не манекенами. Но с точки зрения стратегических идей, перспективы, плана действий... Помню, прочитал ее дважды. А через неделю заговорил с консультантами о статье и не мог вспомнить, о чем, собственно, она, что из нее следует для конкретной политики?» (Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 450). То, что Черняев через неделю не мог вспом-

но отзывается об андроповской статье и А. И. Лукьянов: «В дни столетия со дня смерти Карла Маркса он (Андропов.— И. Ф.) подготовил и опубликовал интересную, на мой взгляд, работу о судьбах демократии, где впервые поднял основательно забытую нашими коммунистами проблему самоуправления в обществе»¹.

Однако данная статья хотя и посвящена теоретическим вопросам, но тесно увязана с опытом социалистического строительства в СССР, с осмыслением этого опыта, включающего, помимо общественного самоуправления, и многое другое. «Нам надо трезво представлять,— пишет Андропов,— где мы находимся. Забегать вперед — значит выдвигать неосуществимые задачи; останавливаться только на достигнутом — значит не использовать все то, чем мы располагаем. Видеть наше общество в реальной динамике, со всеми возможностями и нуждами — вот что сейчас требуется»².

Марксистское учение служит автору отправной точкой исследования современных ему процессов экономического и социального развития. Андропов очень высоко ставит Ленина и как бы возвращает общественную мысль к ленинским истокам. «Ленин,— читаем у него,— был верным последователем Маркса и Энгельса. Он, по собственному его признанию, терпеть не мог ни малейшей хулы на своих великих учителей. Лишь так и мог поступать человек, который больше всех сделал не только для защиты, но для творческого развития в новых исторических условиях всех составных частей марксизма, для практической его реализации. Он поднял марксизм на новую, высшую ступень.

нить содержание статьи Андропова, является его личной проблемой, которую здравомыслящие люди предпочитают скрывать, не афишируя свои недостатки. Относительно же существа вопроса следует сказать, что Черняев не сумел по достоинству оценить статью Андропова, быть может, из-за неприязни к нему.

¹ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. М., 1993. С. 174.

² Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 245.

Имя Ленина неотделимо от имени Маркса. Ленинизм — это марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, крушения колониальной системы, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму. Вне и помимо ленинизма марксизм в наше время попросту невозможен. Ленин и созданная им партия большевиков возглавили первую победоносную социалистическую революцию, коренным образом изменившую социально-политический облик мира. Тем самым была открыта новая эра — эра грандиозных свершений и исторических завоеваний рабочего класса, народных масс. Тем самым научный социализм, созданный Марксом, слился с живой практикой миллионов трудящихся, строящих новое общество»¹.

Строить новое общество оказалось совсем непросто, причем даже в фундаменте, т.е. в отношениях собственности. По Марксу, как известно, краеугольным камнем социализма является общественная собственность на средства производства. Однако «исторический опыт реального социализма показывает, что превращение «моего», частнособственнического в «наше», общее — дело непростое. Переворот в отношениях собственности отнюдь не сводится к единовременному акту, в результате которого основные средства производства становятся общенародным достоянием. Получить право хозяина и стать хозяином — настоящим, мудрым, рачительным — далеко не одно и то же. Народу, совершившему социалистическую революцию, приходится еще долго осваивать свое новое положение верховного собственника всего общественного богатства — осваивать и экономически, и политически, и, если угодно, психологически, вырабатывая коллективистское сознание и поведение... Говоря о превращении «моего» в «наше», нельзя забывать, что это длительный многоплановый процесс, который не следует упрощать... Все это мы теперь хорошо знаем из практики социалистического и коммунистического строительства»².

---

¹ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 233.

² Там же. С. 234—235.

Из этой же практики мы узнаём, что «полное социальное равенство не возникает вдруг и в законченном виде. Общество дорастает, дорабатывается до него довольно долго, трудно, ценой огромных усилий. Оно должно развить свои производительные силы до уровня материально-технической базы коммунизма. Оно должно выработать у каждого труженика высокое сознание и культуру, профессионализм, способность разумно пользоваться благами социализма»¹.

Логика рассуждений Андропова вводит нас в современность, побуждая к мысли о том, что переворот в отношениях собственности, начатый Октябрьской социалистической революцией, полностью еще не завершен и сейчас, что нет у нас пока и полного социального равенства. Отсюда — недостатки принципиального характера.

Один из них — отступление от норм и требований экономической жизни, «основа основ которой — социалистическая собственность на средства производства». Андропов приводит соответствующий пример: «Взять, скажем, вопрос об экономии, о рациональном использовании материальных, финансовых, трудовых ресурсов. От его решения в большей степени зависит и выполнение задач текущей пятилетки, и развитие нашей экономики в перспективе. Если вдуматься, то речь здесь как раз идет о соблюдении той необходимой нормы хозяйствования, которую предписывает социалистическая собственность и суть которой — в бережливом отношении к общенародному достоянию, в инициативном и энергичном его преумножении. За нарушения этой нормы приходится расплачиваться обществу, и оно вправе строго взыскивать с тех, кто по нерадивости, неумению или из своекорыстных соображений разбазаривает его богатства»².

Другой существенный недостаток, по Андропову, состоит в нарушении открытого Марксом принципа социалистического распределения. В результате «приходится

---

¹ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 239.

² Там же. С. 235.

иметь дело с нетрудовыми доходами и с так называемыми летунами, прогульщиками, лодырями, бракоделами, которые становятся, по сути дела, нахлебниками общества, живут за счет массы добросовестных работников»¹. К числу серьезных недостатков следует также отнести и то, что закон экономии рабочего времени, который, как полагал Маркс, является важнейшим в условиях коллективного производства, «действует у нас еще не в полную мощь. Причиной тому является в значительной мере наличие большого числа физически тяжелых, непривлекательных, рутинных работ, медленные темпы их механизации, а тем более — автоматизации»².

Все это плохо вязалось с проповедуемой в брежневское время концепцией развитого социализма как новой ступени зрелости социалистического общества³.

К мысли о развитом социалистическом обществе Л. И. Брежнев пришел еще 1967 году⁴. Затем она была закреплена в документах XXIV съезда КПСС, заседавшего 30 марта — 9 апреля 1971 года⁵. В частности, отчетный доклад ЦК КПСС съезду содержал следующее положение: «Самоотверженным трудом советских людей построено развитое социалистическое общество, о котором в 1918 году В. И. Ленин говорил как о будущем нашей страны. Это позволило нам приступить к практическому решению великой задачи, поставленной Программой партии, ее последними съездами, — к созданию материально-технической базы коммунизма»⁶. С тех пор идею о развитом социализме советские идеологи-обществоведы всячески

---

¹ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 239.

² Там же. С. 240.

³ Касьяненко В. И. Развитой социализм: Историография и методология проблемы. М., 1976. С. 48.

⁴ Брежнев Л. И. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС. М., 1979. Т. 1. С. 117.

⁵ Александров В. С., Хромов С. С. XXIV съезд КПСС (в помощь преподавателям вузов). М., 1972. С. 77.

⁶ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 38.

внедряли в общественное сознание, стараясь доказать, что «развитое социалистическое общество — это высший этап в утверждении первой фазы коммунизма»¹, что «историческая миссия развитого социализма — создание реальных предпосылок для непосредственного строительства коммунизма»². По словам патриарха «истматчиков» П. Н. Федосеева, «развитое социалистическое общество рассматривается у нас не как что-то среднее между социализмом и коммунизмом, соединяющее в себе и то и другое. Это социалистическое общество, достигшее развитого состояния, характеризующееся всесторонним раскрытием преимуществ социализма, последовательным соединением достижений научно-технической революции с новыми общественными отношениями»³.

«Исследователи» развитого социализма говорили о его совершенствовании, что с точки зрения социально-экономической означало, по их мнению, «развернутое строительство коммунизма»⁴. Впрочем, высказывались и более осторожные суждения, согласно которым «процесс формирования и дальнейшего развития зрелого социализма является одновременно и процессом постепенного перехода к коммунизму»⁵, началом коммунистического строительства, создания материально-технической базы коммунизма⁶.

По Андропову, совершенствование развитого социализма не означало «развернутое строительство коммунизма». Хотя он и говорил о постепенном переходе к коммунизму, но не в процессе формирования зрелого социализма, а на стадии сложившегося развитого социализма, совершенствование которого открывало возможность по-

---

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. С. 76.

² К а с ь я н е н к о В. И. Развитой социализм... С. 23.

³ Ф е д о с е е в П. Актуальные проблемы общественных наук//Коммунист. 1975, № 5. С. 29.

⁴ Александров В.С., Хромов С. С. XXIV съезд КПСС... С. 77.

⁵ К а с ь я н е н к о В. И. Развитой социализм... С. 48.

⁶ К о с о л а п о в Р. И. Социализм. К вопросам теории. М., 1975. С. 378; Основные черты и особенности развитого социалистического общества. Л., 1975. С. 11.

степенного перехода к коммунизму¹. При этом он подчеркивал: «Наша страна находится в начале этого длительного исторического этапа, который, в свою очередь, будет, естественно, знать свои периоды, свои ступени роста. Как долго продлятся они, какие конкретные формы примут, покажут лишь опыт, живая практика»². Таким образом, «пришествие» коммунизма переносилось в туманную даль и отодвигалось на неопределенное время.

Весьма показательна речь Ю. В. Андропова на июньском 1983 года Пленуме ЦК КПСС, посвященном вопросам идеологии. Генеральный секретарь сделал характерное признание: «Мы в своем общественном развитии подошли сейчас к такому историческому рубежу, когда не только назрели, но и стали неизбежными глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее этому совершенствование производственных отношений»³. Столь же радикальные изменения должны произойти «во всех тех формах общественной жизни, которые принято называть надстройкой»⁴. Андропов, в частности, говорил о расширении социалистической демократии и гласности⁵. В конечном итоге он вел речь о совершенствовании развитого социализма как дальнейшем продвижении к коммунизму⁶.

Согласно Андропову, «стратегия партии в совершенствовании развитого социализма должна опираться на прочный марксистско-ленинский теоретический фундамент»⁷. Но тут обнаружилось, что этот фундамент еще не возведен, ибо «если говорить откровенно, мы еще до сих пор

---

¹ Здесь он переключается с Л. И. Абалкиным, который впоследствии стал одним из активных «перестройщиков», приведших СССР к катастрофе (см.: А б а л к и н Л. И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М., 1973. С. 76).

² А н д р о п о в Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 245.

³ Там же. С. 287.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 291.

⁶ Там же. С. 284, 286, 293, 294.

⁷ Там же. С. 294.

не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»¹.

Андропов, в сущности, признал, что ни он, ни его окружение не знают общества, в котором живут и работают². Признание, можно сказать, сенсационное: с 1917 года партия строила в стране социализм, объявив в начале 60-х годов на весь мир о его полной и окончательной победе, и вот теперь, в 1983 году, ее Генеральный секретарь заявляет, что современное ему общество, по существу, не изучено, не раскрыты его закономерности, особенно экономические, т.е. фундаментальные, и что «наш рулевой» (партия) ведет корабль в тумане, вслепую.

Это было откровение, которое, заметим попутно, до сих пор еще должным образом не оценено. Правда, Н. И. Рыжков назвал слова Андропова о недостаточной изученности советского общества «отрезвляющими». Они, по его мнению, и есть начало «перестройки»³. Однако подобные суждения — редкость. Более того, имеются даже попытки вовсе замолчать эти андроповские слова. Взять, к примеру, Горбачева. Рассказывая о подготовке и проведении июньского 1983 года Пленума ЦК, он упоминает разные, порой незначительные вещи (свое несогласие с положениями доклада К. У. Черненко; беседу с последним после знакомства с текстом его доклада; совет больному Андропову выступить непременно на Пленуме; поручение Анд-

---

¹ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 294.

² Бондарев В. Десять лет спустя // Родина, 1995, № 2. С. 48; Медведев Р., Медведев Ж. Россия и Запад в конце XX века. М., 1997. С. 26.

³ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 42.— А. С. Черняев — решительный противник подобных мнений — говорит: «Приходится слышать и читать, будто Андропов как реформатор был предтечей Горбачева. Более неправдоподобного я не могу себе представить. Андропов не был реформатором» (Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. С. 450).

ропова ему, Горбачеву, председательствовать на Пленуме), но ничего не говорит о совершенно необычном заявлении генсека об отсутствии необходимой изученности советского общества. Горбачев не придает Пленуму сколько-нибудь серьезного значения. «Обменявшись мнениями с Юрием Владимировичем,— пишет он,— мы пришли к общему выводу, что Пленум прошел в том ключе, как его подготовила черненковская команда. Иными словами, надежд не оправдал. И хотя в выступлении Андропова были в концентрированной форме поставлены действительно актуальные вопросы, ни о каком переломе в идеологической работе говорить не приходилось. Преодолеть рутину на этом архиважном участке партийной деятельности не удалось»¹.

Представители противоположного Горбачеву идейного лагеря не находят в выступлениях Андропова и Черненко на Пленуме ничего, кроме «общих слов и призывов»².

Высказывание Андропова на июньском 1983 года Пленуме ЦК КПСС иногда воспринимается как удивительное для руководителя КГБ признание³. Однако, на наш взгляд, тут нет ничего удивительного, ибо перед нами не отрицание, а утверждение знания, правда, в своеобразной, отрицательной форме. Из него со всей очевидностью следует, что современное Андропову общество не соответствует официальным представлениям. Недавний руководитель КГБ, обладавший информацией о действительном состоянии советского общества, знал, что говорил.

От явной недооценки упомянутого высказывания Андропова происходят ошибочные характеристики его как партийного руководителя. Так, Д. А. Волкогонов считает, будто «после Ленина и Сталина это был самый ортодоксальный советский руководитель»⁴. Однако этот «самый ортодоксальный советский руководитель» нанес системе

---

¹ Горбачев М. С. Реформы и жизнь. Кн. 1. С. 243.

² См.: Семанов С. Н. Юрий Владимирович. Зарисовки из тени. М., 1995. С. 88.

³ См., напр.: Бондарев В. Десять лет спустя. С. 48.

⁴ Волкогонов Д. А. Семь вождей. Кн. 2. С. 148.

после Хрущева самый мощный идеологический удар. Генеральный секретарь Андропов, заявив во всеуслышание на июньском 1983 года Пленуме ЦК КПСС о том, что он не знает, в каком обществе живет, бросил тем самым тень на весь предшествующий опыт социалистического строительства, продемонстрировав несостоятельность привычных утверждений о социалистическом характере советского общества¹.

Нельзя упрощать личность Андропова, он принадлежал к той «популяции» партийных и советских руководителей времен Хрущева и Брежнева, мировоззрение которых было далеко не однозначное. Это были люди мимикрии и двоемыслия, носившие маски до удобного для ее снятия момента². По убедительному предположению Д. Е. Фурмана, к числу таких людей относился и Андропов³. Отсюда становится более понятной и личность Горбачева, во многих отношениях выпестованного Андроповым.

В народной памяти Андропов запечатлен облавами на прогульщиков и дешевой водкой — «андроповкой». Но в плане историческом, в плане последующего развития событий правление Андропова имеет исключительно важ-

---

¹ Отсюда вовсе не следует, будто Андропов «не стал повторять мифы о «развитом», «зрелом» социализме, но фиксировал, что мы пока находимся на таком этапе, который отягощен нерешенными проблемами, доставшимися нам от прошлого» (Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. В 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 608). Это по крайней мере неточно. Андропов со свойственной ему осторожностью и гибкостью говорил не только о «нерешенных проблемах», но и о «реальных успехах» развитого социализма. Вот его слова: «Важнейшие черты современного советского общества нашли отражение в концепции развитого социализма. В ней убедительно показано диалектическое единство и реальных успехов в социалистическом строительстве, в осуществлении многих экономических, социальных и культурных задач первой фазы коммунизма, и крепнущих ростков коммунистического будущего, и еще не решенных проблем, оставшихся нам от вчерашнего дня» (Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. С. 245).

² Ф у р м а н Д. Феномен Горбачева // Свободная мысль, 1995, № 11. С. 63.

³ Там же.

ное значение, поскольку оно определило их направление. В этом смысле его правление было хотя и непродолжительным, но довольно результативным¹. И здесь следует отметить как минимум три результата: 1. Андропов своими теоретическими размышлениями, посеявшими сомнения насчет успехов строительства социализма в СССР, подготовил почву для аналогичных «изысканий» Горбачева, выбросившего лозунги «больше социализма», «больше демократии» и затеявшего поиск «социализма с человеческим лицом» или «лучшего социализма»²; 2. Андропов сформулировал если не все, то многие из тех задач, к разрешению которых приступил в ходе «перестройки» Горбачев; 3. Андропов усилил Горбачева, сделав его фактически вторым человеком в партийном руководстве³.

Поэтому не кажется надуманным слово «предтеча», которым пользуется Г. Х. Шахназаров, характеризуя связь

---

¹ С этой точки зрения кажутся не только неверными, но и упрощенными суждения А. С. Черняева об итогах правления Андропова: «Ничего выдающегося, кроме общеизвестного, что и осталось в памяти обывателя: отлавливание граждан в магазинах во время рабочего дня, подвинчивание дисциплинарных гаечек, увольнение кое-кого с постов, впрочем, чисто охранительного для себя свойства, несколько судов над взяточниками и ворами. Была приглушена «пропаганда успехов». Газетная критика «достала» министерства...» (Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. С. 450). Очень жаль, что память Черняева не пошла дальше «памяти обывателя».

² Известен призыв Горбачева «углублять изучение общества, в котором живем» (Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 59). Легко заметить, что данный призыв весьма созвучен высказыванию Андропова: «Мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем». А в близком окружении Горбачева это высказывание воспроизводилось дословно. «Сами не знаем, в каком обществе живем», — говорил, например, Черняев. (Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 16):

³ Можно согласиться с Д. А. Волкогоновым, когда он говорит, что «с точки зрения истории и реальных возможностей Горбачев в феврале 1984 года имел неизмеримо больше позитивных оснований претендовать на пост генсека, чем кто-либо другой» (Волкогонов Д. А. Семь вождей. Кн. 2. С. 287).

между Андроповым и Горбачевым. «Судьба распорядилась так,— пишет он,— что ему (Андропову.— И. Ф.) предназначено было выступить в роли предтечи и в прямом, и в переносном смысле. Андропов сделал первые шаги к реформам, хотя не успел их начать. Он помог выдвижению Горбачева и указал на него перед смертью как на своего преемника»¹. Но затем Шахназаров дает, как говорится «ход назад», утверждая, будто программа Андропова «была ограничена совершенствованием системы». Андропов «сыграл роль предтечи», но, «проживи дольше, все равно не стал бы крестным отцом реформации. Для него был предел, «его же не перейдеш» Горбачев перешел»². Не знаем, как у других, а у нас подобные прорицания вызывают лишь улыбку.

Прибегает к слову «предтеча» и В. А. Медведев, но уже с вопросительным знаком: «Андропов — предтеча перестройки? В определенном смысле — да. Но на него, конечно же, давил сильнейший груз прошлого и чтобы освободиться от него, судьба отвела ему слишком мало времени»³. Медведев, как видим, в отличие от Шахназарова, считает Андропова в принципе способным сбросить «груз прошлого». Виновата судьба, отмерившая «предтече» слишком мало времени, чтобы сделать это.

С. Н. Семанов не без основания считает Горбачева «воспитанником» и «духовным наследником» Андропова⁴. Будучи Генеральным секретарем ЦК КПСС, Андропов, по словам исследователя, не имел в своей практической деятельности «серьезной разработанной программы, даже предварительных идей на этот счет»⁵. Семанов, по-видимому, прав, говоря, что у Андропова не было на перспективу «серьезной разработанной программы». Но с ним едва

---

¹ Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 22.

² Там же. С. 34.

³ Медведев В. А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 15.

⁴ Семанов С. Н. Юрий Владимирович. Зарисовки из тени. С. 75.

⁵ Там же. С. 82.

ли можно согласиться в том, что Андропов не имел на сей счет никаких «предварительных идей». Судя по всему, такие идеи у него были. Их и перенял Горбачев.

Сам Горбачев, характеризуя деятельность своего патрона, разграничивает «две сферы, два понятия: первое — Андропов как реальный политик, второе — «феномен Андропова»». Касаясь последнего, он пишет: «Что такое «феномен Андропова»? Это всеобщая атмосфера ожиданий и надежд на то, что с приходом нового лидера начнутся благие перемены... неприятие, отторжение того негативно-го, что связывалось в сознании людей с «брежневизмом», вера в необходимость и неизбежность реформ». Мемуарист полагает, что «Андропов не обманул этих ожиданий. Прежде всего как человек он был личностью яркой и масштабной, щедро одарен природой, настоящий интеллект-уал. Решительно выступил против всего того, что мы свя-зываем с «брежневизмом»: протекционизма, закулисной борьбы и интриг, коррумпированности, моральной распу-щенности, бюрократизма, бесхозяйственности, расхлябан-ности. Все это стало объектом его борьбы, отвечая ожи-даниям людей»¹.

Вопреки сказанному Горбачевым, следует заметить, что Андропов, несмотря на то, что был «личностью яр-кой и масштабной», не оправдал возлагаемых на него об-

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 246.— Таким Ан-дропов выглядит в публичных высказываниях Горбачева. В ином свете он выступает в его частных беседах. Однажды Горбачев, если верить В. И. Болдину, сказал: «Да что Андропов особенного сделал для страны? Думаешь, почему бывшего председателя КГБ, пересаженного в тюрьмы и психушки диссидентов, изгнавшего многих из страны, средства мас-совой информации у нас и за рубежом не сожрали с потрохами? Да он полукровок, а они своих в обиду не дают» (Б о л д и н В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995. С. 235). Горба-чев говорил это человеку, который прекрасно знал, какую роль сыграл «полукровок» Андропов в его карьере. К числу представителей партий-ного и государственного аппарата, которые выдвигали и водили Гор-бачева по должностям разного уровня, принадлежал, по свидетельству Болдина, прежде всего Андропов (там же, с. 126).

ществом надежд. Со всеми перечисленными Горбачевым отрицательными явлениями покончить не удалось. С ними мы постоянно встречаемся и сегодня. Так что же произошло? Быть может, Андропову не хватило времени, чтобы оздоровить общество?

Некоторые исследователи усматривают именно в краткосрочности пребывания Андропова на посту генсека суть проблемы. «Достигнув вершины власти, он не имел времени показать, какими в действительности были его намерения», — говорит Д. Боффа¹. Для этого у него «не хватило времени»². Другому зарубежному автору М. Дэвидоу намерения Андропова, напротив, виделись ясно. Но осуществить их ему не удалось. «Оглядываясь назад, — пишет Дэвидоу, — мне кажется, что безвременная кончина Андропова была серьезной потерей для социализма, СССР, КПСС и последовавшей перестройки. Я считаю, что качества, которыми он обладал, его глубокие теоретические знания внесли бы немало нового в борьбу против прагматизма и во имя защиты КПСС»³.

Авторы «Политической истории» считают слово «не успел» наиболее характерным для деятельности Андропова. Им кажется, что он «не успел выносить собственные мысли и планы, если они и были в голове. Не успел осуществить замыслы своих консультантов, советников, помощников, если они и созрели. Не успел даже прочесть докладные и аналитические записки. Не успел вдоволь попредседательствовать на съездах, пленумах, Политбюро. Не успел, поскольку всю жизнь играл в политических спектаклях не свою роль. Ибо не хватило физических и нравственных сил, здоровья»⁴. К этому следует добавить, что

---

¹ Боффа Д. От СССР к России. История незаконченного кризиса 1964—1994. М., 1996. С. 133.

² Там же. С. 135.

³ Дэвидоу М. Камо грядеши, Русь?.. Заметки американского публициста о перестройке. С. 16.

⁴ Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. С. 608. — А. С. Черняев отвергает рассуждения по части «не успел». Он говорит: «Считается, что ему (Андропову. — И. Ф.) не достало време-

Андропов успел-таки сделать главное: усилить в Политбюро позиции Горбачева с целью выхода его в генсеки, чем в значительной мере предопределил дальнейший ход истории в СССР. Вместе с Горбачевым (и это тоже очень важно) Андропов «лично подготовил и ввел во многие партийные и государственные структуры целую плеяду деятелей, готовых продолжить начатое им дело. Молодое поколение рвалось к власти, и ничто уже не могло остановить этих людей на пути к заветной цели»¹.

С появлением в Кремле Горбачева настал «звездный час» для этих «деятелей», но, как теперь стало ясно, на погибель Советской страны.

ни, чтобы развернуться. Времени действительно было отведено совсем чуть-чуть. И тем не менее — не в этом дело. Дело в отсутствии нравственного потенциала, необходимого для «спасителя России». Поэтому он не вышел за рамки системы и не мог выйти — не тот исторический масштаб личности» (Черняев А.С. Моя жизнь и мое время. С. 449). При этом, по мнению автора, Андропов превосходил Горбачева по уму и качествам государственного деятеля (там же). Не знаем, как назвать это: парадоксом или отсутствием логики. Наверное, и на сей раз неприязнь к Андропову помрачила рассудок мемуариста.

¹ Р а з з а к о в Ф. И. Бандиты времен социализма. Хроника российской преступности 1917—1991. М., 1997. С. 236.

Глава пятая

АНДРОПОВ И ГОРБАЧЕВ

Между Ю. В. Андроповым и М. С. Горбачевым существовали особые, доверительные отношения. Они, вероятно, возникли еще тогда, когда Горбачев являлся первым секретарем Ставропольского крайкома¹. С тех пор он стал протее Андропова². Стараниями своего покровителя Горбачев был взят в Москву на место Ф. Д. Кулакова, неожиданно скончавшегося в 1978 году³. О своих особых отношениях с Андроповым рассказывает и сам Горбачев: «Наши отношения (с Андроповым.— И. Ф.) позволяли мне не ходить по кругу, а вести с ним откровенный разговор»⁴. И еще: «Не было в руководстве страны человека, с которым я был бы *так тесно и так долго связан* (курсив мой.— И. Ф.), которому был бы столь многим обязан»⁵.

---

¹ См.: Соловьев В., Клепикова Е. Дуэль в Кремле//Родина. 1991, № 2. С. 71; Кучмаев Б. Г. Коммунист с божьей отметиной. Документально-публицистический очерк. Ставрополь, 1992. С. 198—199; Семанов С. Н. Юрий Владимирович. Зарисовки из тени. М., 1995. С. 76.

² Берге И. В. Историческое недоразумение? «Холодная война»... 1917—1990. С. 10—11, 234.

³ Кучмаев Б. Г. Коммунист с божьей отметиной... С. 200.— Существует мнение, что Ф. Д. Кулаков умер неестественной смертью, причиной чего стала схватка за власть в Кремле (Соловьев В., Клепикова Е. Дуэль в Кремле. С. 71). Именно с Кулакова, по догадке названных исследователей, «начинается кампания Андропова по политическому, либо физическому устранению соперников и врагов. Это время загадочных опал и не менее загадочных смертей» (там же, с. 72).

⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., Кн. 1. 1995. С. 219.

⁵ Там же. С. 246. Аналогичные признания М. С. Горбачев высказывал

Столь тесная и долгая связь Андропова с Горбачевым — явный знак общности их умонастроений. И вот тут важно отметить, что Горбачев думал о «переменах» задолго до перестройки, работая еще в Ставрополе. Во всяком случае, такой вывод подтверждает содержание разговора Михаила Сергеевича с Раисой Максимовной, состоявшегося ранним утром 11 марта 1985-го, накануне избрания нового генсека вместо умершего Черненко. «Понимаешь,— ехал я сюда с надеждой и верой в то, что смогу что-то сделать, но пока мало что удалось,— говорил супруг супруге.— Поэтому, если я действительно хочу что-то изменить, надо принимать предложение (возглавить партию.— *И. Ф.*), если, конечно, оно последует. *Так дальше жить нельзя*»¹.

М. С. Горбачев выражается тут несколько туманно, говоря о своем желании лишь «что-то изменить». Б. И. Олейник свидетельствует о более определенных высказываниях «реформатора» на сей счет, выдающих его давний и сокровенный план: «Однажды в минуту откровения (истинного или деланного) Вы признались, как, прогуливаясь с имярек по своим «Воробьевым горам», поклялись разрушить «эту прогнившую систему»².

А. И. Лукьянов, кажется, высвечивает этого засекреченного писателем «имярек»: «Говорят, что бывший чехословацкий диссидент Зденек Млынарж, которого я, как и Горбачев, тоже знал по университету, вспоминает теперь, как на Воробьевых горах молодой студент Горбачев поклялся ему покончить со «сталинским социализмом»³.

вал в присутствии В. И. Болдина: «Ведь мы с Юрием Владимировичем старые друзья, семьями дружим. У нас было много доверительных разговоров, и наши позиции совпадают» (Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995. С. 45). Близость Горбачева к Андропову отмечает Е. И. Чазов, долгие годы наблюдавший непосредственно жизнь на московском Олимпе (Чазов Е. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М., 1992. С. 193).

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 265.

² Олейник Б. И. Князь тьмы... М., 1992. С. 11.

³ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. М., 1993. С. 103.

Если верить собственному заявлению Горбачева, он был... диссидентом. Об этом рассказывает его помощник Черняев, по словам которого, Горбачев в ноябре 1991 года принимал Эрнста Неизвестного. Вместе с Неизвестным к нему пришли Ю. Карякин, А. Грачев, В. Игнатенко и он, Черняев. Горбачев «открылся до предела, будто в братском застолье. И политически кое-что сказал впервые... Назвал себя диссидентом с 1953 года»¹.

Об относительной давности своих «перестроечных» намерений Горбачев говорил открыто: «Было бы ошибкой считать, что буквально через месяц после Пленума ЦК в марте 1985 года внезапно появилась группа людей, все понявших и все осознающих, и что эти люди во все проблемы внесли полную ясность. Таких чудес не бывает»². Аналитическая работа, по признанию Горбачева, началась задолго до апрельского 1985 года Пленума ЦК КПСС³.

Ю. В. Андропов, по всей видимости, знал или догадывался о настроениях своего соратника. И они, очевидно, никоим образом не смущали Юрия Владимировича, ибо нечто подобное он мог слышать от своих ближайших помощников и советников, таких, как Г. А. Арбатов, А. Е. Бовин, А. И. Вольский, Г. Х. Шахназаров⁴, т.е. людей, которые вскоре вместе с Горбачевым поднимут знамя перестройки. Можно сказать и более определенно: Андропов разделял планы Горбачева и потому продвигал его, видя в нем своего преемника⁵.

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР М., 1997. С. 280.

² Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 19.

³ Там же.

⁴ Земцов И. Андропов: политические дилеммы и борьба за власть. Иерусалим, 1983. С. 151, 152; Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 224, 244—245; Волкогонов Д. А. Семь вождей. М., 1996. Кн. 2. С. 131.

⁵ «Андропов своим преемником видел Горбачева», — свидетельствует Е. И. Чазов, тесно общавшийся с Андроповым (Чазов Е. Здоровье и власть... С. 201. См. также: Шахназаров Г. Цена свободы. М., 1993. С. 22.

«Первые месяцы работы Андропова генсеком еще более сблизили нас. Я чувствовал его доверие и поддержку», — рассказывает Горбачев. Далее мемуарист сообщает, что Андропов в самом конце 1982 года, т.е. едва став генсеком, «многозначительно сказал: «Знаешь что, Михаил, не ограничивай круг своих обязанностей аграрным сектором. Старайся вникать во все дела». Потом помолчал и добавил: «Вообще, действуй так, как если бы тебе пришлось в какой-то момент взять всю ответственность на себя. Это серьезно»¹.

Разговор, как видим, приватный. Поэтому возникает резонный вопрос, правду ли говорит Горбачев? Не выдумал ли он ради самовозвеличения содержание данного разговора? Думается, что здесь ему можно доверять. Примерно о том же сообщает Н. И. Рыжков, в присутствии которого Андропов тоже в конце 1982 года говорил Горбачеву: «Михаил Сергеевич, не замыкайтесь только на сельском хозяйстве, поактивней подключайтесь к вопросам общей экономики»².

Н. И. Рыжков обратил внимание на «острое и целенаправленное желание» Горбачева «как можно больше расширить круг своих интересов. Выходя за рамки проблем сельского хозяйства, он вторгся в область общей экономики и даже получал щелчки от старых членов Политбюро. Там не любили, когда кто-то проявлял излишнюю инициативу, выходил за пределы своей, ограниченной должностью, компетенции»³. Рыжков предположил, что в лице Горбачева уже тогда Андропов «исподволь готовил смену Черненко, который проблем народного хозяйства не знал вообще»⁴. Значит, Андропов готовил Горбачева и себе на

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 234.

² Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 40. «Ю. В. Андропов все больше доверял М. С. Горбачеву, все сильнее опирался на его помощь», — вспоминает В. И. Болдин (Болдин В. И. Крушение пьедестала... С. 46.)

³ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 40.

⁴ Там же. С. 41.

смену, поскольку Черненко был вторым человеком в партийной иерархии.

Правдивость рассказа Горбачева подтверждается и некоторыми косвенными фактами, в частности активной поддержкой, которую Д. Ф. Устинов оказывал Горбачеву. Это можно объяснить его особыми доверительными и дружескими отношениями с Андроповым¹, расположение которого к будущему «прорабу перестройки» он, конечно, знал. В вопросе о переходе власти генсека Андропов и Устинов делали ставку на Горбачева, о чем тому говорил «сам Дмитрий Федорович»².

Многое проясняет и подбор кадров на руководящие должности в ЦК КПСС. Андропов нередко назначал на эти должности людей, рекомендуемых Горбачевым. Среди них был Н. И. Рыжков, возглавивший экономический отдел и избранный секретарем ЦК КПСС³. Горбачев предложил Андропову поручить руководство наукой В. А. Медведеву, что и было сделано⁴. По его совету на должность заведующего отделом организационной работы КПСС был поставлен Е. К. Лигачев⁵. С подачи Горбачева управляющим делами ЦК КПСС стал Н. Е. Кручина. «Я настоял на назначении Кручины, которого знал много лет,— пишет он.— Это был порядочный, очень неглупый, инициативный и в то же время осторожный человек. На него можно было положиться, и я доверял ему»⁶. Должность управ-

---

¹ Волкогонов Д. А. Семь вождей. Кн. 2. С. 113, 192. См. также: Чазов Е. Здоровье и власть... С. 18, 90, 148, 204.

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 249. Как свидетельствует Е. И. Чазов, «после одной из встреч с Андроповым Устинов сказал, что тот видит своим преемником Горбачева. «Да и я считаю, что это правильный выбор. Нам нужен молодой, толковый руководитель, которого знает партия. А Горбачев пять лет как уже в Политбюро, его выдвигал Андропов, и он продолжит то, что начал Юрий Владимирович. Надо сделать все, чтобы этого добиться». Примерно так говорил нам с Чебриковым Устинов» (Чазов Е. Здоровье и власть... С. 195).

³ Там же. С. 225.

⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 226.

⁵ Там же. С. 227.

⁶ Там же. С. 228.

ляющего делами, хотя и не броская, но очень важная и значимая, связанная с несметным имуществом и финансами партии. Вот почему Горбачев позаботился о том, чтобы ее занимал свой человек.

Все эти назначения невольно производят такое впечатление, будто Андропов подбирал людей не столько под себя, сколько под Горбачева. Л. И. Абалкин со знанием дела замечал, что Андропов «начал формировать команду, привлек к руководящей работе и Горбачева и Рыжкова, в последующем лидеров перестройки»¹.

Необходимо, наконец, привести свидетельство А. И. Вольского, в ту пору помощника Андропова. Он рассказывает: «Приближался декабрьский (1983 года.— И. Ф.) Пленум ЦК КПСС, Андропов до последних дней, предшествующих Пленуму, надеялся, что выйдет из больницы. И не только он надеялся, но, по-моему, все надеялись, что так и будет. Кошунственнно об этом говорить, но была даже заранее подготовлена специальная трибуна, которая могла бы «поддерживать» его во время выступления». Но здоровье все же не позволило Андропову быть на Пленуме. Тогда он через Вольского передал следующее обращение к Пленуму: «Товарищи члены ЦК КПСС, по известным вам причинам я не могу принимать в данный момент активное участие в руководстве Политбюро и Секретариатом ЦК КПСС. Считал бы необходимым быть перед вами честным: этот период может затянуться. В связи с этим просил бы Пленум ЦК рассмотреть вопрос и поручить ведение Политбюро и секретариата ЦК товарищу Горбачеву Михаилу Сергеевичу»². Андропов фактически предлагал ЦК произвести замену Черненко на Горбачева, в котором видел своего преемника.

---

¹ И примкнувший к ним Шепилов.— Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С.197—198. Е.И.Чазов пишет: «Активное выдвижение Горбачева на вторые роли в руководстве, выдвижение Рыжкова, приглашение из Сибири на важнейшую должность в ЦК КПСС, определяющую кадровую политику, Лигачева — это все звенья цепи одной политики» (Ч а з о в Е. Здоровье и власть... С. 180).

² Неделя. 1990, 7 сент.

С известной долей вероятности можно говорить, что «генсекство Горбачева» было «по своему стратегическому замыслу», как полагает А. Авторханов, «продолжением политического курса Андропова»¹. Для подобного заключения есть некоторые основания.

Р. Г. Пихоя прослеживает «несомненную преемственность андроповского правления и первых лет правления Горбачева»². Эта преемственность выразилась в политике ускорения, антиалкогольной борьбе, в продолжении репрессий «против части государственного аппарата», погрязшего в коррупции³. Вместе с тем он обнаруживает разрыв традиций, указывая «на те отличия, которые явственно отделяли время после апреля 1985 г. от предшествующего периода». К числу их автор относит «изменения общественных настроений в стране», проявление в недрах партийного руководства осознанного стремления «менять систему»⁴. Главное же отличие Горбачева от Андропова состояло, по мнению Пихои, в том, что «Горбачев принимал идею оппозиции, считал ее неизбежной и, будучи уверен в своих силах, не боялся ее. Так произошел разрыв тоталитарной традиции»⁵.

Названные историком отличия являются, на наш взгляд, мнимыми. В самом деле, что это за отличие — «изменения общественных настроений в стране»? Разве приход к власти Андропова не породил общественные ожидания перемен? А разве не Андропов в конечном счете вытаскил из Канады Яковлева, которого Пихоя числит «неформальным лидером» тех людей в руководстве, что проявили стремление «менять систему»? Разве он не знал, чем «дышит» Яковлев? Конечно, знал! И тем не менее вытаскил. О чем это говорит, как не о собирании единомыш-

---

¹ Авторханов А. От Андропова к Горбачеву//Октябрь, 1990, № 8. С. 131.

² Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945—1991. М., 1998. С. 463.

³ Там же. С. 454, 456, 459.

⁴ Там же. С. 463.

⁵ Там же. С. 464.

ленников, необходимых для осуществления каких-то задуманных планов. Сложнее вопрос с оппозицией.

Нам говорят, будто оппозиция в СССР, принявшая форму диссидентства, была «подавлена» и «разложена» Андроповым — Председателем КГБ СССР¹. Это не совсем так. Диссидентов Андропов придавил, но не раздавил. Иначе не понять, откуда посыпались многочисленные оппозиционеры, когда Горбачев развернул знамена «перестройки». Думается, Андропов проводил в отношении диссидентства двойственную политику: с одной стороны, подвергал диссидентов репрессиям, внешне демонстрируя преданность режиму и тем прокладывая себе путь к высшей власти, с другой стороны, сохранял этот горючий материал до будущих времен. На какой случай резервировал придавленную оппозицию Андропов, видно из того, о чем поведал М. П. Любимов — бывший высокопоставленный сотрудник КГБ.

Андропов, если верить Любимову, пришел к убеждению, что существующая общественная и политическая система «умерла, и восстановить ее невозможно, да и не надо. Зачем нужен живой труп? Задача состоит в том, чтобы окончательно уничтожить ее и построить на ее месте истинный социализм, который поддерживал бы весь народ»². Андропов, по Любимову, хотел «восстановить истинный социализм, избавившись от всех наслоений прошлого»³.

Операция тщательно и детально прорабатывалась. Был создан ее план под кодовым названием «Голгофа». Он «распадался на четыре части: 1. Системный развал существующего политико-экономического устройства страны; 2. Переворот и форсированное внедрение капиталистической системы «дикого типа»; 3. Направленное пролонгирование хаоса и неразберихи как средства мобилизации озверевших масс на борьбу с властью под социалистиче-

---

¹ Геллер М., Некрич А. История России 1917—1995. В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 288.

² Любимов М. Операция «Голгофа». Секретный план перестройки // Совершенно секретно. 1995, № 2. С. 3.

³ Там же.

скими лозунгами; 4. Социалистическая революция, поддержанная всем народом, радикальная аннигиляция компрадорской буржуазии и связанных с нею политико-экономических структур»¹.

План «Голгофа» Андропов, по свидетельству Любимова, подписал незадолго до своей смерти². В реализации этого плана Горбачеву отводилась роль зачинателя: «Во главе первого этапа встанет Горбачев, которого я уже давно готовлю на эту роль, человек сравнительно молодой и честолюбивый (заметьте, что я вообще терпеть не могу солдат, которые не мечтают стать генералами, таким не место в политике!), с очень привлекательными идеями типа «социализма с человеческим лицом» Дубчека...» К тому же «вся история показывает, что народ обожает говорунов, обещающих молочные реки и кисельные берега»³.

Таким образом, если верны сведения, которые приводит Любимов, у Андропова созрел план разрушения взрастившей его системы с использованием Горбачева. Однако за этим планом скрывалось, похоже, нечто большее, чем декларируемое разрушение советского общественно-политического строя и возведение на его обломках «истинного социализма». Побуждает к размышлениям знаковое название плана: «Голгофа». Оно придает вопросу религиозно-политическое значение, заставляя задуматься, кому вслед за Господом нашим Иисусом Христом уготован путь на Голгофу. Не русскому ли народу? И не потому ли, что в одном лишь православии, исповедуемом русским народом, «сохранился божественный лик Христа во всей чистоте?» И не за то ли, что «главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтоб сохранить у себя этот божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои!»⁴.

---

¹ Любимов М. Операция «Голгофа». С. 6.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В тридцати томах. Л., 1980. Т. 21. С. 59.

И не в отместку ли ради тому, что «никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребишь, не заместишь и не искоренишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Он может страшно упасть; но в моменты самого полного своего безобразия он всегда будет помнить, что он всего только безобразник и более ничего; но что есть где-то высшая правда и что эта правда выше всего»¹. На фоне величайших бедствий, переживаемых сейчас русским народом, все эти вопросы выглядят отнюдь не праздны.

Выступив со столь сенсационным рассказом, Любимов вскоре публично заявил, что он-де «пошутил». Однако с «шутником» от КГБ перекликается, хотя и отдаленно, но не шуточно, другой разведчик — Маркус Вольф. Вот что он заявил однажды корреспонденту газеты «Комсомольская правда»: «Что касается Андропова, то, на мой взгляд, понимание необходимости того, что в системе надо что-то менять — и менять серьезно, — у него было. Андропов делал ставку не только на Горбачева, но в том числе и на него. Юрий Владимирович, возможно, полагал, что у него будет больше времени к нему присмотреться. Но сами идеи экономических реформ, политических преобразований — все это у Андропова уже было. Это я знаю. Я удивляюсь, почему Горбачев никогда не ссылался на своего, так сказать, духовного отца. Видимо, на то у него были свои причины. Но перестройка — это не оттого, что Андропов возглавлял КГБ. Еще больше, чем руководителем органов безопасности, он был идеологом»².

Называя Андропова «духовным отцом» Горбачева и тем самым связывая определенным образом деяния прораба «перестройки» с личностью его наставника, М. Вольф проявляет известную непоследовательность, когда в другой раз пишет: «Я часто думал, что сделал бы Андропов, если бы ему было отпущено лет десять, а не то короткое

---

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 58.

² Комсомольская правда. 1998. 29 янв.

время у власти, когда он был уже тяжело болен. Он наверняка не сделал бы того, что сделал Горбачев. Он выражал надежду, что каким-то способом можно совместить социалистическую собственность со свободным рынком и политической либерализацией, но наверняка его шаги к реформам были бы более тщательно продуманы»¹. Неужели М. Вольф полагает, что Андропов, рассуждая даже в доверительных разговорах о перспективе возможного введения «свободного рынка» и «политической либерализации» в СССР, мог допускать их несовместимость с «социалистической собственностью»? В реальных политических условиях того времени он в целях конспирации своих планов, т. е. вынужденно, должен был выражать надежду, что «каким-то способом можно совместить социалистическую собственность со свободным рынком и политической либерализацией». В противном случае у него очень скоро возникли бы серьезные проблемы в Политбюро и ЦК.

На свидетельства М. Любимова и М. Вольфа хорошо накладываются впечатления об Ю. В. Андропове, оставшиеся у Е. И. Чазова: «Несмотря на близость к Андропову на протяжении 18 лет, наши длительные откровенные беседы на самые разнообразные темы, сложные ситуации, из которых нам приходилось выходить вместе, несмотря на все это, он и сейчас представляет для меня загадку. Загадку, может быть, даже большую, чем двадцать лет назад, когда я ему слепо доверял». В другом месте своей книги Е. И. Чазов снова отмечает, что и сегодня ему «до конца не понятна эта интересная и необычная личность». Тон высказываний мемуариста создает ощущение какой-то с его стороны недоговоренности, будто он о чем-то догадывается, но не решается сказать. Что ж, быть может, так и нужно, коль нет полной уверенности. Несомненно, однако, время снимет печать таинственности с личности Андропова, и мы, возможно, увидим одного из главных творцов «перестройки».

---

¹ Вольф М. На чужом поле. Тридцать лет во главе разведки. М., 1998. С. 370.

Более отчетливо вырисовывается кадровая политика Андропова, подготовившего кадры во главе с Горбачевым (которые начали «перестройку» и сгубили великую державу). С этой точки зрения его существенное влияние на последующий ход событий не вызывает сомнений. Поэтому едва ли прав А. А. Зиновьев, когда утверждает, что, продержись Андропов пять лет, «не было бы горбачевизма, страна уцелела бы и выгадала гораздо больше, чем от этой перестройки»¹. По нашему мнению, не будь Андропова, не было бы и Горбачева в высшем эшелоне власти, а значит, и не видать ему должности генсека. Никого другого, а именно Андропова надо «благодарить» за то, что он взрастил Горбачева.

Иной взгляд у Анатолия Андреевича Громыко: «Горбачев был переведен в Москву из Ставрополя, где работал первым секретарем обкома (!) КПСС. В 1978 году он был избран секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Почему этот выбор пал именно на Горбачева, а не на кого другого из 150 первых секретарей обкомов? На этот вопрос необходимо ответить хотя бы по той причине, что уже после прихода Горбачева к власти как он сам, так и его ближайшее окружение, внушал, что сделано это было с прямой подачи Андропова. Настойчивость в распространении этой версии, которая по сей день гуляет по страницам западной печати, в том числе в академических изданиях, совершенно очевидна. Казалось бы, зачем Горбачеву понадобилось брать себе в покровители Андропова? Ради чего утверждать, что в 1978 году тебе протезировал шеф КГБ при продвижении по партийной иерархической лестнице? Почему сам Горбачев никогда не опровергал утверждение, что Андропов был его «ментором», чуть ли не «крестным отцом»? Всему этому есть объяснение. Авторы-

---

¹ Фигуры и лица. Субботнее обозрение. Май 1998 г. № 10 (11). С. 10.— Аналогичным образом рассуждает А. И. Лукьянов: «Не сомневаюсь, отпусти судьба Юрию Владимировичу еще несколько лет жизни, не было бы у нас ни катастрофических шараханий, ни кровавых межнациональных конфликтов, ни повсеместного ослабления государственной власти» (Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 174).

тетом Андропова как генсека, а им он стал только в ноябре 1982 года, Горбачев стремился затушевать то, что его выдвинули и провели на пост секретаря ЦК КПСС, а затем и в Политбюро совсем другие люди. Двумя решающими фигурами, которые ему помогли в этом, были Михаил Суслов и Федор Кулаков»¹. Что касается Андропова, то в продвижении Горбачева он играл минимальную роль². Конечно, это не означает, что «Андропов в упор не замечал Горбачева. Более того, тот ему нравился».³ Такова, по-видимому, личная версия Анатолия Андреевича Громыко, к которой его отец, А. А. Громыко не причастен. Во всяком случае, излагая ее, сын на отца не ссылается. Но как бы там ни было, с ней согласиться трудно.

Не исключено, что М. А. Суслов протезировал Горбачева. Действительно, Суслов в 1939—1944 годы являлся первым секретарем Ставропольского крайкома ВКП(б) и потому мог симпатизировать первому секретарю крайкома КПСС Горбачеву, хотя этот довод сугубо предположителен, поскольку до указанного срока Суслов был зав. отделом, а затем и секретарем Ростовского обкома ВКП(б). По логике Анат. А. Громыко, Суслов должен был быть расположенным и к ростовским партийным руководителям. Правда, Громыко вспоминает один эпизод, который, по его мнению, стал в отношении Суслова к Горбачеву решающим: «Суслов, отправляясь на отдых, порой навещался в Ставрополь. И однажды, во время очередного визита, как рассказывают, местное партийное руководство, в том числе и Горбачев, пригласили и показали ему... музей жизни и деятельности Михаила Андреевича Суслова. Старец дал слабину, растрогался и отплатил Горбачеву добром»⁴.

Слухи, которыми в данном случае воспользовался младший Громыко, несколько преувеличены. В Ставропо-

---

¹ Громыко Анатолий. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 70.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же С. 70.

де, насколько нам известно, не было «музея жизни и деятельности Михаила Андреевича Суслова». Случилось нечто другое. В 1974 году Суслов приезжал на открытие Невинномысского канала, которому было присвоено его имя. Как рассказывает бывший директор Ставропольского исторического музея В. В. Госданкер, в главном корпусе администрации канала предполагалось открыть музей Суслова. Была подготовлена соответствующая документация, но дальше дело не пошло. Идея, следовательно, оказалась нереализованной. Конечно, и одна она могла греть душу «старца». Однако имели место более важные, так сказать, знаковые события, свидетельствующие о расположении Суслова к Горбачеву. Суслов, если нам не изменяет память, «ставил» Горбачева на должность первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС. В 1978 году именно он вручал краевому центру орден Октябрьской Революции. Детали существенные, говорящие об особом отношении «серого кардинала» к Ставропольской партийной организации и к ее руководителю. Впрочем, Анатолий Громыко считает, что взлет Горбачева не в меньшей мере (если не в большей) состоялся благодаря сильной поддержке, «оказанной ему другим политическим деятелем, в прошлом также секретарем Ставропольского обкома (?) партии, Федором Кулаковым». Так ли это?

Горбачев, как и многие другие ему подобные функционеры, начинал восхождение на вершины власти с комсомола. Здесь он вышел на первые роли. Весной 1958 года его избрали вторым секретарем Ставропольского крайкома комсомола. Ф. Д. Кулакова в Ставрополе тогда не было. Краевую партийную организацию в ту пору возглавлял И. К. Лебедев. Следовательно, на этом этапе продвижения Горбачева по комсомольской лестнице Кулаков не играл никакой роли. Но в марте 1961 года, когда Кулаков был уже первым секретарем Ставропольского крайкома партии, Горбачев становится первым секретарем Ставропольского крайкома комсомола, т.е. не без участия Кулакова.

Но это не значит, что Кулаков безоглядно «возлюбил» Горбачева. Временами он обращался с ним довольно жестоко. Приведем лишь один пример. В январе 1962 года состоялась краевая комсомольская отчетно-выборная конференция, на которой с докладом о проделанной работе выступил Горбачев. Когда же на трибуну поднялся Кулаков и стал говорить, зал замер. Вот выдержки из его речи: «В свое время мы договорились с крайкомом ВЛКСМ, с районными комсомольскими организациями, что кукуруза будет комсомольской культурой. Все согласились, но на деле даже не хватило пороха для хорошего выстрела. Получили с каждого молодежного гектара только по 19,6 центнера сухого зерна и по 173 центнера зеленой массы. Это, товарищи, очень плохо. Причина — низкий уровень организаторской работы первичных комсомольских организаций. Многие, если скажут три слова, то надо иметь в виду, что сдержат только одно... В отчетном докладе было сказано, что за два года в важнейшую отрасль сельского хозяйства было направлено 18 тысяч юношей и девушек. Кажется, что сделана большая работа, но на самом деле этой работы не видно, так как уволились за это же время с ферм 16 тысяч молодых людей. Главная причина текучести кадров, товарищ Горбачев, в бездумном отношении крайкома комсомола к созданию элементарных культурно-бытовых условий для работающей молодежи, запущенность массово-политической работы на фермах... Не уделяется должного внимания организации социалистического соревнования. Много формализма. В результате чего в крае не получило широкого размаха движение за присвоение звания коллектива и ударника коммунистического труда. На соревнование крайком ВЛКСМ обращает внимание лишь тогда, когда надо подводить итоги... Видимо, лучше было бы, товарищ Горбачев, поступить более честно, по партийному — обсудить один вопрос: «О неудовлетворительной работе бюро крайкома ВЛКСМ по руководству социалистическим соревнованием»¹.

---

¹ Цит. по: К у ч м а е в Б. Г. Коммунист с божьей отметиной... С. 49—50.

В конце речи Кулаков, как говорится, «подсластил пилюлю». Он сказал: «Друзья! Зачем критиковать того, от кого не будет толка? Это пустая трата времени, которого у нас нет. Мы критикуем товарища Горбачева, товарища Василенко (В. Г. Василенко был вторым секретарём крайкома ВЛКСМ.— И. Ф.), поскольку убеждены в том, что они делают правильные выводы. Мы критикуем их потому, что знаем: они умеют работать и способны повести краевую комсомольскую организацию на большие боевые дела»¹. Но повести комсомольцев Ставрополя на «большие боевые дела» Горбачеву было не суждено. Кулаков перевел его на другую работу.

Бюро крайкома КПСС утвердило Горбачева в качестве парторга крайкома КПСС по Ставропольскому территориальному производственному колхозно-совхозному управлению. Произошло это в марте 1962 года. Но вскоре ему снова «досталось» от Кулакова. На бюро крайкома обсуждался вопрос о работе с Обращением ЦК КПСС и Совета Министров СССР к труженикам сельского хозяйства. В своем постановлении бюро обратило внимание парторга т. Горбачева на проявленную безответственность в работе с Обращением².

Горбачева настолько задел этот случай, что он очень долго помнил о нем и даже воспроизвел его с ощущением только что пережитой минуты в своих мемуарах, где читаем: «Новое дело (работа парторга.— И. Ф.) захватило меня полностью. Целыми днями, часто прихватывая и ночи, я колесил по хозяйствам и трудился над созданием новых структур управления, веря в то, что ставка на профессионалов обязательно даст свои плоды. Оставаясь кандидатом в члены бюро крайкома, я довольно часто встречался с Кулаковым, и он, как прежде, давал мне различного рода задания, приглашал в поездки по краю. Тем неожиданней был эпизод, произошедший летом 1962 года. На бюро крайкома обсуждался вопрос об Обращении ЦК КПСС и

---

¹ К у ч м а е в Б. Г. Коммунист с божьей отметиной... С. 50.

² Там же С. 57.

Совета Министров СССР к труженикам сельского хозяйства. Таких обращений было тогда бесчисленное множество. Со стороны заведующего отделом пропаганды и агитации И. К. Лихоты... на меня вдруг посыпались упреки в недооценке соцсоревнования и других подобных грехах. Я возразил — возникла перепалка. Кулаков предложил создать комиссию по проверке моей работы, а на состоявшемся 7 августа собрании краевого партийного актива Кулаков «выдал мне» сполна. Говорил о «безответственности в работе с Обращением ЦК», высказывался несправедливо, резко, грубо»¹. После этого эпизода некоторые коллеги Горбачева стали посматривать на него «как на конченного человека»². Но ему помог случай.

Н. С. Хрущев в очередном припадке реформаторства разделил крайкомы и обкомы на сельские и промышленные. В Ставрополе, как и в других краевых и областных центрах, приступили к формированию сельских и промышленных комитетов КПСС. Обострилась проблема с кадрами. Горбачев получил предложение возглавить отдел партийных органов в сельском крайкоме. Для многих это было неожиданностью, даже для самого Горбачева. «Кулаков,— рассказывает он,— пригласил меня к себе и — как гром среди ясного неба — предложил перейти на работу в аппарат формировавшегося сельского крайкома заведующим отделом партийных органов. С 1 января 1963 года я приступил к новым обязанностям»³.

Если верить Горбачеву, работа в отделе партийных органов сблизила его с Кулаковым, но в октябре 1964 года тот был переведен на работу в ЦК КПСС в качестве заведующего сельскохозяйственным отделом⁴. «Мы расста-

---

¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 100.

² Там же.

³ Там же. С. 101.

⁴ О близости Горбачева к Кулакову следует говорить, не забывая о некоторых существенных обстоятельствах. По свидетельству одного из руководителей краевого масштаба, находившегося много лет рядом с Ефремовым, Горбачев проработал с Кулаковым «очень недолго. Сделал Федор Давыдович его первым секретарем крайкома ВЛКСМ. Но

лись друзьями и сохранили близкие отношения все последующие годы», — говорит Горбачев¹. И все же не столько Кулакову, сколько Л. Н. Ефремову Горбачев обязан своим дальнейшим продвижением в партийной иерархии.

Л. Н. Ефремов был первым заместителем председателя бюро ЦК КПСС по РСФСР и слыл человеком, преданным Хрущеву. Он, естественно, не участвовал в отстранении своего патрона от власти и потому был отправлен в Ставрополь на освободившееся после отъезда в Москву Кулакова место. В декабре 1964 года Ефремова избрали первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС. Вторым секретарем стал Н. В. Босенко, бывший первый секретарь промышленного крайкома. Горбачева же избрали членом бюро краевого комитета партии и утвердили в должности заведующего отделом партийных органов. Началась совместная работа Горбачева с Ефремовым, длившаяся шесть лет. «Первые два года работы с Ефремовым, — вспоминает Горбачев, — стали периодом нашего взаимного узнавания, «притирки», и я бы даже сказал — сближения. От своего предшественника Ефремов отличался широтой политического кругозора, эрудицией, общей образованностью и культурой. Личностью он был, несомненно, крупной и в то же время — рафинированный продукт системы, яркий представитель аппаратной школы КПСС. В этом году работы с ним были для меня поучительными»². Горбачев работал с Ефремовым, по рассказу знающих ставро-

---

от комсомольского вожака до первого секретаря крайкома КПСС дистанция огромного размера. Волны доходили уже приглушенные. Так что сказать, что Михаил Сергеевич тогда что-то брал от Кулакова непосредственно, нельзя. Когда Горбачев стал парторгом крайкома, больше приблизился к Федору Давыдовичу. Но парторг есть парторг. Если что и получал, так трепака. Конечно, это тоже наука, но весьма своеобразная. Вот когда Михаил Сергеевич выдвинулся в заvorgи, то тут его Кулаков мог насыщать, как губку. Но длилось это недолго, какой-то год» (К у ч м а е в Б. Г. Коммунист с божьей отметиной... С. 64).

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 106.

² Там же. С. 108.

польцев, «душа в душу»¹. Именно при Ефремове и с его помощью он поднялся так высоко, что мог дотянуться рукой до Старой площади в Москве.

В сентябре 1966 года на пленуме Ставропольского горкома КПСС Горбачев был избран первым секретарем, т.е. достиг ступени, непосредственно предшествующей высшим должностям в краевом комитете партии. Ефремов, следовательно, подвел его вплотную к этим должностям. Правда, «чем-то особенным Ставропольский горком при Горбачеве не блистал. Шел в фарватере, который прокладывал крайком КПСС, на мель не садился, бакены не сшибал, шлепал постановлениями, как плитами, и двигался вперед»².

Горбачев знал, что делал, когда следовал в «фарватере» крайкома. И вот уже летом 1968 года он занимает кресло второго секретаря Ставропольского крайкома КПСС. Горбачев изображает дело так, будто это новое повышение состоялось вразрез с его собственными планами и против желания Ефремова, уступившего настояниям из Москвы³. «Свежо предание, да верится с трудом». Впрочем, есть другая, более правдоподобная, на наш взгляд, версия, согласно которой Ефремов посадил Горбачева «рядом с собой — вторым секретарем комитета КПСС. Уверяют, что для Михаила Сергеевича это было большой удачей. И не потому, что такая должность подвернулась, а потому, что попал в хорошие руки»⁴. От себя «приложим»: то была большая удача для Горбачева и *потому, что такая должность подвернулась*. Но впереди его ожидала еще большая удача.

Весной 1970 года Л. Н. Ефремова вернули в Москву на должность первого заместителя председателя Государственного Комитета Совета Министров СССР по науке и технике (ГКНТ). Неожиданно для многих местных «чинов» первым секретарем Ставропольского крайкома сде-

---

¹ К у ч м а е в Б. Г. Коммунист с божьей отметиной... С. 68.

² Там же С. 61.

³ Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 112—113.

⁴ К у ч м а е в Б. Г. Коммунист с божьей отметиной... С. 63.

ляли Горбачева. «Дело в том, что на роль руководителя краевой партийной организации с гораздо большим основанием мог претендовать Николай Васильевич Босенко. У него и возраст был серьезнее, не каких-то 39 лет, как у Горбачева. И послужной список посолднее: еще в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов он был вторым секретарем «нормального» крайкома, потом первым секретарем промышленного и вот уже шесть лет председательствовал в крайисполкоме. Люди ценили Николая Васильевича за спокойный нрав, рассудительность, доброе отношение к человеку. По всему этому, будь на пленуме крайкома выборы, еще бы посмотрели, кого куда. Но требовалось лишь ритуальное поднятие рук»¹. Вот так был «избран» Горбачев.

Далеко не последнюю роль здесь сыграл Ефремов, который рекомендовал Л. И. Брежневу в качестве своего преемника в Ставропольском крайкоме М. С. Горбачева. Об этом автор настоящих строк узнал от своего брата В. Я. Фроянова, который в 60-е годы работал на Ставрополье в разных должностях: парторга и председателя колхоза в Большой Джалге Ипатовского района, председателя Ипатовского райисполкома, первого секретаря Петровского райкома партии, начальника Ипатовского территориально-производственного управления.

Владимиру по работе приходилось общаться с Ф. Д. Кулаковым и Л. Н. Ефремовым, а также с М. С. Горбачевым. Отношения у него с Кулаковым и Ефремовым были хорошие, отчасти доверительные. И вот однажды во время встречи с Ефремовым, происходившей уже в Москве в ту пору, когда тот был первым заместителем председателя ГКНТ, Владимир спросил Леонида Николаевича, как могло случиться, что Горбачев стал первым секретарем Ставропольского крайкома, несмотря на более достойного и сильного претендента Н. В. Босенко. Ефремов ответил, что это он, беседуя с Брежневым, назвал Горбачева как наиболее подходящего своего преемника и пояснил, почему он

---

¹ К у ч м а е в Б. Г. Коммунист с божьей отметиной... С. 87.

остановил свой выбор на Горбачеве: «Мне показалось, что в нем есть политическая жилка». Тем не менее Владимир не изменил своего настороженного отношения к Горбачеву, которое перешло в недоверие, когда началась «перестройка». «Я этому человеку не верю; он плохо кончит», — говорил он, как только речь заходила о Горбачеве.

Таким образом, первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС Горбачев стал благодаря поддержке Ефремова, что, конечно, не исключает протектирования со стороны Суслова и Кулакова. Перед ним открывался путь на Старую площадь. Чтобы пройти этот путь, надо было сметливо воспользоваться некоторыми обстоятельствами, как объективного, так и субъективного свойства.

Хорошей стартовой площадкой для перелета в Москву служил Ставропольский край, являвшийся в системе краев и областей России одним из самых заметных и значимых в сфере сельскохозяйственного производства, легкой и пищевой промышленности, а также по части курортного обслуживания. Поэтому Ставропольский крайком в служебной карьере его первых секретарей был нередко своего рода трамплином в ЦК КПСС и другие высшие столичные инстанции. Например, И. П. Бойцов перешел на руководящую должность в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, а Ф. Д. Кулаков — на должность заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК. Своеобразием Ставропольского края объясняется, по-видимому, появление в Ставрополе попавших в немилость партийных и государственных сановников: Н. А. Булганина, Н. И. Беляева, Л. Н. Ефремова. Значит, ранг первого секретаря Ставропольского крайкома партии сам по себе давал значительный шанс на продвижение в Москву. Необходимо было лишь уметь использовать этот шанс.

М. С. Горбачев благодаря своей эластичности и обходительности в отношениях с людьми сумел создать расположение к себе в ЦК КПСС. Так, в частности, позволяет думать случай, описанный в мемуарах А.А. Громыко, где читаем: «Помню 1978 год. Дня за три до очередного Пленума ЦК КПСС позвонил мне Леонид Ильич Брежнев и

сказал: «Хотел бы узнать твое мнение по одному вопросу. Что, если предложить пополнить секретариат ЦК товарищем Горбачевым? Он сейчас первый секретарь Ставропольского крайкома партии. Как ты думаешь?» Мой ответ был таким: «Лично я вместе с Горбачевым не работал, и мне трудно высказаться конкретно со ссылкой на свой опыт. Но в разное время я разговаривал с членами и кандидатами в члены Политбюро, с секретарями ЦК. От них, да и от других я слышал о первом секретаре Ставропольского крайкома много хорошего. Это коммунист, прямой, честный, очень подготовленный». А потом я подчеркнул: «Если у тебя такие же сведения, то, по-моему, на предстоящем Пленуме ЦК следует внести на рассмотрение его кандидатуру». И в заключение добавил: «Уверен, что Пленум с этим согласится». Леонид Ильич мне сказал: «Непосредственно по работе с Горбачевым я тоже не сталкивался, но я много слышал о нем хорошего. Так что, пожалуй, внесу это предложение на рассмотрение ЦК». Он так и сделал»¹.

Если верить этому рассказу А. А. Громыко, у членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК о Горбачеве сложилось хорошее мнение, что, конечно, способствовало его приходу на Старую площадь. Но кто из членов Политбюро играл здесь главную роль? Если учесть особенности ситуации, сложившейся в Кремле и на Старой площади, то менее всего просматривается в этой роли Ф. Д. Кулаков. Почему?

Кулаков, «перетаскивая» Горбачева из Ставропольского крайкома партии в ЦК КПСС, когда генсеком являлся Брежнев, должен был понимать, что это могло сказаться неблагоприятным образом на его собственной карьере. Ведь Горбачев в любой, так сказать, подходящий момент мог составить ему конкуренцию, поскольку они оба выдвинулись в руководство сельским хозяйством. Это, конечно,— чисто логическое соображение и не в нем суть. Дело в том, что Горбачева перевели в Москву в декабре 1978 года, уже после смерти Кулакова, последовавшей в

---

¹ Громыко А. А. Памятное. М., 1990. Кн. 2. С. 533—534.

июле того же года. Стало быть, вопрос о переводе Горбачева продвигал не Кулаков, но кто-то другой. Да и с самим Кулаковым не все ясно. Похоже, к лету 1978 года над ним стали сгущаться тучи. Показательно, что при подготовке июльского 1978 года Пленума ЦК, посвященного проблемам сельского хозяйства, председателем комиссии был назначен А. Н. Косыгин, а не Ф. Д. Кулаков, который, будучи членом Политбюро и секретарем ЦК, непосредственно отвечал за сельскохозяйственный сектор экономики страны. Казалось, ему и карты в руки. Но его не ввели даже в состав комиссии, готовившей Пленум. И с докладом выступил не он, а Л. И. Брежнев.

Удивительно то, что Кулаков даже не участвовал в прениях по докладу¹. Сказать, что он болел — нельзя, поскольку 5 июля открылась 9 сессия Верховного Совета СССР девятого созыва и Кулаков присутствовал на совместном заседании Совета Союза и Совета национальностей². Вечером того же дня чета Кулаковых на загородной даче отмечала 40-летие своей свадьбы³.

То, что произошло с Кулаковым на июльском Пленуме ЦК, — лишь видимая постороннему наблюдателю сторона переживаемых им служебных неприятностей. Их, по-видимому, накопилось столько, что он не выдержал и через две недели после Пленума скорострительно скончался. На похоронах Ф. Д. Кулакова, члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС, отсутствовали Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов и В. В. Гришин⁴. Факт, безусловно, показательный. М. С. Горбачев, смягчая его, пишет: «Кулаков ушел из жизни, когда ему исполнилось 60 лет. Это была большая утрата. Тем удивительнее решение Брежнева и других членов Политбюро не прерывать отпуск для прощания с коллегой. Тогда я, может быть, впервые понял, как невероятно далеки друг от друга эти люди, которых судь-

---

¹ Правда, 1978, 4 июля; 5 июля. — Попутно заметим, что Горбачев в прениях по докладу выступил (Правда. 1978, 5 июля).

² Правда. 1978, 6 июля.

³ Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 153.

⁴ Правда. 1978, 19 июля; 20 июля.

ба свела на вершине власти»¹. Полагаем, тут нечто большее, чем просто «решение Брежнева и других членов Политбюро не прерывать отпуск».

Есть еще одна деталь, заслуживающая быть упомянутой,— это место, где проходила церемония прощания с Кулаковым. Прощались с ним в Краснознаменном зале Центрального дома Советской Армии², тогда как подобные церемонии, если умирал член Политбюро ЦК КПСС, проводили в Колонном зале Дома союзов. Именно в Колонном зале состоялось прощание с М. А. Сусловым³ и Д.Ф.Устиновым⁴, которые ненадолго пережили Ф. Д. Кулакова. А вот смещенного с должности Председателя Совета Министров СССР и умершего вслед за тем А. Н. Косыгина, как и Ф. Д. Кулакова, поместили для прощания в Краснознаменный зал Центрального дома Советской Армии⁵. По-видимому, и Косыгин, и Кулаков уже отличались от остальных членов Политбюро тем, что их положение пошатнулось, и они перешли в состояние падения с кремлевского Олимпа⁶.

На наш взгляд, смерть Кулакова — скорее всего следствие борьбы в кремлевском руководстве за влияние и власть, в которой он, по всей видимости, проиграл. Возможно, уже тогда искали ему замену⁷. Не случайно некоторые исследователи высказывают догадку о физическом его устранении. Все это, на наш взгляд, говорит о том, что Кулаков потерял расположение кремлевской верхушки в

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 153.

² Правда. 1978, 19 июля.

³ Правда. 1982, 29 янв.

⁴ Правда. 1984, 23 дек.

⁵ Правда. 1980, 23 дек.

⁶ По свидетельству А. И. Лукьянова, «отношения Косыгина с Брежневым и особенно с его ближайшим окружением были, мягко говоря, натянутые» (Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 173). Е. И. Чазов в своей книге воспоминаний приводит слова Андропова: «Брежнев очень боится Косыгина, признанного народом, талантливого организатора» (Чазов Е. Здоровье и власть... С. 122).

⁷ Ср.: Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 21.

лице Брежнева, Косыгина и Суслова. А это означает невозможность прохождения Горбачева навверх как человека, которого протезировал Кулаков. Поэтому необходимо было искать другого покровителя. И тут мы опять выходим на Андропова — «ближайшего друга и доверенного» Брежнева¹. И нет оснований обходить стороной признание самого Горбачева: «Думаю, Андропов «приложил руку» к моему выдвижению, хотя мне не сделал и намека»².

Ю. В. Андропов не только продвигал Горбачева в Секретариат ЦК, но и прокладывал ему путь в генсеки. И эта версия нам, в отличие от Анат. А. Громыко, не кажется надуманной³. Горбачев, так сказать, вышел из Андропова. Поэтому, вероятно, он, как свидетельствует А. И. Лукьянов⁴, ревниво относился к деятельности своего патрона: уязвленный поистине геростратовым тщеславием Горбачев не хотел делиться ни с кем сладостью славы «творца» «перестройки», раскачавшей и опрокинувшей величайшую в мире страну.

---

¹ Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 317. «Андропов был одним из самых преданных Брежневу членом Политбюро. Могу сказать твердо, что и Брежнев не просто хорошо относился к Андропову, но по-своему любил своего «Юру», как он обычно его называл» (Чазов Е. Здоровье и власть... С. 80).

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 23. Выдвиженцем Андропова считает Горбачева Бурлацкий.— См.: Бурлацкий Ф. Глоток свободы. В 2-х кн. М., 1997. Кн. II. С. 10.

³ Громыко Анатолий. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 88.

⁴ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 174.

Глава шестая

«ПЕРЕСТРОЙКА»

В марте 1985 года М. С. Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС и стал хозяином Кремля. Это роковое событие в жизни страны, лежащей ныне в руинах. Но тогда всем казалось, будто начинается долгожданное обновление и впереди, не далее как за «одним поворотом», — процветание и благоденствие¹.

Русский народ не злопамятен, доверчив и простосердечен как ребенок². Смертельно уставший от нескончаемых бед и несчастий, выпавших на его долю, он легко поддается на добрые обещания, хотя уже не раз «обжигался» на этом. Чувство веры в нем неиссякаемо. Помани его соблазнительной сказкой о «царстве свободы» или о какой-нибудь «стране Муравии» — и он пойдет, не раздумывая, за очередным «бахарем» в «любую даль». Вот и теперь ему пообещали, что с перестройкой наступит новая, хорошая

---

¹ Очень странно, что подобные взгляды высказываются сейчас, когда вся пагубность избрания генсеком Горбачева стала совершенно очевидной. Анат. А. Громыко, имея в виду заседание Политбюро, где состоялось избрание Горбачева Генеральным секретарем партии, пишет: «Это заседание стало историческим, так как на нем было принято решение, открывающее КПСС и Советскому Союзу дорогу в новый мир политической демократии и демократического социализма. К власти в лице Горбачева пришло новое поколение советских руководителей» (Громыко Анат. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 95).

² Г о р ч е в а Т. Россия и Запад // Русский крест. Сб. статей. СПб., 1994. С. 49.

жизнь, о которой он мечтает и к которой стремится с давних пор. Нужно только снова поднатужиться, совершить «перестройку», и все сложится наилучшим образом. Но что это такое — «перестройка»? Обратимся за разъяснениями к главному ее «прорабу» Горбачеву.

В 1988 году, когда «перестройка» шла, можно сказать, полным ходом, Горбачев выступил с книгой «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», которую он написал «с желанием обратиться к народам напрямую. К народам СССР, США, любой страны»¹. Внемлите «языци» и просвещайтесь!

По Горбачеву, перестройка — вещь необходимая и неизбежная². Почему? «На каком-то этапе — особенно это стало заметно во второй половине 70-х годов — произошло на первый взгляд трудно объяснимое. Страна начала терять темпы движения, нарастали сбои в работе хозяйства, одна за другой стали накапливаться и обостряться трудности, множиться нерешенные проблемы. В общественной жизни появились, как мы их называем, застойные и другие, чуждые социализму явления. Образовался своего рода механизм торможения социально-экономического развития. И все это в условиях, когда научно-техническая революция открыла новые перспективы экономического и социального прогресса. Складывалась довольно странная картина: крутится огромный маховик могучей машины, а передачи от нее на рабочие места буксуют или очень слабы приводные ремни»³. Мириться с подобным положением дальше было нельзя, почему и потребовалась «перестройка». Горбачев подчеркивал: «Перестройка — не какое-то прозрение, не озарение, а понимание объективной необходимости обновления и ускорения, родившееся в глубинах нашего общества»⁴.

---

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 3.

² Там же. С. 13.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 31.

Вот как она ему представлялась: «Перестройка — это решительное преодоление застойных процессов и слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития общества, придание ему большего динамизма. Перестройка — это опора на живое творчество масс. Это всестороннее развитие демократии, социалистического самоуправления, поощрение инициативы, самостоятельности, укрепление дисциплины и порядка, расширение гласности, критики и самокритики во всех сферах жизни общества. Это высоко поднятое уважение к ценности и достоинству личности. Перестройка — это всесторонняя интенсификация советской экономики, восстановление и развитие в управлении народным хозяйством принципов демократического централизма, повсеместное внедрение экономических методов управления, отказ от командования и администрирования, всемерное поощрение новаторства и социалистической предприимчивости. Перестройка — это решительный поворот в науке, умение поставить любое начинание на солидную научную основу. Это соединение достижений научно-технической революции с плановой экономикой. Перестройка — это приоритетное развитие социальной сферы, направленное на все более полное удовлетворение потребностей советских людей в хороших условиях труда, быта, отдыха, образования и медицинского обслуживания. Это постоянная забота о духовном богатстве, культуре каждого человека и общества в целом. Перестройка — это энергичное избавление общества от искажений социалистической морали, последовательное проведение в жизнь принципов социальной справедливости. Это единство слова и дела, прав и обязанностей. Это возвышение честного, высококачественного труда, преодоление уравнилельных тенденций в его оплате, потребительства»¹.

Горбачев заключает: «Так мы сегодня представляем себе перестройку. Так мы видим свои задачи, смысл и со-

---

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление... С. 30.

держание нашей работы на предстоящий период. Сколько он продлится — сказать трудно. Но это, конечно, не два-три года, а значительно больше. Мы настраиваемся на серьезную, напряженную, кропотливую работу, чтобы до конца XX века вывести нашу Родину на новые рубежи»¹. Согласно Горбачеву, конечная цель перестройки — это «глубокое обновление всех сторон жизни страны, придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие гуманистического характера нашего строя во всех его решающих аспектах — экономическом, социально-политическом и нравственном»².

Мы привели столь пространную выдержку из книги Горбачева ради того, чтобы собственными словами автора передать его представления о «перестройке». Нетрудно убедиться в том, что все им здесь сказанное, хотя внешне и привлекательно, но декларативно, выдержано в стиле «балалаечных» программ, с которыми не раз выступали его предшественники.

Если отойти от ходульной риторики, которой насыщена книга, и попытаться вникнуть в ход рассуждений «про-раба перестройки», то мы окажемся в довольно сложном, запутанном положении, поскольку его суждения не отличаются стройностью и нередко противоречивы. Это можно объяснить двояко: либо их непродуманностью, либо расхождением между произносимыми словами и скрывающимися замыслами. Какое из данных объяснений ближе к истине, узнаем ниже.

М. С. Горбачев, подобно Ю. В. Андропову, ставит задачу «углублять изучение общества, в котором живем»³. Следовательно, он, как и его недавний патрон, сомневается в привычном взгляде на послереволюционное прошлое страны и потому предлагает «острее оценить» это прошлое. И вот результат: «Мы только думали, что управ-

---

¹ Г о р б а ч е в М. С. Перестройка и новое мышление... С. 31.

² Там же.

³ Там же. С. 59.

ляем, а на самом деле складывалась ситуация, о которой предупреждал еще Ленин: машина едет не туда, как думают те, кто сидит у руля»¹. Из существа высказываний Горбачева следует, что «машина» свернула в сторону от социализма и ее необходимо снова вырулить на путь социалистического развития, ведущий к «лучшему социализму» или общественному строю, где «больше социализма и поэтому больше демократии»².

М. С. Горбачев непрестанно клянется «социалистическим выбором», бьет себя в ланиты и перси, вопия о верности делу социализма. Он говорит: «Чтобы исключить всякие кривотолки и спекуляции по этому вопросу, — а их немало слышим с Запада, — хочу еще раз подчеркнуть: все свои преобразования мы осуществляем в соответствии с социалистическим выбором, ответы на вопросы, поставленные жизнью, мы ищем в рамках социализма, а не за его пределами. Все свои успехи и ошибки мы измеряем социалистическими мерками. Тем, кто надеется, что мы свернем с социалистического пути, предстоит горькое разочарование. Вся наша программа перестройки, как в целом, так и в отдельных компонентах, полностью базируется на принципе: больше социализма, больше демократии»³.

О своей преданности социализму Горбачев говорит в книге неоднократно⁴. Иной системы он не приемлет и считает исторически невозможным поворот к капитализму. «Мы будем всемерно социализм развивать и укреплять, — читаем у него. — Думаю, раскрыты еще только самые минимальные возможности нового строя. Вот почему странно для нас звучит, когда нам предлагают — некоторые даже искренне — изменить общественную систему, обратиться к методам и формам, характерным для другого социального строя. Этим людям невдомек, что такое просто невозможно, даже если бы кто и захотел повернуть Совет-

---

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление... С. 18.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 39, 55, 84, 107.

ский Союз к капитализму. Подумайте только: как мы можем согласиться с тем, что и 1917 год был ошибкой, и все 70 лет нашей жизни, труда, борьбы и сражений — тоже сплошная ошибка, что мы шли «не туда»?!. Нет, на основе строгой и объективной оценки фактов истории можно сделать только один вывод: именно социалистический выбор привел бывшую отсталую Россию как раз «туда» — на то самое место, которое занимает Советский Союз сейчас в прогрессе человечества»¹.

На фоне современных событий в России это заявление звучит подобно издевательству. Советского Союза нет. 1917 год объявлен роковой ошибкой. Вся последующая семидесятилетняя история нашей страны признана бесплодным блужданием, погоней за химерой коммунизма. Неужели Горбачев так бездарен и глуп, что не видел ближайших последствий своей «перестройки»? Едва ли. Тогда что? Маскировка?..

Важно иметь в виду, что Горбачев вскоре «сжег то, чему поклонялся». Об изменении его взглядов А. А. Собчак пишет: «За короткий период пребывания в должности генсека КПСС и Президента СССР взгляды Горбачева претерпели такую огромную эволюцию, что в это трудно поверить... Вначале Горбачев исповедовал вполне традиционные догматические взгляды на социализм, затем он пришел к выводу о необходимости обновления социализма, об отказе от казарменного социализма и построении «социализма с человеческим лицом», а в конце своей политической деятельности, по существу, отказался от марксизма-ленинизма и утратил веру в возможность существования эффективной системы социализма. И так по всем вопро-

---

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление... С. 39.— Степень искренности этих слов в полной мере проявляется при сопоставлении с тем, о чем говорил Горбачев, выступая в 1992 году в конгрессе США: «Мир может вздохнуть спокойно. Идол коммунизма, распространявший повсеместно социальное напряжение, враждебность и не сравнимую ни с чем жестокость, вселявший в человечество страх, рухнул» (цит. по: Громыко Анат. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 211).

сам. Вплоть до 1989 года он утверждал ценности и преимущества социалистической демократии, а затем вдруг осознал, что не может быть особой демократии ни при социализме, ни при капитализме, что демократия одна для всех, и провел первые в истории страны альтернативные демократические выборы, раскрепостившие ее... Эволюцию взглядов Горбачева легко проследить ретроспективно, оценивая и анализируя все, что произошло с ним и с нами за эти годы. Но в реальной жизни все происходило не так однозначно и прямолинейно: Горбачев так часто менял свои взгляды, так часто вступал в альянс с самыми реакционными силами, что порой казалось: а не фарисейство ли все это, не мимикрия, продиктованная сиюминутными интересами сохранения власти?»¹.

Похоже все-таки на то, что «рулады» Горбачева насчет социализма — это именно фарисейство и мимикрия, но не ради «сиюминутных интересов сохранения власти», а ради решения сверхзадачи, связанной с изменением социального и политического строя в СССР. Проводимая Горбачевым политика являлась по сути постепенной передачей государственной власти в руки демократов, которые получили ее, можно сказать, почти что даром. Собственную же власть Горбачев, насколько известно, сдал без боя, убедившись в том, что все содеянное им уже необратимо. Он сошел с дистанции, передав эстафету в другие руки.

А. А. Собчак полагает, будто Горбачев в условиях демократизации общества «сам вынужден был постоянно менять свои взгляды и совершать в себе идеологический поворот к общечеловеческим ценностям, к признанию прав человека и идеи правового государства, к отказу от марксистско-ленинских догм и фразеологии...»² Аналогичным образом рассуждает Б. Ф. Славин, наблюдавший, как менялись политические взгляды и идейные установки Горбачева, «начиная от умеренно коммунистических до либе-

---

¹ Собчак А. А. Жила-была коммунистическая партия. СПб., 1995. С. 190—192.

² Там же. С. 191.

рально-социалистических». Славина «волновал вопрос», как скоро генсек «откажется от социализма, ибо его эволюция взглядов шла вслед за изменением действительности, в которой к началу 90-х годов начинались процессы, явно говорящие о том, что социализму, даже с горбачевским лицом, скоро придет конец»¹.

На наш взгляд, Горбачев не менял свои взгляды, а лишь открывал их постепенно перед обществом, причем по мере того, как разрушалась прежняя политическая система и ослабевала, следовательно, угроза его смещения, а значит, и прекращения «перестройки». Он таился до поры до времени, «яко тать полунощный». А. А. Собчак относится к этому с полным пониманием и сочувствием. Он пишет: «Представим себе на минуту, что, придя к власти

---

¹ С л а в и н Б. После социализма... Метаморфозы российской политики конца XX века. М., 1997. С. 473 — Если согласиться с Б. Ф. Славиним, то придется признать, что Горбачев был пассивен и шел понуро за событиями вслед, не влияя на их развитие. Но это не так, поскольку политика, которую он проводил, как раз и вела к «изменению действительности», где социализму оставалось все меньше и меньше места. Для большей убедительности Славин напоминает, что «либеральные идеи в России утвердились не сразу. Даже лидеры Межрегиональной группы реформаторов в Верховном Совете СССР, включая Ельцина, Попова, Афанасьева и других, на первых порах говорили о реформировании социализма, а не о его отрицании. Но вот уже где-то к концу 89-го была осуждена прежняя историческая парадигма развития и все заговорили о преимуществах либерально-капиталистического развития. Поначалу робкие голоса о преимуществах частной собственности и капитализма вскоре сменились требованиями вхождения в мировую цивилизацию, в утверждении у нас капитализма» (там же, с. 474). Мы не верим в идейное прозрение «реформаторов», особенно в «прозрение» лидеров Межрегиональной депутатской группы, далеко не безгрешной, по словам Б. И. Олейника, артели, образовавшейся не стихийно и отнюдь не в одночасье. То был не «просто кружок случайных людей, а ядро будущей партии», объединение «со всеми признаками корпоративного ордена», в котором, судя по персональному составу, было немало «агентов влияния» (О л е й н и к Б. Ф. Князь тьмы. Два года в Кремле. М., 1992. С. 16—17). Эти люди скрывали свои убеждения до определенного времени, а потом, когда им уже ничто не угрожало, стали играть открыто. К сожалению, Славин этого не понимает или делает вид, что не понимает.

в 1985 году, Горбачев стал бы говорить об общечеловеческих ценностях (т.е. либерально-демократических ценностях западного мира, всегда отвергавшихся коммунистической идеологией как буржуазные) или об отказе от идеи мировой социалистической революции и даже о принятии теории конвергенции двух систем как фундаменте общего развития цивилизации, т.е. все то, о чем он стал говорить в 1990 и 1991 годах. Его судьба была бы решена без промедления»¹.

Итак, Горбачев сбрасывал с себя идейный камуфляж по ходу усиления «перестроечных» процессов, становясь тем, кем был в действительности, — противником системы, которая вскормила его и подняла на высшую ступень власти.

Двойственную причину идейной эволюции Горбачева обнаруживает Д. Боффа. «Мысль Горбачева, — пишет он, — постоянно претерпевала изменения. Рассматривая нарастающий поток его инициатив, часто задаются вопросом, шла ли речь о подлинной эволюции его мышления или же о тактических приемах человека, который, зная, сколько препятствий ему предстоит преодолеть, не сразу обнаружил свои намерения. Признания Горбачева самого могут подтвердить обе гипотезы, и вполне вероятно, что в его действиях сосуществовали оба мотива»².

Примерно так же рассуждает Д. Е. Фурман, по мнению которого, к Горбачеву приложимы две модели — «прозрения» и «маски». «Человек, поднявшийся по всем ступеням партийной лестницы и несший в душе «нечто перестроечное», не мог не быть «чуть-чуть Штирлицем», не мог не носить маску, не произносить пустые слова, в которые сам не верил, и произносить их с какой-то полагающейся мимикой»³. Д. Е. Фурман, как видим, рисует в некотором роде романтический образ Горбачева — «чуть-чуть Штирли-

---

¹ С о б ч а к А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 184.

² Б о ф ф а Д. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964—1994. М., 1996. С. 139.

³ Ф у р м а н Д. Феномен Горбачева // Свободная мысль. 1995, № 11. С. 64.

ца». Нам же припоминается французский писатель лауреат Нобелевской премии К. Симон, разглядевший за внешним обаянием генсека злодейскую натуру гангстера¹.

Нет никаких сомнений в том, что стратегический план Горбачева оставался неизменным на протяжении всей его деятельности в качестве генсека и Президента СССР. Варьировалась в зависимости от конкретных обстоятельств только тактика осуществления этого плана. Выступая 3 мая 1998 года на НТВ в ночной передаче «Итоги», он охарактеризовал свою перестроечную деятельность именно так: «Стратегическая цель оставалась неизменной, менялась тактика». Вот почему ему приходилось нередко лавировать, изворачиваться, а то и попросту лгать². Надо согласиться с Собчаком, когда он говорит, что Горбачев «был мастером политической интриги» и «хитростью превзошел своих сотоварищей по Политбюро»³. Он обманул их как младенцев. Недаром Е. Лигачев впоследствии горестно сокрушался: «Упустили мы Горбачева, просмотрели»⁴. Вернемся, однако, снова к «перестройке».

М. С. Горбачев, говоря о «перестройке» как политике, направленной на раскрытие потенциала социализма, на придание социализму новых качеств, называл ее вме-

---

¹ Г е л л е р М. Я. Горбачев. Победа гласности и поражение перестройки//Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 553—554.

² В этом сознается сам Горбачев. Он, например, следующим образом комментирует свои публичные заверения о преемственности курса XXVI съезда КПСС: «Без таких клятв и заверений в то время немислимо было обойтись» (Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 279). Подобных лживых «клятв и заверений» Горбачев произнес великое множество.

³ С о б ч а к А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 193. «Никто лучше его не выкручивается из трудных положений», — пишет бывший президент США Никсон. — Н и к с о н Р. На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992. С. 164.

⁴ Из числа обманутых Горбачевым членов Политбюро надо исключить Яковлева и Шеварднадзе, которые, судя по всему, вместе с ним делали одно дело.

сте с тем революцией¹. «Перестройка — процесс революционный, ибо это скачок в развитии социализма, в реализации его сущностных характеристик», — писал Горбачев². Далее он пояснял: «Называя осуществляемые нами меры революционными, мы имеем в виду их глубокий, радикальный, бескомпромиссный характер — то, что они охватывают все общество сверху донизу, от базиса, от отношений собственности до надстройки, все сферы жизни, причем охватывают комплексно, в их целостности»³.

Связывая перестройку с революцией, или коренным переворотом в жизни общества, Горбачев не мог не знать, что вслед за этим сам собой встанет вопрос о смене общественного строя. О том, что подобная смена предполагалась, свидетельствует случай, о котором рассказывает А. С. Черняев. Это было в 1990 году, когда в узком кругу в Ново-Огареве обсуждалась концепция доклада XXVIII съезду партии. В ходе обсуждения Горбачев согласился с формулировкой, предложенной Черняевым: «Перестройка — это смена общественной системы». Но при этом добавил: «В рамках социалистического выбора»⁴. Стало быть, в то время, когда люди из ближайшего окружения Горбачева ясно понимали, куда «процесс пошел» и говорили об этом с полной определенностью, он продолжал гримироваться под приверженца социалистического выбора, сохраняя осторожность и конспирацию.

Истинные замыслы нашего «прораба» проглядывают и в его готовности следовать примеру Ленина по части использования в деле революции форм, не свойственных самому социализму⁵. Внешне, казалось бы, тут все благопристойно: припадаем к Ленину. Однако в исторических условиях 80-х — начала 90-х годов использование в «рево-

---

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление... С. 46—52.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 51.

⁴ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 343.

⁵ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление... С. 21.

люционной перестройке» форм, не свойственных социализму (т.е. буржуазных), означало не что иное, как разрушение существующей общественной системы и ползучую реставрацию капиталистических отношений. На «ленинскую удочку» Горбачев ловил дурачков из Политбюро и ЦК, причем, надо сказать, очень удачно.

Необходимо упомянуть еще одно выразительное признание Горбачева: «В революционном процессе, как известно, безусловное первенство принадлежит политике. Так и в перестройке. Приоритетное значение имеют меры политического характера...»¹ Отождествление «перестройки» с революцией понадобилось Горбачеву, очевидно, для того, чтобы обосновать свои политические новации, которые, как показало время, вели к резкому ослаблению, можно даже сказать, к параличу государственной власти, что повергло страну в состояние хаоса и разложения, предопределивших ее падение. Поэтому нельзя согласиться с теми исследователями, которые в «приравнивании» генсеком «перестройки» к революции усматривают одно лишь «пропагандистское значение»².

В этом «приравнивании» есть, на наш взгляд, совершенно определенный практический смысл, позволивший Горбачеву прибегать к радикальным и губительным для существующей системы мерам, но соответствующим масштабности понятия «революция» и тем самым оправдывающим его действия, которые в ином случае были бы недопустимы. Странно, что сторонники социалистической ориентации в партийном руководстве не поняли эту уловку и согласились с идеей Горбачева о «перестройке» как новой революции, дав ему в руки мощное средство разрушения существующего строя. Впрочем, некоторые из них настороженно и даже отрицательно относились к данной идее, но молчали, позволяя себе только в частных и сугубо доверительных беседах выражать свое несогласие с ней. Так, А. А. Громыко в

---

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление... С. 51.

² Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. В 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 616.

разговоре с сыном как-то сказал, что утверждение Горбачева о том, будто перестройка есть «революция, легковесно. Оно вводит в заблуждение и вместо созидания мы опять можем перейти при таком подходе к разрушению. Менять в стране надо многое, но только не общественный строй»¹. А. А. Громыко, следовательно, подспудно чувствовал разрушительный характер «перестройки», ее опасность для существующего общественного строя. Присмотримся, однако, к ходу «перестройки»-революции. Но сперва несколько историографических замечаний.

Один из инициаторов «перестройки» в составе высшего руководства страной Н. И. Рыжков склонен рассматривать ее как «революционный процесс», начатый не в 1985 году Горбачевым, а в 1983 году Андроповым². По мнению Рыжкова, осуществить «перестройку» в том виде, в каком она замышлялась, не удалось³. Первоначально «преследовалась цель реформировать, как его тогда называли, реальный социализм в гуманный, «с человеческим лицом»». Но «постепенно сложилось так, что одна часть реформаторов осталась верна социализму, другая приняла систему капиталистических ценностей, в основном позаимствованных из практики североамериканского индустриального общества»⁴. Произошла «подмена сути начатых преобразований», «смена курса реформ» и «ориентация на капитализацию всех сторон и сфер жизни»⁵. Виной тому, согласно Рыжкову, предательство: «Да, перестройка, считаю, была предана. Нами предана! Теми, кто ее задумывал, кто начинал, кто осуществлял и кто хоронил. И себя от сих процессов не отделяю, разве что в похоронах, к счастью, не довелось участие принимать. Но великое предательст-

---

¹ Г р о м ы к о Анатолий. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 111.

² Р ы ж к о в Н. И. 1) Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 11;
2) Перестройка: История предательств. М., 1992. С. 33.

³ Р ы ж к о в Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 10.

⁴ Там же. С. 460.

⁵ Там же. С. 10, 460.

во это складывалось из множества малых, которые — по большому счету! — и предательством трудно назвать. Уступка популизму. Уступка силе. Уступка авторитету. Малодушие. Обывательское русское «авось». Корректировка. Поправка. Замена задуманного на удобное...»¹. Рыжков противопоставляет «перестроечное время» «постперестроечному», «перестройку» «постперестройке» как разным социальным и политическим измерениям.

Другой мемуарист, принадлежащий к противоположному Рыжкову лагерю демократов, известный «шокотерапевт» Егор Гайдар, также отделяет перестроечный период от последующего времени. «Распространенной ошибкой при обсуждении проблем новейшей истории,— говорит он,— является смешение ключевых вопросов, решавшихся на ее отдельных этапах»². Согласно Гайдару, 1985—1991 годы — это «обостряющийся кризис социализма», а 1991—1993 — «революционное крушение старого режима и борьба за стабилизацию институтов нового»³. Таким образом, в обозначенные периоды решались разные «ключевые вопросы».

Сходный взгляд находили в академической истории России XX века, где развитие событий прослеживается «от перестройки к революции»⁴. Перед нами, следовательно, две различные по существу эпохи новейшей истории России.

Иной подход у авторов российской «Политической истории». Они рассматривают 1985—1994 годы как период модернизации советского общества, состоящий из трех крупных драматических этапов, «охватывающих соответственно 1985—1986, 1987—1991 и 1992—1994 годы»⁵. Конструктивным принципом этого подхода является отсутствие противопоставления «перестройки» и последующей

---

¹ Рыжков Н. И. Перестройка: История предательств. С. 375.

² Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 9.

³ Там же.

⁴ История России. XX век. М., 1996. С. 584.

⁵ Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. С. 611.

капиталистической реставрации. Однако вряд ли следует называть 1985—1994 годы периодом «модернизации», т.е. созидания, ибо мы являемся свидетелями тотального разрушения великой державы. Сегодня мы все сидим на пепелище, на развалинах отчего дома — России, которая на протяжении последних семи десятилетий именовалась Союзом Советских Социалистических Республик.

Как единый исторический период буржуазной реставрации А. Кузьмич рассматривает время «перестройки» и либеральных реформ, выделяя при этом три этапа. Первый этап (1985—1988 гг.) связан с «первоначальным накоплением». Второй этап «начался с 1989 года и характеризуется захватом земли и производства». Третьему этапу, начавшемуся с 1992 года, присуще сращивание транснациональных корпораций и «совпроизводства»¹. Следовательно, изменения в СССР и Российской Федерации, происходящие с середины 80-х годов, есть результат целенаправленных усилий «мирового правительства».

В плане воздействия «мировой закулисы» выстраивает свою периодизацию и Г. А. Зюганов, с полным основанием начиная отсчет с доперестроечных времен. Он пишет: «С начала «холодной войны», когда были запущены тайные механизмы разрушения Союза, и до финального акта драмы в 1991 году можно условно выделить три этапа — **три последовательных периода геополитической диверсии против СССР**».

Первый период, полагает Г. А. Зюганов, «начался сразу после смерти Сталина и проходил под лозунгами «десталинизации» и хрущевской «оттепели»», что означало крутой поворот вспять идеологического курса. «Весь цивилизованный мир» громко приветствовал этот маневр, скромно умалчивая о том, каких трудов он стоил его политикам, дипломатам, спецслужбам и «агентам влияния»². Второй этап Г. А. Зюганов датирует 1985—1990 годами, которые охва-

---

¹ Кузьмич А. Заговор мирового правительства. М., 1993. С. 11.

² Зюганов Г. А. География победы: Основы российской геополитики. М., 1997. С. 109.

тывают большую часть горбачевской «перестройки». Это время «создания идеологической базы» развала СССР, его демонтажа¹. Третий, завершающий этап, по мнению исследователя, «заял всего два года (1990—1991) и был направлен на политическое обеспечение дезинтеграции единого союзного государства. Во внутривполитической области он охарактеризовался борьбой с реакционерами в руководящем аппарате партии и правительства, резким всплеском окраинного национализма и регионального сепаратизма, параличом центральной власти и использованием «демократического» российского руководства в качестве тарана для разрушения общего экономического, правового, политического и культурного пространства страны»².

Ценной стороной наблюдений Г.А.Зюганова является то, что он не отделяет «перестройку» Горбачева от дел «демократического» российского руководства. В результате становится очевидной искусственность рассуждений о «подмене сути» начатых Горбачевым «преобразований», о «смещении ключевых вопросов», составляющих суть «перестроечного» и «постперестроечного» периодов, а история Советского Союза на протяжении последних сорока лет приобретает ясность, позволяющую понять истинные причины трагедии русского народа, переживаемой им на исходе XX века.

Готовя «перестройку», Горбачев должен был, конечно, подумать о кадрах, с которыми он мог осуществить задуманное. Он превосходно усвоил сталинскую формулу «кадры решают все».

Мы уже знаем, что «перебор людишек», как сказали бы в старину, разумея «кадровый вопрос», проводил Андропов, причем не без участия Горбачева. При Андропове пришли новые люди не только в высшее руководство. Была произведена значительная замена секретарей ЦК союзных республик, крайкомов и обкомов. Горбачев старательно проводил ту же линию. К началу 1987 года сменилось «70% членов

---

¹ З ю г а н о в Г. А. География победы. С. 110.

² Там же. С. 111.

Политбюро, 60% секретарей областных партийных организаций, 40% членов ЦК КПСС брежневского «набора»¹. За период «с 1986-го по 1988 год на уровне областных и республиканских организаций было заменено две трети секретарей. Еще хуже дело обстояло на уровне райкомов и горкомов. Здесь было заменено 70% руководителей. Еще более беспощадная перетряска кадров происходила в аппарате правительства. Из 115 членов Совета Министров, назначенных до 1985 года, через три года осталось только 22, а в 1989 году — 10. Когда Горбачевым был изгнан из правительства Н. И. Рыжков, в новом правительственном органе — Кабинете министров — не осталось ни одного министра старого состава»². По справедливому замечанию Анат. А. Громыко, «со времен Сталина в Советском Союзе не было такого гонения на кадры, как это случилось при Горбачеве»³. Еще в июле 1989 года, т.е. спустя четыре года после ее начала, Горбачев заявлял: «Мы не можем откладывать решение назревших кадровых вопросов... Нам надо пополнить кадровый корпус творческими силами»⁴.

М. С. Горбачева особенно тревожил состав ЦК. Поэтому «выборы в Центральный Комитет сопровождались чисткой, превосходившей по своим размерам все, что партия до сих пор знала. Между 1934 и 1939 годами, в период «большого террора», ЦК потерял 78% своих членов... Между 1986 и 1990 гг. число новых членов ЦК составило 85%»⁵. Прямо-таки фантастическую чистку Центрального Комитета он произвел в апреле 1989 года, отправив за один прием в отставку свыше 100 (110) членов ЦК КПСС, т.е. более трети состава этого высшего партийного органа. Приходится только удивляться безропотности старых членов ЦК. По-видимому, у них возобладали «шкурные» интересы.

---

¹ Политическая история... С. 615.

² Г р о м ы к о Анат. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 116.

³ Там же.

⁴ Правда. 1989, 10 июля.

⁵ Г е л л е р М. Я. Горбачев. Победа гласности и поражение перестройки. С. 556.

Чтобы усилить свои позиции в Политбюро и ослабить последнее, Горбачев в августе того же года расширил и омолодил Политбюро за счет первых секретарей компартий союзных республик, которые по понятным причинам не могли присутствовать на его еженедельных заседаниях. Подчеркнем особо, что эта, так сказать, генеральная перетряска ЦК и Политбюро имела место в 1989 году, после которого начался обвал партии и страны. Кадровые изменения в составе ЦК и Политбюро имели важное значение в истории падения системы. Не случайно оба эти события отражены в «Хронике крушения коммунистического режима», составленной А. А. Собчаком — одним из наиболее осатанелых демократов¹.

Необходимо сказать и о том, что люди, вошедшие во власть в период «перестройки», — довольно своеобразные особи, имеющие чрезвычайно смутное представление о чести, совести, о гражданском долге и любви к Родине. Их приход есть прямое следствие проводимой партийным руководством кадровой политики. В постановлении Пленума ЦК КПСС от 28 января 1987 года «О перестройке и кадровой политике партии» записано: «Пленум ЦК подчеркивает, что решающим критерием оценки кадров, их политической и гражданской позиции являются отношение к перестройке, задачам ускорения социально-экономического развития страны, реальные дела по их осуществлению. Партия будет выдвигать и поддерживать тех работников, которые не только разделяют курс на перестройку, но и активно, творчески включились в процесс обновления, отдают все силы общему делу, умеют добиваться успеха. Кто не в состоянии изменить к лучшему положение дел на порученном участке, остается равнодушным к происходящим переменам, цепляется за старое, тот не вправе занимать руководящий пост»². Это постановление, с

---

¹ Собчак А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 24, 25.

² Государство Российское: Власть и общество с древнейших времен до наших дней. Сб. документов // Под ред. Ю. С. Кукушкина. М., 1996. С. 440—441.

одной стороны, легализовало изгнание из рядов партии самостоятельных и потому ненадежных людей, а с другой — распахнуло двери для «хождения во власть» всякого рода проходимцам. И они посыпались «во власть», как труха из дырявого мешка.

Несмотря на то, что Пленум заявил о необходимости «неуклонно освобождаться от приспособленцев, карьеристов, конъюнктурщиков, от тех, кто компрометирует звание члена партии, советского руководителя стяжательством, хозяйственным обростанием, пьянством, моральной нечистоплотностью»¹, именно такого «сорта» люди стали «править бал». Ради власти, «стяжательства» и «хозяйственного обростания» они не останавливались ни перед чем. В душе у них не было ничего святого. Хорошо о них сказал В. Межуев, по словам которого, «перестройка» «вывела к власти людей, совершенно случайных для истории России, никак с ней не связанных — ни культурно, ни религиозно, ни исторически. Для них судьба России не была их личной судьбой. Этих людей отличала духовная беспородность. Они ни интеллектуально, ни другими качествами не были предназначены решать судьбу страны. Они никак не были укоренены в русской почве. Совершенно не понимали ни ее истории, ни ее традиций. До перестройки они что-то таякали про научный коммунизм, потом они прочитали Хаека и стали по западным рецептам, которые, кстати, оспариваются давно и на Западе, ломать и корезить эту огромную страну, чужую для них и непонятную»². Б. М. Соколин относит их к «антигосударственным элементам», «ориентированным на западный путь развития и готовым ради этого к совершению капиталистической революции»³.

Подобного сорта люди, большие и малые, не раз вылезали на историческую сцену, о чем в свое время говорил

---

¹ Государство Российское: Власть и общество... С. 441.

² Независимая газета. 1997, 16 янв.

³ Соколин Б. М. Кризисная экономика России: рубеж тысячелетий. СПб., 1997. С. 50.

великий Ф. М. Достоевский: «В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки. Я не про тех так называемых «передовых» говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшею, но все же с определенною более или менее целью. Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою из всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается... В чем состояло наше смутное время и от чего к чему был у нас переход — я не знаю, да и никто, я думаю, не знает — разве вот некоторые посторонние гости. А между тем дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать все священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть, а первейшие люди, до тех пор благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать»¹.

Таким образом, «перестройка», породившая «смутное время колебания и перехода», востребовала и соответствующие кадры своих исполнителей. «Человеческий фактор» горбачевской «перестройки» был под стать ее делам.

Все началось с курса на «ускорение социально-экономического развития страны», декларированного 23 апреля 1985 года на Пленуме ЦК КПСС. В этом, конечно, не было ничего плохого. Наоборот, страна нуждалась в пробуждении от «застоя», в динамическом развитии, ибо к 1985 году экономика ее «приблизилась к состоянию стагнации. Среднегодовые темпы экономического роста в 1981—1985 гг. составили 3,2% (по национальному доходу). Это был самый низкий прирост за все послевоенные го-

---

¹ Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10 т. М., 1957. Т. 7. С. 481.

ды»¹. Но задачи, которые теперь ставились, более напоминали благие пожелания, нежели строго рассчитанные и выверенные задания. «Согласно принятым решениям, подкрепленным затем «Основными направлениями экономического и социального развития на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г.», предусматривалось удвоить к 2000 г. национальный доход, а темпы прироста повысить с 3,1% в 1981—1985 гг. до 5,0% в 1986—2000 гг. Ресурсосбережение рассматривалось как решающий источник удовлетворения потребностей экономики в топливе, энергии, сырье и материалах. Была сформулирована задача: 75—80% прироста потребностей в этих компонентах производства обеспечить за счет их экономии»². Все это прекраснодушие, как и надо было ожидать, осталось только на бумаге.

Необходимо заметить, что программа «ускорения» предусматривала «опережающее (в 1,7 раза) развитие машиностроения по отношению ко всей промышленности и достижение ею мирового уровня уже в начале 90-х годов. Но ни в одном из партийных документов, ни в одном из официальных расчетов не говорилось, что для достижения цели «догнать Америку» за пять лет в важнейшей отрасли необходимо было, чтобы производство оборудования для самого машиностроения развивалось в сравнении с ним еще в два раза быстрее. Советской экономике это было совершенно не под силу. Предпринятые массивные денежные, в том числе валютные, вливания в машиностроение не дали эффекта ни через год, ни через два после провозглашения его приоритетным»³. Деньги, как говорится, «вылетели в трубу», что явилось первым серьезным «вкладом» Горбачева в развитие экономики страны. Да и вообще «ускорение» обернулось громадным ростом бюджетного дефицита. Как все это понимать? Можно, ра-

---

¹ Коловангин П. М., Рыбаков Ф. Ф. Экономическое реформирование России в XX веке (политико-экономическое исследование). СПб., 1996. С. 30.

² Там же. С. 30—31.

³ Политическая история... С. 613.

зумеется, сказать: перед нами досадная ошибка, каких немало совершили предшественники «реформатора» с «человеческим лицом». Но, учитывая то, что Горбачев совершил впоследствии, к чему привел страну, народ и партию, можно заявить и по-другому: здесь мы имеем дело с сознательным расчетом и с планированной акцией.

Некоторые экономисты полагают, что программа «ускорения» без структурной перестройки была обречена на провал¹. Опять приходится гадать, что это — просчет или расчет...

В программе «ускорения» есть момент, который обычно упускают из вида. Это момент социально-психологический. Понятие «ускорение развития» содержит элемент если не завораживающий, то очень привлекательный, особенно для обществ, остро осознающих необходимость позитивных изменений, затрагивающих жизнь народных масс (а таковым и было советское общество середины 80-х годов). Народ, находящийся в томительном состоянии ожидания лучшего, склонен, вопреки разуму, верить обещаниям своих правителей. А тут появился вызывающий симпатию молодой (по сравнению с прежними хозяевами Кремля), обходительный и сладкоречивый властитель, устами которого, как говорит народная мудрость, «мед бы пить». Он пообещал радикальным образом улучшить жизнь за какие-то пятнадцать лет. Как ему не верить?! И, увы, поверили! Но массы, которыми овладевает чувство веры, слепнут, будучи не способны адекватно воспринимать действия власти. Они поддаются на новшества, которые осуществляются отнюдь не в их интересах. Необходимо время для прозрения. А пока с людьми, пребывающими в социальном дурмане, можно проделывать все, что угодно. Таков, на наш взгляд, основной социально-психологический эффект программы «ускорения». С этой точки зрения ее надлежит рассматривать как один из способов психологического воздействия на массы.

---

¹ С о к о л и н Б. М. Кризисная экономика России... С. 10—11.

Провозгласив курс на «ускорение» экономического и социального развития в рамках существующего строя, Горбачев одновременно включил мощную систему торможения, в результате чего реализация этого курса стала весьма проблематичной¹. Речь идет об антиалкогольной кампании. Как бы предполагая возможность подобного взгляда на проводившуюся в 1985—1988 годы борьбу с алкоголизмом, Горбачев в своих мемуарах пишет: «Антиалкогольная программа, принятая в мае 1985 года, до сих пор остается предметом недоумения и догадок. Почему решили начать с этой меры, рискуя осложнить возможность проведения реформ?»² Принятие антиалкогольной программы бывший генсек объясняет тем, что мириться далее с пьянством — «народной бедой» — было невозможно³, хотя тут же отмечает, что «пьянство на Руси было бичом со Средних веков»⁴.

Стараясь ослабить бремя личной ответственности, Горбачев утверждает, будто инициатива введения мер по преодолению пьянства и алкоголизма «принадлежала обществу»⁵. Стало быть, он здесь, можно сказать, как бы ни при чем. К тому же чересчур ретивые сановные контролеры, следившие за претворением в жизнь предначертаний партии (контроль за исполнением был поручен Лигачеву и Соломенцеву), взявшись за дело с неумемным рвением, «довели все до абсурда»⁶. Опять-таки он тут, вро-

---

¹ Это, по нашему убеждению, свидетельствует о том, что в курсе на «ускорение» Горбачев преследовал несколько иные цели, нежели ускоренное развитие страны на пути к подлинному социализму.

² Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 338.

³ Там же. С. 338—340.

⁴ Там же. С. 338.— То же самое он мог бы сказать и применительно к советскому времени, в частности по отношению к 20-м и 30-м годам (Лебина Н. Б. Повседневность 1920—1930-х годов: «борьба с пережитками прошлого»//Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 244—252).

⁵ Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 340.

⁶ Там же. С. 341.

де бы, ни при чем. Однако Горбачев все же не отказывается от «доли» собственной вины. Только она у него хоть и «большая», но какая-то странная: «Что ж, должен покаяться: на мне лежит большая доля вины за эту неудачу. Я не должен был всецело передоверять выполнение принятого постановления. И, уж во всяком случае, был обязан вмешаться, когда начали обнаруживаться первые перекосы. А ведь до меня доходила тревожная информация, что дело пошло не туда, да и многие серьезные люди обращали внимание на это в личных беседах. Помешала отчаянная занятость лавиной обрушившихся на меня дел — внутренних и внешних, в какой-то мере и излишняя деликатность. И еще одно скажу себе в оправдание: уж очень велико было наше стремление побороть эту страшную беду. Напуганные негативными результатами кампании, мы кинулись в другую крайность, совсем ее свернули. Шлюзы для разгула пьянства открыты, и в каком жалком состоянии находимся мы сейчас! Насколько труднее будет из него выбираться!»¹

Итак, «передоверил», «не вмешался», «не прислушался», «был занят», «хотел лучшего» — вот за что себя корит Горбачев, говоря при этом, что сейчас мы находимся еще в худшем положении. Все это — словесная вуаль, скрывающая подлинный смысл антиалкогольной кампании 1985—1988 годов. Увы, не вышло. И тут ничего не поделаешь... Эту сказку в различных вариантах пересказывают другие мемуаристы и даже ученые-историки.

А. С. Черняев — особа, приближенная к Горбачеву, — определяет антиалкогольную политику как «крупную ошибку», которая «предопределила многое в трагическом исходе перестройки»².

Е. Т. Гайдар, известный либерал-демократ, так оценивает начатую Горбачевым борьбу с пьянством и алкоголизмом: «опаснейшая антиалкогольная кампания», под-

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы... С. 342.

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. С. 39.

рывающая «сами основы финансовой стабильности»¹. Итальянский историк Дж. Боффа считает антиалкогольную кампанию одним из самых злополучных решений горбачевского периода². При этом Боффа полагает, что это решение является по духу своему андроповским³. Тем самым подспудно проводится мысль, будто действия Горбачева вполне традиционны и целиком соответствуют стилю политики предшествующих вождей.

С наибольшей прямоотой подобный взгляд развивает М. Я. Геллер, согласно которому Горбачев «действовал по традиционной советской схеме: критика действующего механизма — выдвижение рецептов его улучшения — принятие решения — эйфория по поводу эффективности — шок после очередной неудачи»⁴. В своих делах Горбачев, оказывается, подражал Сталину. Так, лозунг «Ускорение» был, по мнению Геллера, «парафразой одного из главных сталинских лозунгов 30-годов: темпы решают все»⁵. Горбачев следовал Сталину и в антиалкогольной политике, которая якобы являлась точным копированием «методов, использовавшихся во время первой большой антиалкогольной кампании конца 20-х — начала 30-х годов»⁶. Согласно Геллеру, «Горбачев проявил себя верным наследником Ленина и его преемников»⁷.

---

¹ Г а й д а р Е. Т. Дни поражений и побед. С. 42—43.— В статье, написанной ранее, Гайдар отмечал: «Финансовое положение государства было напряженным уже на протяжении многих лет. С 1985 года начинается серьезное сокращение доходов бюджета по двум крупнейшим статьям — налога с оборота от реализации спиртных напитков и доходов от внешней торговли» (Г а й д а р Е. Хозяйственная реформа, первый год//Обратного хода нет. М., 1989. С. 323).

² Б о ф ф а Д. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964—1994. С. 142.

³ Там же.

⁴ Г е л л е р М. Я. Горбачев. Победа гласности и поражение перестройки. С. 551.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 553.

От подобного рода заявлений «Ленин и его преемники», восстановившие, вопреки масонским планам расчленения России¹, великую страну и сделавшие ее сверхдержавой мира, переворачиваются в гробу. Надо обладать безбрежной фантазией, чтобы изображать «верным наследником Ленина и его преемников» человека, который пустил по ветру все, что ими было создано.

Однако если бы дело ограничивалось одной лишь фантазией, то можно было бы пройти мимо, оставив автора наедине со своими увлечениями. В том-то и суть, что за этой фантазией угадывается нечто более серьезное и зна-

---

¹ План расчленения России осуществляло Временное правительство, возглавляемое Керенским (см.: Ф р о я н о в И. Я. Октябрь семнадцатого... С. 41—42). По данным Н. Н. Берберовой, из 11 членов Временного правительства первого состава 10 были братьями-масонами. «Профаном» являлся лишь П. Н. Милюков, который «много понимал и о многом догадывался, но был занят самим собой, своей политической биографией и той «политической фигурой», которую он «проецировал» в умах союзников» (Берберова Н. Н. Люди и логи. Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 35). В. В. Кожин считал в этом правительстве 9 масонов, кроме Гучкова и Милюкова (К о ж и н о в В. В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 9). Мнение Н. Н. Берберовой нам представляется более обоснованным. Но к 10 несомненным масонам Временного правительства первого состава следует, на наш взгляд, присовокупить также и Милюкова (см.: И в а н о в В. Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра до наших дней. М., 1997. С. 375, 384, 402; П л а т о н о в О. А. Терновый венец России... М., 1996. С. 257, 363; Ф р о я н о в И. Я. Октябрь семнадцатого... С. 65—67). Во Временном правительстве последнего состава «масонами были все, кроме Карташева, — те, которые высиживали ночь с 25 на 26 октября в Зимнем дворце и которых арестовали и посадили в крепость, и те, которые были «в бегах»» (Берберова Н. Н. Люди и логи... С. 37). План о дроблении России на несколько независимых государств под иностранным протекторатом, разделяемый и поддерживаемый масонами, был разработан еще в 1904 году. В согласии с этим планом «Франция добивалась отторжения Украины с Донбассом, где у нее были крупные экономические интересы. Англичан привлекали богатые нефтью и другими природными ресурсами недра Кавказа. США вместе с Японией целились на Сибирь и Дальний Восток. Не дремали и немцы», зарившиеся на Украину и Кавказ (Соловьев О. Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 66—67).

чительное: желание скрыть настоящий смысл деятельности Горбачева, выдав его за неудачливого последнего генсека, близкого по духу тем, кто правил страной ранее. Значит, в бедах и несчастиях, обрушившихся на нас в годы «перестройки», виноват не ее «прораб», а система, с которой он был накрепко связан. В этом случае и «перестройка» приобретает не свойственное ей значение, превращаясь в серию фатальных ошибок и просчетов «верного ленинца». Такова одна из баек новейшей историографии, толкующей события «перестроечных» лет, в том числе и антиалкогольную кампанию.

Вопрос о пьянстве и алкоголизме в стране стал предметом обсуждения на заседании Политбюро 6 апреля 1985 года. Уже тогда было ясно, что антиалкогольная кампания отразится пагубно на бюджете, причем сразу же, немедленно. Характерна в данной связи позиция, занятая Горбачевым. Когда присутствующий на Политбюро заместитель председателя Госплана СССР, как свидетельствует Черняев, «попытался «попросить», чтобы не сразу отменяли водочные статьи дохода — мол, не залатать дыру (5 млрд. руб.),— Горбачев его «смазал»: в коммунизм на водке хочешь въехать!»¹. Эта дешевая демагогия, совершенно неуместная при обсуждении столь важного вопроса, показывает, во-первых, что у генсека не было серьезных аргументов в пользу столь резкого и немедленного поворота в государственной политике и, во-вторых, что он был преисполнен решимости пресечь любые возражения против затеваемой кампании². Похоже, Горбачев пре-

---

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 39.

² Существует мнение, согласно которому Горбачев относился к антиалкогольной кампании «скорее скептически, если не иронически, но не воспротивился ей» (Б о ф ф а Д. От СССР к России... С. 142). Свою инициативу в этом деле Горбачев ловко прикрыл ретивостью Е. Лигачева и М. Соломенцева, переложив на них ответственность за все, что потом произошло. Боффа не понял этого. Отсюда у него и такое искаженное представление об отношении Горбачева к антиалкогольной кампании. Кстати, заметим, что, по свидетельству Рыжкова, Горбачев «активно поддержал борцов с пьянством» (Р ы ж к о в Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 95).

следовал какую-то цель, но, по-видимому, не ту, о которой говорит Черняев: «В позиции и реплике Горбачева... антиалкогольная кампания связывалась с борьбой за коммунизм»¹. С учетом того, что нам теперь известно о Горбачеве, можно с уверенностью сказать: его слова о коммунизме в данном случае были тактическим ходом, уловкой, маленькой хитростью большой интриги. И все же вопрос проходил не просто.

Н. И. Рыжков рассказывает, что разработку концепции антиалкогольной программы и подготовку нужных документов поручили Лигачеву и Соломенцеву, которые развернули бурную деятельность. «Были срочно подготовлены проекты постановлений. На одной из стадий их рассмотрения с ними были ознакомлены Секретарь ЦК И. В. Капитонов, я и Б. И. Гостев. И мы втроем дружно заявили на совещании, проходившем под председательством Соломенцева, что это не тот путь борьбы с пьянством, что он носит сугубо административно-запретительный характер. Мы высказали мнение, что эту огромную и многофакторную социальную проблему надо решать по-иному. Каково же было наше недоумение и даже изумление, когда Соломенцев изрек: «Пока водка будет стоять не прилавках магазинов, ее будут пить!» Наши ссылки на отрицательные результаты введения сухого закона в некоторых странах остались без внимания... В общем, когда окончательный проект постановления был вынесен на Секретариат, а вел его Горбачев, — я работал еще Секретарем ЦК, — у меня волосы дыбом встали. Да и не у одного меня. Главная линия постановления так и осталась прежней — принудительное сокращение производства любых алкогольных напитков, даже невинное пиво в список попало. Более того, было расписано по годам пятилетки, когда сколько алкогольных напитков производить и когда все производство свести практически к нулю. Причем этот пункт в опубликованный в мае документ не вошел — остался секретным»². По-

---

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 95.

² Там же. С. 94—95.

следний секретный пункт, на наш взгляд, особенно примечательный. В нем потенциально заложена идея отмены государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков, а значит, как минимум и многоукладности экономики. Но тогда, помимо Горбачева и нескольких посвященных и особо доверенных лиц, никто это не разумел. И «мавры делали свое дело».

7 мая 1985 года появилось Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», а потом — новые постановления ЦК и указы Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР.

Пьянство было объявлено одной из главных причин нарушения трудовой дисциплины. Поклонники Бахуса лишались премий, вознаграждений по итогам работы за год, им не давали путевки в дома отдыха и санатории. В ближайшие пять лет предполагалось уменьшить вдвое производство и реализацию ликеро-водочных изделий. В 1988 году намечалось прекратить изготовление плодово-ягодных вин. Но на деле, как и следовало ожидать, пошли перекосы. Ситуация складывалась прямо-таки драматическая. Существенный интерес в этой связи представляет один документ — записка министра торговли СССР К. З. Тереха, поданная в Совет Министров СССР 6 сентября 1988 года, где читаем: «Политбюро ЦК КПСС на заседании, состоявшемся 4 июля 1988 года, особое внимание обратило на необходимость ликвидации такого широко распространившегося явления, как очереди, на которые только в торговле теряется свободное время населения, исчисляемое десятками миллиардов часов в год, порождая при этом различные злоупотребления и морально-политические издержки, а также нездоровое настроение среди трудящихся. Анализ показывает, что за последние три года в торговле очереди возросли более чем наполовину из-за резкого сокращения продажи алкогольных напитков... В соответствии с постановлением Совета Министров СССР, принятым 7 мая 1985 года, производство ликеро-водочных изделий должно ежегодно сокращаться на

30 млн. дкл, вина виноградного — на 20 млн. дкл, а плодово-ягодных вин — полностью прекращено с 1988 года... После принятия постановления, уже во втором полугодии 1985 года, число магазинов по продаже алкогольных напитков в целом по стране сократилось на 55% (было 238 тыс., осталось 108 тыс.)... По решениям ряда обл(край)исполкомов сеть магазинов по продаже алкогольных напитков была сокращена еще в больших размерах. В Астраханской области, например, число этих магазинов уменьшилось со 118 до 5 единиц, в Белгородской — со 160 до 15, в Ульяновской — со 176 до 26, в Ставропольском крае — с 571 до 49 единиц. По инициативе ряда областей и районов РСФСР, Украинской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Молдавской ССР были созданы «зоны трезвости», в которых торговля спиртными напитками была прекращена полностью. Сеть предприятий общественного питания, в которых осуществлялась реализация алкогольных напитков, уменьшена на 71%, а в Азербайджанской, Молдавской, Киргизской и Таджикской союзных республиках — на 75—90%. Со второй половины 1986 года повсеместно возросла реализация сахара, кондитерских изделий, фруктовых соков, томатной пасты и некоторых других продовольственных товаров на самогоноварение. Продажа сахара, например, в 1987 году составила 9280 тыс. тонн и по сравнению с 1985 годом увеличилась на 1430 тыс. тонн или на 18% и в настоящее время почти повсеместно осуществляется по талонам. По данным Госкомстата СССР, в 1987 году на самогоноварение израсходовано 1,4 млн. тонн сахара, что примерно равно 140—150 млн. дал самогона и практически компенсировало сокращение продажи водки и ликеро-водочных изделий... Следует особо подчеркнуть, что за последнее время резко возросла покупка спиртосодержащих и других препаратов бытового назначения (одеколонов, зубной пасты, клеев, кремов для обуви) для использования не по прямому назначению... Резкое сокращение производства и продажи спиртных напитков привело к значительному росту антиобщественных и

других негативных явлений...»¹ Комментарии тут, как говорится, излишни.

Сугубо деловую и бесстрастную записку министра К. З. Тереха дополним эмоциональными строчками Горбачева, переложившего ответственность за перегибы антиалкогольной кампании на общество: «В нашем обществе больше привыкли к «революционным скачкам», чем к кропотливой работе на длительном отрезке времени. Антиалкогольная кампания, к сожалению, стала еще одним печальным примером того, как вера во всемогущество командных методов, максимализм, административный раж губят правильно задуманное дело. В спешном порядке начали закрывать магазины, винно-водочные заводы, а кое-где и вырубать виноградники. Свертывалось производство сухих вин, что не было предусмотрено постановлением. Приобретенное в Чехословакии дорогостоящее оборудование по производству пива ржавело и гнило. Массовый характер приобрело самогонное варение. Из продажи начал исчезать сахар; его нехватка потянула за собой резкое сокращение ассортимента кондитерских изделий. Потом с прилавков стали исчезать недорогие одеколоны, употреблявшиеся вместо алкоголя. А использование всевозможных «заменителей» привело к росту заболеваний. Вот какая потянулась цепочка. Людей все больше раздражали многочасовые очереди, униженные ожидания в надежде приобрести бутылку водки или вина по случаю какого-либо торжества»².

Написано, пожалуй, живо и выразительно, но так, будто это писал заезжий гость, человек со стороны, не имевший отношения к тому, что происходило, и наблюдавший за происходящим с расстояния, тогда как за все в первую очередь он ответствен и спрос с него.

За три года антиалкогольной кампании экономика страны потеряла не менее 67 млрд. р.; кампания «капи-

---

¹ Цит. по: Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 98—100.

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 341.

тально ударила по финансам»¹. Она «потрясла до основания и без того ослабленную финансово-бюджетную и денежно-кредитную систему страны»².

Надо заметить, что финансовые потери, понесенные государством в период антиалкогольной кампании, приобрели чрезвычайную остроту в связи со значительным сокращением поступления в бюджет «нефтедолларов», вызванным падением цен на сырую нефть на мировом рынке, а также в связи с затратами на афганскую войну и помощью Польше, раскachiваемой проамериканской «Солидарностью». По оценкам экспертов, «война в Афганистане стоила СССР 3—4 млрд. долл. в год, а помощь Польше — 1—2 млрд. долл. в год... Если к этому добавить потери от снижения цен на нефть и срыва ввода 1-й очереди газопровода Западная Сибирь — Помары — Ужгород, то ежегодные потери СССР составляли в середине 80-х годов 18—20 млрд. долл.»³.

Сумма, как видим, колоссальная. К этому вскоре присоединился и Чернобыль, который обошелся стране в 8 млрд. р., что составило полтора процента национального дохода⁴. Почему Горбачев не учитывал столь серьезнейшие финансовые обстоятельства и всеми силами цеплялся за продолжение антиалкогольной кампании, несмотря на то, что вред ее был уже очевиден? Неужели по неразумию? Едва ли.

---

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 101 (см. также: Абалкин Л. Трудный перевал//Обратного хода нет. М., 1989. С. 41; Гайдар Е. Хозяйственная реформа, первый год// Там же. С. 323.— По другим подсчетам, сумма потерь составила 200 млрд р. (Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 154).

² Павлов В. Август изнутри. Горбачев-путч. М., 1993. С. 20, «Удар, нанесенный бюджету,— пишет Р. Г. Пихоя,— был столь значителен, что он так и не был преодолен до последних дней существования СССР» (Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945—1991. М., 1998. С. 458).

³ Соколин Б. М. Кризисная экономика России: рубеж тысячелетий. С. 25.

⁴ Абалкин Л. Трудный перевал. С. 41.

Н. И. Рыжков полагает, что антиалкогольная кампания нанесла «сильнейший удар по перестройке»¹. Видимо, разговор тут должен быть более конкретный. Она, по нашему мнению, сильно ударила прежде всего по программе «ускорения», можно сказать, торпедировала ее; причем не только в финансовом плане, но и в психологическом, породив, как выразился министр Терех, «нездоровое настроение среди трудящихся». Невольно напрашивается мысль: не было ли это задумано изначально, по скрытому от непосвященных плану.

Экономические последствия антиалкогольной кампании не исчерпываются огромной потерей финансовых средств. В период ее проведения, как не без оснований заметил А. А. Собчак, «процветает торговая мафия», которая в это время «начинает усиленно богатеть, оформляясь в стойкие криминальные структуры. Так и в США мафия окончательно стала мафией именно в период «сухого закона». Но нам Запад — не указ. Мы никогда не умели учиться на чужих ошибках...»².

«Указ о борьбе с пьянством,— пишет Ф. И. Раззаков,— явился одним из первых государственных актов того времени, который заметно криминализировал общество. В нашей стране повторилось то, что произошло в США, когда 16 января 1920 года там вступила в силу 18-я поправка к Конституции страны, которая объявляла о введении в США «сухого закона». Отныне торговля спиртными напитками стала сферой деятельности выросших, как на дрожжах, или уже существовавших, но занимавшихся иной деятельностью бандитских группировок. На этом поприще начинал свою преступную карьеру и небезызвестный Аль Капоне»³.

---

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 96.

² Собчак А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 16.

³ Раззаков Ф. И. Бандиты времен социализма. Хроника российской преступности 1917—1991. М., 1997. С. 263—264.

Об отрицательном опыте введения «сухого» закона в США, не востребованном якобы разработчиками антиалкогольной программы, говорит и Н. И. Рыжков¹.

Ту же тему затрагивает Д. Боффа. «Катастрофический опыт Америки 20-х годов,— пишет он,— не научил ничему. Бюджету государства нанесли урон. Мгновенно возросло подпольное производство спиртного (самогона), что стимулировало увеличение числа экономических преступлений»². Стало быть, забвение нашими ревнителями антиалкогольной борьбы отрицательного опыта США на почве «сухого» закона выросло в литературную проблему. Как тут быть? Вначале коротко об американском опыте.

Как известно, в декабре 1917 года Конгресс Соединенных Штатов «утвердил «сухой» закон в качестве XVIII поправки конституции», «запретившей производство, перевозку и продажу алкогольных напитков»³. Закон вступил в силу в 1920 году, а был отменен в декабре 1933 года после прихода к власти Демократической партии. За годы существования «сухого» закона «широчайшее распространение в стране получили нелегальное производство, контрабанда и транспортировка спиртных напитков. Этим были заняты многочисленные подпольные организации бутлегеров, прибыли которых исчислялись миллионами долларов. Результатом их операций стал невиданный разгул коррупции, взяточничества и гангстеризма»⁴. Впечатляют конкретные факты, связанные с последствиями введения «сухого» закона. По данным на 1926 год, правительство США контролировало не более 5% импорта алкоголя. Остальные 95% проходили через все преграды и потреблялись населением. В стране действовали 1720 тыс. самогонных аппаратов, больше полумиллиона человек были заняты перегонкой крепкого спирта, а 2 млн. занималось контрабандой

---

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 95, 101.

² Боффа Д. От СССР к России... С. 142.

³ История США. В 4 т. М., 1985. Т. 3. С. 16, 108.

⁴ Там же. С. 108.

и перевозкой спиртного¹. Только в Филадельфии депозиты бутлегеров составляли как минимум 10 млн. долл. Каждый третий государственный чиновник получал подарки от главарей контрабандистов, которые одной лишь охране общественной безопасности подарили на Рождество 250 тыс. долл. Взятки здесь, по самым скромным подсчетам, составляли за год 2 млн. долл.² В целом по стране существенно возросла смертность от алкоголя³.

У нас эти явления не расцвели столь пышным цветом, как в Америке, поскольку установление «сухого» закона не предусматривалось и он не был принят⁴. Но, тем не менее, антиалкогольная кампания принесла огромный вред обществу и государству. И вряд ли стоит называть ее трагикомедией, как это делает Н. И. Рыжков⁵, выдавая полное непонимание бывшим главой правительства подлинной сути антиалкогольной политики. Она кажется ему «благородной» по конечной цели, но «бездарной» и «глупой» по исполнению⁶. Нам же конечная цель этой политики видится иначе, и вот почему.

М. С. Горбачев не мог не знать о существовании в стране теневой экономики. Он не мог не понимать той азбучной истины, что владелец теневой собственности только и ждет «удобного случая, чтобы пустить в ход свои возможности», что «такой случай даже необходимость и является в виде неудовлетворенного спроса»⁷. Горбачев не мог не

---

¹ Л а н В. И. Классы и партии в САСШ. М., 1932. С. 226—227.

² Там же. С. 227.

³ Там же.

⁴ Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 340.— Горбачев говорит, что вариант «сухого» закона «даже не рассматривался, потому что был заведомо нереален» (там же). Означает ли это, что при ощущении инициаторами антиалкогольной кампании реальности этого закона он был бы принят?

⁵ Р ы ж к о в Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 102.

⁶ Там же. С. 103; см. также: А б а л к и н Л. Трудный перевал. С. 41—42.

⁷ Т и м о ф е е в Л. М. Институциональная коррупция социалистической системы//Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах социализма. М., 1997. С. 532.

знать об отрицательных результатах введения «сухого» закона в некоторых странах, в частности в США, ибо на это ему указывали¹. Он не мог не понимать, что сокращение государственного производства спиртных напитков создает благоприятные условия для обогащения теневых дельцов.

Можно, конечно, сказать: не знал и не понимал. Однако мы все же лучше думаем об интеллектуальных способностях нашего героя и потому предполагаем с его стороны полное знание и понимание всех этих вещей. Тут мы имеем специальный расчет. «Удар,— говорит В. С. Павлов,— был рассчитан точно. Мировой опыт попыток ввести сухой закон учит, что запреты для прививки трезвости населению бесполезны, но зато исключительно благоприятны для создания мафиозных структур и их обогащения. Результаты кампании в СССР не заставили себя ждать в точном соответствии с мировым опытом. Горбачев и Яковлев не могли не знать об этом опыте, но решали другую задачу и за ее успешное решение готовы были, видимо, заплатить любую цену»².

Если это так, то «дым и пепел» остаются от «благородной» цели антиалкогольной кампании, инициированной Горбачевым. Получается, что ее замыслили как противовес «ускорению», с одной стороны, и как своеобразную «подпитку» теневого бизнеса и криминальных элементов — с другой³. «Многие наши отечественные аль капо-

---

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 95.

² Павлов В. Август изнутри... С. 21.

³ Потери государства, по подсчетам Н. И. Рыжкова, исчисляются огромной суммой — в 67 млрд р., львиную долю которой (если не всю) теневики положили себе в карман. Есть, впрочем, более скромные подсчеты. Так, по Б. М. Соколину, антиалкогольная кампания стоила бюджету около 30 млрд. р. (Сokolin Б. М. Кризисная экономика России... С.10). Но существуют подсчеты, выливающиеся в астрономическую сумму, исчисляемую 200 млрд. р. (Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 157; Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. Политическая история России. От становления самодержавия до падения Советской власти. М., 1999. С. 692). Мы предполагаем большую осведомленность у Н. И. Рыжкова как бывшего Председателя Совета Министров СССР, располагавшего исчерпывающими данными.

не тоже начинали свой путь «наверх» с указа о борьбе с пьянством. О некоем таком мафиози рассказала на страницах одной из газет прокурор Череповца Тамара Гурняк. Вот ее слова: «Был у нас в Череповце гражданин по фамилии Берсенов. Наверное, до самой старости писал бы он в анкете «не привлекался». Но грянул указ 1985 года о тотальной борьбе с пьянством и превратил гражданина Берсенова в Берса. Спустя столько-то месяцев у него было все, что его душа желала: шикарная квартира, машина, видеоаппаратура, оружие. Начал с того, что спекулировал водкой в одиночку. Потом вовлек таксистов. Потом — десятки молодых людей. Это была уже целая группировка, у которой возникли другие преступные умыслы. Жертвами становились, как говорится, простые советские люди. И все они считали, что Берс и его подручные — негодяи, а власть тут ни при чем. Взяли Берса на крупном вымогательстве. Сердце у рэкетира оказалось слабеньким, и он отдал Богу душу в камере следственного изолятора. Я наблюдала из окна, сколько крутых ребят шло за гробом, какая двигалась кавалькада такси, и думала: сколько же таких берсов появилось после того указа по всей России? Десятки или сотни тысяч? Предвидели ли все последствия этого указа те, кто его подписывал?»¹. Последний вопрос следует, пожалуй, отнести к разряду риторических.

Благоприятные условия, создаваемые антиалкогольной кампанией для роста рядов теневиков и мафиози, следует, на наш взгляд, рассматривать как политику по созданию социальной опоры буржуазной реставрации, планируемой в недалеком будущем. Кто-то из «перестройщиков» участвовал в проведении этой политики сознательно и преднамеренно. Разумеется, это не более чем гипотеза, догадка, а не доказанный факт. Но степень вероятия данного предположения достаточно высока, что и позволяет нам заявить о нем. И еще: нет ни малейшего сомнения в том, что со временем тайное станет явным и каждому из деятелей «перестройки» воздастся по делам его.

---

¹ Раззак Ф. И. Бандиты времен социализма... С. 264.

Антиалкогольная кампания, помимо социально-экономического разрушительного эффекта, имела еще и политический эффект, дестабилизирующий власть. Вызвав массовое недовольство, направленное против партийных и советских чиновников, она тем самым пробила брешь во власть, куда устремились демократы — могильщики КПСС и советского строя. Один из демократов, попавших во власть, А. А. Собчак говорит об этом так: «В стране растет недовольство. Пока еще не режимом, но уже точно — властями. Через три года эти люди проголосуют против коммунистических чиновников на выборах народных депутатов СССР. Это пока не политический, а, скорее, бытовой протест. И все же он ширится, чему способствуют меры по либерализации режима, проводимые тем же Горбачевым»¹. Верно, что рядовые избиратели проголосовали против «коммунистических чиновников»².

Однако по сути вернее было бы сказать, что произошло это не через три года, а максимум через полгода, поскольку антиалкогольная кампания, озлобившая людей, продолжалась до осени 1988 года³. Горбачев затягивал ее всеми силами, как мог.

Создается впечатление, что кампанию подтягивали к выборам народных депутатов СССР, чтобы соответствующим образом повлиять на голосование. Маневр удался. Демократы вошли во власть. То была в большинстве своем специфическая публика, которую вблизи наблю-

---

¹ Собчак А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 16.

² Это поняли и сами «чиновники», особенно в низовых партийных звеньях. Так, выступая на совещании первых секретарей горкомов и райкомов КПСС Кемеровской области по итогам выборов народных депутатов СССР, первый секретарь Новокузнецкого горкома А. И. Ленский говорил: «Если смотреть и смотреть в корень, что произошло, то произошло отторжение народом партийно-административного управленческого звена. Вот, по-моему, главный вывод, который мы должны сделать. И это вывод не только по нашей области. Это и по стране» (Неизвестный Кузбасс (1943—1991 гг.). Сб. архивных документов. Кемерово, 1993. Вып. 1. С. 103).

³ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 100—101.

дал Б. И. Олейник. Он писал: «Каждый из «новой волны», поставивший своей целью занять мандат избранника, получил его. Демократия демократией, но есть общепринятые, элементарные морально-этические критерии, по которым определяются показания или противопоказания иметь статус народного избранника. Ибо есть и такие чисто личностные качества, приобретенные или врожденные, которые в более или менее цивилизованном обществе являются непреодолимой преградой на пути к властным структурам»¹. Корпус депутатов, составленный из психически неустойчивых людей, давал возможность раскачать страну. «Кому-то,— говорит Б. И. Олейник,— именно такой состав депутатского легиона был крайне необходим для далеко идущих целей»². Отсюда понятна та «поразительная целеустремленность», с которой воплощалась в жизнь антиалкогольная программа³.

Но есть более глубокая причина подобной «целеустремленности». Ее обозначил Н. И. Рыжков. «Мои,— рассказывает он,— многократные устные обращения (по поводу антиалкогольной кампании.— И. Ф.) к Горбачеву с просьбой рассмотреть создавшееся положение в стране оставались без внимания. Он соглашался со мной, что надо вносить коррективы, обещал собрать Политбюро по этому поводу, но проходило время — и все оставалось по-старому. Я чувствовал, что с ним кто-то серьезно «работал»» (курсив мой.— И. Ф.)⁴.

Кто же так «серьезно работал» с Горбачевым? Н. И. Рыжков не дает ответа, хотя, похоже, догадывается, что этот «кто-то» находился далеко от Москвы... Тем удивительнее его рассуждения относительно побудительных мотивов Горбачева, который, желая якобы ознаменовать доб-

---

¹ О л е й н и к Б. И. Князь тьмы... С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Ср.: Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. С. 613.

⁴ Р ы ж к о в Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 98.

рым делом свои первые «сто дней» в качестве руководителя страны, решил начать борьбу с пьянством¹.

Итак, антиалкогольная кампания не должна рассматриваться сама по себе, вне связи с курсом на «ускорение». Курс и программа, осуществляемые одновременно, взаимодействовали между собой в отрицательном, угнетающем плане. И здесь нет случайного совпадения, о чем склонен думать Л. И. Абалкин. «Начало перестройки,— пишет он,— совпало — и по времени, и по существу — с широкомасштабной антиалкогольной кампанией, правильной в социальном отношении, благородной по своим целям, но которая при существующем механизме... резко подорвала финансовую базу государства, его бюджет»².

В результате такого «совпадения» экономическая независимость и финансовая стабильность страны были нарушены³. И в этом, по-видимому, был изначальный замысел разработчиков «перестройки», деструктивный по своей конечной цели. Не «два серьезных просчета» Горбачева, связанных с «ускорением» и антиалкогольной кампанией, как полагает Б. М. Соколин⁴, а два зловещих расчета, нацеленных на ликвидацию советской системы,— именно так следует понимать курс на «ускорение» и борьбу с пьянством. Поэтому нельзя согласиться с утверждением А. А. Собчака о том, будто «Горбачеву в момент выдвижения идеи перестройки и в голову не приходило, что может встать вопрос об отказе от социализма, от советского строя и господства КПСС»⁵. По той же причине Горбачева не следует относить к созидателям, как это пытается делать Д. Боффа. «По своей природе и склонностям,— говорит историк,— он был реформатором, но не разрушителем. Он хотел обновить общество, из которого вышел, но

---

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 89, 91, 93.

² Абалкин Л. Трудный перевал. С. 41.

³ Соколин Б. М. Кризисная экономика... С. 11.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Собчак А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 184.

никак не собирался устраивать в нем переворот»¹. И все это потому, что Горбачев «верил в ценности и идеи социализма и намеревался заставить их работать»². По мнению другого зарубежного автора, Горбачев «был проникнут духом коммунистических традиций»³.

Аналогичные суждения высказываются и у нас. Вот пример: «Горбачев был убежденным сторонником коммунистической идеи и хотел лишь очистить ее от наслоений и искажений, возникших со времен Сталина. Иначе говоря, перестройка Горбачева вначале была ответом на накопившиеся внутренние и внешние изменения, которые объективно требовали модернизации системы, приспособления ее к изменившимся условиям — и ничего более!»⁴. Чем обосновывается сей, скажем, откровенно, наивный постулат? Странно, но факт: заявлениями самого Горбачева. Оказывается, «еще в 1987 году в докладе, посвященном 70-летию Октябрьской революции, и в многочисленных интервью и выступлениях он постоянно говорит о верности идеалам социализма в достаточно традиционных выражениях. Пока еще в его речах нет даже упоминания о гуманном социализме или «социализме с человеческим лицом»⁵.

Убаюкивающая риторика, к которой прибегал Горбачев, усыпила бдительность приверженцев режима типа Лигачева. Но сейчас она не должна вводить никого в заблуждение. Горбачев, как теперь стало ясно, специально и намеренно пользовался ею до тех пор, пока чувствовал неуверенность в ходе событий и опасался потерять власть

---

¹ Б о ф ф а Д. От СССР к России...С.139.— Образ Горбачева-реформатора рисует и «россиянин» Е. Гайдар: «Несомненно, реформатор, искренне желавший изменить страну и социалистическую систему, избавить от ее наиболее очевидных уродливых проявлений» (Г а й д а р Е. Т. Дни поражений и побед. С. 59).

² Там же.

³ Б е р г е И. В. Историческое недоразумение? Холодная война. 1917—1990. С. 234.

⁴ С о б ч а к А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 185.

⁵ Там же.

до того, когда разрушение существующего строя приобретет необратимый характер.

Что хотел Горбачев, в точности знает он сам да те, кто, по выражению Н. И. Рыжкова, «с ним серьезно работал». Однако объективный анализ первых его начинаний, относящихся к «ускорению» и антиалкогольной борьбе, не оставляет у нас сомнений в том, что их тщательно замаскированной целью было разрушение существующей системы, с одной стороны, и усиление теневого капитала — с другой. Иными словами, был намечен стратегический курс на буржуазную реставрацию¹. Последующие шаги Горбачева делали этот курс все более очевидным. В экономической сфере наиболее показательными в данном отношении стали госприемка, перевод государственных предприятий на хозрасчет и создание кооперативов.

Госприемка произведенной на заводах и фабриках продукции, введенная с февраля 1987 года повсеместно, в масштабах всей страны, должна была якобы повысить качество выпускаемых изделий. И вот целая армия госприемщиков развернула свою деятельность на всех важнейших промышленных предприятиях, в огромном количестве бракуя и возвращая на доработку продукцию, не соответствующую промышленным стандартам. Разумеется, это можно было предвидеть заранее, поскольку «вал» недоброкачественной продукции заметно вырос в условиях так называемого «ускорения». Стало быть, наверху знали о последствиях, но, тем не менее, пошли именно на такой командный способ «повышения» ее качества. Как и следова-

---

¹ Этот курс был настолько скрытным, что даже «демократы» еще в 1989—1990 годах не могли понять, в «чем состоит стратегическая линия Горбачева» (Г а й д а р Е. Т. Дни поражений и побед. С. 60). У Егора Гайдара тогда «сложилось твердое убеждение, что такой линии вообще не существует. Горбачев делает мелкие тактические шажки, сталкиваясь с новыми проблемами, делает новые шажки и явно не представляет себе, куда это приведет» (там же). Если Гайдар говорит правду о своем «твердом убеждении», то надо признать, что он ничего не понял в «линии» Горбачева, а последнему следует отдать должное как мастеру конспирации.

ло ожидать, вследствие скопления на складах «арестованной» и не дошедшей до потребителя продукции (порой, она исчислялась 80—90%) экономика страны понесла жестокий урон. Нередко из-за отсутствия комплектующих изделий останавливались смежные производства. Промышленность оказалась в расстроенном состоянии.

Не думаем, что тут произошла очередная «ошибка» реформатора-неудачника. И мы не можем согласиться с А. А. Собчаком, который говорит о последствиях госприемки следующее: «Так, исходя из самых благих намерений, делается еще один шаг в обратную сторону от рынка, даже от той пародии на рынок, которая существовала в его плановом советском варианте»¹. Полагаем, что и в данном случае намерения были иные, нежели «благие». Они укладывались в рамки плана разрушения экономики в СССР. И потому, действительно, госприемка означала «шаг в обратную сторону» от рынка в «советском варианте». Однако она в то же время являлась шагом в сторону буржуазного рынка, поскольку прийти к нему, не разрушив основ советской экономики, было невозможно. Туда же тянул и хозяйственный расчет предприятий.

Перевод предприятий на полный хозрасчет официально был осуществлен с 1 января 1988 года. Предприятия получили финансовую самостоятельность. К чему это привело? Е. Гайдар, испытывающий «глубокую симпатию» к Горбачеву² и не заинтересованный, следовательно, в выпячивании просчетов последнего, говорит: «В 1988 году на фоне обостряющихся бюджетных и финансовых проблем начался так называемый перевод предприятий на полный хозяйственный расчет, что укрепляло *независимость директоров предприятий, расширяло свободу их маневра* (курсив мой.— И. Ф.). Были установлены нормативы распределения прибыли без изъятия ее свободных остатков. Но одновременно не вводилась финансовая ответственность предприятия за результаты его хозяйственной дея-

---

¹ Собчак А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 19.

² Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. С. 60.

тельности. В результате внесенные в иерархическую экономику разрозненные, не систематические изменения ускорили нарастание экономических диспропорций. Темпы роста номинальных денежных доходов начали выходить из-под контроля. Ничем не обеспеченные деньги выбрасывались на потребительский рынок, стимулируя волны покупательского ажиотажа, быстро сокращая круг товаров, имеющих в свободной торговле. Все большая часть страны садилась на карточки»¹.

Как видим, «независимость директоров предприятий» со всеми вытекающими отсюда материальными выгодами и преимуществами², «нарастание экономических диспропорций» или углубление развала экономики страны, оскудение потребительского рынка и введение карточек, стимулирующие недовольство населения, — вот результаты перевода предприятий на хозрасчет. Они очень схожи с теми, что появились в процессе курса на «ускорение» и антиалкогольной кампании. А это свидетельствует о продуманности и согласованности предпринимаемых мер, ведущих к единой цели, пока еще скрытой от постороннего глаза.

Форсированное формирование корпуса независимых директоров на основе перевода предприятий на полный хозяйственный расчет обнажает тайный замысел «архитекторов» и «прорабов» «перестройки»: укрепить социальную опору буржуазного переустройства советского общества, в частности, образовать достаточно мощный социальный слой людей, заинтересованных в приватизации, а значит, и в упразднении режима. Именно «красные менеджеры», или советские директора, были, как полагают многие экономисты, главными агентами приватизации и разрушителями снизу партийно-государственных институтов. «Пользуясь горбачевским законом о предприятиях, давшим неограниченные права их руководителям, многие директора без осо-

---

¹ Г а й д а р Е. Т. Дни поражений и побед. С. 57.

² «В эпоху хозрасчета, — пишет Б. М. Соколин, — директор получил большие права, особенно в части распоряжения имуществом» (Соколин Б. М. Кризисная экономика России... С. 95).

бого смущения сдавали сами себе или своим родственникам в аренду с правом выкупа лакомые кусочки государственного имущества, а затем быстренько за чисто символическую плату переводили их в частную собственность»¹.

Естественно, что их тяготил контроль вышестоящей партийно-государственной номенклатуры. По словам С. Меншикова, «если государственная бюрократия считала излишней партийную номенклатуру, а последняя мирилась с первой в силу необходимости, то слой менеджеров, который управлял непосредственно производством, имел веские основания считать излишними и ненужными обе командные иерархии»².

В момент перевода предприятий на полный хозяйственный расчет в 1988 году «за плечами директоров уже была четверть века неоправдавшихся ожиданий и накопившегося нетерпения. Поэтому, когда опека отраслевых министерств была сохранена, бунт директоров против бюрократии стал открытым и непримиримым. В конечном счете бунт перерос в революцию, которая смела обе номенклатуры, а заодно и центральное планирование»³. Перевод предприятий на хозрасчет стал, следовательно, одним из важных шагов на пути к этой революции, и «красные менеджеры» были ее одной из движущих сил. К числу буржуазных реставраторов надо отнести и кооператоров.

Закон о кооперации был принят на сессии Верховного Совета СССР в мае 1988 года. «Профаны», не посвященные в тайные замыслы творцов «перестройки», возлагали на нее большие надежды. Возьмем, к примеру, Н. И. Рыжкова, бывшего тогда Председателем Совета Министров и рьяно поддерживавшего кооперативное строительство. Существо вопроса ему виделось так: «В моем представлении государственные предприятия — глыбы, а пространства между ними и должны были заполняться мелкими

---

¹ Га й д а р Е. Т. Дни поражений и побед. С. 199.

² М е н ь ш и к о в С. Экономика России: практические и теоретические вопросы перехода к рынку. М., 1996. С. 85.

³ Там же.

производственными и кооперативными предприятиями сферы услуг. В последние перед тем годы вокруг кооперации было много всевозможных теоретических дискуссий и обывательских пересудов. Некоторые ученые считали, что наши предложения есть отход от социалистических идей. Утверждалось, что вся собственность при социализме должна быть в руках государства и что толкование известной статьи Ленина «О кооперации» является ошибочным. В этом нужно было разобраться как следует, ибо ни я, ни мои соратники не помышляли отходить от социалистических принципов. И к проработке теоретических основ кооперации, к анализу ее роли и потенциала в современных условиях были привлечены лучшие ученые-экономисты и специалисты по кооперативному движению. Были рассмотрены взгляды Ленина с конца 18 года, когда он говорил о непременном слиянии кооперации с Советской властью, и до его знаменитого тезиса «Кооперация в наших условиях сплошь да рядом совпадает с социализмом», выдвинутого в начале 23 года. За это время Советская власть окрепла, победила в гражданской войне. Контроль государства над этой формой экономических отношений был обеспечен, а через 65 лет — тем более. Между тем споры о том, что, защищая идею кооперации, Ленин, по сути дела, пересмотрел некоторые принципиальные вопросы построения социализма, не утихали. Ну, спрашивается, неужели ради красного словца было сказано «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»? Усиление позиций кооперации в экономике означало развитие в стране разных форм собственности и управления. Кооперативное движение, дополняющее мощный, но не очень гибкий государственный сектор экономики, стало все активнее утверждать себя. Но тут само понятие «кооперация» вдруг приобрело явно негативный характер в сознании общественности...»¹

Слово «вдруг» выдает досадное непонимание Рыжковым подлинной сути происходившего, его принадлеж-

---

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 226.

ность к тем участникам «перестройки», которые не ведали, что творили. Гнева на них быть не должно, а лишь — прощение, так как сказано: «Отче! прости им; ибо не знают, что делают» (Евангелие от Луки, гл. 23, ст. 34).

Какую силу доказательств и уверенности дает тот факт, что «к проработке теоретических основ кооперации, к анализу ее роли и потенциала в современных условиях были привлечены лучшие ученые-экономисты»? Никакую, если в круг этих «лучших ученых-экономистов», входили Абалкин, Аганбегян, Бунич, Богомолов, Заславская, Петраков, Попов, Шаталин, Шмелев и прочие «ангажированные» лица. Они говорили и писали о том, что соответствовало видам мастеров «перестроечных дел». К их услугам прибегал Горбачев. Советы же и рекомендации объективных ученых, скажем, таких, как акад. Яременко с его замечательной школой экономистов, отвергались¹.

В. И. Ленин, конечно, не «ради красного словца» говорил о «коренной перемене всей точки зрения нашей на социализм»², но и вовсе не для того, чтобы через 65 лет оправдать «благоглупость» одних и прикрыть злой умысел других. Между тем, эти слова Ленина послужили, так сказать, мандатом на учреждение кооперативов в Советском Союзе, а заодно и своего рода индульгенцией, освобождающей инициаторов кооперативного строительства от ответственности за их так называемые «просчеты» и «ошибки». Но еще древние знали, что «нельзя войти дважды в одну и ту же реку». История не любит повторяться, а если она и повторяется, то, согласно известному выражению, в первый раз как трагедия, а во второй — как фарс.

Историками давно замечено: одинаковые общественные институты, действующие в разное время и в разных исторических условиях, приводят к различным историческим результатам, причем нередко противоположным. Затея с кооперативами, начатая в ходе «перестройки», — яр-

---

¹ М е д в е д е в Р. А. Миражи и реальности капиталистической революции в России. М., 1997. С. 16—19.

² Л е н и н В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.

кая тому иллюстрация. Ленинская кооперация и горбачевская перестройка — разные по своей социальной сущности явления. Однако Горбачев, этот мастер идейного камуфляжа, пытается прикрыться Лениным. Выступая на IV Всесоюзном съезде колхозников, он говорил: «На долю нынешнего поколения советских людей выпали чрезвычайно ответственные и очень непростые задачи. И чем глубже мы проникаем в их суть, чем больший размах приобретает перестройка, тем острее ощущается потребность вновь и по-новому прочитать Ленина, проникнуть в глубину его взглядов на пути создания нового общества. Именно так мы и поступаем, когда возвращаемся к одному из самых блестящих ленинских открытий — учению о социалистической кооперации»¹. Команда была дана, и «придворные» идеологи бросились затушевывать разницу между кооперацией 20-х и 80-х годов.

Так, согласно А. Ципко, «многое из того, что писал (о кооперации. — И. Ф.) Ленин, не было реализовано. А потому мы вынуждены сегодня доделывать недоделанное, добиваться более последовательного воплощения в жизнь ленинского кооперативного плана»². По Ципко, «ленинское учение о кооперации в современных условиях, при нынешнем уровне развития производительных сил социализма не потеряло своей актуальности»³.

Кооперативное движение, начатое по инициативе М. С. Горбачева, стали изображать как возрождение ленинской кооперации. По словам Л. И. Абалкина, «кооперация, располагающая большим богатством содержания и многообразием форм, в нашей стране вступает сегодня во вторую молодость. Возрождение кооперации — глубоко закономерное явление. Оно составляет часть разработанной КПСС программы перестройки, качественного обнов-

---

¹ Правда. 1988, 24 марта.

² Ц и п к о А. Размышления о причинах исторической устойчивости кооперации// Обратного хода нет. М., 1989. С. 193.

³ Ц и п к о А. С. Возможности и резервы кооперации//Человек и земля. М., 1988. С. 88.

ления советского общества»¹. По Абалкину, «Ленин связывал новое понимание кооперации с переходом к нэпу, считая, что уже при нем кооперирование населения образует все необходимое для построения социализма. И сегодня, говоря о возрождении кооперации, КПСС рассматривает ее широкое развитие как часть, составное звено перестройки и качественного обновления советского общества»². В том же духе пишет и В. М. Селунская: «Возрождение кооперации — закономерное явление. Оно составляет органическую часть программы перестройки и обновления советского общества»³.

Но повторим еще раз: кооперация 20-х и кооперация 80-х годов — разные вещи. В сущности своей они несопоставимы, ибо ленинская кооперация времен нэпа вела к социализму⁴, к обобществлению собственности, принявшему впоследствии форму огосударствления, а кооперация «перестройки» — к ее разобществлению (разгосударствлению) и к установлению частной собственности буржуазного типа, т.е. к капитализму. Поэтому обращение за «советом» к Ленину при учреждении кооперативов в период «перестройки» есть не что иное, как прием сокрытия (от непосвященных) мер, осуществляемых с целью перехода к капиталистической системе хозяйствования.

Понятно, почему новоиспеченные кооперативы получили «возможность в неограниченных масштабах привлекать наемных работников, не являющихся их членами. Это позволяло владельцам (учредителям) кооперативов получать огромные доходы за счет присвоения прибавочной стоимости. Таким образом, под названием кооперативов были узаконены типичные частнокапиталистические пред-

---

¹ А б а л к и н А. Возрождение кооперации//Проблемы мира и социализма. 1988, № 6. С. 30.

² Там же. С. 32.

³ С е л у н с к а я В. М. Ленинское учение о кооперации и современность. М., 1989. С. 4.

⁴ Д а н и л о в В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. С. 235, 242, 247, 266 и др.

приятия. К тому же законом о кооперации они были поставлены в несравнимо более льготные условия, чем государственные предприятия. Им была предоставлена возможность, покупая сырье и полуфабрикаты по стабильным государственным ценам, продавать свою продукцию по свободным рыночным ценам.

Это удивительное (не по мнению «выдающихся» экономистов, а с точки зрения обычного здравого смысла) обстоятельство в условиях дефицита товаров приносило им огромные прибыли. В виде, как бы сейчас сказали, эксклюзивного права переводить деньги из безналичного оборота в наличность кооператоры получили еще одну возможность увеличивать свой капитал, ничего при этом не производя¹. Отсюда ясно, какую цель преследовали прорабы «перестройки», открыв путь кооперативам. Они стремились сформировать слой частных предпринимателей и создать благоприятные условия для их обогащения, чтобы потом, опираясь на таких бизнесменов, продолжить осуществление своего разрушительного плана. Но это не все.

Создание кооперативов позволяло приступить к отмыванию «грязных денег», масса которых заметно увеличилась в годы антиалкогольной кампании. Едва ли стоит сомневаться в том, что творцы «перестройки» это хорошо разумели. Кооперативы, следовательно, вводились и для того, чтобы стать каналом легализации капиталов теневого и криминального мира.

Исследователи резонно замечают, что «кооперативы — весьма удобная форма для «отмывания» капитала»². Особенно удобны для такого дела торговые кооперативы. Понятно, почему кооператорам были даны права «в по-

---

¹ Александров Ю. СССР: логика истории. М., 1997. С. 142.— Другой исследователь так говорит о современных кооперативах: «Это организации не массовые. Это союзы индивидов, более схожие с миниатюрными акционерными обществами, чем с кооперацией. Они проникнуты духом деличества и вызывают острую неприязнь населения» (Кабанов В. В. Кооперация, революция, социализм. С. 200).

² Кабанов В. В. Кооперация, революция, социализм. С. 201.

среднической деятельности, т.е. в перекупке, а проще — в спекуляции»¹. Ясно и то, почему кооперация занималась не столько производством, сколько торговлей, или, по терминологии Н. И. Рыжкова, спекуляцией². Ведь торговля, особенно в условиях дефицита, который тогда был налицо, — наиболее простое, быстрое и эффективное средство «отмывания» и приращения капитала. По средним оценкам сумма «отмываемых» денег была огромной, достигая 70—90 млрд. руб. в год³. Но и это опять-таки не все.

Многие директора госпредприятий, почуявшие запах собственности и сообразившие, какая перед ними открывается перспектива, «стали на своих заводах создавать кооперативы, которые использовали средства производства, принадлежащие государству, выпускали зачастую ту же самую продукцию, но при совершенно иных экономических взаимоотношениях с ним. Фактически стало происходить переплетение, перемешивание собственности и управления, что вызвало массу осложнений в кадровой политике, в психологии трудовых коллективов, во многом криминализировало обстановку и т.д.»⁴. Н. И. Рыжков, свидетельство которого мы привели, рассказывает о попытках запретить подобную практику. Но они встретили «шквал критики» и в прессе, и в «новом парламенте». Рыжков резюмирует: «Лоббизм начинал набирать силу»⁵. Тут дело, пожалуй, посерьезнее, чем лоббизм.

Открытие кооперативов на госпредприятиях — вещь далеко не безобидная для существовавшей тогда системы. Оно создавало экономические предпосылки превращения государственных предприятий в частные, прокладывая путь к превращению их в капиталистические. Показательно, что на защиту такого рода кооперативной деятельно-

---

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 228.

² Там же.

³ Верт Н. История советского государства. 1990—1991. М., 1992. С. 453.

⁴ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 227.

⁵ Там же.

сти встал, помимо прессы, и «новый парламент». Это означало, что уже и «парламент» начинал «плясать под дудку» противников режима, что, впрочем, было естественно для большинства его депутатского состава, запечатленного с натуры Б. Олейником¹. Поэтому деятельность «парламента» в данном случае надо характеризовать не как лоббизм, а как потворство и даже содействие ползучему социально-экономическому перевороту.

Ю. Александров, сопоставляя кооперативную реформу с тем, что предпринималось до нее, пишет: «Поначалу, в 1985—1986 гг., мероприятия, проводимые в рамках горбачевской перестройки, не противоречили принципам существовавшего способа производства и объективно укрепляли экономику, которая в те годы развивалась достаточно динамично. Первым шагом к развалу советского народного хозяйства стал, пожалуй, закон о кооперации... Так называемые кооперативы выступили мощным фактором, разрушающим советскую экономическую систему»².

Верно то, что поначалу проводимые Горбачевым мероприятия «не противоречили принципам существовавшего способа производства». Но то была лишь внешность, так сказать, декорум. В действительности же эти мероприятия, как мы старались показать, способствовали распаду «существовавшего способа производства» как посредством дезорганизации и развала экономики, так и с помощью политики, скрытой целью которой являлась поддержка теневых и криминально-мафиозных структур. Закон о кооперации не смог бы так заработать, как заработал, и дать такой результат, какой дал, не будь подготовительного периода, включающего не только 1985—1986 годы, но и предшествующее время «застоя», характеризуемого разрушением единства советского общества, обостряющимися экономическими проблемами, ростом теневой экономики, перерождением партийной, советской и хозяйствен-

---

¹ Олейник Б. И. Князь тьмы...

² Александров Ю. СССР: логика истории. М., 1997. С. 142, 143.

ной номенклатуры. Однако специфической особенностью 1985—1986 годов по сравнению с прежним временем было то, что высшим руководством страны в лице Генерального секретаря ЦК КПСС и его доверенного окружения был сознательно взят курс на реставрацию буржуазного строя в нашей стране. «Никто,— резонно замечает А. И. Подберезкин,— не знает до конца, где, когда и кем в партийной элите было принято решение о смене курса, но то, что такие решения были приняты уже не в узком кружке, а в достаточно широком коллективе, просматривается точно: процесс эволюции, радикализации этих решений на полуофициальном уровне, очевидно, начался не позже 1986 года»¹.

Были, конечно, и «непосвященные», но они сначала ничего не заметили и не почувствовали. И вот Закон о кооперации, буржуазное воплощение которого уже вполне явно, если не показало, то намекнуло, куда гнут проробы «перестройки». Но массы, хотя и недовольные ходом событий, безмолвствовали. Представители же правящих кругов, верившие еще в сохранение основ существующего строя, в социалистическую перспективу, пребывали в состоянии умственной летаргии и какой-то политической прострации, тупо бормоча вслед за Горбачевым и его «ассистентами» нечто бессвязное о «гуманном», «демократическом» социализме «с человеческим лицом», о многообразии форм собственности, включая и частную собственность. Что касается последней, то она была полностью, так сказать, «реабилитирована» XXVIII съездом КПСС, в специальной резолюции которого было сказано, что «переход к рынку не имеет альтернативы». Сломленный идейно, этот съезд явился не только последним, но и, пожалуй, позорным партийным съездом, показавшим вполне определенно, что дни Коммунистической партии Советского Союза сочтены.

Итак, Закон о кооперации и развернувшаяся на его основе кооперативная деятельность явно несоциалисти-

---

¹ Подберезкин А. Русский путь. М., 1997. С. 32.

ческого, буржуазного характера с достаточной очевидностью свидетельствовали о том, что Горбачев с подручными ведет страну к капитализму. Социалистическая риторика «коммуниста с божьей отметиной» являлась своего рода политической клоунадой, призванной отвлечь внимание общества от подлинной сути происходящих событий.

На основании проделанного нами анализа можно утверждать, что Горбачев и прочие прорабы «перестройки» изначально ставили задачу ликвидации существующего строя и замены его строем буржуазным. Поэтому в горбачевском правительстве, возглавляемом Рыжковым, разрабатывался план перехода к буржуазному рынку. По свидетельству Л. И. Абалкина, бывшего заместителя Председателя Совета Министров СССР, этот план имел два варианта. «Первый из них предусматривал формирование рыночно-равновесных финансовых и других пропорций в короткие сроки, в течение примерно двух лет. Он содержал меры, близкие к «шоковой терапии». Необходимость обсчета этого варианта диктовалась широким распространением рекомендаций о необходимости быстрого, немедленного введения рынка. Такие рекомендации были распространены и в научной среде, и в депутатском корпусе, поддерживались средствами массовой информации. Второй вариант предполагалось реализовать... за пять лет. Он предусматривал активное сдерживание государством инфляционного давления, поэтапную структурную перестройку экономики и включал также постепенный переход к эквивалентному обмену на рынках продукции и рыночному регулированию факторов производства»¹.

Государственные мужи, разрабатывавшие эти варианты, производили «скрупулезные» расчеты по каждому из них. Дело, следовательно, было поставлено на «солидную», «научную» основу. О чем говорили эти расчеты? И вот ответ: «Если взять конечные результаты, которые должны быть получены через пять лет, то они существенно отли-

---

¹ А б а л к и н Л. И. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. М., 1991. С. 157.

чались. Так, в первом варианте прирост национального дохода оценивается по итогам за пять лет в размере 38—40%. При этом реальные доходы на душу населения могли увеличиться на 25—30%. При втором варианте итоговые показатели были существенно ниже. Так прирост национального дохода должен был составить 10—15%, а реальных доходов — 5—10%»¹. Стало быть, вариант, предусматривающий меры, «близкие к «шоковой терапии»», сулил нашим «аналитикам» значительный прирост национального дохода и увеличение доходов на душу населения. Но они предпочли второй вариант.

И вот почему: «При оценке динамики процессов важно учитывать не только конечные результаты, но и траекторию движения. Это обстоятельство, имеющее принципиальное значение с общественной точки зрения, далеко не всегда учитывалось, да и сегодня порой не учитывается при оценке различных программ и вариантов. Суть проблемы заключалась в том, что первый вариант сопровождался в первые годы глубоким спадом производства, возникновением массовой безработицы, банкротством значительной части предприятий. Все это содержало в себе опасность серьезного социального взрыва. Возникал вопрос — готово ли общество заплатить такую высокую цену за светлое будущее? Напряженность социальных процессов, историческая память людей, которым уже много раз обещали это «светлое будущее», привели нас к выводу, что такой вариант социально неприемлем. В связи с этим правительство положило в основу своей программы второй вариант — сдержанный, умеренный, но отвечающий реалиям и общественным ожиданиям»².

Слов нет: правительство «мудрое». Д. В. Валовой следующим образом охарактеризовал правительственный выбор: «Правительство, как известно, отдало предпочтение постепенному переходу к рыночным отношениям. Из двух зол выбрано меньшее. Но в такой программе нет внутрен-

---

¹ А б а л к и н Л. И. Неиспользованный шанс... С. 158.

² Там же.

ней логики. Образно говоря, правая нога правительства жмет на акселератор, а левая — на тормоза. Справа ему кричат: «Газуй!» А слева: «Тормози!»¹.

Нас не волнует вопрос, какой из двух вариантов, разработанных правительством, был лучше, поскольку оба, на наш взгляд, губительны для России. Для нас важнее главная и общая цель правительства. И вот на рубеже 80—90-х годов, как явствует из слов Абалкина, Совет Министров СССР разрабатывает план перевода страны на капиталистический путь развития.

Ради формирования «рыночно-равновесных финансовых и других пропорций», т.е. капиталистической системы хозяйства, основанной на свободной рыночной конкуренции, не исключалась даже возможность применения «шоковой терапии» как якобы наиболее быстрого и результативного способа перехода к рынку. И только страх перед «серьезным социальным взрывом» помешал «реформаторам» запустить ее. Но замысел реформировать общество на буржуазный лад они не оставили, предложив «сдержанный» и «умеренный» вариант перехода к рыночной экономике. С 1990 года союзное правительство открыто провозглашает курс «на замену плановой системы стихийным рыночным регулированием»².

Правительство В. С. Павлова еще более активно проводило то, что было начато правительством Н. И. Рыжкова. «Нам сейчас... нужен именно такой, как Павлов,— согласный принести себя «на алтарь», готовый уйти в любой момент,— но раз взялся, будет бульдогом: с нашим народом иначе ничего не испечешь»,— говорил Горбачев³. Этот «бульдог» подготовил записку «о вступлении СССР в МВФ и МБ... Фактически за этим стояла «программа» Явлинского (вместе с «гарвардцами»)»⁴. С этими «гарвардца-

---

¹ В а л о в о й Д. В. От застоя к развалу. С. 539.

² Там же. С. 5.

³ Ч е р н я е в А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 139—140.

⁴ Там же. С. 141.

ми», профессорами Аллисоном и Саксом, велись встречи и консультации¹. Павлов проводил «воспитательную работу» с председателями правительств союзных республик, пригласив на встречу с ними Делора, который прочел им лекцию, «как надо управлять финансами, если хотеть рынка. Да так жестко, что те рты разинули. Павлов выглядел «либералом»². Сам же Горбачев напрашивался летом 1991 года на «семерку» в Лондон. Данная встреча должна была свидетельствовать о его полном отказе от «социалистического выбора»³. Настал момент, когда он публично заявил, что частная собственность — основа всего⁴.

В том, что горбачевское руководство вынашивало план буржуазного преобразования Советской страны, можно лишний раз убедиться, познакомившись с интервью В. С. Павлова корреспонденту газеты «Сегодня» М. Леонтьеву⁵. В ходе интервью Павлов сделал ряд весьма любопытных признаний, которые следует отнести к разряду сенсационных. В бытность свою министром финансов (1989—1991) он в неофициальном порядке (не в качестве министра, а как председатель Всесоюзного экономического общества) и с секретной миссией выезжал в Америку, где встречался и вел переговоры с президентом фонда «Призыв совести» раввином Шнайером и госсекретарем Бэйкером. По признанию Павлова, о существовании этих встреч, кроме самого посланца, «в СССР легально были осведомлены двое: Горбачев и Яковлев. К тем встречам, кстати, никакого отношения не имел МИД. Между тем именно тогда были расставлены все точки над «i» в американо-советских отношениях этого периода». Павлов рассказывает о собы-

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 139, 140, 162.— По рекомендациям Сакса, как известно, действовал «реформатор» Гайдар.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 147.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Павлов В. В повестке дня стояла буржуазно-демократическая революция// Сегодня. 1994, 29 ноября. С. 9—10.

тиях, которые «негласно разворачивались между СССР и США на самом высоком уровне». Что касается его непосредственно, то, помимо указанных переговоров, он провел конфиденциальные переговоры с Делором «о подключении нашей экономики к «плану Люберса» и плану «зеленой Европы»».

Вопрос об инвестировании советской экономики с целью осуществления ее перевода в рыночную Павлов «детально обсуждал в США с группой видных экономистов и бизнесменов, которую возглавлял Пол Волкер — авторитетнейший специалист».

«На рубеже 90-х годов,— свидетельствует Павлов,— нам удалось отработать теорию и механизм рыночного перехода. Была намечена так называемая тактика «салями». Ее суть сводилась к следующему: постепенно, эволюционно, частями отрезать от централизованного планирования отрасль за отраслью и переводить их в режим рыночной экономики. Начавшись медленно, этот процесс стал бы ускоряться в геометрической прогрессии и, по расчетам, занял бы 5—7 лет. Без великих потрясений! Тактика «салями» распространялась и на такую важнейшую сферу, как ценообразование».

М. С. Горбачев, по словам Павлова, «боялся назвать вещи своими именами»: «рынок — рынком, частную собственность — частной собственностью», поэтому пользовался «идеологической ширмой». И тут Павлов делает очень важное признание. Оказывается, еще при подготовке экономического Пленума ЦК КПСС 1987 года «эти понятия в полный голос обсуждались среди разработчиков и даже фигурировали в проектах документов», и Павлов принимал участие в той работе. Следовательно, замысел буржуазного переустройства СССР возник не на рубеже 80—90-х годов (как сейчас полагают многие, считая, будто Горбачев, убедившись, что советская экономика не поддается реформированию, поневоле обратился к буржуазной рыночной системе), а существовал уже в 1987 году. Он вынашивался, стало быть, раньше. А это означает, что в

1985 году Горбачев пришел к власти с мыслью о буржуазной реставрации.

Главный вывод Павлова звучит так: «Если приподнять-ся над событийной текучкой, то суть того времени сводилась к следующему. В повестке дня стояла буржуазно-демократическая революция». Это верно, но с поправкой: «буржуазно-демократическая революция» не стояла в повестке дня, ее внесли туда «воровским» образом Горбачев и прочие прорабы «перестройки», хотя с точки зрения объективной в том не было никакой предопределенности. Надо согласиться с Л. И. Абалкиным, который, осмысливая события тех лет, говорил: «Видимо, следует признать, что общественное развитие в принципе многовариантно и альтернативно. Причем возможность изменить ход общественного развития находится в намного большей зависимости от того, что принято называть субъективным фактором, чем от жесткой технологической детерминированности этих процессов»¹.

По мнению Павлова, «отход от рыночных реформ начался после июньского Пленума ЦК КПСС 1987 года, когда Горбачев, вопреки его решениям, дал резкий крен в сторону политического реформирования, приведшего к развалу державы»². Почему так произошло, Павлов не поясняет. Получается, что Горбачев как бы неожиданно дал этот крен.

Некоторые современные исследователи объясняют преклонение Горбачева на политические проблемы тем, что он, будто бы столкнувшись с экономическими неудачами, попытался компенсировать их «на поприще политической демократизации»³.

Мы не видим никакой неожиданности в действиях генсека. Не считаем его и неудачником в деле решения эконо-

---

¹ А б а л к и н Л.И. Неиспользованный шанс... С. 148.

² П а в л о в В. В повестке дня стояла буржуазно-демократическая революция. С. 9.

³ Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. С. 625.

номических задач, ибо по части приближения буржуазной реставрации он к 1987—1988 годам совершил в экономической сфере все, что мог: расшатал и подорвал экономику страны, образовал острый товарный дефицит, создал благоприятные условия для развития теневого бизнеса и роста мафиозных структур, помог отмыть огромные суммы «грязных денег», укрепил индивидуальный сектор, «подкормил» частную собственность и сформировал мощную группу потенциальных «приватизаторов». Горбачев, таким образом, успешно завершил первый подготовительный этап, связанный с усилением базисных структур, необходимый для проведения последующей, разрушительной работы. Но продвигаться дальше в том же направлении ему было очень опасно, поскольку оставалась нетронутой старая политическая система и привычная идеология¹. В этой ситуации существовала реальная угроза в любой момент быть «выбитым из седла» и потерять власть. А это — конец «перестройке» и всем заветным мечтам ее прораба.

Смешно сказать, но Горбачев действовал как истинный марксист, понимающий суть взаимоотношений базиса и надстройки. Его ведь учили марксизму и, наверное, не совсем напрасно, а потому он мог запомнить, что согласно прописям марксистской теории надстройка всегда играет активную роль в обществе. Надстройка, раз возникнув на определенном базисе, «начинает оказывать обратное воздействие на породивший ее базис и развитие общества в целом... Обратное воздействие надстройки имеет различный характер. Прогрессивная надстройка способствует своему базису и данному обществу оформиться, укрепить-

---

¹ Идеологии придавалось особенно большое значение, ибо она очень неподатлива на изменения. Не случайно в специальной резолюции XVIII съезда партии (а это июль 1990 года!) было записано, что «важнейшей задачей коммунистов является проведение широкой разъяснительной работы по подготовке общества к восприятию рыночных отношений» (В а л о в о й Д. В. От застоя к развалу. С. 7). Тем самым авторами резолюции признавалось отвержение народом рыночных отношений.

ся, развиваться. Реакционная надстройка охраняет неизблемость своего реакционного базиса, тормозит развитие производительных сил. В известные исторические периоды наблюдаются и такие факты, что данная надстройка способствует развитию общества в одном отношении, одних его сторон и тормозит развитие других его элементов, сторон, процессов»¹.

М. С. Горбачев после успешного проведения первых мер по разрушению экономики и подрыву социальной структуры советского общества оказался в положении деятеля, дальнейшие начинания которого упирались в надстройку, охраняющую неизблемость своего базиса. Поводыри Горбачева и он сам понимали, что без перемен в политической сфере, т.е. в надстройке, двигаться вперед к победе капитализма невозможно. Эту, казалось бы, простую вещь до сих пор, к сожалению, не могут понять многие современные исследователи, занимающиеся изучением событий тех лет. Однако в каких надстроечных переменах нуждался Горбачев и те, кто стоял за ним или шел рядом? Ослабление государственной власти, ликвидация партии (в худшем случае ее перерождение) и Советов, блокирование армии и КГБ, разжигание межнациональной розни, а также противопоставление и взаимное отталкивание Центра и союзных республик с последующим распадом СССР, затемнение общественного сознания с утратой не только коммунистической идеологии, но и всех идейных ориентиров, идеалов — вот что необходимо было Горбачеву и другим «реформаторам» России, чтобы завершить задуманное.

Парадокс состоит в том, что осуществить все это планировалось, используя партию. «У нас был единственный путь — подорвать тоталитарный режим изнутри при помощи дисциплины тоталитарной партии. Мы сделали свое дело», — открыл позже секрет политической кухни «перестройщиков» А.Н.Яковлев². XIX Всесоюзная конференция

---

¹ Константинов Ф. Базис и надстройка// Философская энциклопедия. 1. М., 1960. С. 124.

² Яковлев А. Российских фашистов породил КГБ//Известия. 1998, 17 июня.

КПСС (28 июня — 1 июля 1988 года) весьма показательна в данном отношении.

Конференция вызвала у определенных лиц, «хоровадивших» с А. Н. Яковлевым, прилив восторга и радости. По свежим впечатлениям Е. Яковлев писал: «В стране свершилась нравственная революция. Да, впереди множество непечатых дел, мы лишь на первых ступенях перестройки, но нравственная революция произошла»¹. «Думаю, эти четыре дня правильно названы историческими», — говорил писатель Г. Бакланов². Откуда эта эйфория? Она, по-видимому, есть следствие некоторого, так сказать, прозрения. Рядовые сторонники Горбачева стали, кажется, сообщать, куда ведет их вождь. Начали догадываться и те, кто, критически воспринимая «перестройку», всем сердцем болел за судьбу своей Родины. Примечательны в этом отношении выступления Ю. Бондарева и С. Федорова.

Ю. Бондарев сравнил «перестройку» с самолетом, который подняли в воздух, не зная, «есть ли в пункте назначения посадочная площадка». Он говорил: «При всей дискуссионности, спорах о демократии, о расширении гласности, разгребании мусорных ям мы непобедимы. Только в единственном варианте, когда есть согласие в нравственной цели перестройки, т.е. перестройка — ради материального и духовного объединения всех. Только согласие построит посадочную площадку в пункте назначения. Только согласие»³. Стало быть, Ю. Бондарев (если следовать смыслу его высказываний) по прошествии трех лет перестройки не имел сколько-нибудь ясного представления о ее конечной цели и потому уподобил «перестройку» самолету, пилот которого не знает, куда его посадить. Он также не

---

¹ Яковлев Е. Четыре дня. Как это было (Заметки делегата XIX Всесоюзной конференции КПСС)//Обратного хода нет. М., 1989. С. 22.

² Бакланов Г. Время действий (Заметки делегата XIX Всесоюзной конференции КПСС)//Обратного хода нет. С. 26.

³ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 года. Стеногр. отчет. В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 224.

видел в обществе согласия — главного условия успеха «перестройки». Этого согласия, как явствует из приведенных слов писателя, пока нет, его предстоит еще достигнуть.

Словно уловив своим обостренным писательским чутьем главную, разрушительную линию развития «перестройки», Ю. Бондарев сказал: «Нам нет смысла разрушать старый мир до основания, нам не нужно вытаптывать просо, которое кто-то сеял, поливая поле своим потом, нам не надо при могучей помощи современных бульдозеров разрушать фундамент еще непостроенного дворца, забыв о главной цели — о перепланировке этажей... Нам не нужно, чтобы мы, разрушая свое прошлое, тем самым добились бы свое будущее... Человеку противопоказано быть подопытным кроликом, смиренно лежащим под лабораторным скальпелем истории. Мы, начав перестройку, хотим, чтобы нам открылась еще непознанная прелесть природы, всего мира, событий, вещей, и хотим спасти народную культуру любой нации от несправедливого суда. Мы против того, чтобы наше общество стало толпой одиноких людей, добровольным узником коммерческой потребительской ловушки, обещающей роскошную жизнь чужой всепроникающей рекламой»¹. То была хотя и завуалированная, но все же критика проводимого «перестроенного» курса, тревога за будущее народа и страны.

Писателю Ю. Бондареву ответил окулист С. Федоров, и ответ его знаменателен: «Когда товарищ Бондарев говорил, что мы взлетели и не знаем, куда сесть, он, может быть, и не знает, куда сесть. Он писатель. А я, например, знаю. Я знаю, что мы сядем в развитое общество (*аплодисменты*), развернем свою страну в нужное направление, поднимем людей на работу... Будем классно работать, будем свою страну беречь, заниматься экологией и чем угодно. У нас цели ясны. И мы должны посадить свой самолет на прекрасный аэродром. Продвинуться вперед»². В речи Федорова немало, конечно, наигранной осведомленности.

---

¹ XIX Всесоюзная конференция... С. 223.

² Там же. С. 315.

Однако она все-таки не лишена и ощущения реальности. В середине 1988 года, или по истечении трех лет «перестройки», каждый внимательный наблюдатель, тем более особенно причастный к элитным столичным кругам, опекаемым А. Н. Яковлевым, кое-что понимал в происходящем, не говоря уже об «агентах влияния», которые вели работу еще со времен «застоя», и знали, что делают и для чего стараются.

В речи Бондарева и Федорова четко отражен идейный разлом, обозначившийся среди делегатов партийной конференции. Не случайно Е. Яковлев цитирует именно эти речи, характеризуя атмосферу, царившую в зале заседаний. Правда, он пытается создать несколько идиллическую картину собрания, охваченного порывом общего одушевления и единения. Он вспоминает: «Поначалу зал, казалось, не слишком был расположен к изъявлению чувств. Первые аплодисменты прозвучали через час после начала доклада, когда М. С. Горбачев выразил глубокую признательность всем, чьей судьбы коснулась, кого опалила война в Афганистане... А потом рукоплескали по нарастающей. Порой это представлялось даже трудно объяснимым. Самозабвенно аплодировали В. Кабаидзе, когда тот расправлялся с министерством, словно шашкой рубил, и приветствовал тех, кто призывал осторожней пользоваться оружием критики. Громом аплодисментов ответили на выступление писателя Ю. Бондарева, риторически вопрошавшего: «Можно ли сравнить нашу перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка?» И так же горячо одобрили выступление генерального директора межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза» С. Федорова, который отвечал предшествующему оратору: «Когда товарищ Бондарев говорил, что мы взлетели и не знаем, куда сесть, он, может быть, и не знает, куда сесть. Он писатель. А я, например, знаю». Несмолкающей овацией проводили с трибуны Б. Ельцина и хлопали тем, кто критиковал его... В чем же дело? Кому-то начинало казаться, что у зала нет своей позиции, если откликается он рукоплесканиями по

прямо противоположным поводам. Но думаю, что сказалось иное. Зал радовался, зал приветствовал то, чего давно уже не было на подобных форумах: рождение собственной мысли, выражение собственного мнения, умение это сделать по-своему»¹. И тут, будто спохватившись от мысли, не заврался ли, Е. Яковлев замечает: «Впрочем, аплодировали, не только приветствуя, но и осуждая. Это началось уже на втором заседании: зал прерывал хлопками секретаря Московского горкома В. Белянинова, речь которого не отличалась ни мыслями, ни наблюдениями»².

Выступление Белянинова, действительно, обиденное. Но не в этом «соль». В. Белянинов, надо полагать, не понравился той части делегатов конференции, которая «несмолкающей овацией провожала с трибуны Ельцина», поскольку, не называя имени, он задел последнего, когда говорил: «Как известно, на первом этапе перестройки в Москве имели место попытки ликвидировать «обломовщину» одним махом, революционной фразой, поспешными кадровыми перестановками. Центральный Комитет, коммунисты города осудили подобные, не отвечающие смыслу перестройки подходы, так как невозможно проводить политику без широкого участия масс, одними лишь призывами и указаниями»³.

Е. Яковлев «скромно» умолчал о том, как «захлопали» его коллегу по перу и мировоззрению Г. Бакланова, который, сделав выпад против Ю. Бондарева, «напросился» на «шум в зале» и «аплодисменты», отчего был настолько растерян, что никак не мог уразуметь, сгоняют ли его с трибуны или одобряют⁴. А когда уразумел, то без тени смущения заявил: «Я закончу, товарищи, вы не волнуйтесь, я выстою здесь, выстою»⁵. И закончил, но не просто так, а с угрозами, прибегнув, правда, к иносказанию: «И вот что

---

¹ Яковлев Е. Четыре дня... С. 23.

² Там же.

³ XIX Всесоюзная конференция... Т. 1. С. 110.

⁴ Там же. Т. 2. С. 20, 21.

⁵ Там же. С. 22.

я вам скажу на все ваши аплодисменты. Они меня не расстроили... В Австралии, когда задают тест будущему кандидату в пилоты, есть такой вопрос: вы летите в двухместном самолете. Представьте, что со второго сиденья выпала английская королева. Ваши действия? Некоторые говорят — застрелиться. Кинуться за ней и поймать в воздухе. Правильным считается ответ — выровнять самолет после потери лишнего груза и продолжать полет. Так вот в ходе перестройки нам не раз еще придется выравнивать самолет после потери лишнего груза и продолжать полет»¹.

Если Г. Бакланов выражался в иносказательном духе, то земляк Горбачева, генеральный директор производственного бройлерного объединения «Ставропольское» В. Постников, отбросив все аллегории, прямо заявил: «Михаил Сергеевич, перестройка — это революция. Вы сказали, что мы спокойно, гуманными методами ее будем стараться проводить. Но раз это революция, то такими методами ее не проведешь. (*Аплодисменты.*) Увещевать людей и все время воспитывать, допустим, бюрократов бесполезно, мы знаем, что и здесь сидят те, кто против перестройки, и с ними уже ничего не сделаешь, их надо выгонять, их надо исключать из партии. (*Аплодисменты.*) А вы по природе человек гуманный, мы Вас знаем, и хотите гуманными методами их воспитать. Их надо лишать должностей, потихонечку на пенсию отправлять»².

Производитель бройлеров призывал, следовательно, к расправе над противниками «перестройки» и к кадровой чистке, поставив тем самым «Михаила Сергеевича» в неловкое положение, так как присутствующие в зале могли подумать, что Постников говорит, угождая генсеку. И тот был вынужден поправить своего чересчур простоватого земляка: «Виктор Иванович, давай поговорим в присутствии свидетелей на эту тему. Думаю, если ЦК начнет снимать бюрократов, которые работают или рядом с вами, в Ставропольском крае, или даже в вашем объединении, а

---

¹ XIX Всесоюзная конференция... Т. 1. С. 23.

² Там же. Т. 1. С. 256.

может, чуть выше — в центральных органах Российской Федерации, или где-то еще, то дело не пойдет. Так у нас уже было. Сверху мы пытались многое сделать. Ничего из этого не вышло. Сегодня мы стремимся через экономическую реформу, через реформу политической системы, оздоровление духовной сферы, через средства массовой информации двинуть все общество. Вот тогда бюрократу деваться будет некуда. У него под ногами земля гореть будет, чего он, собственно, боится. А с начальством он всегда договорится. Приведет, как приводил 10, 20 лет подряд, два вагона аргументов, и в конце концов ты сдашься. Поэтому дело не в том, чтобы быть хорошим, и не в том, чтобы всем нравиться. Надо вести политическую линию в интересах народа, в интересах социализма, включая во все процессы сам народ. Народ быстро всех на место поставит. Если тот демократический механизм, который сегодня обсуждается на конференции, будет принят, то так и будет (*Аплодисменты*)»¹. Постников, сообразив, что наговорил лишнего, сразу же стушевался: «Вы меня убедили, поэтому я закончил. (*Смех. Аплодисменты*)»².

Таким образом, иносказательный Г. Бакланов и прямолинейный В. Постников сошлись в мысли о необходимости освобождения от антиперестроечного балласта, призывая, по существу, к расправе с противниками «перестройки», что не могло остаться незамеченным участниками конференции. И ректор Московского университета А. А. Логунов сказал: «Мы никак не можем изменить свою психологию и понять, что обсуждение, и даже острое, — это наше оружие против консерватизма и примитивного единомыслия. Все это свидетельствует о том, насколько живучи в нас стереотипы прошлого. Нам надо преодолеть примитивизм в мышлении. Центральному Комитету, Политбюро нужно внимательно смотреть за ходом всех процессов в обществе. Очень у нас велико желание кого-нибудь бить. (*Аплодисменты.*) Стоит только невзна-

---

¹ XIX Всесоюзная конференция... Т. 1. С. 256—257.

² Там же. С. 257.

чай подтолкнуть этот процесс, и мы будем бить антиперестроечников, которых мы, наверное, найдем, так, как мы раньше били космополитов и т.д. А чем это кончается, мы все хорошо знаем»¹.

Итак, XIX партийная конференция не была сплоченной и монолитной, как это старался изобразить Е. Яковлев. Более реалистично ее охарактеризовал Горбачев: «На конференции выявились первые признаки постепенно оформлявшейся правоконсервативной оппозиции»². Оценивая итоги конференции, он сделал вывод, что «в КПСС нарастает дифференциация, сильно дает о себе знать критическое отношение к перестройке»³. Среди части ее делегатов явственно ощущалась тревога за судьбу страны, вызванная определенным прозрением сути «перестройки», пониманием ее настоящего характера и подлинных целей. Но этого оказалось недостаточно, чтобы отвергнуть «демократический механизм», предложенный на обсуждение конференции партийной верхушкой. Слишком еще живучи были «стереотипы прошлого», в частности партийная дисциплина, а еще точнее, воспитанная десятилетиями трусливая покорность коммунистов своим партийным бонзам. Расчет творить свои дела «при помощи дисциплины тоталитарной партии» был коварным и циничным, но верным.

Из всех принятых конференцией резолюций самыми роковыми для КПСС были резолюция «О демократизации советского общества и реформе политической системы» и резолюция «О гласности». Не случайно подготовку проектов этих резолюций взяли в собственные руки Горбачев и Яковлев, возглавив соответствующие комиссии.

В резолюции «О демократизации советского общества и реформе политической системы» читаем: «Опыт трех лет перестройки, революционного обновления страны, демократизации партийной и общественной жизни поставили в повестку дня необходимость глубокой реформы

---

¹ XIX Всесоюзная конференция... Т. 1. С. 262—263.

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн.1. С. 394.

³ Там же. С. 396.

политической системы... Решающее направление реформы политической системы — обеспечение полновластия Советов народных депутатов как основы социалистической государственности и самоуправления в нашей стране. Конференция считает необходимым укрепление законодательных, управленческих и контрольных функций Советов, передачу на их рассмотрение и решение всех важных вопросов государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни, восстановления руководящего положения выборных органов по отношению к исполнительным и их аппарату. Политика партии — экономическая, социальная, национальная — должна проводиться прежде всего через органы народного представительства... При формировании исполкомов, назначении и утверждении руководителей отделов, управлений, служб исполкомов должны стать правилом выдвижение нескольких кандидатур, тайное голосование, проведение конкурсов. Надо добиться, чтобы работа Советов всех звеньев велась гласно, была постоянно на виду у избирателей... Восстановление авторитета и влияния Советов нуждается в существенном обновлении действующей избирательной системы. Позитивно оценивая опыт, накопленный в этом деле после XXVII съезда КПСС, конференция считает необходимым пойти дальше, обеспечив неограниченное выдвижение кандидатур, широкое и свободное их обсуждение, включение в избирательные бюллетени большего числа кандидатов, чем имеется мандатов, строгое соблюдение демократической процедуры выборов, регулярную отчетность депутатов и возможность их отзыва. Обширные полномочия надо предоставить окружным предвыборным собраниям, которые должны стать демократическими форумами состязательного отбора кандидатов в депутаты...

Обобщив итоги дискуссии по Тезисам ЦК КПСС и учитывая обсуждение на самой конференции, делегаты считают необходимым провести реконструкцию высших органов государственной власти и высказываются за то, чтобы высшим органом власти страны стал Съезд народных депутатов СССР, в состав которого наряду с депута-

ми от территориальных и национально-территориальных избирательных округов должны войти депутаты, представляющие основные звенья политической системы — партию, профсоюзы, комсомол, другие массовые общественные, а также кооперативные, творческие, научные организации, избранные демократическим путем на съездах или пленумах их центральных органов... Съезд образует сравнительно небольшой по численности двухпалатный Верховный Совет СССР — постоянно работающий законодательный, распорядительный и контрольный орган...»¹.

С формальной или абстрактной точки зрения эти решения могут показаться правильными. Но соотнесенные с конкретной исторической ситуацией в стране, они обнажают свою деструктивную взрывную сущность, направленную на медленный, ползучий государственный переворот. Партия в тот момент, как известно, являлась ядром советской государственности, а партийная организация — каркасом государственного здания. И вот конференция заявляет, что «решающее направление реформы политической системы» есть «обеспечение полновластия Советов народных депутатов как основы социалистической государственности и самоуправления». Это означало курс на передел власти, ликвидацию властных функций КПСС. Но всякий передел власти неизбежно сопровождается ослаблением государственного организма, переходящего в политический хаос, способствующий активизации разрушительных элементов. Н. И. Рыжков верно заметил, что «выдвинутый Горбачевым лозунг передачи всей власти из рук ЦК КПСС в руки Советов был подхвачен оппозицией для борьбы с партией и государством, для изменения общественного строя. Но стоило ей прорваться к рычагам управления страной, на повестку дня был поставлен новый противоположный предыдущему лозунг «долой власть Советов!»². Однако оппозиция прорвется к власти и выбросит антисоветский лозунг позже. А пока перед ней стояла за-

---

¹ XIX Всесоюзная конференция... Т. 2. С. 135, 136—137, 138.

² Р ы ж к о в Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 506.

дача овладеть Советами. Решения конференции значительно облегчали решение и этой задачи.

Надо вспомнить, в каком кризисе находилась экономика СССР и, следовательно, материальное обеспечение масс к тому времени. Приведем высказывание участника партийной конференции Л. И. Абалкина: «Важно подчеркнуть со всей определенностью, что радикального перелома в экономике не произошло и из состояния застоя она не вышла. Национальный доход, обобщающий показатели экономического и социального развития страны (я беру только официальные данные Госкомстата), в прошедшие два года рос темпами меньшими, чем в застойные годы одиннадцатой пятилетки. Не выполнены задания по такому важнейшему показателю эффективности, как ресурсосбережение. За эти два года он в среднем снижался на 0,1%, в то время как в прошлой, многократно критикуемой пятилетке ежегодное снижение материалоемкости составляло 0,5%. Изменения в структуре общественного производства — между группой «А» и «Б», между накоплением и потреблением — проходили в направлении, прямо противоположном тому, которое было определено XXVII съездом партии. Состояние потребительского рынка ухудшилось. Особое беспокойство вызывает положение в сфере научно-технического прогресса, где отставание от мирового уровня нарастает и принимает все более угрожающий характер»¹. Н. И. Рыжков признал критику Л. И. Абалкина справедливой, назвав ее «критикой профессионала»².

Состояние потребительского рынка непосредственным образом сказывается на настроении масс, на их отношении к носителям власти. Л. И. Абалкин, как мы знаем, констатировал ухудшение дел в этой сфере экономической жизни. В том же плане высказывался и Е. Т. Гайдар: «Потребительский рынок был серьезно расстроен уже к началу 1988 года. При темпах роста денежных доходов населения, соответствовавших расчетам к пятилетнему плану,

---

¹ XIX Всесоюзная конференция... Т. 1. С. 116.

² Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 504.

торговля за 1986—1987 годы получила товаров на 33 миллиарда рублей меньше, чем планировалось. Началось быстрое сокращение запасов в торговле, они уменьшились на 13,8 миллиарда рублей. Исчезновение товаров с прилавков магазинов лишь наглядно отразило эти экономические процессы»¹. Ситуация на потребительском рынке продолжала ухудшаться и в 1988 году². Пришлось ввести талоны на мясо, колбасные изделия, животное масло. Вообще в 1988 году наблюдалось «расширение сферы регламентированного карточного снабжения, охватывающего все новые товары»³. Спрашивается: захотят ли избиратели в такой обстановке голосовать на выборах за представителей правящей коммунистической партии? Ответ очевиден: конечно, нет. А вот тут-то и новый порядок избрания, предложенный конференцией и конституционно закрепленный: «неограниченное выдвижение кандидатур, широкое и свободное их обсуждение, включение в избирательные бюллетени большего числа кандидатов, чем имеется мандатов», «обширные полномочия» окружных предвыборных собраний, долженствующих стать «демократическими форумами состязательного отбора кандидатов в депутаты». Имели место и предвыборные тактические ходы, например задержка в канун выборов заработной платы, искусственное обострение товарного дефицита и т.д.⁴.

Отсюда ясно, что Горбачев и его команда сознательно и преднамеренно создавали предвыборные условия, явно проигрышные для тех, кто олицетворял существующую власть или был с нею как-то связан. Горбачеву крайне необходим был новый депутатский состав, чтобы продолжать разрушительную работу.⁵ И он достиг цели: «Каждый

---

¹ Г а й д а р Е. Хозяйственная реформа, первый год. С. 324.

² Там же. С. 332.

³ Там же. С. 326.

⁴ Об этом говорил 28 марта 1989 года Секретарь ЦК КПСС Н. Н. Слюньков на заседании Политбюро, которое рассматривало итоги выборов (см.: Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 429).

⁵ О л е й н и к Б. И. Князь тьмы... С. 8.

из «новой волны», поставивший своей целью занять мандат избранныка,— получил его»¹. Советы крупнейших городов России, таких, как Москва, Ленинград, Свердловск, Нижний Новгород и др., заполонили противники коммунистического режима. При этом не обошлось без грубых нарушений закона о выборах, прямых подтасовок на избирательных участках, угроз физической расправы в случае «неправильного голосования»². В выборной кампании участвовали иностранные спецслужбы, направляя в помощь радикалам типографскую и множительную технику и, конечно, валюту³. Горбачев об этом знал, но никак не реагировал⁴. Значит, все это соответствовало его планам. Иной вывод едва ли тут возможен.

Колоссальное значение имел приход к власти демократов в Советах Москвы и Ленинграда, ибо в этих городах, в первую очередь, разумеется, в Москве, находились главные рычаги власти; две «столицы» задавали тон остальной России, к ним прислушивалась вся страна. Демократы тонко подметили одну существенную историческую особенность России: судьба революций и переворотов всегда решалась в ее столице⁵.

Несколько иная ситуация складывалась на Съезде народных депутатов СССР. Здесь демократы столкнулись, по злобному выражению Ю. Афанасьева, с «агрессивно-послушным большинством», которое не давало им развернуться как хотелось. Но времени даром они не теряли и быстро сформировали Межрегиональную депутатскую группу (МДГ). «Впервые в советской истории создана легальная парламентская оппозиция»,— сказал А. А. Собчак по этому поводу⁶. Группу возглавили А. Д. Сахаров, Б. Н. Ельцин, Г. Х. Попов и Ю. Н. Афанасьев⁷. Вот как опи-

---

¹ О л е й н и к Б. И. Князь тьмы... С. 7.

² Там же. С. 14.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Г а й д а р Е. Т. Дни поражений и побед. С. 283.

⁶ С о б ч а к А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 25.

⁷ Там же.

сывает создание этой группы Б. И. Олейник, непосредственный свидетель ее «легальной» деятельности: «Определился треугольник острием вниз, или — как в бывшей останкинской заставке — острием в зрителя. Основание его (на первых порах притуманенное секретностью) составляли Александр Яковлев, Вадим Бакатин, Борис Ельцин, Евгений Примаков, Георгий Арбатов, Гавриил Попов, Анатолий Собчак, Татьяна Заславская. По равновеликим бедрам треугольника, сходящимся в острие, струились помельче рангом — типа Юрия Черниченко, Юрия Болдырева, Галины Старовойтовой, Аркадия Мурашева, Гдьяна—Иванова, Геннадия Бурбулиса, Федорова (юрист), да еще — для всесоюзной видимости — несколько представителей из регионов — типа Шаповаленки, Конева, Лопатина... А на самое острие... был командирован Юрий Афанасьев. Вот этот треугольник и оформился в «Межрегиональную депутатскую группу...» В этакую, как пытались представить профанам ее оформители, невинную, даже не фракцию, а чуть ли не кружок по интересам. Так сказать, «стихийно возникшую» ячейку. Наивное, неопытное большинство депутатов так и воспринимали сие образование. Но... это далеко не безгрешная артель. И образовалась она не стихийно, в одночасье. Ведь и слепому ясно: создать буквально за несколько дней так профессионально оформленную связку, со всеми признаками корпоративного ордена, могли только профессионалы. А что это не просто кружок случайных людей, а ядро будущей партии, свидетельствуют блестящая информированность входящих в связку о месте и времени действия, согласованность и безупречная синхронность акций и, наконец, жесточайшая дисциплина и суровая подчиненность низа верхам... Треугольник имел отлично отлаженную разведсистему, весьма разветвленную сеть стукачей и соглядатаев... Там составлялись и хранились досье на всех более или менее видных оппонентов по многобальной системе...»¹.

---

¹ О л е й н и к Б. И. Князь тьмы... С.15—16.

МДГ, или, по выражению Б. И. Олейника, «профессионально оформленная связка», создавалась, конечно, для того, чтобы вести за собой Съезд, на который демократы возлагали большие надежды. Съезд, согласно их замыслам, должен был стать сильным противовесом официальной власти, сосредоточив в конечном счете у себя всю полноту государственной власти. Так, во всяком случае, позволяет думать заявление одного из руководителей МДГ А. Д. Сахарова, сделанное им на Съезде: «На нас огромная историческая ответственность, необходимы политические решения, без которых невозможно укрепление власти советских органов на местах и решение экономических, социальных, экологических, национальных проблем. *Если Съезд народных депутатов не может взять власть в свои руки* (курсив мой. — И. Ф.), то нет ни малейшей надежды, что ее смогут взять Советы в республиках, областях, районах, селах»¹. Н. И. Рыжков по поводу этого заявления Сахарова замечает: «А. Д. Сахаров, которого считали в нашей стране «отцом демократии», связывал ее именно с Советской формой государственного устройства. Он четко зафиксировал это в своем проекте Конституции. И как же тогда понимать тех, кто до сих пор, клянясь именем Сахарова, в одночасье уничтожил власть Советов?...»²

Чтобы понять тех, кто уничтожил Советы, поклоняясь одновременно Сахарову, надо трезво оценивать самого Сахарова. Тот факт, что в проекте сахаровской Конституции говорится о «советской форме государственного устройства», не может быть однозначно истолкован как свидетельство приверженности ее автора Советской власти. Ведь Сахаров обнародовал свой проект тогда, когда власть еще находилась у КПСС, и главная задача демократов состояла в том, чтобы лишить партию властных функций под предлогом передачи власти Советам. Вот почему будущие ликвидаторы Советов вместе с Сахаровым выбросили лозунг: «Вся власть Советам!». Но когда «Голиаф» был по-

¹ Цит. по: Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 494.

² Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 494.

вержен, незачем было церемониться и с советами. С ними также было покончено. И доживи Сахаров до уничтожения «советской формы государственного устройства», он повел бы себя так, как другие демократы, поведение которых вызывает недоумение у Н. И. Рыжкова.

Итак, решения XIX Всесоюзной партийной конференции, изменившие порядок избрания народных депутатов СССР, распахнули двери для «хождения во власть» представителям оппозиции, и они устремились туда толпами. Горбачев получил мощное подкрепление и мог продолжить «перестройку». По многозначительному признанию Н. И. Рыжкова, «конференция торопила события»...¹

Несмотря на постоянные заверения о своей преданности Советской власти, Горбачев, на наш взгляд, готовил «похороны» Советов. Уже в решениях конференции настораживает идея о создании постоянно работающего двухпалатного Верховного Совета СССР — законодательного, распорядительного и контрольного органа. При определенных условиях такой Верховный Совет легко мог быть трансформирован в буржуазный парламент по типу западных демократий. Нашу догадку подтверждает учреждение должности Президента СССР, выпадающей из системы Советской власти, более того, ей чужеродной.

Решение о введении института президентства было принято на внеочередном, Третьем съезде народных депутатов СССР в марте 1990 года. 15 марта Горбачев принял присягу в качестве Президента СССР. Спрыгнув с «советской тележки» в президентское кресло и уступив место Председателя Верховного Совета СССР А. И. Лукьянову, главный прораб «перестройки» тем самым показал, что не связывает свою дальнейшую судьбу с Советской властью. Став президентом, Горбачев получал определенную независимость как от КПСС, так и от Советов. Следовательно, учреждение президентской должности наносило удар и по партии, и по Советской власти, ослабляя как ту, так и другую.

---

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 491.

Начался процесс концентрации властных функций в президентских структурах, в частности в наскоро созданном Президентском Совете, что в перспективе должно было неизбежно привести к падению власти не только партийных, но и советских органов. Поэтому ханжеством и лицемерием пронизаны слова Горбачева, проливающего «крокодиловы слезы» по поводу Советов, упраздненных режимом Ельцина: «Став у власти осенью 1991 года, радикалы развернули мощное наступление на Советы, объявив их цитаделями тоталитарной системы. А затем, воспользовавшись событиями 3—4 октября 1993-го, фактически смели с лица земли всю советскую систему, все представительные органы. Кое-где Советы отказались самораспускаться, но в конце концов их принудили к этому силой.

В чем же дело? Действительно ли советская форма не годится для демократии? Такое допущение опровергается уже тем, что до поры до времени у радикалов никаких претензий к Советам не было. Напротив, Сахаров в своем проекте Конституции сохранил эту форму и на Первом съезде народных депутатов СССР предложил принять декрет о передаче всей власти Советам. Больше того, именно через Советы, благодаря им Гавриил Попов был избран председателем Московского Совета, Анатолий Собчак — Ленинградского, а Борис Ельцин — Верховного Совета России. В то время из этого лагеря не доносилось никакой хулы по адресу советской формы демократии. Да и какие могли быть у того же Ельцина претензии к Верховному Совету, если депутаты, не подумав о последствиях, послушно и даже с энтузиазмом приняли Декларацию независимости России, разрушавшую союзное государство, ратифицировали Беловежское соглашение, дали президенту дополнительные полномочия для проведения экономической реформы, согласились, чтобы он возглавил правительство и целиком сформировал его по собственному разумению.

Повод для недовольства возник тогда, когда депутатский корпус, по крайней мере большинство его, убедившись в пагубных последствиях для государства и народа

«шокохирургии», стал сначала робко, а затем все смелее выражать несогласие с этим. Вот тогда и ополчились на Советы, тогда и начался конфликт между исполнительной властью и органами народного представительства, закончившийся для последних полным разгромом»¹.

М. С. Горбачев, как видим, старается оправдать себя и возложить вину за «разгром» Советов на «радикалов», тогда как судьба Советской власти была во многом предопределена с установлением института президентства, ибо советская форма государственности и президентская несовместимы в принципе. С этой точки зрения конфликт между исполнительной властью в лице президента и органами народного представительства в лице Верховного Совета России был заложен уже тогда, когда по настоянию Горбачева Третий съезд народных депутатов СССР учредил должность Президента СССР. Да и ликвидация Советов была бы невозможна без наличия президентской власти.

Трудно поверить в то, что Горбачев действительно не понимал, почему «радикалы» «до поры до времени» не предъявляли «никаких претензий к Советам». Как-то неловко бывшему генсеку напоминать о том, что тогда была еще сильна КПСС и задача «радикалов» состояла в том, чтобы лишить ее власти. Для этого и нужны были им Советы. Отсюда и всякого рода спекуляции «радикалов» насчет их всевластия. Но с ослаблением КПСС, а тем более после ее ликвидации отпадала потребность в Советах. Рано или поздно они были бы также упразднены, поскольку не соответствовали целям буржуазной реставрации. Более того, Советы, будучи по своему определению органами народовластия, являлись преградой на пути капитализации России, разворовывания государственной собственности, созданной самоотверженным и героическим трудом советских людей, уповающих на справедливость и социальное равенство. И дело здесь отнюдь не в «шокохирургии», а в глубинном сознании русского народа, ко-

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн.1. С. 463—464.

торый решительно не приемлет капитализма как общественную систему. Вот и возникает вопрос, можно ли было дать власть в руки народу с подобной ментальностью, надеясь при этом перестроить общество на буржуазных началах. «Радикалы» всех пометов и мастей, а также их зарубежные наставники отлично понимали, что допускать такой народ к власти нельзя. Вот почему Советы в политической системе посткоммунистической России стали неуместны. И они вслед за КПСС сошли с российской исторической сцены.

Если бы XIX партийная конференция не приняла решение о реформировании избирательной системы в СССР, то Горбачев как президент, конечно же, не состоялся, а вопрос об учреждении президентства скорее всего вообще бы не поднимался. Весенние 1989 года выборы народных депутатов СССР потрясли КПСС, приведя ее в состояние, похожее на оцепенение и страх, подавившие волю к сопротивлению. Показательно, что вскоре Пленум ЦК КПСС удовлетворяет просьбу 110 членов и кандидатов в члены ЦК и Центральной ревизионной комиссии об отставке. Это — позорное отступление, постыдное бегство «старой гвардии» ЦК КПСС, свидетельствующие о полной деморализации и поражении противников горбачевской «перестройки» в верхнем партийном эшелоне.

М. С. Горбачев вспоминает, как проходило заседание Политбюро 28 марта 1989 года, т.е. сразу по завершении выборов¹. Настроение у большинства его членов «было угнетенное, в воздухе висело — провал». Правда, некоторые участники заседания, не понимая, вероятно, всей серьезности произошедшего, не теряли оптимизма. Так, Н. И. Рыжков бодро заявил: «Ничто не потеряно, у нас сильная партия, сильное государство». Но вместе с тем он говорил о том, что «газеты ЦК выступают против ЦК». По мнению В. И. Воротникова, «Закон о выборах требует исправления». На местах, по его словам, «возмущены поведением средств массовой информации, которые формируют не-

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн.1. С. 426—430.

гативное отношение к партийным кадрам. Не прошли 14 командующих военными округами». В. В. Щербицкий потребовал «рассмотреть в партийном порядке тех членов КПСС, кто в ходе избирательной кампании занимал антипартийные позиции». Согласно Е. К. Лигачеву, был допущен серьезный политический просчет, особенно в Прибалтике, где «выбрали не тех. Перестройка вызвала противоречивую реакцию в обществе, отсюда голосование против партийных, хозяйственных и военных работников. Главная причина в том, какую позицию занимали средства массовой информации в отношении истории партии, партийной работы. Негативную позицию накапливали в сознании людей. Это очень опасно... СМИ концентрируют критику на злоупотреблениях, на взятках. Это правильно. Но заодно шельмуют всех руководящих работников. Дисциплина в партии сейчас хуже, чем в беспартийной среде».

Неутешительным было выступление Ю. Ф. Соловьева: «В Ленинграде все семь партийных руководителей, представители административных и военных округов не прошли. Есть у нас противники, и мы их недооценили... Не только некоторые средства массовой информации, но даже «Правда» и «Известия» нанесли удары по партийным руководителям, вели дело тенденциозно. Партию так измазали с головы до ног, причем все ее поколения, что это не могло не сказаться на настроениях избирателей. Избирательная кампания показала, что идет борьба за власть».

Плохо обстояли дела и в Москве. Л. Н. Зайков говорил, что «МГК и райкомы оказались в опале. Кто выступал в поддержку партийной платформы, сразу проигрывал. Значит, по существу, настроение было против власти. Райкомы не могут работать. Надо потребовать от средств массовой информации прекратить дискриминацию партаппарата. Имели место посягательства на флаг, на гимн. Появились трехцветные флаги». С тревогой смотрел в будущее Б. К. Пуго: «Нападок на партию много. Есть опасность, что итоги выборов начнут изображать как поражение КПСС. Надо не допустить, чтобы такая оценка стала гулять. Партийные организации не растут, идет отток из партии. Мус-

сируется тема многопартийной системы. В Прибалтике народные фронты добились всего, чего хотели. Предстоит националистический август». Г. П. Разумовский обратил внимание на то, что 30 секретарей обкомов и горкомов провалились на выборах. По данным А. И. Лукьянова, «пятая часть секретарей партийных организаций не прошла. Замечен резкий рост уравнилельных настроений. На этой волне паразитируют демагоги плюс идет массированная атака СМИ на партийное руководство...». На фоне этих выступлений особую выразительность приобретают высказывания Горбачева и Яковлева.

М. С. Горбачев рассказывает о себе: «Я оценил выборы как крупнейший шаг в осуществлении политической реформы, которую мы предопределили своими решениями. Через выборы общество выходит на новый уровень, устраняется разрыв между конституционными нормами и политической практикой. Власть приобретает в полной мере легитимный характер — это само по себе огромное достижение. Говоря все это, я чувствовал, что далеко не все мои коллеги согласны с такой оценкой. Некоторые были настолько «заведены», что не могли себя сдержать по ходу моего выступления. В спокойном тоне я сделал замечание: «Если кому-то тяжело здесь находиться, можно и выйти». Не скажу, чтобы наступила гробовая тишина, но собрание сразу успокоилось. Партийная дисциплина взяла свое, хотя многие сидели хмурые».

В данном случае сработала не столько партийная дисциплина, сколько трусость и шкурные интересы. Выборы усилили Горбачева. Это понимали все присутствующие на заседании. Прораб чувствовал себя настолько уверенно, что мог во всеуслышанье указать на дверь несогласным и взять под защиту самые разнузданные средства массовой информации — журнал «Огонек» и газету «Московские новости», обвинив при этом в провале на выборах партию и власть. «У людей плохое настроение,— заявил он,— не из-за происков «Огонька», «Московских новостей» или Ельцина. Многое могло бы выглядеть по-другому, если бы партийные и властные структуры на деле

перестраивались, были ближе к людям, внимательней к их нуждам. На всех направлениях мы отстали, народ нас опережает, партии приходится оправдываться только тем, что она все начала».

В «ту же дуду дудел» и А. Н. Яковлев: «Ни о каком поражении речи идти не может и не должно. 84% избирателей пришли голосовать, и избрано 85% коммунистов. Это референдум за перестройку. Немножко мы испугались. На самом деле советский народ проголосовал против застоя и командно-административной системы, против бесхозяйственности и разгильдяйства. Выборы — демонстрация верности демократическому социализму и доказательство того, что в условиях однопартийной системы возможна демократия. Есть и враждебные силы. Не думаю, что голосование было против партии как таковой. У нас эмоциональное отношение к прессе».

Нетрудно догадаться, что Горбачев и Яковлев были довольны итогами выборов. У них пока все шло по плану. Они радовались. Остальным же членам Политбюро, за исключением, разумеется, Шеварднадзе и Медведева, оставалось лишь сидеть и хмуриться.

Обсуждение на Политбюро результатов «свободных» выборов вскрыло весьма важную роль в предвыборной кампании средств массовой информации, занявших откровенно негативную позицию по отношению к существующему режиму и оказавших сильное воздействие на избирателей. Даже партийная «Правда» и советские «Известия» включились в общий хор СМИ, враждебно настроенных к партии и ее руководству. Чувствовалась чья-то направляющая рука. Но и она не сумела бы столь виртуозно управлять прессой и телевидением, если бы не было решений XIX Всесоюзной конференции КПСС по вопросам гласности.

В резолюции «О гласности» читаем: «XIX Всесоюзная конференция КПСС, руководствуясь интересами социализма и перестройки, считает одной из важнейших политических задач дальнейшее развитие гласности. Первые три года перестройки убедительно подтвердили, что обстановка гласности в деятельности партийных, совет-

ских, общественных организаций, средств массовой информации, развертывание реальной критики и самокритики, утверждение открытости и правдивости в политике позволили партии, всему народу лучше понять свое прошлое и настоящее, выявить факторы торможения, пробудить мощные патриотические силы к активной целеустремленной работе на благо страны, социализма. Именно включение в общественную жизнь гласности помогло глубоко и объективно, с участием общественности оценить ситуацию в стране, коллегиально выработать принципиальные решения по ускорению социально-экономического развития, обеспечить активную и заинтересованную поддержку трудящимися курса КПСС на перестройку. Конференция рассматривает гласность как развивающийся процесс и подчеркивает, что ее последовательное расширение является непрямым условием выражения демократической сущности социалистического строя, его обращенности к человеку, приобщения личности ко всем делам общества, государства, коллектива, как действенную гарантию против деформаций социализма на основе всенародного контроля за деятельностью всех социальных институтов, органов власти и управления... Гласность во всех сферах жизни — одно из важнейших условий дальнейшего углубления процессов перестройки, ее необратимости...

Конференция подчеркивает, что последовательное расширение гласности является непрямым условием развертывания процессов демократизации всех сфер общественной жизни, обновления социализма. Развивая гласность, партия неизменно руководствуется ленинским указанием, что массы должны знать все, обо всем судить и на все идти сознательно. Коммунистической партии, советскому народу нужна правда, полная и объективная информация обо всем, что происходит в обществе... Конференция отмечает важную роль средств массовой информации в расширении гласности. Они призваны всесторонне отражать деятельность партийных, государственных и общественных организаций, служить консолидации социалистического общества, активно пропагандировать накоп-

ленный опыт, быть инструментом всенародного контроля за положением дел в стране. Конференция считает недопустимым сдерживание критических выступлений прессы, как и опубликование необъективной информации, задевающей честь и достоинство гражданина... Никто не имеет монополии на истину, не должно быть и монополии на гласность»¹.

Эта резолюция, если учесть идеологическую атмосферу в стране той поры, останется позорным пятном на совести КПСС. В ней сквозь шелуху трескучих слов проглядывают ложь и лицемерие. Авторы резолюции, среди которых первой скрипкой был Яковлев, утверждают, будто «обстановка гласности» первых трех лет перестройки пробудила «мощные патриотические силы к активной и целеустремленной работе на благо страны, социализма». В действительности же «обстановка гласности» мобилизовала темные, сатанинские силы, враждебные стране и русскому народу. Именно они захватили печать, телевидение, радио, установили свою монополию на гласность и, одурманив доверчивую Россию, повели ее на «Голгофу». Вот этот идеологический разбой и легализовала партийная конференция в резолюции «О гласности». Она, можно сказать, санкционировала ведущуюся против русского народа информационную войну².

О плодах гласности первых лет «перестройки» говорил с великой болью в сердце Ю. Бондарев, выступая на конференции. Горбачеву его выступление, естественно, не понравилось. Позицию писателя он назвал «консервативно-пессимистической»³. Но Ю. Бондарев воспроизвел правду жизни, а она не способствовала оптимистическому настрою тех, кто болел за судьбу Отечества. Приведем

---

¹ XIX Всесоюзная конференция... Т. 2. С. 166-169.

² Анат. А. Громыко справедливо характеризует XIX партийную конференцию как одну из самых неприглядных страниц в истории КПСС (Громыко Анатолий. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 155).

³ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 393.

выдержку из речи Бондарева, быть может, чересчур пространную, но заслуживающую подобной цитации вследствие глубины мысли и мастерства слова: «Часть нашей печати восприняла, вернее, использовала перестройку как дестабилизацию всего существующего, ревизию веры и нравственности. За последнее время, приспособляясь к нашей доверчивости, даже серьезные органы прессы, показывая пример заразной последовательности, оказывали чуткое внимание рыцарям экстремизма, быстрого реагирования, исполненного запальчивого бойцовства, нетерпимости в борьбе за перестройку прошлого и настоящего, подвергая сомнению все: мораль, мужество, любовь, искусство, талант, семью, великие революционные идеи, гений Ленина, Октябрьскую революцию, Великую Отечественную войну. И эта часть нигилистической критики становится или уже стала командной силой в печати, как говорят в писательской среде, создавая общественное мнение, ошеломляя читателя и зрителя сенсационным шумом, бранью, передержками, искажением исторических фактов. Эта критика убеждена, что пришло ее время безраздельно властвовать над политикой в литературе, над судьбами, душами людей, порой превращая их в опустошенные раковины.

Экстремистам немало удалось в их стратегии, *родившейся, кстати, не из хаоса, а из тщательно продуманной заранее позиции* (курсив мой.— И. Ф.). И теперь во многом подорвано доверие к истории, почти ко всему прошлому, к старшему поколению, к внутренней человеческой чести, что называется совестью, к справедливости, к объективной гласности, которую то и дело обращают в гласность одностороннюю: оговоренный лишен возможности ответить. Безнравственность печати не может учить нравственности. Аморализм в идеологии несет разврат духа. Пожалуй, не все в кабинетах главных редакторов газет и журналов полностью осознают или не хотят осознавать, что гласность и демократия — это высокая моральная и гражданская дисциплина, а не произвол, по философии Ивана Карамазова, что революционные чувства перестройки —

происхождения из нравственных убеждений, а не из яда, выдаваемого за оздоравливающие средства. Уже не выяснение разногласий, не искание объективной истины, не спор о правде, еще скрытой за семью печатями, не дискуссия, не выявление молодых талантов, не объединение на идее преобразования нашего бытия, а битва в контрпозиции, размывание критериев, моральных опор, травля и шельмование крупнейших писателей, режиссеров, художников, тяжба устная и письменная с замечательными талантами, такими как Василий Белов, Виктор Астафьев, Петр Проскурин, Валентин Распутин, Анатолий Иванов, Михаил Алексеев, Сергей Бондарчук, Илья Глазунов. Нестеснительные действия рассчитаны на захват одной группой всех газетных и журнальных изданий — эта тактика и стратегия экстремистов проявилась в последний год особенно ясно и уже вызывает у многих серьезные опасения.

Та наша печать, что разрушает, унижает, сваливает в отхожие ямы прожитое и прошлое, наши национальные святыни, жертвы народа в Отечественную войну, традиции культуры, то есть стирает из сознания людей память, веру и надежду, — эта печать воздвигает уродливый памятник нашему недомыслию, геростратам мысли, чистого чувства, совести, о чем история идеологии будет вспоминать со стыдом и проклятиями так же, как мы вспоминаем эпистолярный жанр 37-го и 49-го годов. Вдвойне странно и то, что произносимые вслух слова «Отечество», «Родина», «патриотизм» вызывают в ответ некое змееподобное шипение, исполненное готовности нападения и укуса: «шовинизм», «черносотенство».

Когда я читаю в нашей печати, что у русских не было и нет своей территории, что 60-летние и 70-летние ветераны войны и труда являются потенциальными противниками перестройки, что произведения Шолохова пора исключить из школьных программ и вместо них включить «Дети Арбата», когда я читаю, что журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия» внедряют ненависть в гены (чтобы такое написать, надо, действительно, обладать естественной ненавистью к этим журналам), когда меня пе-

чаточно убеждают, что стабильность является самым страшным, что может быть (то есть да здравствует развал и хаос в экономике и культуре), что писателя Булгакова изжи-вал со света «вождь», а не группа критиков и литерато-ров во главе с Билль-Белоцерковским, требовавших не раз высылки за границу талантливейшего конкурента, когда на страницах «Огонька» появляются провокационные со-блазны, толкающие к размежеванию сил, к натравливанию целой московской писательской организации на журнал «Москва», когда читаю, что фашизм, оказывается, возник в начале века в России, а не в Италии, когда слышу, что ге-нерал Власов, предавший подчиненную ему армию, пере-шедший к немцам, боролся против Сталина, а не против советского народа,— когда я думаю обо всем этом, безот-ветственном, встречаясь с молодежью, то уже не удивля-юсь тем пропитанным неверием, иронией и некой безна-дежностью вопросам, которые они задают. И думаю: да, один грамм веры дороже порой всякого опыта мудреца. И понимаю, что мы как бы предаем свою молодежь, опус-тошаем ее души скальпелем анархической болтовни, пусто-порожними сенсациями, всяческими чужими модами, де-шево стоящими демагогическими заигрываниями»¹.

Вся мерзость, о которой говорил Ю. В. Бондарев, с но-вой силой стала множиться и распространяться после XIX партийной конференции. «Гласность», воспетая на конфе-ренции и ловко управляемая заинтересованными лицами, настолько затуманила общественное сознание, что люди, потеряв социальные и нравственные ориентиры, оказались не в состоянии трезво и объективно воспринимать проис-ходящее. Одурманенные ею, они поверили новоявленным «лжеучителям» и «лжепророкам», которые обещали им новый рай в недалеком капиталистическом будущем. Та-ким образом, «гласность», нагнетаемая средствами массо-вой информации, находящимися в руках недругов России, сыграла роковую роль в ее исторической судьбе на исходе

---

¹ XIX Всесоюзная конференция... Т. 1. С. 224—226.

XX века. Разлагающее влияние «гласности» на общество не могут утаить даже прорабы «перестройки». Возьмем, к примеру, Горбачева — главного глашатая «гласности».

«Первым актом гласности,— рассказывает он,— можно, думаю, считать мою поездку в Ленинград в мае 1985 года. Состоялся непривычный контакт руководителя с людьми. Выступление без всяких бумажек и предварительных консультаций с коллегами создало целую проблему для Политбюро. Впервые многое из того, что содержалось в неопубликованных материалах мартовского и апрельского Пленумов ЦК, о чем говорилось в «закрытом порядке» в партийных верхах, было «выплеснуто» на всех»¹. Потом было интервью Горбачева американскому журналу «Тайм» и его беседа с тремя корреспондентами французского телевидения — «прорывы к открытости».

И тут мы подходим к главному: «Очередной ступенью в развитии гласности стало поощрение критических выступлений в печати, на телевидении и радио по поводу всевозможных безобразий, слабостей, прорех в нашей жизни, о которых в прошлом не полагалось говорить вслух, выносить на суд общественного мнения». Все это было бы хорошо, но «критика стала приобретать оскорбительный, разносный характер, нередко публиковались откровенно клеветнические материалы, основанные на искажении и подтасовке фактов». При этом «каждый орган информации пускал «на публику» только «своих», инакомыслящих у себя не терпел»².

Насчет «инакомыслящих» Горбачев явно «перегнул», поскольку практически все органы СМИ (за редким исключением) были в руках демократов. Поэтому в целом средства массовой информации отличались концентрированным единомыслием, направленным на расшатывание существующего строя. Особым рвением здесь отличались «Огонек», «Московские новости», «Аргументы и факты», которым, судя по всему, покровительствовал сам Горбачев. Во всяком случае, он говорит, что ему приходи-

---

¹ XIX Всесоюзная конференция... С. 315—316.

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн.1. С. 317.

лось не раз брать под защиту редактора «Московских новостей» Е. Яковлева¹.

Могущественным покровителем демократических СМИ был и А. Н. Яковлев. Он направлял их деятельность, они работали под ним². Анат. А. Громыко рассказывает, как в 1987—1987 гг. Яковлев проводил в здании ЦК партии инструктажи с работниками средств массовой информации, число которых доходило до 200 человек. Он призывал журналистов широким фронтом разворачивать критику, усматривая в ней «первый шаг к созиданию». Причем наставлял: «Все должно быть пущено в ход»³. Естественно, при таких установках в демократических средствах массовой информации началась настоящая вакханалия «гласности»⁴. «Пропабы перестройки с таким старанием раскачивали исполнинские колокола гласности, что по всей стране и за ее пре-

---

¹ Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн.1. С. 324.

² Г р о м ы к о Анатолий. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 159. См. также: Буш и н В. С. Честь и бесчестие нации. М., 1999. С. 160—161.

³ Там же. С. 126, 127.

⁴ В высшем руководстве отнюдь не все понимали подлинный смысл деятельности А. Н. Яковлева. Примечательно в этой связи высказывание А.А.Громыко: «Яковлев не видит опасности, исходящей от писак и шарлатанов. Растяпа» (там же, с. 126). Слово «растяпа» к Яковлеву явно не подходит. В данном случае его следовало бы адресовать самому А. А. Громыко, не понявшему характер деятельности сановного идеолога. А. Н. Яковлев, этот умелец «дворцовых игр» (см.: Ч е р н ы е в А. С. Моя жизнь и мое время. С. 297), вел хитрую и тонкую игру на разрушение. Наивно звучат и слова младшего Громыко, который полагает, что Яковлев, «очевидно, думал о болезнях советского общества, которое, как и большинство, считал социалистическим и поддающимся перестройке. Впоследствии я не раз и не два пытался понять его мышление, но так и не находил ответа на вопрос, почему этот умный человек не смог выстроить теоретическую базу перестройки и быстро утонул в болоте политических склок, был подмят непомерной славой, вылитой Западом на Горбачева» (Г р о м ы к о Анатолий. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 141). Анат. А. Громыко никак не может взять в толк, что для людей типа Яковлева перестройка означала лишь одно — разрушение существующей системы с целью буржуазной реставрации.

делами все гудело и звенело. Однако камертон этого набата был один: «Все, что было до перестройки — плохо, все, что делается сейчас — хорошо, другого не дано»¹.

Немудрено, что пресса, по выражению Горбачева, «вышла из-под контроля». Но это не совсем так. Это — полуправда. Пресса «вышла из-под контроля» официальной власти, но она контролировалась и направлялась невидимым центром. Иначе не понять дружные, скоординированные ее нападки на фундаментальные основы системы, попытки переоценки ценностей. В частности, Горбачев вынужден признать, что «так случилось с оценкой пути, пройденного страной после Октября 1917 года. Пожалуй, ни одно из направлений гласности не имело столь сильного резонанса и не произвело такого психологического шока, как восстановление достоверной, а не мифологической, идеализированной и романтизированной истории советского периода, включающей, наряду с многими образцами народного героизма и бесспорными достижениями в социальном устройстве, чудовищный разгул бюрократии, массовые репрессии, тоталитарное подавление свободной мысли. Люди жадно набросились на публикации с разоблачением творившихся преступлений, накатила вторая после XX съезда волна развенчания Сталина, полной мерой досталось Брежневу, а затем дошло до переоценки и самого Ленина, марксистской идеологии, принципов социализма»².

Мы сильно ошибемся, если примем эти сетования Горбачева за «чистую монету». Его тогда беспокоили собственно не искажения советского прошлого, а реакция на них со стороны «правых», т.е. традиционалистов и ортодоксов, которых он опасался. Однажды Горбачев в разговоре с Черняевым заметил, что он порой «обрушивается» на «левых», поскольку «они провоцируют правых, мобилизуют их своими криками и атаками на Ленина, Октябрь, социализм. Поднимают панику, не понимая, что мне, Горбачеву, доро-

---

¹ Г р о м ы к о Анат. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 104.

² Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 327.

га вправо и назад заказана. Я обречен идти вперед, и только вперед. И если отступлю, сам погибну и дело погибнет. Как же они могут думать, что я с Лигачевым?»¹

Есть еще одна существенная грань «гласности» — обсуждение и оценка межнациональных отношений в исторической России и СССР. Горбачев с наигранной горестью вздыхает: «Увы, в этих вопросах верх взяли предвзятость и нетерпимость, на них сделали политическую карьеру и рванулись к власти националисты, развернувшие атаку на саму идею Союза»².

Итак, из признаний (вольных или невольных) генерального прораба «перестройки» следует, что «гласность», развернувшаяся в «перестроечный» период — это не просто свобода слова, дарованная прогрессивными правителями гражданам страны, а *политика гласности*, ведущая к пересмотру ленинского наследия, марксистской идеологии, к изменению общественного строя СССР и разрушению его территориального единства. Таков внутренний смысл горбачевской «гласности»³. Таковы цели, которые она преследовала. Их осуществление не могло состояться без усиленной обработки общественного сознания, без интенсивного, так сказать, «промывания мозгов». На это также была направлена *политика гласности*.

Историческая память — фундаментальная основа бытия народа. Чтобы заставить людей жить иначе, надо побудить их думать и мыслить по-другому. А для этого необходимо если не искоренить историческую память народа, то, уж во всяком случае, исказить ее. Глашатаи «перестройки» прекрасно это сознавали и потому начали поход именно против русской истории.

---

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. С. 319.

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 328.

³ К этому следует добавить еще одну деталь, подмеченную Р. Никсоном: «Во внутренних делах Горбачев мастерски использовал гласность, чтобы изолировать своих политических противников и ослабить силу их власти» (Никсон Р. На арене. С. 365).

Все замышлялось ради резонного, казалось бы, поиска исторической правды, скрываемой в годы правления коммунистов. Настораживало только то, что в этот поиск пустилась самая разношерстная публика: политики, поэты, писатели, публицисты, журналисты и прочие непрофессиональные «историки», не обремененные историческими познаниями. Несмотря на отсутствие специальной научной подготовки, они давали самые смелые оценки прошлому, далекому и близкому. Розыск «белых пятен» в отечественной истории, прежде всего в истории советского общества, стал едва ли не повальным увлечением. Газеты, журналы, радио, телевидение выявили такое количество этих «пятен», что от них зарябило в глазах и голова пошла кругом, а в обществе не сразу заметили, как отыскание «белых пятен» сменилось очернительством нашей истории. «Поборники» исторической «правды» вдруг обнаружили, что русский народ ленивый и консервативный, покорный и послушный властям, что историю России отличает «тысячелетняя парадигма рабства» (А. Н. Яковлев) и демократия у нас лишь только зарождается.

При этом никого не смущало, что отрицание демократических устоев в русской истории перечеркивает труд многих поколений отечественных и зарубежных историков, убедительно показавших наличие у нас в давние времена общинно-вечевых институтов, лежавших некогда в основе общественной жизни¹. Как-то выпала из поля зрения толкователей истории России и приверженность рус-

---

¹ Ц а м у т а л и А. Н. 1) Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. Л., 1971; 2) Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977; Шушарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964.— Обоснованность такого рода представлений у нас не вызывает никаких сомнений (см.: Ф р о я н о в И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; 2) Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX—начала XIII столетия. СПб., 1992; 3) Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995).

ского народа к вековым общинным традициям, связь народной стихии с демократическим общинным началом, которое, по замечательному выражению Ю. Ф. Самарина, представляет собой «грунт всей Русской истории прошедшей, настоящей и будущей»¹.

Из тысячелетней истории России наибольшему поношению подверглась советская эпоха с ее коммунистической идеологией, породившей якобы за 70 лет «столько чудовищ, сколько старая частнособственническая цивилизация не сумела породить за три века»². В облике кровавых монстров предстали Ленин и Сталин, особенно последний. Именно на Сталине сконцентрировалась ненависть к социализму и КПСС. Сталинизм был отождествлен с фашизмом. И вот оказалось, что страна, победившая фашистскую Германию, освободившая народы Европы от фашистского порабощения и спасшая некоторые национальности от полного истребления, сама являлась фашистской. В итоге утешиться было нечем: 70 лет народы России прожили зря, гоняясь за химерой коммунизма — вождя-ленного рая на земле. Теперь пришла пора отрезвления, и Россия должна вернуться в «частнособственническую цивилизацию», покинутую в 1917 году.

Все это подрывало историческую память русского народа, деформировало его историческое самосознание, притупляло народный государственный инстинкт, что позволило творцам «перестройки», заметно ослабившим правящие функции КПСС, перевести в обвальную фазу развал государственности в СССР. Прежде всего, они старались надломить одну из главнейших опор государства — армию. Развернулась широкомасштабная кампания по шельмованию и дискредитации армии в глазах общества, преследующая цель парализовать ее какие-либо активные действия по защите политического и государственного строя в стране. Для этого армию несколько раз «подставили»,

---

¹ Самарин Ю. Ф. Собр. соч. М., 1877. Т. 1. С. 51.

² Ципко А. Хороши ли наши принципы//Новый мир. 1990, № 4. С. 174.

обрушив на нее затем шквал критики, вызвавшей растерянность в армейских кругах, деморализацию и нежелание вмешиваться в происходящее. В качестве примеров можно назвать события в Тбилиси, Баку и Вильнюсе. Особенно много шума было поднято по поводу тбилисских событий 9 апреля 1989 года.

Эти события стали предметом обсуждения на Первом Съезде народных депутатов СССР в мае 1989 года. С целью расследования произошедшего в Тбилиси Съезд образовал специальную комиссию, в которую, по свидетельству ее председателя А. А. Собчака, «были включены представители народных фронтов, т.е. демократических сил из Москвы, Литвы, Эстонии»¹. Собчак не скрывает, что такой состав комиссии сыграл свою роль и повлиял на результативность ее работы, на общий настрой, который господствовал в ней². Зная умонастроение Собчака и представителей народных фронтов, вошедших в комиссию, можно было заранее предсказать, что и результативность ее работы и общий настрой будут не в пользу официальной власти. К сожалению, деятельность комиссии и обнародование результатов расследования приобрели политический, спекулятивный характер. На людской трагедии делалась политика, приближающая демократов к власти. Не случайно книга Собчака о тбилисских событиях была выпущена в свет стотысячным тиражом³. Впрочем, обратимся к самим событиям 9 апреля. Как они назревали?

7 апреля 1989 года поздно вечером командующий войсками Закавказского военного округа генерал И. Н. Родионов отправил в Министерство обороны СССР сообщение следующего содержания: «ДОКЛАДЫВАЮ ПО СОБЫТИЯМ В ГРУЗИНСКОЙ ССР. 5 апреля группа студентов из 500 человек организовала демонстрацию у Дома прави-

---

¹ Собчак А. А. Тбилисский излом, или Кровавое воскресенье 1989 года. М., 1993. С. 23.

² Там же.

³ Если бы не собранные в ней важные документы и материалы, она была бы политической, образно говоря, бабочкой-однодневкой.

тельства в Тбилиси с голодовкой 40—50 человек. 6 апреля обстановка резко обострилась. К 13 часам на митинг собралось уже около 5—6 тысяч. Митинг возглавили руководители общества «Церетели» — Мераб Костава, Георгий Чантурия, Ираклий Церетели и представители вузов — Мелашвили, Кацитадзе. Зачитано обращение к Президенту, конгрессу США и странам — участницам НАТО, в котором предлагали: 1. Приурочить одно из заседаний ООН ко дню суверенной Грузии (26 мая 1926 года). 2. Признать 25 февраля 1921 года «Днем оккупации Грузии большевистскими силами России». 3. Оказать помощь Грузии для выхода из состава СССР. Под петицией подписалось около 5 тысяч человек. Количество участников митинга постоянно возрастало и к 19.30 достигло около 10 тысяч человек. Выдвигались лозунги: «свободу политзаключенным»; «долой русских оккупантов»; «вывести оккупационные части из Грузии»; «долой абхазских экстремистов»; «никакой автономии в Грузии»; «освещение событий в Грузии телевидением». Создан координационный комитет по организации стачек и забастовок. Цель — проведение широкомасштабных выступлений, намеченных на май... Все проводимые митинги не санкционированы, мер со стороны руководства республики не предпринимается. К руководителям (организаторам) митингов решительных мер не применяют. Войска МВД выполняют роль наблюдателей. Руководство республики пытается стабилизировать положение с помощью активных действий войск, что обострит имеющееся негативное отношение к армии. Имеют место нападения на военнослужащих, их избиения и взламывания квартир. Второй секретарь ЦК КПСС Грузии т. Никольский роль армии видит только в выполнении ею милицейских функций. Предлагаю: 1. Арестовать руководителей резко националистических обществ — организаторов сборищ, несанкционированных митингов. 2. Не допускать проведения несанкционированных митингов путем разгона мелких групп силами МВД, не допуская их массового скопления. 3. Воинские части держать в готовности для оказания помощи местным властям в охране зданий

ЦК КПСС Грузии, Дома правительства, телестудии, почты и телеграфа»¹.

Как видим, обращение митингующих к президенту, конгрессу США, к странам НАТО, а также их лозунги были направлены на разрушение государственности и территориальной целостности СССР, т.е. представляли собой угрозу национальной безопасности страны, провоцируя власть на жесткие ответные меры. К тому же они побуждали к совершению дерзких нападений местных экстремистов на военнослужащих, посягательству на их жилища. Западные демократии при аналогичных обстоятельствах обычно не церемонятся и твердой рукой наводят порядок. Но грузинское руководство бездействовало, поощряя тем оппозицию, ее уличные акции. Причем в состоянии какой-то политической «прострации» оно пребывало уже достаточно длительное время. Известно, например, что лидер «Партии национальной независимости Грузии» (ПННГ) еще в январе 1989 года «составил петицию «грузинских патриотов», адресованную в ООН и правительствам — членам военного блока НАТО, с требованием признать «аннексию Грузии Россией в 1921 году». Текст указанной петиции Церетели зачитал 29 марта 1989 года на митинге у Дома правительства, организованного силами ПННГ. Здесь же по его инициативе были собраны подписи под ней»². Из объяснений начальника оперативного отдела внутренних войск МВД СССР генерала Ю. Т. Ефимова известен также рассказ министра внутренних дел Грузии Горгадзе о том, что «в феврале зачинщиков беспорядков арестовали, но по приказу «сверху» — выпустили»³. Значит, кому-то надо было, чтобы оппозиционеры гуляли на свободе и делали свое дело.

Отсюда ясно, что апрельские события готовила не только грузинская оппозиция, но и другие силы. Становится понятным, почему «митингующие мгновенно узнавали

---

¹ Цит. по: С о б ч а к А. А. Тбилисский излом... С. 101—103.

² Там же. С. 57—58.

³ Там же. С. 105.

о всех действиях руководства и мерах, которые оно готовит против них»¹. Правда, А. А. Собчак считает, будто «в этом ярко проявилось разложение режима, его неспособность даже на высшем уровне руководства сохранить служебную тайну»². Объяснение, на наш взгляд, поверхностное, ибо апрельские события в Тбилиси являлись, как нам кажется, частью большого сценария разрушения СССР, разыгрываемого в ходе «перестройки». Недаром бывший первый секретарь ЦК Компартии Грузии Д. И. Патиашвили почувствовал «связь тбилисской трагедии с событиями 19 августа [1991 года] в Москве». При этом замечал, что не знает всей правды об этой трагедии³.

Наводит на размышление и поведение генерала И. Н. Родионова. Поначалу он не хотел применять войска для разгона митингующих, ограничивая задачу воинских частей охраной важнейших объектов — здания ЦК Компартии Грузии, Дома правительства, телестудии и телеграфа. Родионов расходился с Б. В. Никольским, вторым секретарем ЦК Компартии Грузии, видевшим роль армии «только в выполнении ею милицейских функций. Такая же позиция, похоже, была и у министра обороны СССР маршала Д. Т. Язова, который, как свидетельствует Родионов, 7 апреля в 16.50 поставил перед ним задачу «принять в подчинение парашютно-десантный полк из г. Кировабада для организации охраны важнейших объектов Тбилиси, а также использовать для этого другие силы округа. В этот же день в 18.00 получено письменное подтверждение об этом начальника Генерального штаба МО СССР»⁴. И все же Родионов бросил армейские части на разгон собравшихся у Дома правительства. В чем причина столь крутого поворота в поведении генерала?

Этот вопрос приобретает особую важность, поскольку ситуация на площади стала меняться к лучшему: ор-

---

¹ Собчак А. А. Тбилисский излом... С. 105.

² Там же. С. 105—106.

³ Патиашвили Д. Тбилиси. 9 апреля 1989 года//Известия. 1991, 16 сентября.

⁴ Собчак А. А. Тбилисский излом... С. 103—104.

ганизаторы митинга решили через пару дней прекратить манифестацию на площади и разойтись. Ведь «долго держать настроение людей на пике накала не удавалось еще никому. Так или иначе наступал спад. Надо было вовремя свернуть акцию, чтобы люди не ушли отсюда разочарованными и не утратили вкуса к подобным мероприятиям. Число истово верящих и сподвижников, готовых стоять и идти до конца, тогда еще было невелико, а основная часть людей на площади состояла из любопытствующих... Лидеры неформалов это понимали, и время отхода стало определяться все четче. И все бы так, наверное, и было. Если бы...»¹ Если бы руководство республики и генералитет не оказались во власти самых мрачных предчувствий. Генерал Родионов рассказывал о работе бюро ЦК Грузии 7 и 8 апреля. «Вопрос обсуждался один: обстановка в республике и прежде всего в Тбилиси. Выступали тт. Патиашвили Д., Никольский Б., Черкезия О., Гумбаридзе Г., Попхадзе Н., Родионов И. и др. Все оценивали обстановку в городе как крайне напряженную, выходящую из-под контроля, с непредсказуемыми последствиями, с возможностью захвата Дома правительства, ЦК и других важных объектов. Все выступающие предлагали применить силу. Возражающих или других предложений не было. Применение силы предлагалось всеми в самое ближайшее время»².

Из рассказа генерала Родионова следует, что ответственность за применение силы лежит всецело на местном, грузинском, руководстве. В это, конечно, поверить трудно. И здесь сомнения Собчака оправданы. «Родионов,— говорит он,— не мог не понимать, на что идет. Поэтому, по-видимому, существовали более серьезные основания, чем решение Бюро ЦК КП Грузии. Например, приказ министра обороны или руководства КПСС, доведенный до него Кочетовым или по телефону, или самим Язовым, или Чебриковым. Но это из области догадок, так как ни Родионов, ни Кочетов, ни Язов, ни Чебриков не подтвердили суще-

---

¹ Собчак А. А. Тбилисский излом... С. 106.

² Там же. С. 110—111.

ствование такого приказа»¹. Личное знакомство Собчака с Родионовым, впечатления от этого знакомства подсказывали ему, что «без приказа, хотя и неформального (не облеченного в форму документа, а переданного ему, скажем, по телефону или сообщенного устно тем же Кочетовым), он бы не решился взять на себя руководство операцией. Грех на душу генерал взял тогда, когда не потребовал письменного приказа...»²

Однако Собчак не ограничивается этими правомерными предположениями и пускается в рассуждения о психологических мотивах, побудивших якобы генерала к столь радикальным действиям: «Попытаемся понять, что подтолкнуло Родионова к принятию рокового решения. Он ежедневно видел взбудораженную, взъерошенную толпу, мешающую нормальной работе транспорта, не работающую, кричащую, размахивающую руками. Над перевозбужденными, орущими головами — лозунги. Кое-какие из них, написанные по-русски, он прочитать мог. Но мог ли в апреле 1989 года, еще до первого Съезда народных депутатов, генерал Родионов согласиться с этими лозунгами? Конечно, нет. Вспомним, как постепенно мы сбрасывали с себя коммунистические и социалистические шоры. Как были от настоящей боли те, кто свято в это верил и ко всему привык. Нужно их попытаться понять и пожалеть. Не всегда, да и не всем дано вовремя и сразу все понимать,

---

¹ Собчак А. А. Тбилисский излом... С. 80.

² Там же. С. 109—110. В. А. Медведев возлагает вину за кровопролитие в Тбилиси целиком на грузинское руководство, утверждая, что санкции на применение армии «для разгона митинга на площади высшее политическое руководство страны не давало. Это была инициатива грузинских властей» (Медведев В. А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 92). Перед нами явная попытка оправдать Горбачева. Старается «выгородить» Горбачева и Пихоя, но несколько иначе: «Партийное руководство Грузии во главе с первым секретарем Д. Патиашвили по согласованию с Москвой (с оставшимся «на хозяйстве» Е. К. Лигачевым, так как Горбачев был за границей — на Кубе и в Англии) приняло решение применить войска для разгона демонстрантов» (Пихоя Р. Г. Советский Союз... С. 558).

анализировать и приходить к правильным выводам. Мас-сированное давление масс-медиа на умы советских людей в течение 70 лет не могло не остаться без последствий, де-формация сознания не могла уйти в одночасье. В тот мо-мент у Родионова и мысли не возникало, что лозунги не несут в себе состава преступления, что речь идет об анти-правительственных, но в демократическом обществе впол-не обычных, имеющих право на существование явлени-ях. Но генерал Родионов вырос в советской системе и не только вырос, но и служил ей. У него, как у большинст-ва власть имущих, не было сомнений, что на площади со-брались преступники, а значит, к ним нужно применить силу. Генерал Родионов увидел во всем происходящем уг-розу всему укладу жизни, к которому он привык, который он любил и которым дорожил. Мог ли он остаться в сто-роне? С душой, преданной идее коммунизма и отягощен-ной всеми атрибутами коммунистической идеологии,— не мог. И не стал»¹.

Все это никак не соответствует облику военного праг-матика, представителя военной номенклатурной элиты, находящейся, подобно советской и партийной номенкла-туре, в процессе перерождения и разложения, что со всей ясностью обнаружилось в конце «перестройки» и в пери-од либерально-демократических «преобразований». Иначе не понять, как Родионов вошел в антикоммунистическое правительство в качестве министра обороны. Неужели с обновленной душой, недавно «преданной идее коммуниз-ма и отягощенной всеми атрибутами коммунистической идеологии»?.. Сказки об идейном прозрении людей, года-ми зрелых и перезрелых, об их постепенном освобожде-нии от коммунистических и социалистических шор «ска-зываются» в расчете на дураков. И единственное, что мож-но рекомендовать нашему «сказителю», так это то, чтобы он оставил их при себе.

А. А. Собчак, как мы могли убедиться из приведенных его рассуждений, старается понять Родионова и даже по-

---

¹ С о б ч а к А. А. Тбилисский излом... С. 109.

своему оправдать генерала. И это весьма примечательно, если учесть, что перед нами один из самых ярых демократов. В чем причина такого снисходительного отношения радикального демократа к непосредственному виновнику кровопролития? Тут есть о чем поразмыслить. Но свою догадку выскажем ниже. А сейчас, возвращаясь к событиям 9 апреля, подчеркнем, что без санкции Москвы, на наш взгляд, ни бюро ЦК Компартии Грузии, ни военачальники в лице генерала Родионова не рискнули бы применить силу против людей, собравшихся на площади у Дома правительства. Слишком высоки для них были степень ответственности и цена риска. Не решились бы они на это, как не решились без согласия Центра сделать малое сравнительно с кровавой операцией на площади: изолировать лидеров оппозиции, вдохновителей и вождей митингующих. А, казалось бы, что может быть проще и очевиднее безотлагательного ареста зачинщиков беспорядков? И все же они гуляли на свободе и будоражили город. Такова была воля Москвы.

Первый заместитель председателя Совета Министров Грузии Г. Д. Мгеладзе свидетельствует, что поздно вечером 7 апреля в кабинете первого секретаря ЦК Д. И. Патиашвили обсуждалась политическая ситуация в Тбилиси. В обсуждении принимал участие второй секретарь ЦК Б. В. Никольский, который «сказал, что Москва пока не дает разрешения на арест лидеров экстремистов, несмотря на то, что мы неоднократно посылали свои предложения, но нам говорят, что скоро будет Закон»¹. Еще вечером 7 апреля в телеграмме, отправленной в Москву и подписанной Патиашвили, в числе различных мер предлагалось: «незамедлительно привлечь к уголовной и административной ответственности экстремистов, которые выступают с антисоветскими, антисоциалистическими, антипартийными лозунгами и призывами. Правовые основания для этого имеются»².

---

¹ С о б ч а к А. А. Тбилисский излом... С. 97.

² Там же. С. 19.

Трудно поверить, но факт: у грузинского руководства почва под ногами горела, а ему из Центра предлагали дожидаться появления Закона. Стало быть, в Москве кто-то был заинтересован в продолжении и обострении политического кризиса в Тбилиси. А ведь даже временная изоляция вождей оппозиционного движения (оснований для ареста было предостаточно, поскольку действия митингующих носили очевидный антигосударственный характер) могла повернуть ход событий и предотвратить кровавый финал. Необходимость данной меры обуславливалась еще и тем, что участниками происходящих событий являлись люди с горячей кавказской кровью, темпераментные, легко возбудимые и подверженные эмоциональному воздействию. Роль лидеров в такой людской среде особенно велика. И тут надо отдать должное руководителям грузинских неформалов — ярким и незаурядным личностям. Они обладали огромной внутренней энергией, а значит, и силой воздействия на окружающих. Особенно выделялся И. Церетели, взявший руководство митингом с 4 по 8 апреля на себя. Его митинговому «марафону» можно только позавидовать: 5 апреля он выступил 30 раз, 7 апреля — 10 раз, а 8 апреля — 8 раз. Под стать ему были и другие. Так, З. Гамсахурдия, еще один из наиболее активных организаторов митинга, выступил 5 апреля более 10 раз. М. Костава 6 апреля держал речь 8 раз. Все это делали они беспрепятственно. И. Церетели, к примеру, задержали лишь 13 апреля, когда на площади у Дома правительства кровь уже пролилась.

Пытаясь установить имена высших московских партийных и государственных чиновников, заинтересованных в применении военной силы для разрешения политического кризиса в Тбилиси, А. А. Собчак, естественно, обращается к так называемым консерваторам. «В результате московских слушаний, — пишет он, — мы бесспорно установили, что ключевую роль в принятии решения о направлении войск в Тбилиси сыграло состоявшееся в ЦК КПСС 7 апреля под председательством Егора Лигачева совещание с участием ряда членов Политбюро и правительства. Сре-

ди них — Лукьянов, Крючков, Лигачев, Язов...»¹ Собчаку кажется, будто ему удалось найти подлинных виновников тбилисской трагедии, и он, потирая руки, довольный, заключает, намекая на нечто большее, чем произошедшее в Тбилиси: «Не правда ли, знакомые фамилии? И не только в контексте тбилисских событий?»²

По-видимому, следует различать «принятие решения о направлении войск в Тбилиси» и даже само направление этих войск от их использования при «очистке» площади. Конечно, не будь в Тбилиси воинских частей, не было бы и применения военной силы. И все же прибытие в город военных не предопределяло операцию с кровавым исходом. Однако вопрос об участии армии в подавлении внутренних волнений нуждается в комментарии.

А. А. Собчак негодует по поводу применения против митингующих войска, говорит о недопустимости «использования армии против своего народа». С ним тут надо целиком согласиться. Но в жизни, увы, это пока недостижимо. Не составляют здесь исключения и «правовые государства» Запада, столь любезные сердцу Анатолия Александровича, в том числе Америка, Англия, Испания, Германия и пр. Ближайший пример — события в Северной Ирландии, где наведением порядка много лет занимаются английские воинские формирования. Что касается России, то подавление мятежей всегда возлагалось на армию. Это традиционная черта русской государственности, сокрушавшей посредством армии врагов как внешних, так и внутренних. Она свойственна не только исторической российской государственности, но и советской, а также нынешней, так сказать, демократической государственности.

Итак, применение армии государством для разрешения внутренних проблем общественной жизни есть зло очевидное, но неизбежное. Такова, к сожалению, истори-

---

¹ Собчак А. А. Тбилисский излом... С. 39.

² Там же.

ческая практика, выработанная веками, обусловленная одной из важнейших функций государства, связанной с обеспечением внутреннего мира. И от нее пока не могут отойти самые демократические страны нашей планеты. Но в зависимости от обстоятельств, зло это бывает меньшим или большим, имеющим хоть какое-то, пусть даже мнимое, оправдание или нет. Поэтому направление воинских подразделений в Тбилиси в условиях политического кризиса, сопровождаемого общественными беспорядками, нельзя воспринимать как нечто из ряда вон выходящее. То была привычная реакция государственной власти, встревоженной событиями, нарушающими внутреннюю безопасность СССР. А. А. Собчак резонно сравнивает ее с «инстинктом самосохранения». Он не исключает, что «тбилисская трагедия — результат именно такого инстинкта самосохранения Системы»¹. Надо только иметь в виду всеобщность этого инстинкта, присущего всем государственным организациям, существовавшим когда-то и существующим ныне. Такова природа государства вообще, независимо от того, нравится это кому-нибудь или не нравится².

Как мы уже отмечали, послать воинские части для наведения общественного порядка и ввести их в действие — разные вещи. В первом случае армия является фактором сдерживания; во втором — она, обученная при соприкосновении с противником только одному — убивать, непременно прольет кровь. Генерал Родионов и грузинские руководители это прекрасно понимали. Но тем не менее вывели армию на площадь. Была ли в этом особая необ-

---

¹ Собчак А. А. Тбилисский излом... С. 38.

² «Во всех случаях, когда армия применяется против своего народа, — говорит А. А. Собчак, — очень важно разобраться в механизме принятия решений, в том, как все это происходит, чтобы никогда впредь не допустить ничего подобного». Благонамеренно, но наивно. Пока существует государство и армия, которая ему подчиняется, последняя применялась и будет применяться против своего народа, едва лишь власть имущие вообразят, что им угрожает опасность. Это — закон жизни общества. Странно, что Собчак, совершивший большое «хождение во власть», не понимал столь простой истины.

ходимость? Похоже, такой необходимости все же не было. Обстановка на площади у Дома правительства стала, как мы знаем, мало-помалу разряжаться. Об этом говорилось в шифрограмме от 8 апреля, подготовленной Б. В. Никольским и подписанной Д. И. Патиашвили¹. Так оценивал ситуацию и А. А. Собчак, согласно которому, на площади поговаривали о свертывании манифестации². Через два-три дня она, судя по всему, опустела бы. Но даже при сохранении напряженности нужно было терпеливо ждать, усилив воинские части и взяв ими под охрану важнейшие объекты. Кстати, именно такой тактики придерживались поначалу министр обороны СССР маршал Д. Т. Язов, командующий Закавказским военным округом генерал-полковник И. Н. Родионов и начальник штаба Закавказского военного округа генерал-лейтенант В. Н. Самсонов³.

Однако это-то и не устраивало силы, стоящие за сценой. Им надо было не упустить момент, чтобы пролить кровь. Это ясно понимают наиболее вдумчивые военные, принимавшие непосредственное участие в тбилисских событиях. Так, А. И. Лебедь, имея в виду кровопролитие в Тбилиси, пишет: «Всякой революции или контрреволюции — черт их разберет — нужны жертвенные бараны, это необходимая атрибутика. Они, бараны, должны своей кровью окропить революцию (или контрреволюцию) и освятить ее. Расчет прост: провокационные подробности, нюансы, детали скоро забудутся, точнее, будут ретушированы ловкими идеологами революции (или контрреволюции), а

---

¹ Собчак А. А. Тбилисский излом... С. 40.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 91—92, 103, 122.— Э. А. Шеварднадзе утверждает, что «командовавший операцией генерал нарушил полученный им приказ, предписывавший взять под охрану ряд объектов, а не разгонять силой митинг» (Шеварднадзе Э. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 322). Вряд ли стоит так примитизировать ситуацию, взваливая вину на «недисциплинированного» генерала. Подобное своеволие генерала, на наш взгляд, исключено.

жертвы останутся. Останутся, как символ, как знамя, как призыв к борьбе, к мести»¹.

Кровь в Тбилиси пролили, действуя по старой, испытанной временем методе: «Только то и крепко, под что кровь потечет». Ф. М. Достоевский называл ее приверженцев «негодяями»². Главные «негодяи», виновные в пролитии крови в Тбилиси, находились, вероятно, не в грузинской столице, а в Москве. Э. А. Шеварднадзе размещает их в Министерстве обороны СССР, без санкции которого, по его убеждению, военные меры по пресечению митинга не могли быть осуществлены³. Это, по-видимому, справедливо. Однако санкционировать применение силы Министерство обороны вряд ли стало бы, не имея санкции высшего руководства, в частности М. С. Горбачева или близких ему лиц, действия которых воспринимались как согласованные с генсеком.

Настораживает стремление Собчака выгородить Горбачева, убедить общественность в его непричастности к тбилисской трагедии. И все же поведение генсека кажется странным и вызывает вопросы. Однако послушаем сначала Собчака. Характеризуя состояние народных депутатов СССР, собравшихся на свой первый съезд, он говорит: «Страсти все накалялись, и стало ясно, что до тех пор, пока не будет какой-то ответ (на тбилисские события. — И. Ф.), съезд дальше не пойдет. Это вынудило Горбачева давать объяснения. Он стал говорить о том, что ничего не знал об этих событиях и не мог знать, поскольку только 8-го поздно вечером возвратился из Англии. Как выяснилось впоследствии, Горбачев оговорился: он вернулся из Англии 7 апреля вечером, поздно вечером, уже после 11 часов. Но эта оговорка очень дорого ему стоила, потому что позволила общественному мнению обвинить Горбачева в том, что он намеренно ввел народных депутатов в заблуждение,

---

¹ Л е б е д ь А. И. За Державу обидно... Киров, 1995. С. 216.

² Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 355.

³ Ш е в а р д н а д з е Э. Мой выбор... С. 322.

неправильно назвав дату своего приезда. Потом в печати это перекочевывало из одной статьи в другую. Вряд ли, однако, найдется хоть один политический деятель, который рискнул бы публично ввести в заблуждение общественное мнение, зная, сколь легко проверить факт. Как известно, о дате возвращения Горбачева было напечатано в газетах, и, естественно, уже буквально на следующий день, а может быть, даже через несколько часов журналисты обратились к официальным источникам и без труда установили, что Горбачев вернулся из Англии 7 апреля. На мой взгляд, это действительно была просто оговорка»¹.

Поверить тут в простую оговорку, на наш взгляд, трудно. Ведь Горбачев не только «оговорился», назвав 8-е апреля вместо 7-го апреля, но и мотивировал свое незнание о событиях в Тбилиси именно тем, что вернулся в Москву поздно вечером 8-го. Следовательно, в данном случае перед нами не «просто оговорка» в числах, а «оговорка» с определенным расчетом и смыслом, что исключает случайную их путаницу. Значит, то был маневр, преследующий вполне конкретную цель: отвести от себя подозрение и снять в данный момент накал страстей на съезде, чтобы продолжить его работу. Эта тактика маневрирования — характерная черта политического портрета Горбачева.

А. А. Собчак рассказывает о встрече комиссии по расследованию тбилисских событий с Горбачевым: «Беседовали около часа. Мы просили объяснить, почему Горбачев на первом Съезде неправильно назвал дату своего возвращения из Англии, когда и как его информировали о положении в Тбилиси... Горбачев сказал, что на съезде он просто оговорился, что Политбюро по тбилисскому вопросу не собиралось. Была лишь обычная встреча в зале приемов в аэропорту. При этом он даже не мог вспомнить, кто именно информировал его о положении дел в Грузии («то ли Чебриков, то ли Лигачев?»). Здесь же он узнал, что на всякий случай принято решение оказать Грузии помощь войсками и взять под охрану стратегические объекты и пра-

---

¹ Собчак А. А. Тбилисский излом... С. 17.

вительственные здания. Тут же Горбачев предложил Шеварднадзе и Разумовскому лететь в Тбилиси, и даже был подготовлен самолет. Но Шеварднадзе позвонил в Тбилиси Патиашвили, и тот заверил: срочности нет, обстановка разряжается»¹.

Цену «оговорки» мы уже знаем. Что касается других признаний Горбачева на комиссии, то они не делают ему чести. Оказывается, на съезде он говорил неправду, заявляя, будто, вернувшись в Москву, ничего не знал о событиях в Тбилиси². На самом же деле его проинформировали сразу по прибытии в московский аэропорт. Собчак проходит мимо этого различия сообщений Горбачева на съезде и в комиссии, демонстрируя тем самым свою недобросовестность и необъективность в качестве ее председателя.

Говоря о том, что по тбилисскому вопросу Политбюро не собиралось, Горбачев хочет, по-видимому, сказать об отсутствии решения Политбюро по Тбилиси, а значит, и о своей непричастности к этому решению, приведшему к пролитию крови. Но то, что известно о практике принятия самых ответственных решений партийным руководством, свидетельствует о необязательности отдельных или специальных заседаний Политбюро. Достаточно было генсеку даже на ходу обменяться мнениями с членами Политбюро (в нашем случае в зале приемов в аэропорту) или посоветоваться с двумя-тремя особо доверенными лицами (ввод советских войск в Афганистан), а то и наскоро по-

---

¹ Собчак А. А. Тбилисский излом... С. 41.— По Шеварднадзе, «позвонить в столицу Грузии и установить необходимость выезда» предложил Горбачев (Шеварднадзе Э. Мой выбор... С. 321).

² Послушаем осведомленного и, как нам кажется, добросовестного В. И. Болдина. «Когда с участием военных,— говорит он,— произошли события в Тбилиси, по каким-то причинам погибли мирные люди, надо было обо всем правдиво сказать народу. О событиях тех дней все знал М. С. Горбачев: в стране никогда и ничего не происходило без того, чтобы генсек не был бы информирован своевременно, где бы он ни находился — в столице или тридевятом царстве, в тридесятом государстве» (Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995. С. 346).

совещаться в перерыве между заседаниями партийных форумов (школьная реформа при Андропове), чтобы принять решение, причем серьезнейшее. Вот почему ссылку Горбачева на то, что «Политбюро по тбилисскому вопросу не собиралось», нельзя считать достаточной.

Рассуждая о причастности Горбачева к тбилиским событиям, можно, хотя и с натяжкой, полагать, что направление воинских частей в Тбилиси произошло помимо него, поскольку он был в зарубежной поездке¹. Но использование армии для «очистки» площади у Дома правительства не могло состояться без его ведома уже потому, что он был в это время в Москве. В данной связи особую ценность представляет свидетельство В. М. Чебрикова о том, что говорил Горбачев при встрече на аэродроме. Вот отрывок из стенограммы: «ЧЕБРИКОВ. На аэродроме состоялся разговор, какие меры принимаются. Горбачев дал такой совет: пусть товарищ Шеварднадзе и товарищ Разумовский вылетают в Тбилиси. Но сделайте так: взвесьте, подумайте, когда лететь. Я согласен сейчас же отпустить. Но это дело такое...»² Горбачев, как видим, хотя и «согласен сейчас же отпустить» в Тбилиси «товарища Шеварднадзе» и «товарища Разумовского», но призывает на этот счет хорошенько подумать, когда туда лететь, ибо «это дело такое...». Чувствуется, Горбачеву не хотелось, чтобы его ближайший соратник по «перестройке» прилетел в Тбилиси раньше, чем надо, оказался в пекле событий и взял ответ-

---

¹ Впрочем, ссылка на зарубежную поездку становится бессмысленной, если учесть свидетельство В. И. Болдина: «Пока в Лондоне менялись декорации, в Тбилиси назревали серьезные события. Об этом, насколько я знаю, генсеку докладывал Ю. С. Плеханов, поддерживавший постоянную связь с Москвой. Говорил М. С. Горбачеву о тревожной обстановке в Грузии и я, со слов Ф. Д. Бобкова, первого заместителя председателя КГБ, который разыскал меня и по спецсвязи сообщил, что в Тбилиси обстановка выходит из-под контроля. Полагаю, после такой информации М. С. Горбачев звонил в Москву, во всяком случае в день возвращения в Союз он получил исчерпывающую информацию и в аэропорту» (Болдин В. И. Крушение пьедестала... С. 347).

² С о б ч а к А. А. Тбилисский излом... С. 42.

ственность за них на себя. Поэтому он как бы намекнул: спешить не надо, а нужно «взвесить» и «подумать».

Э. Шеварднадзе «подумал», «взвесил» и появился в грузинской столице 9 апреля во второй половине дня, когда кровавая драма уже свершилась¹. А ведь он мог вылететь немедленно, поскольку самолет для вылета был уже готов, но не вылетел под предлогом успокоительной информации, полученной от грузинского руководства. А генсек (и это очень важно для понимания происходившего) не торопил². Отсюда наше предположение: Горбачев знал, какой финал приближается в Тбилиси. Нечто вроде намека, подтверждающего правомерность нашей догадки, находим в горбачевских мемуарах, где автор, как нам кажется, невольно проговаривается, чуть-чуть приподнимая завесу над тайной: «Когда я прилетел из Лондона, мне прямо в аэропорту сказали, что в Грузию введены войска для охраны «объектов». Разбираться на ходу в деталях было трудно, но, почувствовав, что «что-то назревает», я поручил Шеварднадзе и Разумовскому выехать в Тбилиси и прояснить ситуацию»³. Вот это эзоповское «что-то назревает» и выдает Горбачева. Конечно, наивно ждать от него откровенных признаний, ибо ему, чтобы уйти от ответственности, необходимо было сохранять вид незнающего.

В своих мемуарах он это и делает: «Сколько мне пришлось выдержать «испытующих взглядов», слышать прямых упреков, что-де генсек знал обо всем, что предпринималось грузинским руководством. В марте 1994 года Г. Попов в одной из публикаций заявил: никогда не поверю, что Горбачев не знал. Попов может не верить — это меня не волнует. А вот многочисленным моим друзьям-грузинам могу сказать с чистой совестью: решение принято без согласования со мной. Возмутителен факт, что войска были брошены против граждан, а Верховный Главнокомандующий был в неве-

---

¹ Шеварднадзе Э. Мой выбор... С. 321.

² В. И. Болдин уверен в том, что «руководитель МИДа не вылетел, несомненно, обговорив этот вопрос с М.С.Горбачевым» (там же).

³ Горбачев М. С. Жизнь и реформы... С. 514.

дении относительно ЧП»¹. В устах Горбачева слова о «чистой совести» звучат бессовестно. Неверие Попова нам представляется более правдоподобным, чем «неведение» Горбачева, которому, как ни крути, не «отвертеться» от простого факта: «войска были брошены против граждан» на вторые сутки после его возвращения в Москву². Вероятно, Горбачева ждали, чтобы окончательно определиться. Посовещавшись в аэропорту со встречавшими, он спокойно поехал на дачу отдыхать, а другой участник встречи Е. Лигачев «скоропалительно», по выражению А. А. Собчака, ушел в отпуск³. Так бывает, когда трудное решение принято, груз с души снят

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы... С. 515—516.

² Сомнения насчет неосведомленности М. С. Горбачева высказывает и бывший первый секретарь ЦК Компартии Грузии Д. И. Патиашвили. Он говорит: «Есть у меня вопрос и лично к Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Он неоднократно подчеркивал, что был не полностью информирован о том, что произошло в Тбилиси. Но почему же тогда за все эти годы он не принял бывшего первого секретаря бывшей теперь компартии Грузии, не попытался со мной связаться, предпочитая общаться только через Болдина? Или его вполне удовлетворили объяснения ближайшего окружения?». (П а т и а ш в и л и Д. Тбилиси. 9 апреля 1989 года//Известия. 1991, 16 сентября). А вот свидетельство В. И. Болдина, человека из ближайшего горбачевского окружения, называемого Д. И. Патиашвили: «Уже после событий в столице Грузии я узнал некоторые их подробности от бывшего первого секретаря Компартии Грузии Д. И. Патиашвили. Он прилетел в Москву и искал встречи с М. С. Горбачевым, с которым был в хороших отношениях. Два дня он упорно сидел в приемной генсека, ожидая беседы, но Горбачев избегал с ним встречи. Патиашвили было сказано ожидать в гостинице вызова. Но как я понял М. С. Горбачева, он не хотел этой неприятной встречи, всячески ее оттягивал. А потом и вовсе попросил меня встретиться с Д. И. Патиашвили и узнать, что он хочет... Многие нежелательные встречи, неприятные сообщения генсек перекладывал на кого-нибудь другого. Так случилось и в тбилисском деле. Расхлебывали его Е. К. Лигачев, Г. П. Разумовский, военные. А беседу с Д. И. Патиашвили генсек возложил на меня, хотя это было более чем нелогично. Удивлен был и Патиашвили. Факт отказа от встречи свидетельствовал, что Горбачев все знал, но не хотел иметь свидетеля этой информации». (Б о л д и н В. И. Крушение пьедестала... С. 347-348).

³ С о б ч а к А. А. Тбилисский излом... С. 42.

и, следовательно, можно расслабиться. А дело взяли в руки лица, находившиеся «за кадром» и направлявшие события так, как того требовал сценарий ликвидации великой Державы.

По-видимому, генерал И. Н. Родионов и партийное руководство Грузии поддались тем, кто толкал их на кровавое дело. Если это было бы по-другому, т.е. ответственность за произошедшее 9 апреля у Дома правительства целиком лежала на Родионове и грузинских руководителях, то им пришлось бы серьезно отвечать за содеянное, тем более что шум вокруг тбилисских событий был поднят колоссальный. Но они, как говорится, «вышли сухими из воды». Военные же получили повышения по службе. Генерала Родионова вскоре назначили на важную и престижную должность начальника Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Совершенно очевидно, что это назначение не могло произойти без согласия Горбачева — Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Советского Союза. Кажется, Верховный был доволен Родионовым¹. Это еще раз подтверждает нашу догадку о том, что Горбачев знал, чем завершатся события в Тбилиси.

Любопытно и другое: Родионов не вызывал неприятия и со стороны президента-демократа Б. Н. Ельцина, который дал ему портфель министра обороны в правительстве В. С. Черномырдина, и только разногласия с президентом, возникшие в процессе работы, положили конец его министерской, а заодно и военной карьере.

На повышение пошел и генерал Самсонов, ставший командующим Ленинградским военным округом, что опять-

---

¹ А. И. Лебедь видит в назначении Родионова на должность начальника Академии Генерального штаба косвенное признание беспочвенности обвинений в его адрес: «Позднее М. С. Горбачев и иже с ним косвенно признали нелепость навешанных на генерала обвинений, назначив его начальником Академии Генерального штаба, но значительно позднее и именно косвенно» (Лебедь А. И. За Державу обидно... С. 217). Мы все-таки полагаем, что здесь главным образом было поощрение генерала, угодившего высшему начальству.

таким не могло произойти, минуя Горбачева. При Ельцине он стал начальником Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. Все эти повышения очень красноречивы. Кстати, на это обратил внимание и Д. И. Патиашвили, который в интервью корреспонденту газеты «Известия» говорил: «Но как получилось, что те, кто непосредственно и гораздо глубже нас был причастен к событиям, неожиданно «пошли в гору», получили новые чины, восседают в теплых креслах, улыбаются с телеэкранов?»¹

Представляет интерес поведение во время тбилисских событий второго секретаря ЦК Компартии Грузии Б. В. Никольского и, конечно, его дальнейшая судьба. В составе высших функционеров в Грузии Никольский зарекомендовал себя сторонником решительных действий с применением военной силы. И тут следует вспомнить, что второй секретарь ЦК любой союзной республики выступал прежде всего как представитель Москвы в республиканском партийном руководстве. Через него в первую очередь осуществлялось влияние ЦК КПСС на местах. Он был своего рода «оком» Москвы на периферии, блюстителем ее интересов и потому тесно связан с ней. Отсюда возникает вопрос: не формировалось ли желание Никольского использовать армию в Тбилиси под воздействием определенных московских кругов?..

Б. В. Никольскому, как известно, принадлежит инициатива демонстрации военной силы — прохождения танков и БТР по улицам Тбилиси, которая лишь обострила ситуацию², ускорив кровавую развязку³. И вот Никольского, когда он после событий 9 апреля был освобожден от обязанностей второго секретаря ЦК Компартии Грузии, трудоустроили в должности председателя Плановой комис-

---

¹ П а т и а ш в и л и Д. Тбилиси. 9 апреля 1989.

² Ш е в а р д н а д з е Э. Мой выбор... С. 73, 321.

³ По словам А. А. Собчака, «подобные демонстрации военной техники были одновременно также проведены в ряде городов Прибалтики, нетрудно догадаться, откуда шла инициатива и соответствующие, по-видимому, телефонные распоряжения» (С о б ч а к А. А. Тбилисский излом... С. 123).

сии Москвы, а потом посадили в кресло одного из руководителей московского правительства. Москва уже тогда была гнездом российских демократов. Никольский верно служил им. В дни августовского «путча» он показал свое демократическое нутро. Собчак пишет: «Борис Никольский, по свидетельству Г. Х. Попова, Ю. М. Лужкова и других руководителей Москвы, вел себя безупречно — трое суток не покидал своего поста, сделал все от него зависящее для поражения путчистов»¹.

Таким образом, недавнее кровавое прошлое Родионова и Никольского ничуть не смущало демократов, и они пользовались их расположением. Этот факт, безусловно, знаменателен...

В кровавом исходе тбилисских событий были заинтересованы не только те, кто на самом верху вел тайную разрушительную работу против СССР, но и представители грузинской оппозиции. Укоряя генерала Родионова, отдавшего приказ вытеснить с площади митингующих, А. А. Собчак замечает: «Жаль только, что он не пригляделся к площади повнимательней. И не увидел, кто на ней митингует. Мальчишки и девчонки! Да, они кричали и говорили вещи, для слуха генерала и коммуниста непривычные, более того — кощунственные. Хотя, если бы тот же Родионов присмотрелся к происходящему, уверен, что у него не возникло бы желание вывести солдат на борьбу с митингующими»². Однако позволительно спросить: кто вывел этих «мальчишек и девчонок» на площадь? Кто побуждал их проводить ночи не дома, а на площади? Кто, наконец, так жестоко подставил их под удары саперных лопаток? Эти вопросы тем более уместны, что военная операция по «очистке» площади, намечаемая на 9 апреля, не составляла, по всей видимости, секрета в Тбилиси. И еще днем 8 апреля перед домом, где жил Патиашвили, собралась толпа женщин, призывавших партийного начальника не допустить насилия над их мужьями и детьми. К ним ни-

---

¹ Собчак А. А. Тбилисский излом... С. 73.

² Там же. С. 108.

кто не вышел, и они пошли на площадь, чтобы присоединиться к манифестантам¹.

Понимая очевидность ответственности грузинской оппозиции за пролитую кровь, А. А. Собчак вынужден признать: «немалая доля вины за происшедшее» лежит «на совести руководителей националистического движения»². При личной встрече с Гамсахурдия он «хотел по-человечески понять», почему тот вместе с остальными организаторами митинга, «зная о намерении властей силой разогнать демонстрантов и имея полные сведения о сосредоточении войск», «не попытались предотвратить кровопролитие и предпочли рисковать жизнями тысяч других людей». Внятного ответа на этот вопрос ни Собчак, ни члены комиссии не получили³. Думается, Гамсахурдия и не мог дать здесь прямого ответа, поскольку в этом случае он выдал бы заинтересованность лидеров оппозиции в кровопролитии. Их поведение на площади перед началом «операции вытеснения» более чем красноречиво. Даже после выступления духовного пастыря грузин католикоса Грузии Илии Второго, взывавшего к благоразумию, И. Церетели, вопреки пастырскому наставлению, призвал присутствующих на площади не расходиться. Более того, создается впечатление какой-то согласованности в отношении последовательности действий: Церетели закончил свой призыв в 3.59, а в 4.00 Родионов приказал приступить к осуществлению операции⁴. Но как бы там ни было, бесспорна заинтересованность вождей оппозиции в кровавом финале, поскольку именно такой финал облегчал им приход к власти. В стратегическом плане, следовательно, интересы московских разрушителей страны и местных национал-сепаратистов совпадали.

Теперь мы можем высказать свои общие, разумеется гипотетические, соображения о тбилисской трагедии 9 ап-

---

¹ С о б ч а к А. А. Тбилисский излом... С. 35.

² Там же. С. 167—168.

³ Там же. С. 170.

⁴ Там же. С. 138.

реля 1989 года и определить в столь же предположительном варианте ее историческое значение. Нам кажется несостоятельной, даже тенденциозной, версия председателя депутатской комиссии по расследованию тбилисских событий А. А. Собчака, согласно которой в этих событиях сработал «бессознательный инстинкт самосохранения» отжившей свой век и одряхлевшей тоталитарной системы, попытавшейся «спровоцировать такое обострение событий, которое могло бы привести к сворачиванию перестройки, тогда еще не прошедшей этапа простой либерализации режима, и, главное, к смене лидера или, по крайней мере, к отрыву его от народных масс»¹. Собчак и здесь старается снять ответственность с Горбачева за кровопролитие в Тбилиси и представить его чуть ли не жертвой заговора системы, которая пошла на обострение обстановки ради «смены лидера», а на худой конец — ради «отрыва его от народных масс», чтобы потом, надо полагать, легче было с ним управиться.

Э. А. Шеварднадзе, как и Собчак, во всем винит систему, которая «сработала в привычном режиме, дав бой за жизненное пространство, которое отбиралось у нее перестройкой. Она нанесла удар перестройке, но, как показали дальнейшие события, это была пиррова победа»². На наш взгляд, главную ответственность за пролитую на тбилисской площади кровь несет Горбачев, взявший политический курс на развал Советского Союза.

В другой своей книге А. А. Собчак считает виновниками тбилисской трагедии закоренелых «партийных реакционеров, план которых «был довольно несложен: жестокость должна была породить жестокость и дестабилизацию в обществе. А значит, Политбюро вынуждено было бы ввести в стране чрезвычайное положение. Удар по Грузии был прежде всего ударом по нарождающейся демократии, по грядущему Съезду народных депутатов. Наконец,

---

¹ Собчак А. А. Тбилисский излом... С. 38.

² Шеварднадзе Э. Мой выбор... С. 323.

по реформаторскому крылу в Политбюро»¹. Перед нами — еще одна попытка «обелить» Горбачева и затемнить суть тбилисских событий. А она прежде всего состоит в том, что цели и задачи, которые ставил главный дирижер происходившего в Тбилиси, совпали с результатами кровавой ночи 9 апреля. Игра, надо признать, виртуозная. Каковы же были ее результаты?

В невыгодном свете предстала армия, против которой в СМИ развернулась злобная кампания. И. Н. Родионов, выступая на Первом Съезде народных депутатов, сказал о ней так: «Средства массовой информации быстро перестроились и начали искажать события и оболванивать народ. И получается в итоге, что внутренние войска, Советская Армия по собственной инициативе ворвались на площадь, где молились, пели псалмы, танцевали, и учинили побоище, оставшись в одиночестве, да еще и преступниками. Я вам скажу еще! Вот мы киваем на 37-й год, а сейчас тяжелее, чем в 37 году. Сейчас могут о тебе говорить по телевидению, писать в газетах, средства массовой информации могут тебя шельмовать, как вздумается, и оправдаться нельзя»². Напомним, что СМИ тогда работали «под Яковлевым»³, который был, как он сам сейчас сознается, одним из «подрывников» системы⁴. Цель шумной кампании, поднятой вокруг армии, просматривается невооруженным глазом: деморализовать и ослабить армию, сделать ее неспособной защищать Советское государство, опорой которого она являлась по определению. В перспективе это означало слом существующего государственного механизма со всеми вытекающими отсюда последствиями.

События 9 апреля окончательно подорвали доверие народа Грузии к республиканскому партийному и советскому руководству и открыли путь к власти оппозиционным, националистическим элементам. Следует согласить-

---

¹ С о б ч а к А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 24.

² Цит. по: С о б ч а к А. А. Тбилисский излом... С. 14.

³ Г р о м ы к о Анат. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 159.

⁴ Я к о в л е в А. Российских фашистов породил КГБ // Известия. 1998, 17 июня.

ся с Дж. Хоскингом, что именно на волне негодования грузинского народа, вызванного этими событиями, к власти пришел З. Гамсахурдия, победивший в мае 1991 года на всенародных президентских выборах, а еще раньше, в октябре 1990 года, возглавляемое им политическое движение «Круглый стол» завоевало абсолютное парламентское большинство¹. По А. А. Собчаку, «политический взлет Звиада Гамсахурдия начался, как это ни звучит парадоксально, с 9 апреля, последующего ареста и кратковременного заключения. Лигачеву, Патиашвили и особенно не в меру усердному генералу Родионову обязан Гамсахурдия своей карьерой»². Но существует иной взгляд. Б. И. Олейник, рассказывая о своих впечатлениях о людях во власти типа Собчака, говорит: «Какую опасность таят в себе подобные особи, свидетельствуют посттбилисские события. Ведь именно Собчак, возглавлявший комиссию по расследованию трагедии, обвинил во всем армию, обелив боевиков Гамсахурдия как белокрылых ангелов. Именно тогда господин Собчак открыл дорогу к власти режиму, который принес грузинскому народу страдания и человеческие жертвы, многократно превышающие тбилисский инцидент»³.

Тбилисские события образовали глубокую пропасть между Грузией и Москвой, вызвали мощную волну сепаратизма и, конечно же, вбили клин между грузинами и русскими, обострив до предела антирусские настроения в республике. Эти события получили огромный резонанс в стране, подстегнув сепаратистские тенденции в других республиках Союза⁴.

Таким образом, единению Советского Союза был нанесен огромной силы удар. Образно говоря, Союз получил пробоину ниже ватерлинии, после чего наш государствен-

---

¹ Х о с к и н г Д. История Советского Союза. 1917—1991. М., 1994. С. 487.

² С о б ч а к А. А. Тбилисский излом... С. 171.

³ О л е й н и к Б. И. Князь тьмы... С. 10.

⁴ Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 514.

ный корабль дал течь, стал крениться, а затем медленно погружаться в «бездну вод».

Аналогичным образом сказались на судьбе СССР события в Баку и Вильнюсе, где также была пролита кровь.

Происшедшее в Баку представляет собой сложный клубок межнациональных и политических проблем, выросших на почве армяно-азербайджанского конфликта из-за Нагорного Карабаха. В развитии конфликта, его нарастании и обострении Центр занимал сдержанную и даже несколько отстраненную позицию, стимулируя тем самым усиление раздора между Арменией и Азербайджаном. И только когда страсти стали закипать, Горбачеву «стало ясно, что спор Баку и Еревана вокруг Степанакерта решать придется Москве»¹. Что же предлагал генсек? «Моя точка зрения,— говорил он,— была: проблему нужно решить политическими средствами. Заявить, что ЦК считает недопустимым любое изменение границ. Подготовить предложения экономического и культурного порядка по Нагорному Карабаху. Пусть армяне и азербайджанцы соберутся вместе, сами решат, мы примем любое их решение. Подключить к их дискуссии русскую интеллигенцию, рабочих (курсив мой.— И. Ф.). Было решено направить в обе республики представителей Политбюро для помощи местному руководству. В Баку поехали Лигачев и Разумовский, в Ереван — Яковлев и Долгих»².

Перед нами решение лишь по названию. Острейший вопрос, требующий для разрешения незамедлительных и энергичных действий, переносится в дискуссионную плоскость с участием армянской и азербайджанской сторон, а также русской интеллигенции и рабочих. Но даже «дискуссионным клубом» Горбачеву руководить не хочется: «сами решат, мы примем любое их решение». У первого лица государства нет ни малейшего желания поехать в Ереван и Баку, чтобы остановить эскалацию конфликта. Вместо себя он посылает других, да еще таких, как Яковлев, который

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 202.

² Там же.

«успокаивал людей» в Ереване, наверное, точно так, как в Прибалтике, где после его визита активизировали деятельность так называемые народные фронты. Вот и здесь, в Ереване, развернул свою работу Комитет по Карабаху, который в феврале 1988 года вывел на улицу чуть ли не полмиллиона человек с требованием присоединить Карабах к Армении. «Комитет также опубликовал при помощи Верховного совета Армении несколько своих решений»¹. Словом, людей «успокоили».

Бездействие Москвы ободряло экстремистов, подталкивая их к насильственным мерам. 27—29 февраля 1988 года в Сумгаите был организован кровавый погром. Азербайджанцы убивали армян. Позднее Горбачев скажет: «Мы опоздали с Сумгаитом, недооценили возможных последствий» (карабахской проблемы.— *И. Ф.*)². «Опоздание» и «недооценка» московских властей стоили десятков, если не сотен, жизней людей армянской национальности. Сюда же следует отнести погибших курсантов, которых безоружными направили в Сумгаит для пресечения смертоубийства. Человеческая жизнь в этой дьявольской игре по разрушению великой многонациональной державы не ставилась ни в грош.

На фоне армяно-азербайджанской вражды и разворачивались январские события 1990 года в Баку. Эта вражда составляла их колорит, местную особенность, а в остальном они раскручивались, так сказать, по общему сценарию. Тут активно действовал Народный фронт, программа которого была очень схожей с программами прибалтийских народных фронтов. Своеобразие ее заключалось только в том, что суверенитет Азербайджана включал и контроль над Карабахом.

13 января 1990 года в Баку собрался съезд Народного фронта, потребовавший от властей проведения референдума по вопросу об отделении от СССР. Съезд, его лозунги и требования привели в возбуждение азербайджанскую

---

¹ Х о с к и н г Д. История Советского Союза... С. 485.

² Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 505.

столицу. Огромные толпы, среди которых было немало беженцев из Армении, начали избивать армян. Едва ли можно сомневаться в том, что здесь не обошлось без провокаций. Бакинские власти, по существу, бездействовали. Армия оставалась пока в стороне. Но когда кровавые бесчинства стали стихать, ее ввели в город для наведения порядка. (Не правда ли, знакомый по Тбилиси почерк?!). В итоге — не менее 150 убитых бакинцев.

По Дж. Хоскингу, «время, которое было выбрано для проведения этой акции, совершенно недвусмысленно позволяет утверждать, что ее целью было не прекращение этнического конфликта, но стремление предотвратить приход к власти Народного фронта. Из всех попыток сохранить власть коммунистов, предпринятых в ходе перестройки, эта обошлась дороже всего»¹. Следует, по-видимому, согласиться с историком в том, что целью армейской операции не являлось (во всяком случае, в первую очередь) «прекращение этнического конфликта». Но он, на наш взгляд, ошибается, когда усматривает в ней «стремление предотвратить приход к власти Народного фронта». Думается, у заправил событий в Баку был замысел совсем иной: как и в Тбилиси, пролитием крови возбудить у населения ненависть к правящему режиму и проложить дорогу к власти оппозиции — Народному фронту, кстати, родившемуся «потому, что его ограждали и пестовали»². Вместе с тем в их планы входило создание вокруг военных новой скандальной истории³; вот этим-то средства массовой ин-

---

¹ Х о с к и н г Дж. История Советского Союза... С. 486.

² П а в л о в В. Август изнутри... С. 28.

³ А. И. Лебедь, проводивший военную операцию в Баку, рассказывает о своей встрече с группой следователей, прибывшей в азербайджанскую столицу после завершения этой операции: «Один из следователей пододвинул стопку стандартных листов, на глаз штук 150—170. Я бегло их прочитал. За этими листками стояла чья-то неуклюжая, не очень умная, но упертая и целенаправленная организаторская работа. Все они были озаглавлены совершенно одинаково: «Перечень преступлений, совершенных военнослужащими воздушно-десантных войск на территории Баку 19—20 января 1990 года». Тексты разнились, но незна-

формации, находящиеся в руках демократов, не замедлили воспользоваться, вылив еще один ушат помоев на Советскую Армию. Конечно же, этот замысел состоял еще и в усилении отчуждения азербайджанского народа от Москвы как центра союзного государства. Словом, то была политика, направленная на ослабление советской государственности и развал СССР.

Не случайно, что для ее реализации были избраны Грузия и Азербайджан — республики Закавказья, где со времен Октябрьской революции и гражданской войны тлели угли этнонационализма, сепаратизма и антирусских настроений, которые недруги России принялись теперь усердно раздувать. Еще более удобным плацдармом нанесения удара по Советскому Союзу являлась Прибалтика.

В прибалтийских республиках «перестройка» вызвала бурный рост национализма и сепаратизма, политическое оформление которых завершилось с образованием народных фронтов. Сначала был учрежден Народный фронт Эстонии, потом Народный фронт Латвии, а затем «Саюдис» в Литве. Все эти три фронта появились в октябре 1988 года почти синхронно, будто по взмаху чьей-то дирижерской руки. И здесь опять выступает фигура А. Н. Яковлева, побывавшего в Литве и Латвии в начале августа 1988 года.

Как сообщила газета «Правда», проблемы социально-экономического развития Латвии, нравственного обеспечения перестройки, интеллектуализации общественной жизни явились предметом встреч и бесед с трудящимися Латвии, где член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев находился 8—11 августа 1988 года. Он посетил агрофирму «Маруне» Рижского района, побывал в Рижском производственном объединении «Страуме». 10 августа в ЦК Ком-

---

чительно: убиты сотни, ранены тысячи. Украдено совершенно невероятное количество машин, холодильников, ковров, денег, драгоценностей. И выводы были везде одинаковы: требуем немедленно разобраться и сурово наказать» (Л е б е д ь А. И. За Державу обидно... Киров, 1995. С. 229). В бакинских событиях января 1990 года А. И. Лебедь справедливо усматривает игру «очень больших» людей (там же, с. 227).

партии Латвии состоялась беседа с членами бюро ЦК Компартии Латвии, а также с партийным активом Латвии, где с речью выступил Яковлев. Секретарь ЦК КПСС встретился с представителями творческой интеллигенции республики, выступил перед руководителями республиканских средств массовой информации. Он ознакомился с экспозицией мемориального Музея-памятника латышских Красных стрелков, посетил Домский концертный зал. Секретарь ЦК КПСС возложил цветы к памятнику В. И. Ленина. Цветы были возложены и к Вечному огню на братском кладбище и к могиле великого латышского поэта Я. Райниса¹.

В Литовской ССР Яковлев находился с 11 по 13 августа. Во время его пребывания в Литве состоялся открытый обмен мнениями по вопросам дальнейшей демократизации общественной жизни, выполнения приоритетных социально-экономических задач, осуществления программы политических преобразований, выработанной XIX партконференцией. В Академии наук Литовской ССР Яковлев встретился с учеными республики, в Вильнюсском дворце работников искусств — с представителями творческих союзов Литвы; состоялась беседа с членами и кандидатами в члены бюро ЦК Компартии Литвы. Секретарь ЦК КПСС побывал на Вильнюсском тепличном комбинате, пригородном коллективном садоводческом хозяйстве; совершил поездку в город Тракай, ознакомился с экспозицией Вильнюсского музея прикладного искусства. В Вильнюсе Яковлев возложил цветы к памятнику В. И. Ленина. Цветы также были возложены к Вечному огню мемориала на Антакальнском кладбище, к памятнику одного из основателей и руководителей Компартии Литвы В. Мицкявичюсу-Капсукасу и памятнику классика литовской советской литературы П. Цвирке. 12 августа состоялась встреча А. Н. Яковлева с партийным активом Литвы, на которой он выступил с речью².

---

¹ Правда. 1988, 11 августа.

² Правда. 1988, 13 августа.

Внешне, как видим, все благопристойно: посещения, встречи, беседы на актуальные темы, выступления и речи по злободневным вопросам, ритуальное возложение цветов, подчеркивающее любовь визитера к «вождю мирового пролетариата», скорбь по погибшим на войне, почтительное отношение к выдающимся деятелям национальных культур братских республик. Но это — обманчивая внешность, за которой скрывалось нечто иное, в чем убеждаемся, обратившись, помимо стилизованных и трафаретных газетных известий, к другим источникам, в частности к мемуарам Горбачева.

Бывший генсек вспоминает: «В начале августа 1988 года я рекомендовал ему (Яковлеву. — И. Ф.) поехать в Прибалтику, надеясь, что это поможет лучше понять, что там происходит. Яковлев высказался за то, что нам не следует выступать с позиции осуждения народных фронтов; хотя там есть всякие силы, нужно сотрудничать с ними. В Прибалтику полезно съездить Рыжкову, поскольку недовольство связано прежде всего с нерешенностью экономических вопросов. Деятельность союзных министерств воспринимается как колонизаторская. Целесообразно направить в республику председателя Комитета государственной безопасности и министра внутренних дел, чтобы на месте разобраться, как действуют подведомственные им органы, насколько их деятельность адекватна политике перестройки. Подытоживая, Яковлев заверил, что все «прибалты за перестройку, за Союз». Этот оптимизм успокаивал, но показался мне чрезмерным. Первые признаки опасности, угрожавшей Советскому Союзу, я почувствовал именно тогда. Правда, всего лишь как симптом, как один из вариантов развития событий, который мы в состоянии исключить»¹.

Хотел того Горбачев или нет, но неприглядная роль Яковлева проступает у него достаточно отчетливо. Чего стоит одно заверение «прораба» насчет того, что «все прибалты за перестройку, за Союз». У нас нет опасений за точ-

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 510-511.

ность передачи Горбачевым слов Яковлева, поскольку тот расточал аналогичные «успокоительные» слова и в других местах. Так, выступая в декабре 1988 года в издательстве «Наука», Яковлев говорил: «Я не вижу ничего страшного в движениях народных фронтов в Прибалтике... там ведь много конструктивного. Есть там люди, которые говорят, что надо отделиться от Советского Союза. Но их мало. Большинство понимают, что это совершенно нереально»¹. Заявлять такое в середине и на исходе 1988 года — значит, мягко говоря, сказать неправду, ибо к этому времени среди прибалтов было уже немало открытых сторонников отделения. Еще в «июне 1987 года Союз писателей Латвии созвал встречу представителей всех культурных обществ республики. Они направили в адрес XIX партийной конференции радикальные требования: Латвия должна стать суверенным государством с латышским языком в качестве единственного государственного. Оставаясь в составе СССР, она должна получить независимое представительство в ООН, собственные военные формирования с командованием на латышском языке, экономическое самоуправление и право запрещать иммиграцию из других республик СССР»². Удовлетворение этих требований означало бы реальное отделение Латвии. И мысль о том, что она при этом остается в составе СССР, есть видимость, создающая некую благопристойность³.

В рассказе М. С. Горбачева привлекает внимание одна довольно любопытная деталь: Яковлев, побывавший в Прибалтике до учреждения там народных фронтов, призывает не осуждать их, а сотрудничать с ними. Создается впе-

---

¹ Цит. по: В о л о д и н Э. Советник в платье короля//Советская Россия, 1991.

² Х о с к и н г Д ж. История Советского Союза... С. 481-482.

³ Для Горбачева, скрывающего свои настоящие замыслы, важна формальность: есть ли требование о выходе из Союза или нет. Если нет такого требования, то, стало быть, и беспокоиться не о чем, независимо от того, что реально значили другие требования. Эта «страусовая» позиция была ему тогда выгодна (Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн.1. С. 510).

чатление, что он знал о скором оформлении этих политических объединений. Можно предположить, что Яковлев, посетив республики Балтии, после соответствующих консультаций с прибалтами, выдержанных в духе «сотрудничества», в качестве представителя высшего руководства страны и доверенного Горбачева дал «добро» на формальное учреждение народных фронтов, ободлив тем самым «отделенцев», т.е. подтолкнул прибалтийские республики к выходу из Союза. Как и следовало ожидать, народные фронты очень скоро превратились «в самые настоящие движения за независимость»¹. Вклад Яковлева в этот деструктивный процесс не подлежит сомнению. «Именно Яковлев,— утверждает весьма осведомленный В. А. Крючков,— сыграл едва ли не решающую роль в дестабилизации обстановки в Прибалтике... В Прибалтийских республиках он всячески поощрял националистические, сепаратистские настроения, однозначно поддерживал тенденции на их отделение»².

Э. Володин, можно сказать, по свежим впечатлениям писал: «Когда он (Яковлев.— И. Ф.) ездил в Прибалтику, в Армению и Грузию для решения межнациональных противоречий, немедленно вслед за этим оттуда вырывались зловещие селевые потоки махрового национализма с примесью национал-фашизма. И никакие заклинания народных депутатов Алксниса и Когана, никакие требования партийной общественности опубликовать выступления А. Н. Яковлева во время этих поездок не имели никакой реакции»³.

В связи с поездкой Яковлева в Литву особый интерес представляют наблюдения генерал-майора В. С. Широнина, проработавшего более 30 лет в органах государственной безопасности СССР, а затем Российской Федерации. Опытный кадровый контрразведчик, располагающий огромной и достоверной информацией, Широнин в послед-

---

¹ Б о ф ф а Д. От СССР к России... С. 220.

² К р ю ч к о в В. А. Личное дело. Ч. 1. М., 1997. С. 288.

³ В о л о д и н Э. Советник в платье короля. См. также: Буш и н В. С. Честь и бесчестие нации. С. 145, 159

ний период своей чекистской деятельности занимался «аналитической работой, связанной с угрозами безопасности страны», а также с действиями, «направленными на развал Советского Союза»¹. По роду службы ему в 1990—1991 годах пришлось бывать в Прибалтике и видеть все, что там происходило. О посещении Яковлевым Литовской ССР он пишет так: «В августе 1988 года в Литву прибыл с визитом секретарь по идеологии ЦК КПСС Яковлев. Он встретился там с лидерами нарождавшегося движения так называемых «народных фронтов» Прибалтики и, видимо, убедившись, что их основной целью является отделение от Советского Союза, повел двойную игру.

Гласно он произносил речи о дружбе народов, говорил о том, какую славу снискали по всей стране поэма Межелайтиса «Человек», монумент Йокубониса «Скорбящая мать», фильмы Жалакявичюса, театр Баниониса в Паневежисе, Литовский камерный театр, режиссер Некрошюс...— всех перечислил, никого и ничего не забыл. Негласно же как опытный, хорошо проинструктированный наставник растолковывал ученикам этих «фронтов» стратегию и тактику достижения поставленной ими цели. В. Н. Швед, бывший секретарь временного комитета ЦК компартии Литвы, был совершенно прав, когда на одном из партийных Пленумов заявил, что *Яковлев практически дал идейно-теоретическое обоснование процессам, приведшим республику к январю 1990 (?) года, когда на улицах Вильнюса пролилась кровь*. Ведь именно Яковлев первым поддержал сепаратистские настроения «Саюдиса»,— а что это за организация и какую антироссийскую направленность она имеет, сегодня уже окончательно прояснилось. На встречах с представителями интеллигенции, на собрании республиканского актива он в ходе той поездки по Литве откровенно подстрекал националистические настроения, фальсифицировал ленинские высказывания по национальному вопросу. После визита Яковлева в Литву «Саюдис»,

---

¹ Ш и р о н и н В. С. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М., 1996. С. 183.

положение которого до этого было весьма неопределенным, почувствовал, что его делают главной политической силой. Лидеры «Саюдиса» взбодрились и сразу открыто объявили, что их цель — разрушение советской империи. С подачи и благословения Яковлева саюдистами в Литве был развязан моральный террор против всех пророссийски настроенных граждан. Мне в те дни неоднократно приходилось выезжать в служебные командировки в страны Балтии, где не по дням, а по часам нарастала разведывательно-подрывная деятельность иностранных спецслужб и агентуры»¹.

Знал ли Горбачев об активной враждебной работе иностранных спецслужб? Конечно, знал, поскольку соответствующая информация по линии КГБ ложилась ему на стол². И он бездействовал. Почему? К ответу на данный вопрос подводит В. С. Широнин: «Сегодня еще преждевременно раскрывать ставшие известными советской контрразведке данные о подготовке драматических событий, об их планировании. Но одно могу сказать со всей определенностью: дело это было настолько сложным и срочным, что в одиночку западные спецслужбы здесь не справились бы. Нужна была какая-то координация действий с московским руководством. Тут, знаете, как в бейсболе: один подбрасывает мяч, а другой бьет по нему битой»³.

Все это дает основание предположить, что Горбачев поддерживал Яковлева в его прибалтийской интриге. Можно с большой степенью вероятности сказать еще определеннее: Яковлев действовал по поручению Горбачева. В этой связи о многом говорит тот факт, что Яковлев, опекавший своего «ученика и друга» Ландсбергиса, «замкнул» его на Горбачева. «Так завязались «цветочки», из которых вызрели «ягодки» январской провокации у телецентра в

---

¹ Ш и р о н и н В. С. Под колпаком контрразведки. С. 204—205; см. также: Ш и р о н и н В. С. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997. С. 172—173.

² Ш и р о н и н В. С. Под колпаком контрразведки... С. 183.

³ Там же. С. 220; см. также: Ш и р о н и н В. С. КГБ — ЦРУ... С. 178.

Вильнюсе»¹. Работая же на публику, Горбачев весьма негативно отзывался о Ландсбергисе. А. М. Замятин, бывший советский посол в Англии, рассказывает о встрече генсека в Москве с британским министром иностранных дел Дугласом Хэрдом в апреле 1990 года. В ответ на выраженную Хэрдом озабоченность английской стороны ситуацией в Литве Горбачев сказал: «Мы столкнулись в Литве с группой настоящих политических авантюристов [речь шла о группе Ландсбергиса]. Их амбиции дорого обходятся нам в Советском Союзе, в Литве, да и всему миру. Мы стараемся проявлять максимум внимания и гибкости в подходе к решению возникшей проблемы. Будем действовать таким образом, чтобы сдерживать эти процессы, не идти на решительные шаги. Мы по-прежнему привержены взвешенному подходу к решению проблемы на основе политических средств и методов»². Но то были слова...

Взрастив сепаратистов, дав возможность им войти во власть и набраться сил, Горбачев стал оказывать на Прибалтику военное давление, вводя в Литву, Латвию и Эстонию десантные войска и ОМОН, что явилось очередной подставкой армии и провокацией по отношению к жителям названных республик. В воздухе запахло кровью. И она пролилась, ибо того требовал опробованный уже в Тбилиси и Баку сценарий³. О том, что кто-то управлял события-

---

¹ Широнин В. С. Под колпаком контрразведки... С. 209, 211, 215.

² З а м я т и н А. М. Горби и Мэгги. Записки посла о двух известных политиках — Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер. [Б/м.], 1995. С. 114.

³ В Дневнике А. С. Черняева, помощника Горбачева, есть любопытная, содержащая прозрачные намеки запись: «В печати, по радио у нас и на Западе гадают: с ведома Горбачева предпринята вильнюсская акция или вообще события в стране уже вышли из-под его контроля? Или это самодеятельность литовских коммунистов и военных? Меня тоже мучают сомнения. Но подозреваю, что Горбачев втайне даже от самого себя хотел, чтобы что-то подобное случилось. Спровоцировала демонстрация рабочих перед Верховным Советом в Вильнюсе, приведшая к уходу Прунскене. Однако, если бы этого не было, наверное, «пришлось бы выдумать» что-нибудь другое» (Ч е р н я е в А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 72).

ми и вел их к пролитию крови, убедительно свидетельствует Б. И. Олейник.

Писатель Олейник, народный депутат СССР, вместе с группой своих коллег-депутатов в январе 1991 года летал гасить взрывоопасную ситуацию в Литве. Он рассказывает: «Возглавлял делегацию тогдашний председатель ВС Белоруссии Николай Иванович Дементей. Насколько мне помнится, по времени вылета нам выпадало прибыть 13 января. Но кто-то распорядился остановиться в... Минске на ночлег. Таким образом, мы очутились в Вильнюсе лишь утром 14 января. И только там, продираясь к парламенту сквозь 60-тысячную толпу, бросавшую нам в лицо «Убийцы!», я начал кое-что понимать. Трагическая картина несколько прояснилась после беседы с Ландсбергисом и просмотра видеокассет, запечатлевших события той трагической ночи. Оказывается, **ИМЕННО В НОЧЬ С 13 НА 14 ЯНВАРЯ**, когда мы ночевали в Минске, и произошла кровавая схватка, унесшая человеческие жизни. Сопоставляя события, я теперь могу предположить, что **КТО-ТО ЗАРАНЕЕ ЗНАЛ О ГОТОВЯЩЕЙСЯ ПРОВОКАЦИИ И, ДАБЫ ПОСТАВИТЬ ДЕЛЕГАЦИЮ ПЕРЕД СВЕРШИВШИМСЯ, ПРИТОРМОЗИЛ ЕЕ ПРИБЫТИЕ**. Ибо, прибудь вовремя, мы бы, вне всякого сомнения, бросились гасить пожар. Однако и ныне считаю, что, хоть и с опозданием, но мы предотвратили худшее, грозившее обойтись уже сотнями человеческих жертв. Обстановка в Вильнюсе с утра до 22.00 14 января была крайне взрывоопасной. Противоборствующие стороны жестко, если не ожесточенно, стояли каждая на своем. Растерянный Ландсбергис, созвавший около 60 тысяч литовцев на свою защиту, пытался удержать нас в парламенте, опасаясь штурма. Мы объяснили, что, напротив, чем скорее вступим в переговоры с военными, тем лучше и для него, и для всей Литвы, и для военных, и для нас. Военные, доведенные до крайней степени раздражения, ибо на протяжении последних недель (так они объясняли) их травил не только вся пресса, радио и телевидение, но и местные жители, обзывая нас оккупантами, забрасывая камнями военный городок, бук-

важно оскорбляя, были неуступчивы. Чувствовалось, что в войсках в отчаянии готовы на все. И без того взрывную атмосферу накаляли жены офицеров, надрывно требовавшие защиты. Разделяя их боль, я все же попытался выяснить у военных, кто дал команду штурмовать телецентр? Отвечали: сами солдаты двинулись выручать депутацию от русского населения, которая направилась с петицией к парламенту, но была избита. Мы все же требовали показать приказ на подобные действия и назвать: кто конкретно из Центра дал его? Генералы в который раз удалялись в сопредельную комнату на совещание. А тем временем мы курсировали от военного городка к Ландсбергису и обратно. Тревога нарастала. И только в 22.00 наконец свели обе стороны в нашей резиденции, отменили готовящийся приказ о комендантском часе и режиме. Народ постепенно начал расходиться из-под стен парламента. Слова бессильны передать весь накал того тяжелого дня. Не решаюсь давать оценки действиям сторон. Напомнил же об этом зловещем фрагменте лишь для того, чтобы еще раз твердо сказать: НЕ МОГЛИ САМИ ВОЕННЫЕ БЕЗ ХОТЯ БЫ УСТНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ВЫЙТИ ИЗ ГОРОДКА. Теперь, опираясь на опыт пребывания во всех горячих точках, так ли я буду далек от истины, если предположу, что и эта ТРАГЕДИЯ РАЗЫГРАЛАСЬ НЕ БЕЗ ВАШЕГО ВЕДОМА, МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ? Как и в Карабахе, как и в Сумгаите, как и в Баку, как и в Оше, как и в Фергане, как и в Тирасполе, как и в Тбилиси, как и в Цхинвале?.. Поверьте, я страстно хочу ошибиться, но ведь сценарий один и тот же, происходит трагедия, о которой Вы, как правило, «не ведаете». И только потом, всплеснув руками, посылаете «пожарную команду», прибывшую с ЗАПЛАНИРОВАННЫМ ОПОЗДАНИЕМ. На тлеющие угли, на пролитую кровь, на похороны жертв. А вы опять, как голубь мира, невинно парите с оливковой ветвью над руинами. И опять — «ничего не ведаете». Ну а как же быть с донесениями агентуры кагэбэ, которые задолго до трагедий ложились Вам на стол? Правда, Вы преимущественно пребывали за кордоном, где Вас как «Посла мира» чествовали и обхаживали, вручали все-

возможные премии. Но, Михаил Сергеевич, даже школьнику ясно, что и там, за кордоном, Вы знали все, что делается в оставленной Вами родной стране. Хотели бы Вы или не хотели, но знали, ибо такой у Вас пост. А посему сакраментальный вопрос — почему же Центр всегда медлил? — теперь уже отпадает сам собой. Ныне совершенно ясно, что это входило в чьи-то замыслы — ИЗМЕНИТЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ. Конечно, подобное квалифицируется по старой Конституции как измена Отечеству. Смею еще раз заверить Вас, что и по старой, и по новой, и по американской, и по шведской Конституции аттестация — та же самая»¹.

Изменение общественно-политического строя — одна часть стратегической задачи Горбачева. Другая ее часть — расчленение СССР. События же в Тбилиси, Баку и Вильнюсе, являясь составными моментами разрешения этой общей стратегической задачи, были ориентированы на достижение более частных результатов. О них мы уже говорили применительно к отдельным случаям. Сведем их здесь воедино.

Анализ событий в Тбилиси, Баку и Вильнюсе показывает, что использование войск, сопровождавшееся кровопролитием, преследовало цель отнюдь не наведения порядка, а, напротив, обострения ситуации с весьма негативным для советской армии общественным резонансом. Каждый раз армию «подставляли», а затем обливали грязью, в чем просматривается определенный замысел, нацеленный на то, чтобы деморализовать военных, отбить у них охоту участвовать в пресечении беспорядков, угрожающих внутренней безопасности Советского государства. Что касается последнего, то оно, лишившись армейской поддержки, должно было само упасть к ногам демократов, чтобы затем исчезнуть навсегда. Расчет был тонкий и верный. Это подтвердили августовские события 1991 года, когда армия раскололась, а некоторые высшие военачальники, как, например, командующий Военно-Воздушными

---

¹ О л е й н и к Б. И. Князь тьмы... С. 22—24.

Силами СССР генерал Е. И. Шапошников и командующий Воздушно-десантными войсками генерал П. С. Грачев перестали подчиняться приказам Министра обороны маршала Д. Т. Язова¹, нарушив, следовательно, военную присягу. Они даже вознамерились бомбить Кремль, чтобы устрасшить «путчистов» и отвлечь их силы от Белого дома². Перед нами яркие симптомы разложения армии. Этому разложению в немалой степени способствовали события в Тбилиси, Баку и Вильнюсе, истерия по их поводу, поднятая в средствах массовой информации.

Тбилисские, бакинские и вильнюсские события, как и ожидалось теми, кто управлял ими, окончательно дискредитировали в глазах местного населения КПСС и связанные с ней властные органы. Политический же престиж оппозиции, ее авторитет и влияние резко возросли. Эти события оттолкнули население республик от Москвы — столицы Союза, дали новый импульс сепаратизму национальных окраин, т.е. приблизили развал СССР. Однако главная «подкопная» работа против КПСС и Советского государства велась в самой Москве руками Горбачева и других «борцов» с системой.

Подорвав экономику страны под видом хозяйственных реформ, надломив союзные скрепы республик с Центром под прикрытием преобразования Советского Союза, обессилив КПСС под лозунгом партийного обновления, ослабив государственную власть под предлогом ее демократизации, развязав идеологическую войну против русского народа под девизом гласности и плюрализма, открыв всякого рода ловкачам возможность вседозволенности под завесой привлекательного, но социально опасного принципа «можно все, что не запрещено законом», распахнув двери индивидуализму под разглагольствования о «правах человека», сдав, наконец, важнейшие позиции СССР на международной арене под «гнусливое бормота-

---

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 74, 84, 114, 145, 263.

² Л у к ь я н о в А. Переворот мнимый и настоящий. М., 1993. С. 38.

ные» о «новом мышлении» и «общечеловеческих ценностях», Горбачев подвел страну к черте, после которой начался обвал, падение в бездну. Хронологической гранью здесь был 1990 год, ускоривший это падение.

В марте 1990 года произошли такие политические изменения, которые во многом предопределили дальнейший ход событий в стране. На выборах в местные и республиканские советы, состоявшихся в начале месяца, огромный успех по отмеченным уже нами причинам сопутствовал демократам и националистам. Особенно существенным являлся тот факт, что в республиканских советах России, Украины и Белоруссии к власти пришли демократы. Это было сокрушительным поражением КПСС. Власть ее таяла на глазах. В такой обстановке собрался мартовский Пленум ЦК КПСС. Горбачев и те, кто вел его к цели, правильно рассчитали момент (ибо он был самый подходящий), чтобы поставить вопрос о 6-й статье Конституции СССР. И генсек на Пленуме ЦК КПСС выступил с предложением об устранении из Конституции 6-й статьи о руководящей роли партии в жизни советского общества: «Представляется целесообразным, чтобы Центральный Комитет вышел с законодательной инициативой об изменении в Основном Законе статей, касающихся партии, на Съезд народных депутатов СССР. Соответствующие предложения у вас имеются. Смысл их сводится к тому, чтобы исключить положение о руководящей роли КПСС, о партии как ядре политической системы, зафиксировать в Основном Законе для КПСС и других политических и общественных организаций равные возможности принимать — естественно, в законных, демократических формах — участие в общественно-политической жизни, бороться за реализацию своих программных целей. Думается, что такие изменения лежат в русле нового понимания роли партии, зафиксированном и в проекте Платформы ЦК, и в проекте Устава»¹.

---

¹ Правда. 1990, 11 марта.

Пленум ЦК, оглушенный и деморализованный успехом демократов, согласился с этим предложением, лишив партию конституционного права на власть. Вслед за этим Внеочередной, Третий съезд народных депутатов СССР отменил 6-ю статьи Конституции. В конкретно-исторических условиях той поры эта отмена означала начало крушения Державы. А. А. Громыко, беседуя с сыном, однажды заметил: «Ни один титан или даже группа героев не смогут управлять нашей страной без КПСС. Партия — это каркас, на котором все держится. Разрушишь его, и страна погибнет»¹. Старый, по речению наших предков, «опытовщик» знал, что говорил: жизнь подтвердила правоту его слов. Отменив 6-ю статью Конституции, Третий съезд народных депутатов СССР открыл в стране период зримого безвластия и нарастающего распада. Не прошло и полгода, как Н. И. Рыжков, выступая на Президентском Совете, говорил о том, что правительство никто «не слушает. Вызываешь к себе — никто не является! Распоряжений не выполняют! Страна потеряла всякое управление! Развал идет полным ходом!»²

В условиях резкого падения властных полномочий партии должность Генерального секретаря ЦК КПСС становилась для Горбачева (особенно в перспективе) недостаточной. Чтобы продолжить путь к цели, еще не реализованной в полном объеме, ему необходимо было перехватить власть, но уже не в качестве генсека, а на посту президента. И вот на том же, Третьем съезде народных депутатов СССР 14 марта 1990 года в соответствии с дополнениями к Конституции Горбачев избирается Президентом СССР. Избрание проходило на безальтернативной основе: Н. И. Рыжков, угождая Горбачеву (тот вскоре «отблагодарит» его, изгнав из правительства), отказался от выдвижения своей кандидатуры. А ведь его уговаривали

---

¹ Громыко Анатолий. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 158.

² Черняев А. С. 1) Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. С. 381; 2) 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 50.

до последней минуты, но тщетно. В.С. Павлов «почти уверен», что, «несмотря на сотни депутатов от КПСС, профсоюзов, ВЛКСМ и от общественных организаций, вплоть до союза филателистов и обществ дружбы, назначенных в большинстве по согласованию с Горбачевым, Президентом СССР стал бы Н. Рыжков, дай он свое согласие. Ему прямо говорили, что ничего не надо делать, за Вас все сделаем, только скажите «да». Он не сумел переломить себя и получил в декабре 1990 года за верность награду в виде инфаркта и отставки»¹.

По поводу избрания Горбачева президентом А. А. Собчак пишет: «Предложение Межрегиональной депутатской группы провести всенародные выборы Президента СССР отвергнуто и самим Горбачевым, и съездом. Как показало время, это было роковой ошибкой бывшего союзного Президента: не решившись пойти на всенародные выборы, он утрачивает силу опереться на избирателей в критических ситуациях. Это и предопределило его досрочный уход с президентского поста, предопределил и более глобальные события — заговор ГКЧП и распад Союза Советских Социалистических Республик»².

---

¹ П а в л о в В. Август изнутри... С. 27.

² С о б ч а к А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 27-28.— Авторы «Политической истории» вносят уточнение, касающееся непосредственно Собчака. Они пишут: «Третий Съезд народных депутатов, состоявшийся в середине марта, начался с изменения шестой и некоторых других «партийных» статей конституции. Когда началось обсуждение вопроса о выборах президента СССР, демократы разделились на две части: первая поддерживала избрание президента Съездом, а вторая настаивала на том, чтобы выборы носили всенародный характер. Стремление части демократов во главе с А. Собчаком и Н. Травкиным к незамедлительному избранию президента СССР объяснялось их желанием защитить «государственные» интересы...» (Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. С. 636). Трудно поверить в то, что Собчак отстаивал «государственные» интересы. На словах — возможно, а на деле — нет. Уже тогда было многим ясно: продолжение Горбачевым руководства страной ведет к распаду СССР. Поэтому съездовская фракция «Союз», куда входили сторонники сохранения СССР любой ценой, решительно выступила против избрания Горбачева (там же, с. 637).

На наш взгляд, Горбачев поступил предусмотрительно, поскольку идти на всенародные выборы, которые по чисто организационным причинам могли состояться не ранее конца 1990 — начала 1991 года, для него было слишком рискованно. Он их, скорее всего, проиграл бы, ибо его популярность пала так низко как никогда¹. В народе к данному времени уже сложился образ Горбачева — разрушителя страны и государства. Более чем убедительно свидетельствуют об этом телеграммы, полученные Горбачевым после сообщения о присуждении ему в октябре 1990 года Нобелевской премии. «Господин Генсекретарь,— говорится в одной из них,— поздравляю Вас с премией империалистов — за то, что Вы развалили Советский Союз, предали Восточную Европу, разрушили Красную Армию, отдали ресурсы американцам, а средства массовой информации — сионистам». Или: «Поздравляем с премией от мирового империализма и сионизма за то, что пустили свою страну по миру, за предательство Ленина и Октября, за уничтожение марксизма-ленинизма»². Подобных телеграмм у Горбачева была целая папка³.

По нашему мнению, Горбачев не пошел на всенародные выборы в силу неуверенности в положительном их для себя исходе, а быть может, вследствие уверенности в своем провале⁴. Манипулировать съездом ему еще было по

---

¹ Политическая история... Т. 2. С. 637.

² Цит. по: Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 384.

³ Там же.— А. С. Черняев презрительно отзываясь о таких телеграммах, выдавая их за «падаль» и «подлую труху». Он советовал Горбачеву ««воспарить» над этим люмпенством». Можно лишь поражаться высокомерию и нравственной опустошенности близкого советника Горбачева, с барским презрением относящегося к мнению простых людей. Это тем более удивительно, что Черняев, по сути, признает справедливость оценок, высказанных в телеграммах, когда говорит: **«Поезд истории Советского Союза уже миновал главную стрелку и пошел хотя и в том же направлении, но не по тем рельсам, которые осторожно и в муках прокладывал Горбачев.** Символично, что именно в эти дни ему была присуждена Нобелевская премия» (там же).

⁴ Ср.: Собчак А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 215.

силам. Поэтому он предпочел избираться на Съезде. Но и тут он «проскочил», что называется, чудом: за него проголосовало менее 60% депутатов.

С точки зрения исторической «досрочный уход» Горбачева «с президентского поста» предопределило отнюдь не съездовское избрание взамен всенародного, как полагает Собчак, а то, что он выполнил свою задачу до конца и должен был уступить место другим. Что касается «более глобальных событий» — «заговора ГКЧП» и «распада Союза Советских Социалистических Республик», то они — следствие всей политики «перестройки», начатой Горбачевым в 1985 году, когда он пришел к власти, но никоим образом не результат частного случая, связанного с формой президентского избрания. Трудно сказать, что тут у Собчака превалирует: то ли «легкость мысли необычайная», то ли желание выставить Горбачева жертвой еще одной собственной ошибки.

В плане личном Горбачеву, конечно, не хотелось расставаться с властью. Но должность Президента СССР дала ему лишь призрачную власть, которая, не имея властной вертикали, повисала, так сказать, в воздухе. Созданный Президентский Совет являл собой жалкое зрелище. «И смешно, и горько, и постыдно было наблюдать этот ареопаг: люди, которых М. С. собрал в нем, не в состоянии ни мыслить, ни действовать по-государственному»¹, — замечает А. С. Черняев, делясь своими впечатлениями о Президентском Совете. Ничего не изменила и замена Президентского Совета на Совет Безопасности СССР, осуществленная в марте 1991 года.

Более значительную власть Горбачеву пока давала должность Генерального секретаря ЦК КПСС. Вот почему он не покинул ее и тогда, когда стал Президентом СССР. Вторая причина, сохранение Горбачевым за собой поста генсека, заключалась в том, что партия, хотя и обессиленная, лишенная формально властвования, все еще сохраняла

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 51.

некоторое влияние и остатки власти. Следовательно, Горбачеву нельзя было терять контроль над ней и отдать должность Генерального секретаря другому¹. При этом ему, наверное, казалось, что, оставаясь партийным лидером и став одновременно президентом, он усиливает свою власть, а вместе с тем приобретает полную самостоятельность по отношению к КПСС, делаясь независимым от нее, чем гарантирует собственную неприкосновенность как высшего правителя страны². Но, как говорится, «человек полагает, а Бог располагает...» Горбачева ждали глубокие разочарования, о которых он, по всей видимости, не догадывался.

Учреждение должности Президента СССР повлекло за собой введение президентских постов в национальных республиках. Образовалась группа президентов, почуявших прелести суверенной власти и потому настроенных на отделение³. Допускал ли возможность появления в республиках собственных институтов президентства новоиспеченный Президент Советского Союза? Не исключено, что допускал (возможно, и предусматривал), поскольку намеревался, как покажем ниже, перестроить союзные отношения республик на конфедеративной основе. Но он, конечно, не предполагал сюрприза, который ему преподнесет судьба, а именно того, что Председателем Верховного Совета РСФСР,

---

¹ Сам М. С. Горбачев заявлял, что сохранял за собой пост генсека прежде всего для того, чтобы сдерживать партию, не давая «идти по проторенному пути» (Л у к ь я н о в А. Переворот мнимый и настоящий. С. 83—84). В другом случае он выразился более прозаически и натурально: «Нельзя собаку отпускать с поводка» (Ч е р н я е в А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 35).

² Сев в президентское кресло, М. С. Горбачев, по словам Б. Н. Ельцина, «страховался от коммунистов — угрожать Президенту СССР было уже сложнее» (Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 32).

³ Вскоре они раскрылись во всей своей «красе»: «После развала Союза местные президенты, заботясь в первую очередь об упрочении своей власти и разделе федеративного имущества, немало сделали для разжигания сепаратистских страстей, создания национальных гвардий, возведения пограничных, таможенных и других барьеров» (Л у к ь я н о в А. Переворот мнимый и настоящий. С. 138).

а потом и Президентом РСФСР будет избран Б. Н. Ельцин. Появление Ельцина в этом новом качестве предопределило уход Горбачева из Кремля. Но тогда, в марте 1990 года, казалось, будто Горбачев удачно сманеврировал, обеспечив себе пребывание у власти на будущее.

Мартовские 1990 года события и имевшие место перемены (победа демократов и националистов на выборах в республиканские и местные Советы, отмена 6-й статьи Конституции СССР, учреждение поста Президента СССР и избрание на этот пост Горбачева) послужили сигналом для сепаратистов. Первые сепаратистские акции состоялись, разумеется, в Прибалтике. Сперва Верховный Совет Литвы, возглавляемый Витаутасом Ландсбергисом, провозгласил независимость своей республики. Вслед за литовским парламентом за независимость проголосовали парламенты Эстонии и Латвии. Как ответил Центр на эти односторонние акты, попирающие Конституцию СССР и являющиеся «по сути антигосударственными парламентскими переворотами»?¹ Практически никак. Указами от 14 мая 1990 года Президент СССР признал недействительными декларации о независимости Литвы и Эстонии². Но то была лишь пустая формальность, сотрясение, так сказать, воздуха, поскольку указ не подкреплялся какими-либо реальными действиями в защиту Конституции. Ничем иным, как преступным попустительством со стороны центральной власти, это назвать нельзя. Более того, она стимулировала сепаратизм, введя в этой неустойчивой обстановке Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Закон как бы приглашал союзные республики к выходу из СССР, хотя и обставлял его определенными условиями и сроком. Именно здесь мы видим скрытый провокационный смысл и главный пафос данного Закона, нацеленного (в конечном счете) на распад СССР. В сущности, то был фиктивный закон.

---

¹ Ш и р о н и н В. С. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. С. 216.

² Правда. 1990, 15 мая.

И поэтому Горбачев в начале сентября 1991 года, пренебрегая им полностью, одним росчерком пера признал независимость Латвии, Литвы и Эстонии, подписав соответствующие постановления только что созданного Государственного Совета СССР. Чем объяснить такую позицию Горбачева по отношению к странам Балтии? Она обусловлена, судя по всему, договоренностями с США, достигнутыми во время встречи Горбачева с Бушем на Мальте.

Советско-американская встреча в верхах на Мальте, получившая прозвище «морская болезнь» (seasick summit), состоялась 2—3 декабря 1989 года. Анат. А. Громыко остроумно назвал ее тошнотворной встречей¹. На ней Горбачев и Буш в обстановке секретности провели беседу по Советской Прибалтике. Американский президент предупредил Президента СССР относительно применения силы в Прибалтике, где все явственнее обозначались сепаратистские тенденции. «Нам не хотелось бы создавать для вас большие проблемы», — с явной угрозой заявил Дж. Буш². И ему «удалось получить от Горбачева важное обещание о том, что для защиты территориальной целостности СССР, в связи с внутренними событиями, будут использованы лишь демократические методы, а не сила»³.

По словам Анат. А. Громыко, «отделение Прибалтики, особенно после мальтийской встречи, стало мечтой сепаратистов всех мастей, главной целью которых было раздробить Советский Союз»⁴. И еще: «В современной мировой истории нет более печальных и постыдных страниц, чем издевательство над СССР, допущенное после Мальты»⁵. К этому «издевательству над СССР» и следует отнести, в сущности, пассивное поведение Горбачева-президен-

---

¹ Г р о м ы к о Анат. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 190.

² Там же. С. 200.

³ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986). М., 1997. С. 671.

⁴ Г р о м ы к о Анатолий. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 200.

⁵ Там же. С. 201.

та в ответ на провозглашение независимости республиками Балтии. Оно, на наш взгляд, есть результат мальтийского сговора насчет Прибалтики. На «тошнотворной встрече» Горбачев, по всему вероятно, сдал ее североамериканскому президенту и «мировой закулисе». Понятно, почему «и Буш, и Бейкер после встречи на Мальте негласно постоянно «сдерживали» Горбачева — в связи с растущей неустойчивостью в Прибалтике — в отношении применения каких-либо силовых методов, утверждая, что это вызвало бы бурную реакцию в США и нанесло бы сильный ущерб советско-американским отношениям»¹.

Однако встреча на Мальте как этап разработки и реализации плана развала СССР имела, очевидно, подготовительную почву, в чем убеждают признания Рейгана и Горбачева. Однажды Рейган разоткровенничался и сообщил, что важной вехой в новом «крестовом походе против СССР и мирового социалистического лагеря», одобренном римским папой в начале 80-х годов, был октябрь 1986 года, когда состоялась его личная встреча с Горбачевым в Рейкьявике². Еще более откровенным оказался Горбачев, находясь в мае 1993 года с частным визитом во Франции. Тщеславный визитер давал многочисленные интервью. Отвечая на вопросы журналистов о «внешней помощи» в ликвидации СССР, Горбачев поначалу утверждал, что внешнее влияние имело место, но в качестве объективного фактора, тогда как основополагающими являлись тенденции внутри страны. И все же напоследок не выдержал и проговорился, что позволило газете «Фигаро» озаглавить беседу с ним довольно странным образом: «Надо отдать должное Рональду Рейгану»³. Горбачев сознался, что на встрече с Рейганом в Рейкьявике он «фактически отдал СССР на милость Соединенных Штатов»⁴. Вот его слова: «Рейкьявик на деле был драмой, большой драмой. Вы ско-

---

¹ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 671.

² Ш и р о н и н В. С. Под колпаком контрразведки... С. 193.

³ Там же.

⁴ Там же.

ро узнаете, почему. Я считаю, что без такой сильной личности, как Рональд Рейган, процесс не пошел бы... На той встрече в верхах мы, знаете ли, зашли так далеко, что обратно уже повернуть было нельзя...»¹ Горбачев и Рейган, надо полагать, «зашли так далеко», уединившись для «беседы один на один»².

Многозначительно уподобление Горбачевым Рейкьявика Чернобылю. «Разного рода драмы — Чернобыль и Рейкьявик. Но по потрясению основ, на которых строился послевоенный мир, они сопоставимы», — рассуждает он в своих мемуарах³. Рейкьявик, по его словам, обозначил «прорыв», позволивший собеседникам заглянуть «за горизонт»⁴. Эти слова Горбачева никак не согласуются с тем, какое впечатление о встрече лидеров СССР и США в Рейкьявике сложилось у А. Ф. Добрынина — одного из участников переговоров с советской стороны: «Встреча в Рейкьявике 11—12 октября 1986 года носила весьма драматический характер. Впервые в истории советско-американских отношений, казалось, возникла реальная возможность значительного сокращения стратегического оружия. Рейган, к нашему удивлению и удовлетворению, согласился с такой нашей идеей — и даже с возможной ликвидацией стратегических ракет по истечении десяти лет. Однако он отказался взять какие-либо обязательства по договору ПРО, которые могли бы ограничить деятельность США по осуществлению программы «звездных войн». Все настойчивые попытки Горбачева переубедить Рейгана оказались безуспешными. Оба лидера закончили свою *безрезультатную встречу* (курсив мой. — И. Ф.) поздно — в полночь»⁵.

Как видим, и Горбачев, и Добрынин усматривают в Рейкьявике драму. И только в этом они единодушны. В прочем же их оценки решительно расходятся. По Добрынину,

---

¹ Ш и р о н и н В. С. Под колпаком контрразведки... С.193—194.

² Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 28.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 32, 34.

⁵ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 654.

встреча двух лидеров оказалась «безрезультатной»¹, тогда как, по Горбачеву, она позволила осуществить «прорыв» и открыть «новые горизонты», уведя собеседников «так далеко, что обратно уже повернуть было нельзя». Чем объяснить такое расхождение? Конечно, можно высказать догадку, согласно которой Горбачев «задним числом» постарался скрасить досадные итоги неудачной встречи, чтобы придать своей дипломатии в общественном мнении больший вес и значение. Но нельзя исключать то, что Добрынин и Горбачев говорят о разных вещах: первый — о безрезультатности общих переговоров по разоружению, а второй — о результативности сугубо доверительных и личных, один на один бесед генсека с президентом, носивших секретный характер и затрагивающих будущее СССР. Необходимая для этого степень расположения и взаимопонимания была достигнута ранее, на Женевской встрече Горбачева с Рейганом в ноябре 1985 года.

Обращает на себя внимание некоторая торопливость в ее организации, обусловленная, по всей видимости, желанием поскорее установить непосредственную связь с президентом США. Встреча не имела серьезной дипломатической подготовки². Достаточно сказать, что за две недели до ее начала в Москве не было никакой ясности относительно того, какие основные вопросы будут обсуждаться на переговорах, каков возможный исход этих переговоров³. Торопливость и неподготовленность встречи приобретают особую выразительность, если соотнести с ними ряд обстоятельств.

М. С. Горбачев недавно пришел к власти. Перед ним возникло множество вопросов и проблем. Нужно было основательно в них разобраться и определить принципиальные основы внутренней и внешней политики. Необходимо

---

¹ Анат. А. Громыко прибегает к более энергичным выражениям, считая, что «в Рейкьявике произошло крушение встречи в верхах» (Громыко Анат. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 114).

² Там же. С. 114.

³ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 618.

было освоиться с новым статусом первого лица в стране, принявшего на себя тяжелейший груз ответственности. На все это требовалось время, а Горбачев, едва заняв кресло Генерального секретаря ЦК КПСС, ухватился за предложение американцев провести встречу на высшем уровне¹.

Надо сказать, что последняя встреча лидеров СССР и США состоялось в 1979 году. С тех пор прошло шесть с половиной лет. Поэтому новую встречу следовало тщательно подготовить. Горбачев же отверг «установку прежнего советского руководства, что такая встреча должна обязательно сопровождаться подписанием какого-либо серьезного соглашения. Если придерживаться такой точки зрения, говорил Горбачев своим коллегам, то встреча с Рейганом состоится не раньше, чем через два-три года. Может быть, вообще не состоится. А время не терпит. Встреча нужна для знакомства с Рейганом и его дальнейшими планами, а главное — для завязывания личного диалога с президентом США»².

Со своей стороны президент США также хотел «провести встречу для личного знакомства и для «общего обзора горизонта» отношений двух сверхдержав и междуна-

---

¹ Заслуживает внимания тот факт, что «впервые за все время нахождения у власти Рейгана последний открытым текстом говорил о желательности советско-американской встречи на высшем уровне с только что избранным Генеральным секретарем» (Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 603). Значит, на Горбачева американский президент, ненавидевший Советский Союз, возлагал какие-то особые надежды. Возможно, здесь сказывалось мнение Маргарет Тэтчер о Горбачеве. «Железная леди» говорила: «Мне нравится господин Горбачев. С ним можно вести дела» (Г р о м ы к о Анат. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 196; см. также: Р ы ж к о Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 81). Тэтчер настойчиво советовала Рейгану внимательно присмотреться к Горбачеву. «Эти рекомендации произвели на Рейгана определенное впечатление» (Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 601). Необходимо в должной мере оценить тот факт, что мнение Тэтчер о Горбачеве — это мнение влиятельной фигуры «мировой закулисы» (см.: Б е г у н о в Ю. К. Тайные силы в истории. Сб. статей и документов. СПб., 1996. С. 330—331).

² Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 605.

родной обстановки»¹. Однако Рональд Рейган зарекомендовал себя как ярый враг Советского Союза — «империи зла», по его терминологии. Казалось, встреча с ним мало обнадеживала. Но случилось нечто удивительное. «Наше знакомство,— рассказывает Горбачев,— произошло естественно и непринужденно. Со стороны кое-кому даже показалось, что мы сразу заговорили на каком-то понятном обоим языке, английском или эсперанто»². На этом «понятном» и, по-видимому, доступном только им языке они общались с глазу на глаз. Горбачев вспоминает: «Пять или шесть встреч мы провели один на один, причем каждый раз с нарушением «графика»... наш разговор с Рональдом Рейганом был интенсивным, содержательным, в отдельные моменты эмоциональным. Но что очень важно: откровенным и, чем лучше мы узнавали друг друга, дружественным»³. К концу встречи Горбачев почувствовал, что «с Рейганом «можно иметь дело»⁴.

Примечательна последняя фраза, заимствованная у Тэтчер, которая дала Горбачеву такую же характеристику⁵. Этот лексический прием как бы намекает, что Тэтчер, Рейган и Горбачев — люди одного круга, которые «могут иметь дело» друг с другом.

Необходимо заметить, что Рейган прибыл на Женевскую встречу, имея уже некоторые представления о Горбачеве, на которого западные политики и «кремленологи» обратили внимание в 1982 году, во время посещения Канады. Здесь он произвел впечатление политического деятеля, «который, в отличие от своих коллег по Политбюро, проявляет значительный интерес к западным методам управления экономикой, к западной системе ценностей. Советский посол в Канаде — им был в то время А. Яков-

---

¹ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 602.

² Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 11—12.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же.

⁵ З а м я т и н Л. М. Горби и Мэгги... С. 21; Г р о м ы к о Анат. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 196.

лев — в немалой мере помог Горбачеву создать этот изначальный имидж»¹. Последнее приобретает особый смысл, если учесть свидетельства В. А. Крючкова и В. С. Широнова о связях Яковлева с ЦРУ².

Вскоре произошел довольно примечательный случай, который можно считать, как говорится, «информацией к размышлению». Осенью 1984 года, «впервые после длительного охлаждения англо-советских отношений, делегацию Верховного Совета СССР пригласили посетить Лондон с официальным визитом. Через британского посла в Москве дали понять, что премьер-министр могла бы встретиться с главой делегации, если таковую будет возглавлять Горбачев»³. Условие по меньшей мере странное, но, впрочем, понятное с точки зрения упомянутого выше имиджа. Москва пошла навстречу британскому премьер-министру: Горбачев был послан в Лондон во главе делегации Верховного Совета СССР. Свидание Тэтчер с Горбачевым прошло в Чеккерсе — правительственной загородной резиденции, расположенной в предместье Лондона. И это — тоже знак, поскольку тогда высоких официальных гостей обычно принимали в резиденции на Даунинг-стрит, 10, а в Чеккерс «приглашались лишь те зарубежные государственные и политические деятели, с которыми премьер-министр намеревалась провести особо важную и вместе с тем доверительную беседу»⁴.

Отметим, что на этой «важной и доверительной беседе» присутствовал Яковлев⁵, который по своему тогдашнему служебному положению директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР едва ли мог претендовать на участие в столь значительной миссии делегации Верховного Совета СССР, а тем более

---

¹ З а м я т и н Л. М. Горби и Мэгги... С. 16.

² К р ю ч к о в В. А. Личное дело. М., 1997. Ч. 1. С. 282—299; Ш и р о н и н В. С. Под колпаком контрразведки... С. 198—204.

³ З а м я т и н Л. М. Горби и Мэгги... С. 16—17.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же.

надеяться войти в круг собеседников с «железной леди». Кстати, о привлечении Яковлева к беседе в Чеккерсе просил Горбачев, тогда как «первоначально предполагалось, что диалог будет вестись с глазу на глаз лишь в присутствии переводчиков»¹. По-видимому, и в состав делегации он был включен по настоянию Горбачева. Все это, конечно, не случайности.

Итоги визита превзошли ожидания Тэтчер. Подводя их перед журналистами, она обронила свою знаменитую фразу: «С этим человеком можно иметь дело... Ему можно верить»². Так что Рейган, когда выражал желание встретиться с Горбачевым, отчасти уже знал, с кем будет иметь дело. Вот почему в Женеве оба лидера легко нашли общий язык, демонстрируя с самого начала обоюдную симпатию³.

Итак, встреча в Женеве стала, можно сказать, прологом бесед в Рейкьявике, куда Горбачев и Рейган явились с чувством взаимного расположения и доверия, с чувством причастности к «общему делу», далекому, кажется, от национальных интересов СССР. Это и дало им возможность в переговорах наедине зайти «так далеко, что обратно повернуть было нельзя». И Горбачев как будто предвидел это и потому взял с собой нового переводчика, по всей видимости, лично преданного ему. Иначе трудно понять, почему он превращает рядовой, казалось бы, случай с переводчиком (мало ли таких!) в событие, достойное специального упоминания: «Переводчиком впервые поехал со мной Павел Русланович Палажченко, с тех пор участник многих крупных встреч и переговоров. Он не только блестяще знает английский язык, но к тому же профессиональный дипломат, преданный делу человек. Я высоко ценю моральную позицию Павла Руслановича — он и после моего ухода с поста президента остался со мной, продолжая самоотверженно трудиться»⁴. Тон почти заиски-

---

¹ З а м я т и н А. М. Горби и Мэгги... С. 18.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 22.

⁴ Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 27.

вающий, обусловленный, вероятно, тем, что Палажченко, присутствовавший в качестве переводчика на частных переговорах своего шефа, знает его некоторые секреты. Что касается встречи в Рейкьявике, то именно секретные договоренности, как можно догадаться, составили главный итог тайной «дипломатии» Горбачева в исландской столице, где произошла, так сказать, «спевка» генсека с американским президентом. Но вот что интересно.

По возвращении в Москву из исландской столицы Горбачев, информируя членов Политбюро о встрече в Рейкьявике, говорил о том, будто Рейган «отличается крайним примитивизмом, пещерными взглядами и интеллектуальной немощью»¹. В интервью же газете «Фигаро», как мы знаем, он назвал Рейгана «сильной личностью». Следовательно, в разное время об одном и том же человеке Горбачев высказывался так, словно речь шла о разных людях. Выходит, что генсек не разобрался в президенте США ни в Женеве, ни в Рейкьявике и лишь потом почему-то прозрел. По А. Ф. Добрынину, так примерно и было: «Впоследствии он (Горбачев.— И. Ф.) говорил о Рейгане куда более взвешенно»². Разумеется, подобное непонимание партнера по переговорам не делает чести Горбачеву-политику. Но было ли оно на самом деле? И если нет, как объяснить его столь различные высказывания об американском президенте?

А. Ф. Добрынин объясняет негативные высказывания Горбачева о Рейгане после Рейкьявика тем, что генсек следовал «классовой терминологии», весьма «привычной старому составу Политбюро»³. По нашему мнению, тут мы имеем нечто иное, чем следование «классовой терминологии», а именно хитрость, игру с целью притупить бдительность «старой гвардии» в Политбюро, чтобы скрыть тайные договоренности с Рейганом. Ведь эта «гвардия», а вместе с ней «и военно-промышленный комплекс были настроены скептически, не разделяли его концепцию «но-

---

¹ Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно... С. 655.

² Там же.

³ Там же.

вого мышления» и расчеты на быстрые договоренности с США»¹. Поэтому Горбачев не мог сказать в Политбюро старого состава: я нашел общий язык с Рейганом и зашел «так далеко, что уже повернуть нельзя».

Вполне вероятно, что негативные официальные высказывания Горбачева о политике Рейгана обговаривались в Рейкьявике как возможные. И это являлось одним из условленных правил совместной игры. Так, во всяком случае, позволяет думать «автомобильное согласие» Горбачева с Бушем, которое правомерно рассматривать как стандартное, или стереотипное, в данном отношении.

В декабре 1987 года Горбачев прилетел в США с официальным визитом. После завершения визита его провожать в аэропорт по протоколу должен был вице-президент Буш. В автомобиле между генсеком и вице-президентом состоялась важная беседа, о чем Горбачев пишет так: «Содержание ее было настолько существенным, что можно с полным основанием считать: тогда мы заложили основу нашего взаимопонимания и доверия. Не раз потом, обсуждая с необходимой осторожностью в присутствии других людей тот или иной вопрос, я или Буш говорили: «Подтверждаю нашу договоренность в автомобиле». Или: «Оценки остаются такими же, какими были в автомобиле»². Эта «договоренность в автомобиле», вероятно, была сориентирована и на некоторые отдельные случаи, связанные с поведением сторон. Недаром в США ходила версия, что «Буш делал нелестные отзывы о Горбачеве и его политике с согласия последнего. По дороге в вашингтонский аэропорт в «ЗИЛе» вице-президент поведал Горбачеву, что у него, Буша, хорошие шансы выиграть выборы и стать президентом США. «Вы должны знать,— сказал Буш,— я хочу улучшить наши отношения». Он объяснил Горбачеву, что законы предвыборной борьбы в США не позволяют ему демонстрировать свои либеральные взгляды и что некоторые его заявления Горбачев должен игнорировать. По-

---

¹ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 655.

² Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 67.

следний ответил пониманием. Удивительно, но факт: в последующие годы, когда Буш выступал с весьма нелестными для Советского Союза заявлениями, Горбачев напоминал своим помощникам о том разговоре: «Не беспокойтесь, в душе он настроен правильно». Личные доверительные отношения Горбачева и Буша стали существенным фактором советско-американских отношений. Это помогло Бушу утвердить свой авторитет среди консервативно настроенных американцев. Нередко Буш по отношению к Москве вставал на более жесткие позиции, чем Рейган. Такая двойная игра выглядела как доказательство нестабильности в отношениях Белого дома с Горбачевым. Об этой договоренности странного свойства никто не знал»¹.

Нет ничего невероятного в том, что аналогичная «договоренность странного свойства» была у Горбачева и с Рейганом. Подобно тому, как Буш, делая выпады против Горбачева и Советского Союза, морочил головы консервативно настроенным американцам, так и Горбачев, нелестно отзываясь о Рейгане и критикуя его политику, дурачил «старую гвардию» в Политбюро и ЦК КПСС.

Без догадки насчет существования негласной договоренности между Горбачевым и Рейганом трудно, на наш взгляд, объяснить причину коренного поворота американского лидера в его отношении к нашей стране, поворота, изумлявшего многих наблюдателей. Удивительно то, что «за время пребывания одного и того же президента в Белом доме советско-американские отношения прошли через разительные перемены: сначала эти отношения вернулись в наихудшие времена «холодной войны», пережили полный развал разрядки, а затем начали вновь выправляться»². Но поначалу, «в течение первых четырех лет президентства Рейган откровенно демонстрировал свое враждебное, конфронтационное отношение к Советскому Союзу. Он и действовал в этом направлении, хотя и избегал

---

¹ Г р о м ы к о Анатолий. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 191.

² Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 646.

ситуаций, чреватых военными столкновениями с нами. Он был категорически против возвращения к временам разрядки начала 70-х годов. Короче, у Рейгана было одно, весьма враждебное по отношению к нам лицо»¹. И вдруг оно просветлело и приветливо заулыбалось. Почему?

На Западе существует мнение, будто жесткий внешнеполитический курс Рейгана, гонка вооружений, подрывающие могущество Советского Союза, привели к гибели коммунистическую систему, а СССР — к распаду. А. Ф. Добрынин отвергает это мнение и поступает, как нам кажется, правильно. Какую версию предлагает он взамен? «Вся многовековая история Русского (и советского) государства,— говорит А. Ф. Добрынин,— убедительно показывает, что любая серьезная угроза извне вела, независимо от внутреннего политического строя, к сплочению народа нашей страны для отпора внешней агрессии. Пример Великой Отечественной войны — красноречивое тому доказательство. Я глубоко убежден, что если бы Рейган и в свое второе президентство продолжал упорно проводить «крестовый поход» против СССР, угрожая его безопасности или тем более самому его существованию, то он ничего бы не добился, кроме опасного подталкивания всего мира к краю ядерной катастрофы, что могло вызвать политический взрыв в самих США. Все это, думается, понял и сам Рейган. Больше того, можно прямо сказать, что такой ход событий просто не позволил бы самому Горбачеву начать свои реформы и пропагандировать свое «новое политическое мышление» (он сам это признавал). Кто знает, как развивалась бы тогда мировая история? Второе президентство Рейгана, характеризовавшееся растущими элементами партнерства с СССР, совпало — исторически удачно с точки зрения улучшения отношений — с появлением нового советского лидера — Горбачева. Четыре личные встречи с ним стали важными вехами менявшегося внешнеполитического курса Рейгана, как и самого Горбачева. Оба руководителя сыграли свою роль в новом повороте в отноше-

---

¹ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 646.

ниях обеих стран. Рейгана сменил Буш, который способствовал дальнейшему развитию этого процесса»¹.

Мы не можем согласиться со всеми этими доводами Добрынина. Верно то, что Великая Отечественная война показала несостоятельность попыток взять нашу страну, русский народ посредством лобовой военной силы. Поэтому-то на Западе и был разработан план ликвидации СССР путем развала его изнутри с опорой на «агентов влияния». Этот план являлся главным рычагом борьбы Запада против Советского Союза. И жесткий внешнеполитический курс западных государств, в частности США, по отношению к СССР и гонка вооружений — лишь дополнительные средства воздействия на внутреннее развитие советского общества в нужном для недругов России направлении. А. Ф. Добрынин не учитывает данные обстоятельства. Однако именно они, по нашему убеждению, являются ключом к разгадке политических превращений Рейгана, усматривавшего сначала в СССР «империю зла», находящуюся «вне закона», а затем вдруг открывшего возможность налаживания с ним партнерских отношений и вскоре вообще заявившего, что Советский Союз уже не «империя зла». Подчеркнем, что речь шла не просто об улучшении отношений в духе разрядки, а о достижении партнерства ради сотрудничества. Чтобы побудить Рейгана проделать такое политическое сальто, надо было его воодушевить чем-то очень серьезным и многообещающим. И здесь можно предположить следующее: во время конфиденциальных бесед с Горбачевым в Женеве и Рейкьявике Рейган понял, что горбачевская «перестройка» — это мощный инструмент преобразования советского общества в буржуазное и надежное средство осуществления распада СССР². Американцы, по верному наблюдению Анат. А. Громыко,

---

¹ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 646—647.

² Рейган не ошибся. Дальнейшие события показали, что именно силы капиталистической ориентации в СССР содействовали прежде всего развалу Советского союзного государства (Л у к ь я н о в А. Переворот мнимый и настоящий. С. 42—44).

увидели в ней «рычаг разрушения социализма»¹. Отсюда и поворот американской политики на 180 градусов. Горбачев же и его ближайшее окружение преподносили перемену позиции Рейгана как успех дипломатии, базирующейся на «новом мышлении».

Преемник Р. Рейгана на посту президента США Дж. Буш строил отношения с Горбачевым, следовательно, не с нуля, а опираясь на опыт своего предшественника. Мы уже говорили об «автомобильном согласии» Горбачева с Бушем. Но ближе всего в плане личных взаимоотношений они сошлись на Мальте². Здесь американцы обсуждали не только внешнеполитические проблемы, но и входили в вопросы внутренней жизни СССР. Казалось, что Буш не меньше Горбачева озабочен ходом «перестройки». Черняев, входивший в советскую делегацию на переговорах, рассказывает: «Я помню атмосферу предельно доброжелательной откровенности, которая отличала обе встречи один на один. Это был «прорыв». Запомнилось и то, что происходило на обеде в честь американцев на «Максиме Горьком». Я был просто обескуражен, наблюдая, как Буш и особенно Бейкер, выступая в роли профессионального экономиста, обсуждали с Горбачевым проблемы экономической реформы у нас. Будто они — ну, если не члены нашего руководства, то, во всяком случае, искренне заинтересованные в нашем успехе эксперты». Это повествование взято из главы с многозначительным названием «От Мальты до программы «500 дней»»³. А. С. Черняев дает комментарий своему названию главы, который кое-что проясняет: «Заголовок этот может показаться странным. Но он возник после размышлений над собственными моими записями и другими материалами за период между концом 1989 года и осенью 1990 года. Я пришел к выводу, что то, что произошло на Мальте, сделало возможным не толь-

---

¹ Г р о м ы к о Анат. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 197.

² Ч е р н я е в А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 302.

³ Там же. С. 302.

ко появление упомянутой программы, но и позволяло «выстроить» политику дальнейших преобразований в духе этой программы» (курсив мой.— И. Ф.)¹.

Дух программы «500 дней» С. С. Шаталина и Г. А. Явлинского всем известен. Это дух рыночный, буржуазный. Эта программа оставляла от Союза одну видимость². Значит, если принять вывод Черняева (а у нас нет оснований не принимать его), то становится ясно, что на Мальте обсуждались не только внешнеполитические вопросы, но и перспективы внутреннего развития СССР в угодном для Запада направлении. Вот почему мальтийские соглашения следует квалифицировать как сговор, подрывающий жизненные интересы Советского Союза. Анат. А. Громыко назвал встречу на Мальте «советским Мюнхеном»³. Отчасти это так. Но Горбачев принес в жертву молоху капитализма и «нового мирового порядка» не только восточноевропейские страны, входящие в социалистический лагерь, но и посягнул на целостность СССР, сделав Советскую Прибалтику предметом тайных переговоров⁴. Вряд ли следует считать случайностью встречу Горбачева с членами ЦК компартии Литвы в январе 1990 года, т.е. по «горячим следам» Мальты. Вот какое впечатление она оставила у бывшего члена Бюро ЦК Компартии Литвы Юозаса Ермолавичюса: «В январе 1990 года, когда Горбачев приезжал к нам и встречался с членами Бюро ЦК Компартии Литвы, я понял, что он отлично знает механизм разрушения Советского Союза. И чем дальше, тем больше я убеждался, что он ведет себя таким образом, чтобы не помешать действию этих механизмов. Более того, сам действует в соответст-

---

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 301.

² В Дневнике Черняева находим такую запись: «Программа (я ее изучил) — это даже не европейский «Общий рынок», а скорее ЕАСТ (Европейская ассоциация свободной торговли.— И. Ф.). От Союза мало что остается» (Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 44).

³ Громыко Анат. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. С. 201.

⁴ Там же. С. 200.

вии с той же реакционной логикой международного антикоммунизма, под управлением тех же зарубежных сил. Нам в Литве особенно хорошо была видна вся эта игра. Как в кукольном театре: артисты и режиссеры за океаном дергают за ниточки, а марионетки у нас дома повторяют все их замыслы по разрушению государства»¹. Мальтийские соглашения воплощались в жизнь...

Дж. Буш, как и Р. Рейган, хорошо понял возможности горбачевской «перестройки» и потому с явным сочувствием отзывался о ней. А. С. Черняев приводит слова Буша, произнесенные им во время одной беседы на Мальте: «О нашем отношении к перестройке. Хотел бы сказать со всей определенностью, что полностью согласен с тем, что вы говорили в Нью-Йорке (во время посещения Горбачевым ООН): мир станет лучше, если перестройка увенчается успехом. Еще некоторое время назад в США было много сомневающихся на этот счет. Тогда в Нью-Йорке вы говорили, что у нас есть круги, которые не хотят успеха перестройке. Не могу утверждать, что в США нет такого рода элементов. Но можно со всей определенностью говорить, что серьезные, думающие люди в США подобных взглядов не поддерживают»².

К этому надо добавить, что «в США с целью постоянного отслеживания развития событий в Советском Союзе был создан так называемый «Центр изучения хода перестройки». В его состав вошли представители ЦРУ, РУМО (военная разведка), Управления разведки и исследований госдепартамента. В соответствии со специальным указанием президента этому центру предоставлялась разведывательная информация, получаемая как из агентурных, так и официальных источников по линии всех ведомств. «Центр» на ее базе готовил разведывательные сводки по нашей стране для докладов президенту США и членам Совета национальной безопасности. Созданный

---

¹ Цит по: Ш и р о н и н В. С. 1) Под колпаком контрразведки... С. 221; 2) КГБ — ЦРУ... С. 178.

² Ч е р н я е в А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 303.

в это же время международный интеллектуальный штаб «Модернизация» внимательно следил за развитием обстановки в России, наращивая коалиционные усилия в строго определенных направлениях. Видимо, общий ход событий вполне устраивал Запад. Отсюда и вытекала всемерная поддержка Западом Горбачева и других... которые вели нашу страну в «нужном» направлении»¹.

Анат. А. Громыко полагает, что «на Мальте Горбачев проиграл по всем статьям»². Можно подумать, что он очень хотел выиграть, но не сумел. А разве уж так нелепа мысль, что подобного желания у него и вовсе не было?.. И вот если взять эту мысль в качестве исходной, то переменится вся историческая панорама того времени, и мы не сможем характеризовать дипломатию Горбачева и Шеварднадзе так, как это, скажем, делает А. Ф. Добрынин: «По-своему способные и подвижные вроде благородными порывами, но далеко не всегда практически мыслящие, нетерпеливые в достижении соглашений, слишком самоуверенные в своей непогрешимости и восхваляемые средствами массовой информации, Горбачев и Шеварднадзе, к сожалению, позволяли нередко западным партнерам по переговорам переиграть себя. В результате в ряде случаев они не получали адекватного эквивалента не только в области разоружения, но и в таких важных вопросах, как объединение Германии, общеевропейская безопасность. Горбачев активно использовал личный канал связи с высшими американскими должностными лицами. Конечно, такой канал был важен и нужен. Однако подобная персональная дипломатия — в его исполнении — изолировала профессиональных дипломатов и экспертов от участия в поисках решений трудных проблем; Горбачев (вместе с Шеварднадзе) все больше брал эти вопросы только на себя»³. Он становился здесь «все более авторитарным. Обсуждение внешнеполитических вопро-

---

¹ Ш и р о н и н В. С. КГБ — ЦРУ... С. 153.

² Г р о м ы к о Анат. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. С. 200.

³ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 661.

сов в Политбюро также претерпевало трансформацию. От подробного коллективного рассмотрения и принятия решений и обязывающих директив Горбачев исподволь стал переходить к тому, чтобы иметь максимальную свободу рук на переговорах с главами других государств. Хотя внешне «свобода дискуссий» внутри Политбюро вроде бы сохранялась, но роль этого органа в выработке внешнеполитического курса оказалась приниженной.

Следует при этом отметить, что за время перестройки вопросы внешней политики ни разу не были предметом отдельного обсуждения на пленумах ЦК партии. Постепенно, не без активной помощи Шеварднадзе, Горбачев достиг своей цели — практически самостоятельно определял и осуществлял внешний курс страны. Все это стало особенно очевидным с 1989 года. Горбачев начал импровизировать и стал подчас, не консультируясь с Политбюро и экспертами, соглашаться на внезапные компромиссы, которые в ряде случаев нельзя было расценивать иначе, как односторонние уступки американцам, делавшиеся во имя скорого достижения соглашения, что становилось порой самоцелью»¹. А. Ф. Добрынин спрашивает: «Почему Горбачев так торопился? Самолюбие? Стремление сохранить динамизм советской внешней политики? Или подсознательное опасение, что историей ему отведено слишком малое время для осуществления его реформ?»² А. Ф. Добрынин не решается ответить на поставленные вопросы: «Я не берусь давать точный ответ. Только сам он может все это объяснить»³.

Сейчас, когда «исторический спектакль» с участием Горбачева, Шеварднадзе, Яковлева и других окончен, когда главные актеры, сняв с себя маски, предстали в своем реальном облики, совсем отличном от тех персонажей, которых они играли, есть основания несколько иначе, нежели Добрынин, оценить правила и приемы их игры, а

---

¹ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 655—656.

² Там же. С. 659.

³ Там же.

также попытаться ответить, разумеется предположительно, на сформулированные им вопросы. И тут необходимо сразу же подчеркнуть, что именно через «персональную дипломатию» Горбачев только и мог, как нам кажется, проводить *свою линию* в сфере международной политики. Отсюда «приниженность» Политбюро «в выработке внешнеполитического курса». Отсюда стремление обойтись без помощи профессиональных дипломатов и экспертов, ибо они были ему не нужны, не желательны и даже вредны как лишние свидетели, способные разобраться в его тайных планах и предать их гласности. В первую очередь поэтому, на наш взгляд, а не в силу чрезмерной самоуверенности (хотя и это было) Горбачев (вместе с Шеварднадзе) брал на себя решение дипломатических проблем.

Понятна и торопливость генсека, о которой специально рассуждает А. Ф. Добрынин, по словам которого Горбачев «чрезмерно торопился, не очень обдумывая возможные серьезные последствия своих шагов, а подчас поспешных импровизаций для всей страны. В этом была его слабость как практического политика»¹. Мы думаем иначе, усматривая в этой торопливости умение, ловкость и силу Горбачева как реально мыслящего политика, понимающего, что в его деле надо очень спешить, не дать опомниться другим и успеть, пока в руках власть, осуществить задуманное. И нужно отдать ему должное: он-таки успел, тогда как ортодоксы «прошляпили» Горбачева.

Вызывает возражение и тезис об импровизации Горбачева-политика². Ведь импровизировать приходится тогда, когда нет общей, руководящей идеи, т.е. идеи страте-

---

¹ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 659.— О поспешности Горбачева, о его стремлении к быстрому успеху говорит и Анат. А. Громыко (Г р о м ы к о Анат. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 197, 215).

² Существует, однако, мнение, будто Горбачев импровизировал не только во внешней, но и во внутренней политике. «Его вела импровизация»,— говорит Н. И. Рыжков (Р ы ж к о в Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 353).

гического плана. У Горбачева такая путеводная идея была. Это засвидетельствовал Яковлев в Конституционном суде, заявив, что генсек еще в 1985 году задумал (вместе с ним, разумеется) «разрушение всех политических и государственных структур»¹. Вот откуда, по нашему мнению, происходили так называемые «односторонние уступки» Горбачева Западу, являвшиеся, если внимательнее присмотреться к существу его деятельности, осознанными мерами по реализации задуманного разрушительного плана. А коль так, то следует отклонить идею о том, будто Рейган или Буш «переигрывали» Горбачева. На самом деле, все они, как нам кажется, «гнали мяч в одни ворота». И выигрыш у них был общий, так как они совместно стремились к построению «нового мирового порядка» посредством экспорта американских «ценностей» и «укрепления инфраструктуры демократии во всем мире».

Советской стороне тут изначально была предписана страдательная, точнее сказать, жертвенная роль, поскольку Соединенным Штатам, самой мощной в экономическом, финансовом и военном отношениях державе, «мировая закулиса» предназначила быть своего рода локомотивом «нового мирового порядка». Вот почему утверждение этого «порядка» приняло форму распространения влияния и господства США на земном шаре. Это в определенной мере выгодно Соединенным Штатам, но противоречит национальным интересам других стран, а для России в нынешних ее условиях является губительным. Однако, говоря по большому счету, подобный ход мировой истории не соответствует интересам и американского народа. Не соответствует потому, что противопоставляет его другим народам планеты, порождая антиамериканские настроения. На почве американского гегемонизма, бесцеремонного вмешательства во внутренние дела других стран выражены вражда и ненависть к Америке со стороны арабов и других мусульманских народов. На ней растет неприязнь к США, наблюдаемая в странах Западной Европы. Это не-

---

¹ Лукьянов А. Переворот мнимый и настоящий. С. 101.

соответствие политики Вашингтона национальным интересам рядовых американцев заставляло, например, Буша вместе с госсекретарем пользоваться «персональной дипломатией», чем походить на Горбачева и Шеварднадзе, пренебрегшими национальными интересами СССР.

Данную особенность тонко уловил А.Ф. Добрынин: «История распорядилась так, что президент Буш, пришедший на смену Рейгану, и его госсекретарь Бейкер также начали руководить американской дипломатией в более персональной и свободной манере, активно контактировать напрямую с лидерами других стран путем личных встреч, либо прибегая к телефонным беседам. Ни американский президент, ни Горбачев, судя по всему, не чувствовали особой необходимости консультироваться со своими правительствами или пояснять населению своих стран направление и существо их конфиденциального диалога и взаимных действий, хотя они во многом определяли будущее для всего мира»¹. Впрочем, «персональная дипломатия» не давала полную свободу ее носителям. Они вели ее с оглядкой на «неведомые», по терминологии Горбачева, силы², созидающие, надо полагать, «новый мировой порядок».

Сейчас, когда многое из тайных планов «неведомых сил» стало явным (поскольку реализовано), можно с уверенностью говорить, что «приобщение» нашей страны к «новому мировому» порядку предусматривало разрушение Союзного государства и территориальное расчленение СССР. Первые конкретные соглашения на сей счет были заключены, как уже отмечалось, на Мальте³. Они, вероятно,

---

¹ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 662.

² Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 30, 33.

³ Напомним еще раз, что на пути к Мальте и последующему развалу СССР были Женева и Рейкьявик, о чем «по пьяному делу» выболтал сам Горбачев. А. С. Черняев рассказывает, что во время встреч с «семеркой» в июле 1991 года в Лондоне «Майкл» (так přátельски Буш называл Горбачева) «вечером в своей резиденции устроил торжественную пьянку для «близких». Было человек 20. «Мемуарил», как он и она шли (шел) «к этому»... Женева, Рейкьявик...» (Ч е р н я е в А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 175—176).

касались пока только Прибалтики. Поэтому через три месяца после мальтийского сговора Литва и Эстония провозглашают свою независимость, а еще через месяц то же делает и Латвия. Адекватной реакции со стороны Центра по понятным причинам не последовало, хотя Горбачев говорил, что для решения, скажем, литовской проблемы его предшественникам понадобилось бы не более 24 часов¹.

По прошествии времени и событий проясняется в какой-то мере первоначальный план расчленения СССР. Вероятно, по этому плану предполагалось полное отделение республик Балтии, с одной стороны, и преобразование отношений остальных республик с Москвой на конфедеративной основе — с другой. При чем конфедерация мыслилась, по-видимому, как подготовительный этап к дальнейшему и уже окончательному распаду единого государства. Заметим, что среди высшего русского генералитета были те, кто понимал, что Россия ради своего выживания «вынуждена была добиваться максимума государственной централизации. Если этот способ «судьбоносных проблем» для других народов был исключением, то для России он составлял основное, объективно predetermined правило»². Это правило действует и поныне.

Осуществление названного первоначального плана связывалось с «перестроечной» деятельностью Горбачева и его ближайшего окружения. То был план не разового обвала СССР, а поэтапного его демонтажа. Но жизнь внесла свои коррективы, введя в игру Б. Н. Ельцина — личность роковую для Горбачева.

По иронии судьбы, своего политического могильщика Ельцина породил сам Горбачев. Он перевел его из Свердловска в Москву³, сделал секретарем ЦК КПСС, а затем —

---

¹ З а м я т и н А. М. Горби и Мэгги... С. 114.

² Н и к о л а е в А. И. На переломе. Записки русского генерала. М., 1998. С. 25.

³ Горбачев вместе с Лигачевым, если верить А. В. Коржакову, даже уговаривал Ельцина переехать в Москву, а тот колебался (Коржаков А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997. С. 49).

1-м секретарем МГК КПСС вместо В. В. Гришина и кандидатом в члены Политбюро.

По мнению В. С. Павлова, Горбачев направил Ельцина в Московский горком со специальным заданием — искоренить гришинское наследие и разгромить партийные кадры. Ведь «Москва всегда была инкубатором партийных кадров для всей страны, и для верхних эшелонов власти особенно. Кроме того, в столице была крупнейшая партийная организация, в которую входили партийные организации всех центральных органов власти. Надо отдать должное, строитель Ельцин оказался талантливым взрывником. Московская партийная организация всего за два неполных года была им основательно разгромлена»¹. Но партийная организация — это люди. Ломая судьбы людей, доводя их до отчаяния, а порой до самоубийства, Ельцин легко мог утвердиться в собственном могуществе и впасть в амбициозное состояние. Психологически это понятно, а с точки зрения особенностей его характера — очевидно.

Б. Н. Ельцин по своей натуре — лидер. Поэтому столкновение его с Горбачевым было в принципе вероятным, а в обстановке «перестройки», замутившей прежние понятия о партийной субординации и власти, неизбежным. Имел место и привходящий, так сказать, фактор — вмешательство супруги генсека Р. М. Горбачевой в московские городские дела, что довело Ельцина до «белого каления»². Конфликт между Горбачевым и Ельциным на людях произошел в октябре 1987 года. А. М. Замятин рассказы-

---

¹ П а в л о в В. Август изнутри... С. 21.

² Вот что рассказывает В. И. Болдин о поведении Р. М. Горбачевой: «Раиса Максимовна — человек с твердым, жестким и властным характером — умела подчинять своей воле других, добиваться желаемого всеми силами и средствами. Она быстро стала первой дамой страны, во всяком случае, значительно быстрее, чем М. С. Горбачев по-настоящему почувствовал себя лидером партии и государства. Не стеснясь она звонила и давала поручения помощникам генсека и некоторым членам руководства страны, особенно тем, кого знала». (Б о л д и н В. И. Крушение пьедестала... С. 116).

вает об этом так: «Мне, как послу, оставшемуся членом ЦК КПСС, было известно, что на Политбюро в октябре обсуждался проект речи Горбачева, которую он должен был произнести в связи с 70-летием Октябрьской революции. Ельцин в ходе этого закрытого обсуждения высказал ряд серьезных критических замечаний, которые касались как оценок прошлых периодов в жизни страны и партии, так и перспектив и путей развития перестройки. «Мы здесь произносим новые слова-лозунги: гласность, перестройка, плюрализм, а на деле ничего не делаем для того, чтобы от лозунгов перейти к делам», — таков вывод Бориса Николаевича.

Отпор этой критике Ельцина принял неожиданную форму: в то время как члены Политбюро оставались на местах, Горбачев покинул зал заседаний — факт, пожалуй, единственный в своем роде в истории КПСС. Разумеется, кто-то тут же отправился следом за генсеком, дабы попросить его вернуться и председательствовать на заседании. Горбачев вернулся — и с ходу повел атаку на Ельцина. Его выступление было выдержано в таких тонах, что не оставляло никаких сомнений в необходимости отставки Ельцина. А несколько недель спустя состоялся Пленум ЦК, где все повторилось сначала, тон вновь задавал Горбачев. Ельцин парировал высказывания генсека: надо, дескать, перестать восхвалять Горбачева, иначе будет создан новый культ личности, необходимо разобраться в лозунгах перестройки, перейти к более реалистическим темпам ее проведения. В заключение он заявил о своем выходе из состава Политбюро.

Экзекуция над Ельциным была, как известно, продолжена в ноябре, уже на пленуме Городского комитета партии, проводившемся в Колонном зале. Помню этот бурный пленум, где один за другим выступали заранее подготовленные ораторы, а сам Ельцин, приехавший (а точнее, доставленный) из больницы, выглядел надломленным, больным... Именно тогда он был освобожден от руководства московской партийной организацией и, как предполагалось, дол-

жен был уйти на пенсию. Он этого не сделал и, более того, стал настаивать на предоставлении ему работы»¹.

М. С. Горбачев дал ему работу, посадив на должность 1-го заместителя председателя Госстроя СССР в ранге министра. При этом он сказал Ельцину: «Но имей в виду: в политику я тебя не пущу». Речь, разумеется, шла о высших государственных и партийных должностях.

По версии В. С. Павлова, «именно заказной характер разгрома кадров (МГК.— И. Ф.) обеспечил Ельцину «крышу». Ранг министра СССР при существующей должности первого заместителя председателя Госстроя СССР был дарован специально для него. Все привилегии и блага, с которыми он так громко воевал на публике,— «Чайка», дача, поликлиника, паек, путевки и т.п.— все было сохранено»². Словом, Горбачев поместил его в теплую и тихую гавань. Но это-то и было невыносимо для Ельцина с его непомерным честолюбием.

Можно представить, как он, совсем недавно обладавший высоким положением и головокружительной властью, от которой зависели многие людские судьбы, мог все это пережить. У Ельцина было такое чувство, что мир, в котором он жил и работал прежде, «грубо вышвырнул» его³. И он, по-видимому, затаил глубокую обиду, переросшую затем в неистребимое желание разрушить этот мир. Ему удастся исполнить свое желание. Но пока его терзали душевные муки. Они остались в памяти надолго. «Часто в ночные бессонные часы,— писал он позже,— я вспоминаю эти тяжелые дни, быть может, самые тяжелые дни в моей жизни. Горбачев не задвинул меня в медвежий угол, не услад в дальние страны, как это принято было при его предшественниках. Вроде бы благородно — пощадил, пожалел. Но немногие знают, какая это пытка — сидеть в мертвой тишине кабинета, в полном вакууме, сидеть и подсознательно чего-то ждать... Например того, что телефон с гербом зазвонит. Или не за-

---

¹ З а м я т и н А. М. Горби и Мэгги... С. 81—82.

² П а в л о в В. Август изнутри... С. 22.

³ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 31.

звонит»¹. Но телефон молчал, усугубляя «мертвую тишину кабинета». Будучи в состоянии «психологического надлома», Ельцин впадал в депрессию, находясь в «полном транссе»². На него в такие минуты «было тяжело смотреть»³. Он страдал от «безлюдья» и «безвластия».

Страсть к власти самая, пожалуй, яркая черта индивидуальности Ельцина. В. В. Костиков, наблюдавший за ним с близкого расстояния, пишет: «На личность Ельцина мощно воздействовали два фактора — его характер, сильный и властный, во многом нетерпимый, и система тоталитарной власти, в которой он сформировался как государственный деятель. Эта власть, мощная, все подчиняющая, но, в сущности, искусственная и извращенная, вошла в его плоть и кровь, и он не мыслил своего существования без нее. Она стала для него едва ли не главной ценностью жизни. Когда судьба поставила его перед жестоким выбором «жизнь или власть», он, с риском для жизни, выбрал власть. Достаточно легко воспринимая утраты политических друзей, он не мог себе представить утрату власти. Из трех «губительных страстей», которые выделяет известный голландский философ и теолог Янсений, — «страсть чувств» (*libido sentiment*), «страсть знаний» (*libido sciendi*) и «страсть власти» (*libido dominandi*), именно последняя является доминантой характера Ельцина»⁴.

Характерные признания делал и сам Ельцин. «Быть «первым», — говорил он, — наверное, это всегда было в моей натуре, только, быть может, в ранние годы я не отдавал себе в этом отчета»⁵. Он сам создал себе собственный образ «волевого, решительного, жесткого политика»⁶. Ельцин верил в свое особое предназначение и в то, что на-

---

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 31.

² Там же. С. 31, 292, 293.

³ Там же. С. 31.

⁴ К о с т и к о в В. В. Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М., 1997. С. 338.

⁵ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 269.

⁶ Там же. С. 173.

ходится «под какой-то неведомой защитой»¹. Вот и любимый внук «Борька чем-то напоминает деда. По характеру заводит. Любит быть лидером среди ребят. Настоящий пацан, может подраться»².

Итак, Горбачев собственными руками сотворил себе такого «ловкого и безжалостного противника», какого, по верному замечанию Д. Боффы, у него еще не было³.

Конечно, ельцинские качества бойца и лидера могли остаться втуне или получить иное приложение, не будь «перестройки» и острой политической борьбы в стране, развернувшейся в последние годы нахождения у власти Горбачева. Его неопределенность, непоследовательность, лавирования, отступления, обусловленные осторожностью и желанием не загубить начатое дело, казались многим демократам, не посвященным в тайну прораба «перестройки», не способными довести ее до логического конца. Они метались в тревоге и страхе за свое будущее, искали лидера, который мог бы завоевать народное доверие и симпатии масс. Однако такого политика в своей среде они найти, естественно, не могли. И вот тут судьба им подарила Б. Н. Ельцина.

Ореол гонимого и слава борца с привилегиями номенклатуры сделали свое дело: на мартовских 1989 года выборах в народные депутаты СССР Ельцин получил в Москве свыше 80% голосов. Вместе с А. Д. Сахаровым, Ю. Н. Афанасьевым, Г. Х. Поповым он создает Межрегиональную депутатскую группу и становится, по выражению Е. Г. Боннэр, «своим» у демократов. Однако настоящий взлет Ельцина — избрание его в мае 1990 года Председателем Верховного Совета РСФСР.

На Западе, впрочем, он был замечен и привлек к себе внимание несколько раньше. И здесь снова впереди оказалась проницательная М. Тэтчер. Это подтверждает Л. М.

---

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 296.

² Там же. С. 20.

³ Б о ф ф а Д. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964—1994. С. 226.

Замятин. По возвращении в Лондон после октябрьского 1987 года Пленума ЦК КПСС, пишет он, его пригласила Тэтчер «для «общего разговора». Вначале речь шла об общих проблемах перестройки, а затем она деликатно подвела разговор к интересующей ее теме: что кроется за сообщениями печати «об оппозиции Ельцина» Горбачеву. «Я кратко и максимально объективно рассказал ей о событиях в Москве».

Вторично она вернулась к разговору о Ельцине и его роли в советском обществе после его выступления на XIX партийной конференции. Тэтчер внимательно его читала по поступавшим из Москвы сообщениям британских журналистов, из которых явствовало, что схватка разрастается и в ходе этой схватки складывается оппозиция Горбачеву и его методам руководства. При первой же встрече с Горбачевым она напрямую спросила, какую роль играет Ельцин в противостоянии реформам? Горбачев на сей раз был прямолинеен: «Мои попытки укрепить президентскую власть и сбалансировать рост демократии усилением исполнительной власти встретили критику со стороны тех, кто называет себя демократами,— заявил он.— Если уж говорить о диктаторских замашках, то подобные обвинения скорее следовало бы адресовать как раз Ельцину, его программе и его действиям». «Люди в России,— убеждал британского премьера советский лидер,— уже говорят о том, что не хотят появления нового царя Бориса»¹. Горбачев, следовательно, старался придать своему конфликту с Ельциным вид заурядной склоки. Но у Тэтчер сложилось собственное мнение.

Она «хорошо понимала: Ельцин — та политическая фигура, которую не следует игнорировать, особенно с учетом реальной ситуации, складывающейся в России; надо поближе познакомиться с этим «бунтовщиком»»². Состоялась встреча Тэтчер с Ельциным, носившая доверительный характер. По свидетельству Ельцина, она «продолжалась 45 минут, причем такая получилась беседа, что я просто не

---

¹ З а м я т и н Л. М. Горби и Мэгги... С. 82-83.

² Там же. С. 83.

помню, был ли с кем-нибудь у меня более интересный разговор. Удивительное осталось у меня ощущение от этой встречи»¹. Тэтчер, если верить Ельцину, почувствовала нечто схожее и потому пошла провожать его до машины, нарушив протокол. Это произвело на гостя сильное впечатление: «Вижу, ей шепчут: не по протоколу, не по протоколу. Она рукой на них махнула, спустилась к машине, там мы попрощались. Все было по-человечески тепло и трогательно»².

Познакомившись с Ельциным поближе, Тэтчер сделала для себя открытие: «Меня поразило то, что Ельцин в отличие от Горбачева освободился от коммунистического мышления... Он смог проникнуть в суть некоторых фундаментальных проблем намного глубже, чем Горбачев»³. Видно, Ельцин не скрывал от собеседницы того, что он «коммунист по исторической советской традиции, по инерции, по воспитанию, но не по убеждению»⁴. Когда впоследствии Тэтчер поделилась с президентом Бушем своим благоприятным впечатлением о Ельцине, тот дал понять, что «американцы не разделяют его». И это, по мнению Тэтчер, «большая ошибка»⁵. Вероятно, американцы полагали, что не настал еще момент, когда Ельцин может сменить Горбачева на поприще «переустройства» СССР.

И все же нельзя не признать зоркость и проницательность Мэгги: Ельцин, действительно, глубже и радикальнее смотрел на разрешение «фундаментальных проблем», нежели Горбачев. И дело здесь не в большей приверженности Горбачева коммунистическим взглядам. Тэтчер имела возможность убедиться в том, что и ему «наплевать на идеологию коммунизма»⁶. Отличие наших «героев» заклю-

---

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 174.

² Там же. С. 175.

³ З а м я т и н Л. М. Горби и Мэгги. С. 87.

⁴ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 181.

⁵ З а м я т и н Л. М. Горби и Мэгги. С. 87.

⁶ Ч е р н я е в А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента. С. 22.— Черняев говорит о Горбачеве: «Заявления насчет социалистических ценностей, идеалов Октября, как только он начинает их перечислять, звучат иронически для понимающих. За этим ничего нет» (там же, с.16).

чалось в другом: если Горбачев проводил политическую линию на сохранение СССР, пусть даже в виде призрачной конфедерации, то Ельцин изначально был настроен на незамедлительное отделение РСФСР от других союзных республик, т.е. на ликвидацию СССР. Весьма симптоматичны в этом отношении мысли, посетившие Ельцина, когда он, избранный на пост Председателя Верховного Совета РСФСР, первый раз вошел в кабинет, где ему надлежало восседать. «Помню,— говорит он,— как мы с Львом Сухановым впервые вошли в кабинет Воротникова, бывшего до меня Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР. Кабинет огромный, и Лев Евгеньевич изумленно сказал: «Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет отхватили!». Я в своей жизни уже успел повидать много кабинетов. И все-таки этот мягкий, современный лоск, весь этот блеск и комфорт меня как-то приятно кольнули. «Ну и что дальше? — подумал я. — Ведь мы не просто кабинет, *целую Россию отхватили*» (курсив мой.— И. Ф.). И сам испугался этой крамольной мысли»¹.

Не входя в обсуждение своеобразной, несколько удручающей лексики новоиспеченного Председателя², обратим внимание на усечение понятия «Россия», произведенное им. По Ельцину, Россия — это лишь РСФСР, тогда как остальные республики выпадают из нее. На самом же деле СССР и есть Россия, поскольку он являлся прямым наследником исторической Российской империи, т.е. России. Отождествление РСФСР, этого искусственного большевистского образования, с Россией положило основу для того дикого территориального раздела, который был про-

---

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 33.

² По словам Д. Къезы, подобная лексика обнаруживает «культурную, этическую и политическую ограниченность этого «руководящего эшелона российских лидеров»». Он пишет: «Россия, низведенная до масштабов президентского кабинета. Разве этого недостаточно, чтобы раскрыть всю драму конца Советского Союза, весь этот потрясающий откат, за несколько дней уменьшивший Россию в размерах и отбросивший ее на три века назад, в допетровские границы» (К ъ е з а Д. «Прощай, Россия!» М., 1998. С. 107).

изведен между бывшими советскими республиками после Беловежских соглашений. Однако вернемся к России, которую «отхватили».

Испуг, о котором говорил Ельцин, быстро улетучился. Началась суверенизация «отхваченной» демократами России. 12 июня 1990 года I Съезд народных депутатов РСФСР принял «Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». На подобный шаг можно было решиться в состоянии общего умопомрачения и крайней эмоциональности. Сказывалась здесь разнузданная русофобия, нагнетавшаяся в стране по ходу «перестройки». Какие настроения она порождала, можно судить по выступлению писателя В. Г. Распутина на I Съезде народных депутатов СССР. «Мы, россияне,— говорил он,— с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас. Шовинизм и слепая гордыня русских — это выдумки тех, кто играет на наших национальных чувствах, уважаемые братья. Но играет, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики, в одни меньше, в другие больше, но заметна почти повсюду. Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими. Эмиссары из Литвы и Эстонии едут с ними, создавая единый фронт, в Грузию. Оттуда местные агитаторы направляются в Армению и Азербайджан. Это не борьба с бюрократическим механизмом, это нечто иное. Здесь, на Съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путем добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону совести распорядитесь сами своей судьбой. Но, по русской привычке бросаться на помощь, я размышляю: *а, может быть, России выйти из состава Союза, если во всех бедах вы обвиняете ее и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устрем-*

ления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие. Кое-какие ресурсы природные и человеческие у нас еще остались, руки не отсохли. Без боязни оказаться в националистах мы могли бы тогда произносить слово «русский», говорить о национальном самосознании. Отменилось бы, глядишь, массовое растление душ молодежи. Создали бы, наконец, свою Академию наук, которая радела бы российским интересам, занялась бы нравственностью. Помогли бы народу собраться в единое духовное тело (выделено мой. — И. Ф.). Поверьте, надоело быть козлом отпущения и сносить издевательства и плевки»¹.

Боль Распутина понятна. Она на мгновение затронула даже Горбачева, который вспоминает о выступлении писателя так: «Патриотически настроенные представители творческой и научной интеллигенции были глубоко обескуражены проявлением национального эгоизма и антирусскими высказываниями своих вчерашних друзей. Валентин Распутин, известный русский писатель, выразил эти настроения, сказав на I Съезде народных депутатов СССР: если все так недовольны Россией, хотят списать на нее все грехи, то, возможно, ей следует самой выйти из Союза? Помню тот момент: Распутин уже прошел к своему месту, а зал, стоя, продолжал аплодировать»². И все же, быть может, Распутину следовало пересилить свою боль и воздержаться от рассуждений о «выходе России из состава Союза», чреватом неисчислимыми бедами и страданиями, прежде всего для русского народа, а также для других народов Советской (Российской) державы.

Но, похоже, В. Г. Распутин тогда не задумывался над тем, насколько сильное воздействие своими высказываниями произведет он, человек огромного нравственного авторитета, на всех, кому была небезразлична судьба русского народа, посеяв в их сознании на первый взгляд со-

---

¹ Правда. 1989, 7 июня.

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 522.

блзнительную, но очень опасную иллюзию. Он, наверное, не подозревал, какое мощное идейное оружие дает в руки губителей исторической России, которые расчлняют Россию во имя России. Распутин, вероятно, не подозревал, что его идеи будут подспорьем в разрушительной политике высокопоставленных функционеров. Пример — Черняев, вспоминающий «концепцию» Распутина — Астафьева» (о том, что Россия должна уйти из СССР). В тон этой «концепции» и без тени сомнения он, демонстрируя полную атрофию чувства исторической ответственности и совершенное безразличие к людским судьбам, замечает: «Пусть Россия уходит из СССР и пусть остальные поступают, как хотят. Правда, если уйдет и Украина, мы на время перестанем быть великой державой. Ну и что? Переживем и вернем себе это звание через возрождение России»¹.

По-видимому, сходное настроение было и у многих народных депутатов РСФСР, когда они голосовали за Декларацию о государственном суверенитете своей республики. Во всяком случае, позднее, когда обнаружилась пагубность их решения, они говорили, что совершили это «из благих побуждений... Виноваты все мы. И те наши руководители, которые борьбу против недостатков, а также конкретных политиков, находящихся у власти в Союзе, превратили в борьбу против государства и основ этого государства»². На что же «из благих побуждений» пошли обьятые слепотой депутаты?

Декларация, принятая ими, обьявляла «верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории РСФСР» и приостанавливала «действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными пра-

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 27.— Парадокс состоит в следующем: о возвращении звания великой Державы «через возрождение России» говорил человек, который был уверен в том, что «Союз начнет сокращаться», а «саму Россию будут изнутри растаскивать татары, башкиры, якуты, коми и т.д.» (там же, с. 26).

² Советская Россия. 1992, 11 и 21 апреля.

вами РСФСР»¹. Это был удар огромной силы по государственному суверенитету СССР, а значит, и по союзному государству как таковому. Вот почему заявленная в Декларации решимость «создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР» — это решимость на словах, на деле же был взят курс на ликвидацию СССР как единое суверенное государство. И это понятно, поскольку вхождение суверенного государства в состав суверенного государства — это нонсенс. Вопрос, конечно, в том, что скрывается за «обновленным Союзом ССР»: одно суверенное государство или некое сообщество государств, обладающих собственным суверенитетом. Провозглашение I Съездом народных депутатов РСФСР суверенитета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики означало последнее: «обновленный Союз ССР» как сообщество самостоятельных, суверенных государств по типу Евросоюза.

Отсюда ясно, что Декларация о суверенитете РСФСР, если смотреть прямо на вещи и не юлить в формулировках, в сущности своей есть Акт о расчленении России, именовавшейся в условиях коммунистического режима Союзом Советских Социалистических Республик, или Акт о ликвидации исторической России. В минуту откровенности Б. Н. Ельцин говорил: «Как только в воздухе прозвучало слово «суверенитет», часы истории вновь пошли, и все попытки остановить их были обречены. Пробил последний час советской империи»². Часы, действительно, пошли. Но то были не часы истории, а часовой механизм взрывного устройства, смонтированного людьми, свирепо ненавидевшими СССР — Россию. Этот механизм в июне 90-го года еще можно было остановить, чтобы предотвратить взрыв. У Горбачева хватило бы на это сил и средств. Даже в августе 91-го года ситуация в этом смысле не была совершенно безнадежной. Не зря Ельцин отмечал, что «силь-

---

¹ Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995). М., 1996. С. 335.

² Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 151.

ной стороной путча было сохранившееся от старой системы жесткое вертикальное подчинение, которое пронизывало железными нитями всю страну. Союзные структуры мощно работали на ГКЧП — звонили правительственные телефоны, шли шифротелеграммы, передавались инструкции, прокатилась волна собраний советской «общественности» в поддержку ГКЧП в институтах, конторах, на заводах и так далее. Не все было гладко, как бы им хотелось, где-то раздавались протесты. И тем не менее, если брать в целом, старые структуры их не подвели и на этот раз. По звонку из Москвы во всех городах страны создавались чрезвычайные органы из партийных руководителей, военных, хозяйственников. На местах появлялись микромоделли ГКЧП районного и городского масштаба. Все делалось привычно и провинциально неторопливо»¹.

Вспоминаются также слова А. А. Громыко, сказанные им на исходе жизни, когда власть в стране уже пошатнулась: «Должности генсека и главы государства равносильны полномочиям вождя. Вождизм Горбачева ослаблен, но не настолько, чтобы потерять контроль над ситуацией. Стоит ему применить силу, как от противников перья полетят»².

Однако Горбачев бездействовал, поскольку суверенизация РСФСР и других республик соответствовала его плану разработки нового Союзного договора на конфедеративной основе как промежуточной ступени полного развала СССР. Не случайно ново-огаревская конфедеративная концепция, инициированная Горбачевым, внушала в Ельцину какой-то момент мысль о том, что «расставание с СССР» произойдет относительно мирно и безболезненно, что это будет «цивилизованный развод»³. Далеко не случайно и то, что Горбачев, говоря о «параде суверенитетов», начатом под воздействием суверенизации РСФСР, замечал: «Единствен-

---

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 105.

² Г р о м ы к о Анатолий. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 184.

³ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 54.

ным средством воспрепятствовать развалу Союза стала неотложная подготовка нового Союзного договора»¹.

Перед нами плохо скрываемое оправдание взятого Горбачевым курса на конфедерацию, бывшего частью плана разрушения советской Державы, осуществляемого в ходе «перестройки». Проясняется «хитроумная» тактика главного прораба «перестройки»: через ослабление общесоюзной государственной власти в лице КПСС, посредством разжигания межнациональной розни, сопровождаемой пролитием крови, с помощью бездействия и попустительства побудить союзные республики к суверенизации, разрушающей целостность и неделимость СССР, а затем явиться в роли «спасителя» страны, сумевшего «сплотить» разбегающиеся советские республики новым Союзным договором. Но эта роль насквозь фальшивая уже потому, что конфедерация для такой многонациональной державы, как СССР,— та же смерть, только медленная, затяжная.

Итак, Декларация I Съезда народных депутатов РСФСР о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики положила начало процессу распада Советского Союза, что, по нашему мнению, следует рассматривать как расчленение традиционной России.

В этой оценке мы неодиноким. По мнению А. И. Лукьянова, май-июнь 1990 года «стали решающими для судьбы России». Принятая тогда I Съездом народных депутатов РСФСР Декларация о суверенитете Российской Федерации «закрепила приоритет республиканских законов над законами Союза ССР и открыла тем самым легальную возможность борьбы с союзным центром, переподчинения российским властям всей системы управления на большей части территории страны. Так был инициирован парад подобных деклараций в других союзных республиках, а затем в российских автономиях»². Этим шагом «из огром-

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 525.

² Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 45.

ного поля союзной федерации был, образно говоря, вырван ее магнитный сердечник, основной притягивающий стержень. Страна вступила в полосу дезинтеграции»¹. По словам Ю. Александрова, «главным оружием демократов в борьбе с коммунистическим государством стала «война суверенитетов», спровоцированная принятием Декларации о суверенитете России 12 июня 1990 года... Именно этот акт положил начало распаду СССР»².

А вот суждение одного известного европейского журналиста, который, определяя «точную дату начала конца Советского Союза», называет 12 июня 1990 года³, ставшее «поворотным моментом, повлиявшим на многие последующие события, предопределившим агонию, ее быстротечность, ее формы и прогрессирующее сведение к нулю возможных альтернатив. Именно в этот день Верховный Совет РСФСР подавляющим большинством голосов одобрил предложение своего председателя Бориса Ельцина провозгласить суверенитет России. Вот она — отправная точка, начало всех последовавших затем сепаратистских тенденций, которые разорвали сначала Советский Союз, а потом и Россию»⁴. С этого момента ответственность за разрушение СССР легла и на Ельцина, оказавшегося в одной исторической связке с Горбачевым.

Странно, но факт: коммунисты содействовали начавшемуся распаду СССР, создав компартию РСФСР, учредительный съезд которой состоялся 20—23 июня 1990 года, т.е. через неделю с малым после принятия Декларации о суверенитете РСФСР. Невольно возникает впечатление, что эти два события концептуально связаны друг с другом. Но в любом случае встает вопрос: ради чего понадобилось создавать КП РСФСР. Ведь раньше ее не было. И на то имелись серьезные основания. Их привел А. А. Громыко в разговоре со своим сыном Анатолием Громыко. Он сказал, что пар-

---

¹ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 45.

² Александров Ю. СССР: логика истории. С. 163.

³ Кье за Д. «Прощай, Россия!» С. 102.

⁴ Там же. С. 103.

тийные руководители не раз обсуждали возможность учреждения коммунистической партии в Российской Федерации. Однако «проблема здесь есть. Посчитали, однако, что если мы такую партию создадим, то в стране может возникнуть двоевластие, российская партия была бы настолько сильна, что ее руководство, скорее всего, стало бы соперничать с руководством КПСС». А. А. Громыко решительно заключил: «Два центра власти нам не нужны»¹.

У Горбачева свой взгляд на вопрос относительно учреждения КП РСФСР: «Я много размышлял над этим, обсуждал в узком кругу со своими коллегами, возвращаясь к истории вопроса, к ленинской позиции на этот счет. Все мы понимали, что ведь неспроста и не спонтанно было решено когда-то создать именно такую партийную структуру (без компартии Российской Федерации.— *И. Ф.*). Отдельное, самостоятельное существование руководящего центра коммунистов, находящихся на территории России (а это две трети партии), создавало постоянную угрозу раскола. Между тем партия мыслилась как самая мощная объединительная сила страны. Ее интернационалистская идеология должна была гарантировать против распада, служить залогом целостности. Вот почему, создавая Союз, то есть, по идее, государство федеративное, Ленин был категорически против такого же решения применительно к партии. По существу, мы оказались в положении, когда должны были решать этот вопрос заново. На этот раз у нас за плечами был долгий опыт истории, когда при сохранении формально федерации существовало не просто унитарное, а сверхцентрализованное государство. Теперь же речь шла о том, чтобы ликвидировать разрыв между формой и содержанием, идти к настоящей федерации. Выходило, что создание Российской компартии становится объективно неизбежным. Однако настал ли для этого подходящий момент, не следует ли приступить к решению этой задачи после преобразования государственности на основе нового

---

¹ Г р о м ы к о Анатолий. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 168.

Союзного договора? И наконец, самый существенный вопрос: не станет ли воссоздаваемая РКП инструментом антиреформаторских сил, своего рода оплотом борьбы против ЦК КПСС, где плохо ли, хорошо ли, но все-таки тон задавали решительно настроенные на углубление реформ генсек и его сторонники?»¹

В отличие от А. А. Громыко, решительно отвергавшего идею о российской компартии, Горбачев, как видим, склонялся к мысли о неизбежности ее создания в условиях перехода «к настоящей федерации». Он готов был пойти дальше Ленина и реорганизовать партию на федеративных началах после «преобразования государственности на основе нового Союзного договора». Сквозь это «реформаторство» проглядывает цель развала и партии и государства. Но это — конечная цель. А пока генсек опасался того, что КП РСФСР, если она появится, может стать «оплотом борьбы против ЦК КПСС», т.е. против главного прораба «перестройки» и его сторонников. Об этом думали, по-видимому, и те лица в партийном руководстве, которые добивались создания Российской компартии. Но они медлили и упустили момент.

Учреждение КП РСФСР, формирование ее руководства, оппозиционно настроенного по отношению к Горбачеву, могли остановить гибельную для страны «перестройку» лишь при наличии у руководителей Российской компартии государственной власти. И они, казалось, близки были к тому, чтобы получить ее. Но Б. Н. Ельцин «победил» И. К. Полозкова и стал Председателем Верховного Совета РСФСР. Надо сказать, что это произошло не без участия Горбачева, опасавшегося усиления РКП в случае победы ее лидера и потому отдавшего предпочтение Ельцину. Здесь Горбачев, по-видимому, из двух зол выбирал наименьшее.

Вот что рассказывает В. С. Павлов, имея в виду «памятное в нашей политической жизни противостояние Б. Ельцина и И. Полозкова в качестве претендентов на

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 530-531.

пост Председателя Верховного Совета РСФСР на съезде народных депутатов РСФСР, когда неоднократные голосования после многодневных дебатов и закулисных комбинаций давали полное равенство и даже прогнозировалась победа Полозкова.

Кампания шельмования, доходившая порой до гротеска, до низкопробного пародирования физических недостатков фигуры, голоса, манеры речи, его имени и фамилии, также не срабатывала. И вдруг, совершенно неожиданно, И. Полозков снимает свою кандидатуру. Произносит не убедившую никого из его сторонников речь в стиле известного персонажа мультфильмов кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно». Удар ниже пояса, открытое предательство — так расценили это почти все коммунисты. Но вот кто предал? И. Полозков?

Позднее, весной 1991 года, во время перерыва в торжественном заседании в Большом театре Иван Кузьмич задержался со мной за кулисами. Мы были вдвоем. И разговор шел о том, чтобы найти ему применение в аппарате кабинета министров СССР как специалисту в области сельскохозяйственного производства и заготовок. Профессиональная сторона у меня не вызывала вопросов, но я еще не давал согласия на назначение и об этом ему было известно. Я задал И. Полозкову только один вопрос: его выступление на съезде — результат собственного или коллективного решения, и каковы мотивы? Ответ был однозначен: Горбачев в телефонном разговоре, сославшись на мнение членов Политбюро ЦК КПСС, попросту «посоветовал» снять кандидатуру с голосования, несмотря на все возражения и сомнения И. Полозкова. Партийная дисциплина взяла верх и не в первый, и не в последний раз была использована Горбачевым в личных целях в ущерб самой партии»¹.

---

¹ П а в л о в В. Август изнутри... С. 25—26.— Согласно Р. Мердоку, газетному магнату, беседовавшему с Горбачевым и опубликовавшему содержание беседы в лондонской «Санди таймс», Полозков являлся «сторонником Горбачева» (З а м я т и н Л. В. Горби и Мэгги... С. 140). Если это так, вместо «партийной дисциплины» придется говорить о политической игре Полозкова под управлением Горбачева.

Надо полагать, что в стратегическом плане Ельцин как политик был ближе и желаннее Горбачеву, нежели Полозков, тесно связанный с РКП, от которой генсек мог ожидать самых неприятных сюрпризов.

Итак, лидеры Коммунистической партии РСФСР не сумели сосредоточить в одних руках партийную и государственную власть. В этой ситуации создание РКП дало прямо противоположный эффект тому, какой ожидали получить ее учредители, способствуя расколу и ликвидации КПСС, а также раздроблению Советского Союза. Сбывалось то, о чем еще в 1947 году говорил Дж. Кеннан: «Если что-нибудь подорвало бы единство и эффективность партии как политического инструмента, Советская Россия могла бы мгновенно превратиться из одной из сильнейших в одну из слабейших и самую жалкую страну мира». Надо согласиться с новейшим политологом В. Никоновым в том, что РКП, выделившись из КПСС, внесла тем самым «весомый вклад в утверждение суверенитета России от Союза и распада последнего»¹.

Впрочем, не осталась в стороне и КПСС, заявив, что «будет проводить линию на укрепление суверенитета союзных республик»². Едва ли стоит сомневаться в том, что «укрепление суверенитета союзных республик» могло осуществляться только за счет сокращения суверенитета СССР как единого суверенного государства и на пути превращения его в конфедеративное образование, весьма неустойчивое в условиях нынешнего времени. КПСС, следовательно, подобно РКП, подталкивала страну к распаду или, во всяком случае, давала возможность такого распада.

Не дремала и ельцинская команда. После принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР весьма существенным в ее разрушительной деятельности было

---

¹ Н и к о н о в В. Дорогой побед и свершений (к 5-й годовщине создания КПРФ)//Известия. 1998, 17 февраля; см. также: Ч е р н ы е в А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 110.

² Материалы XVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 91.

введение в конце октября 1990 года закона «О действии актов Союза ССР на территории РСФСР», устанавливавшего наказание для граждан и должностных лиц, исполняющих союзные законы, не ратифицированные Россией. По этому поводу А. И. Лукьянов остроумно и ядовито заметил: «Впервые в мировой юридической практике правонарушением объявлялось соблюдение законов!»¹

Вслед за названным законом принимается закон «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», согласно которому все объекты государственной собственности, включая и организации союзного подчинения, становились собственностью Российской Федерации. «Затем конфронтация переносится в сферу бюджетных отношений. Российский Закон о формировании бюджета на 1991 год воплотил давнишнюю мечту противников союзного центра: объявлялось, что бюджет будет формироваться на основе одноканальной системы налогообложения, а значит, Союз лишался собственных источников существования». Дурной пример заразителен: на путь Российской Федерации «начали вставать другие республики. Развал союза назревал, как снежная лавина в горах»².

Таким образом, в 1990 году в «перестройке» обозначились две линии ее развития. Первая, проводимая Горбачевым, вела медленно, поэтапно к развалу СССР и ликвидации советского общественного, политического и государственного строя; вторая, осуществляемая Ельциным, была связана с обвальным крушением Советского Союза и ускоренной буржуазной реставрацией³. Перед нами, следовательно, два пути, ведущие к одной цели. Их реализация сопровождалась драматической борьбой Горбачева и Ельцина за власть, которая так искривила историческую перспективу, что у многих сложилось мнение, будто Горбачев

---

¹ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 47.

² Там же.

³ Само собой разумеется, что без проделанной Горбачевым с 1985 года разрушительной работы линия Ельцина была бы невозможной. И здесь «заслуга» Горбачева неоспорима.

и Ельцин — полные антиподы, тогда как в действительности это были политики, связанные общей конечной идеей. Здесь, по-видимому, надо различать субъективную и объективную стороны. В личном плане они — враги, а в историческом — сотрудники. Такова порой прихоть диалектики политических отношений.

Обозначившиеся в 1990 году две линии развития «перестройки», а также другие весьма важные обстоятельства (успех демократов на выборах в местные и республиканские Советы, отмена 6-й статьи Конституции, учреждение должности Президента СССР, провозглашение республиками Балтии независимости, принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР и др.) позволяют считать этот год переломным в истории нашей страны в конце XX века¹. Дальнейший ход событий был логическим завершением произошедшего в 1990 году. Вопрос заключался лишь в том, какая тенденция развития «перестройки» возобладает: горбачевская или ельцинская. А это зависело от результата схватки Горбачева и Ельцина за власть.

К началу 1991 года имидж Горбачева как руководителя государства пал, можно сказать, окончательно. Народ видел плоды его деятельности: развал экономики, всеобщий дефицит, обнищание, ослабление власти и потерю управления страной, межнациональную вражду и конфликты, углубляющийся процесс распада единства страны. На этом фоне Ельцин внушал какие-то надежды выхода из тотального развала, а потому выглядел предпочтительнее. И Ельцин, понимая шаткость положения Горбачева, переходит в наступление. 19 февраля, выступая по Центральному телевидению, он потребовал от Президента СССР уйти в отставку. По этому случаю А. С. Черняев сделал у себя в Дневнике следующую запись: «Сегодня Ельцин 40 минут говорил в открытом эфире. До этого целый месяц создавался ажиотаж, будто ему, главе России, не представляют канал Центрального телевидения. Таким образом страна

---

¹ Ср.: Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 6.

была поставлена в стойку: он, спаситель России, скажет... обо всем самом-самом».

Ельцин «зачитал, видимо, самое главное, ради чего рвался на телеэкран,— текст, заготовленный, очевидно, представителями «интеллектуальной мощи России»: Горбачев обманывает всех, его политика антинародная, на нем кровь межнациональных конфликтов, он развалил страну, виноват в обнищании народа, ничего не выполнил, что обещал. И потому он, Ельцин, требует отставки Горбачева. Итак, перчатка брошена с самой большой вышки. Он и раньше нечто подобное говорил не раз — в интервью иностранным газетам, даже по радио и сообщал всяким листкам, где печатаются «поденщики» левой прессы. Теперь это сказано на «государственном уровне» — от имени России»¹. Черняев точно уловил новое качество заявления Ельцина, озвученного на «государственном уровне» и от «имени России». Надо полагать, что «глава России» решился на такой шаг, если не от сознания собственной силы, то от понимания слабости союзного президента. А как тот отреагировал на столь резкий выпад Ельцина?

М. С. Горбачев, не сообразуясь с подлинным соотношением сил (ведь за Ельциным была РСФСР), говорил В. Т. Игнатенко и А. С. Черняеву какие-то странные вещи: будто «песенка Ельцина спета — у него ничего не получается, от него уже ждут дел. Он мечется, что даже люди из его ближайшего окружения «вытирают об него ноги», кроют его матом, а в парламенте заявили, что не станут при нем стадом баранов и т.п.»². Отсюда Черняев заключил: «Словом, М. С., получается, списал Ельцина как опасность»³.

События ближайшего полугода показали, что Горбачев выдавал желаемое за действительное: на самом деле заканчивалась его «песенка». Судя по всему, он терял чув-

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 99.

² Там же. С. 100.

³ Там же.

ство реальности. Все яснее становилось, что «М. С.», подобно известному мавру, сделал свое дело и ему пора уходить. Но уйти вовремя — удел избранных. Тут нужны особые, редкие свойства ума и души. В данном случае не было ни того ни другого. И его сидение во власти продолжалось, вызывая резкое неприятие в обществе.

Становилось очевидным, что продержаться на плаву в политике Горбачеву удастся лишь до тех пор, пока существует Союз. Но и здесь прораб «перестройки» сам себе изрядно напортил, развязав центробежные силы в национальных республиках. Союзное здание пошатнулось, и в нем образовались глубокие трещины, предвещавшие обвал. И все же — выручай, Союз! Так родилась идея референдума, на котором народу надлежало сказать: быть или не быть Советскому Союзу.

В декабре 1990 года эта идея была одобрена IV Съездом народных депутатов СССР, а 16 января 1991 года Верховный Совет СССР принял постановление о проведении 17 марта 1991 года всенародного голосования по вопросу: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

Задуманное предприятие как по сути своей, так и по обстоятельствам времени являлось двусмысленной и даже опасной затеей. Существование Советского Союза становилось предметом обсуждения, что само по себе означало признание проблематичности данного предмета. Надо согласиться с В. А. Крючковым, считающим, что «сама постановка вопроса о Союзе носила провокационный характер... для широких масс этот вопрос не существовал, они не выступали против Союза, более того, у людей вызывало удивление, а то и возмущение, когда кто-либо высказывал сомнение в необходимости сохранения Союза. Союзное государство устраивало подавляющее большинство граждан, и его существование воспринималось как естественное со-

стояние. Разрушители Союза готовили его развал со всех сторон, им было важно обозначить хотя бы сам вопрос»¹.

Следовало ожидать, что в условиях нарастающего сепаратизма, подогреваемого Центром, референдум усилит процесс распада СССР. Показательна в этом отношении запись в Дневнике Черняева, помеченная 10 марта: «Грядет крах. Референдум 17 марта может стать детонатором»². В день референдума Черняев записал: «Референдум: «Быть или не быть Отечеству». Хотя на самом деле такая постановка вопроса — очередная демагогия: ничего уже не остановить, чем бы этот референдум не закончился»³.

Как известно, демократы агитировали голосовать против сохранения Советского Союза. По этому поводу на страницах «Политической истории» читаем: «В России сторонники Ельцина призывали сказать «нет» сохранению СССР, усматривая в отрицательном исходе голосования верный способ отстранения Горбачева от власти»⁴. Хотелось бы несколько сместить акценты: «отстранение Горбачева от власти» являлось, на наш взгляд, побочной задачей демократов, тогда как главной их целью был развал СССР, т.е. ликвидация, по их терминологии, «советской империи».

Несмотря на яростную агитацию в средствах массовой информации, народ не внял демократам и проголосовал за Союз, проявив мудрость и желание жить в многонациональной семье.

Наглые интриги американских служб тоже обернулись пустыми хлопотами. А то, что подобные интриги имели место, заключаем из дневника Черняева, где говорится о том, как за несколько дней до референдума американский посол в Москве «Мэтлок по указанию Бейкера созывает

---

¹ Крючков В. А. Личное дело. М., 1997. Ч. 2. С. 33.

² Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 115.

³ Там же. С. 118.

⁴ Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. С. 648.

на «партсобрание» к себе в посольство президентов союзных республик и председателей их Верховных Советов. Те уже «завели двигатели» в самолетах. Позорище! М. С. пришел в бешенство. Велел утром Бессмертных и Дзасохову сесть за телефоны. Сам стал обзванивать республиканские столицы. «Мероприятие» Мэтлока удалось сорвать. А мне, между прочим, пришлось «разъяснять» Яковлеву, Бакатину и Примакову, что и им туда идти не следовало бы»¹.

Наивно думать, будто Мэтлок созывал руководителей союзных республик, чтобы агитировать их за Союз. О чем он собирался говорить с республиканскими лидерами, можно догадаться по тем советам, какие Бейкер дал Горбачеву при встрече с ним 15 марта 1991 года, т.е. за два дня до референдума. Госсекретарь рекомендовал Президенту СССР «выйти после референдума к народу и сказать: «Республики, вы свободны. Я вас отпускаю». И тогда все переговоры о разводе или новом браке сразу приобретут нормальный мирный ход»². В какой мере Горбачеву надо было потерять лицо, насколько зависеть от своих американских «друзей», чтобы выслушивать такие наглые и беспардонные советы?!

«Мероприятие» американского посла и советы госсекретаря нам известны. А сколько было совершено акций, оставшихся втайне? Вернемся, впрочем, к самому референдуму. Как выглядели конкретные итоги голосования?

По сообщению Центральной комиссии референдума, в списки граждан, имеющих право участвовать в референдуме СССР, было включено 185 647 355 человек; приняли участие в голосовании 148 574 606 человек, или 80%.

Из них ответили: «да» — 113 512 812 человек, или 76,4%; «нет» — 32 303 977 человек, или 21,7%.³

Итак, большинство граждан СССР, принявших участие в голосовании, высказались за сохранение Советско-

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 116—117.

² Там же. С. 119.

³ Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995 гг.). С. 351.

го Союза. В этом отчетливо проявился положительный результат референдума. Поэтому вряд ли стоит рассуждать о его двусмысленных итогах, как это делает Н. Верт¹.

Другое дело — негативные последствия принятого решения о проведении референдума. Это решение вызвало новую волну сепаратизма в ряде республик, что выразилось в нежелании участвовать в референдуме, с одной стороны, и в изменении формулировки вопроса, выносимого на голосование, — с другой. Референдум не проводился в Грузии, Армении, Молдавии, Литве, Латвии и Эстонии. То был своеобразный бунт национальных окраин. Центр не принял никаких серьезных мер, чтобы пресечь своеволие местных правящих элит (именно они, а не народы тяготели к отделению), пренебрегающих постановлениями конституционных органов, каковыми являлись Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР. Тем самым поощрялись беззаконие и вседозволенность, причем не на каком-нибудь, а на конституционном уровне, что еще шире распахнуло двери сепаратистам.

В Казахской ССР голосование проводилось по видоизмененному вопросу, сформулированному Верховным Советом республики. Вопрос звучал так: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза ССР как Союза равноправных суверенных государств?»² Следовательно, вместо формулы «обновленная федерация равноправных суверенных республик», принятой IV Съездом народных депутатов СССР, казахское руководство внесло в бюллетень принципиально иную формулировку: «Союз равноправных суверенных государств». Эта формулировка, изобретенная казахскими сепаратистами, открывала возможность Казахстану в будущем выйти из состава Союза³. Народ, однако,

---

¹ В е р т Н. История советского государства. 1900—1991. С. 469.

² Хрестоматия по отечественной истории. С.350.

³ Позднее она войдет в Проект Договора о союзе суверенных государств, что явится нарушением воли народа, основная масса которого проголосовала за «Федерацию равноправных суверенных республик». Но об этом ниже.

не вникал в хитросплетения и тонкости. Для него название «Союз» означало собственно то, что было на данный момент — единое государство, созданное вековыми усилиями многих и многих поколений людей разных национальностей. И он дружно поддержал «Союз». Любопытны итоги голосования. Число граждан по Казахской ССР, включенных в списки для голосования, составило 9 999 433 человека; приняло участие в голосовании 8 816 543 человека, или 88,2%. Из них ответили: «да» — 8 259 519 человек, или 94,1%; «нет» — 436 560 человек, или 5,0%.¹

Несмотря на отличие формулировки вопроса, вынесенного на всенародный опрос в Казахстане, Президиум Верховного Совета Казахской ССР тем не менее официально просил Центральную комиссию референдума включить результаты республиканского голосования в общие итоги референдума СССР.

Положительные итоги референдума обнадежили Горбачева, воспринявшего их как личную политическую победу, упрочившую «легитимность его президентской власти»². И он, судя по всему, решил, что настал подходящий момент продемонстрировать свою силу Ельцину и тем, кто ему служил. Представился и случай.

25 марта 1991 года в Москве начал работу внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР. В столице планировалась массовая манифестация сторонников Ельцина с требованием отставки Горбачева и союзного правительства. И вот ночью 28 марта по распоряжению генсека в город были введены танки, бронетранспортеры, перебро-

---

¹ Хрестоматия по отечественной истории. С. 352.

² Политическая история... С. 648. — Степень «окрыленности» Горбачева можно понять, если учесть его неуверенность в том, чем закончится референдум. Из дневниковой записи (23 июля 1991 года) Черныева видим, как «разоткровенничался» Горбачев, беседуя с греческим премьером Мицотакисом: «Вы знаете, говорит, я двинул на референдум вопрос — быть Союзу или нет, решив для себя, если «нет», я уйду. Это я вам первому говорю, даже вот помощник (показывает на меня) не знал этого (знал, между прочим!)» (Черныев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 177).

шены дополнительные воинские подразделения. Красную площадь закрыли для пешеходов, а подходы к Кремлю блокировали специальными нарядами военных. Но Горбачев чересчур переоценил собственные возможности. Съезд, мгновенно консолидированный этой шальной военной акцией, потребовал убрать незамедлительно войска из Москвы, прервав свою работу до времени выполнения данного требования. Раздался и «отрезвляющий» голос из Вашингтона, призвавший Президента СССР «не препятствовать свободе слова и волеизъявлению народа», отказаться от применения силы¹. Горбачев спасовал и вывел войска. Это был огромный проигрыш в политической игре, раскручиваемой Горбачевым. Общество увидело бессилие Президента СССР, тогда как Председатель Верховного Совета РСФСР выглядел настоящим героем, отстаивавшим суверенитет России и не дрогнувшим под дулами пушек и автоматов.

Потерпев столь досадную неудачу, Горбачев в противостоянии с Ельциным потерял темп, вынужденный впоследствии главным образом лишь отвечать на ходы своего противника, утратив, следовательно, инициативу. Ельцин же работал на опережение, показывая тем самым, что время Горбачева прошло и его историческое место в музее восковых фигур.

Наиболее яркое тому подтверждение — указ Ельцина, уже не как Председателя Верховного Совета РСФСР, а Президента РСФСР, «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР», изданный 20 июля 1991 года. Указ гласил: «Не допускается создание новых и деятельность существующих первичных организаций, комитетов и других организационных структур политических партий и массовых общественных движений в органах государственного управления РСФСР, республик в составе РСФСР, в исполнительных органах Советов

---

¹ З а м я т и н А. М. Горби и Мэгги... С. 141.

народных депутатов всех уровней, в государственных учреждениях, организациях, концернах, на предприятиях, расположенных на территории РСФСР, независимо от их подчиненности»¹. По Указу «лица, состоящие на государственной службе, в своей служебной деятельности руководствуются требованиями законодательства РСФСР и не связаны решениями политических партий и массовых общественных движений»².

Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, против какой партии направлен данный Указ. Он бил по компартии, готовя ее ликвидацию. Заслуживает в этой связи внимания запись в дневнике Черняева под 25 июля 1991 года, т.е. сделанная по горячим следам упомянутого Указа Ельцина: «После телефонного разговора с Колеом (о Кенигсберге) М. С. задержал меня в кабинете. Подключил селектор на Прокофьева (секретаря МГК). Разговор идет об указе Ельцина (департизация). Прокофьев ему: «Значит, мы переходим на территориальный принцип партработы». М. С.: «Я уже получил 100 телеграмм. Секретари обкомов требуют издать указ, отменяющий указ Ельцина». Я вмешался: «Не надо этого делать... Указ не сработает... И ваш престиж пойдет опять на понижение». Но он, вижу, и без меня решил не вмешиваться. Рассуждал с Прокофьевым, почему Ельцин сделал это именно сейчас... — вроде бы исходил из благородных побуждений: сейчас надо работать, нужно спокойствие, а коммунисты «мутят» на предприятиях, в коллективах!.. И как я, президент, буду выглядеть, мешая установить порядок?! Прокофьев не настаивал...»³

М. С. Горбачев лукавил, ибо подлинная причина его нежелания отменить Указ Ельцина состояла не в опасении за то, как он будет «выглядеть, мешая установить порядок», а в том, что внутренне генсек уже окончательно и

---

¹ Государство Российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сб. документов. М., 1996. С. 472.

² Там же. С. 473.

³ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 180—181.

бесповоротно порвал с партией, которую, по догадке Черныева, «решил «валить»¹. И все же не «свалил». Это сделали другие, отведя ему лишь унижительную роль формального ликвидатора.

Личная история Горбачева после 1990 года — это история неотвратимо приближающегося краха. Горбачевский имидж покати́лся «катастрофически вниз уже от нулевой отметки» так, что «даже доброжелатель» мог «произнести только одно: доперестроил!»² Власть ускользала из рук генсека и президента.

Проблеском в надвигающейся тьме политического небытия для прораба «перестройки» явился референдум СССР 17 марта 1991 года по вопросу о Союзе, а также его встреча 23 апреля в Ново-Огареве с главами девяти республик (Россия, Украина, Белоруссия, Узбекистан, Азербайджан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Казахстан), принимавших участие в референдуме. На встрече вроде бы удалось договориться о совместных мерах по социальной и экономической стабилизации в стране и выработке нового Союзного договора в соответствии с волеизъявлением народа на референдуме. Это было соглашение «9 + 1» (девять республиканских лидеров и союзный президент). Завязался так называемый ново-огаревский процесс. Некоторые исследователи усматривают в этом «неожиданный успешный политический маневр Горбачева, который, казалось бы, чудом включил республики, в первую очередь Россию, в процесс реанимации СССР и оказался во главе его реформирования, обезоружил консерваторов». При этом они полагают, что «победа была зыбкой: консервативные силы готовы были терпеть Горбачева только в том случае, если ему удавалось контролировать действия Ельцина и его последователей и восстановить власть Центра в отношении республик»³. Обличает «консерваторов» и сам Горбачев, говоря о том, что «президентский «моз-

---

¹ Черныев А. С. 1991 год: Дневник помощника... С. 181.

² Там же. С. 126.

³ Политическая история... С. 650.

говой центр» пришел к правильному выводу о нарастании угрозы со стороны консервативных, реваншистских сил»¹. С упомянутыми исследователями и бывшим президентом можно поспорить.

Встречи и переговоры в Ново-Огареве, где Горбачев якобы включил национальные республики вместе с РСФСР в «процесс реанимации СССР», есть не столько «успешный политический маневр» главного прораба «перестройки», сколько его последний шанс удержаться у власти. В шаткости своего положения весной 1991 года он должен винить прежде всего демократов. Ведь это они подняли мощную кампанию, направленную против Съезда народных депутатов СССР, Верховного Совета СССР, Президента СССР и Правительства СССР. Ведь это их лидеры, такие, как Ю. Афанасьев и Е. Боннэр, клеймили Б. Ельцина за участие в разработке нового Союзного договора и согласие его подписать². Что касается «консерваторов» и «реваншистов», то они были основательно подрублены и сил у них хватало только на устрашающий шум, который уже не пугал Горбачева. Поэтому он несколько сгущает краски, когда пишет: «Партийная номенклатура не собиралась сдаваться без боя. Весной 1991 года организаторы уже сформировавшейся в КПСС оппозиции решили перейти в наступление. Явно рассчитывали использовать обострение социальной ситуации, недовольство в обществе в связи с введением 2 апреля повышенных цен на продовольственные и промышленные товары»³. Если наступление и было, то опереточное. Яркий пример — апрельский Пленум ЦК КПСС. Воспроизведем «событие» по записям Чернышева: «Когда М. С. показали проект решения пленума, он взорвался: там речь шла об «антинародной политике» генсека. Шенину сказал: «Твоя работа». Но, между прочим, все эти «молодые» — Гиренко, Лучинский, Семенова, Купцов, Строев, Фалин, которых он выдвинул в

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 532.

² Там же. С. 533, 535.

³ Там же. С. 535.

секретари ЦК (в большинстве из провинции), пригрозил, обласкал, дал путевку в большую политику — они что? Значит, тоже в душе согласились, что во всем виноват М. С.? И будто его смещением или угрозой смещения, в тон хору обкомовских резолюций, можно решить все вопросы? Во всяком случае, рыльце у них в пушку: недаром же они на пленуме в рот воды набрали, когда другие покатили на М. С. волны оскорблений и поношений, требовали его отставки, предъявляли ультиматумы насчет чрезвычайного положения во всей стране. Иначе — уж тебе! Позорище было смотреть на этих «зайчиков»... И вообще на весь этот пленум... Гнали генсека, а когда он встал и сказал: «Ладно, уйду!», все в портки наложили и проголосовали, чтоб «снять вопрос с обсуждения». Тоже формулировка... до следующего пленума, что ли? Честь ЦК спасали такие, как Вольский, Бакатин, не говоря о Назарбаеве... Хотя вообще-то я был за то, чтоб М. С. послал их к едрене матери... И от них на другой день ничего не осталось бы. Они действительно никому не нужны, кроме номенклатуры... И без М. С. сразу бы оказались «на обочине» — в отвале. Впрочем, Вольский и Бакатин так прямо и сказали. А один рабочий в перерыве подходит к М. С., сокрушается: «идiotы-самоубийцы»»¹.

Если Черняев изображает апрельский Пленум ЦК в виде фарса, то Горбачев подает его как драму, вероятно, с той целью, чтобы выглядеть героически. Он говорит: «Консервативные силы в КПСС решили превратить апрельский Пленум ЦК в своего рода разбор персонального дела Горбачева, намеревались открыто предъявить мне политические обвинения и ультимативные требования. Был даже подготовлен проект постановления по главному вопросу повестки дня — положению в стране и путях вывода экономики из кризиса. В нем, по сути дела, выносился «смертный приговор» всему курсу на реформы и отвергалась антикризис-

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 131—132.

ная программа правительства, уже принятая, хотя и в итоге острой дискуссии, Верховным Советом СССР»¹.

Что помешало «консервативным силам» осуществить задуманное? Оказывается, в первую очередь, молниеносная решительность генсека: «Зная обо всем этом, я решил «взять быка за рога» и сразу дать понять своим оппонентам, что капитуляции они от меня не дождутся, а вот сами могут остаться на обочине политической жизни. Готов был к худшему, мысленно смирился уже с возможным расколом партии, но считал своим долгом побороться за нее с ретроgrадами, тащившими КПСС в пропасть»². Кроме того, «бык» будто смертельно испугался заявления генсека об отставке и был ошеломлен публикацией «Ново-огаревского заявления»³. Но все это, как сказал бы наш венценосный предок, — «детские страшили», которыми «консервативные силы» ЦК едва ли можно было «устрашить». Причина непоследовательности и метаний «консерваторов» в другом — в сознании своего бессилия, обусловленного отсутствием у ЦК рычагов государственной власти. Чтобы выступить не мнимой, а действительной силой, способной остановить уничтожение страны, ЦК в конкретных исторических условиях весны 1991 года нужен был носитель реальной власти, каким являлся Горбачев, к тому же и генсек, т.е. лидер партии. Поэтому члены ЦК и приступали к нему с требованием ввести чрезвычайное положение. Вместе с Горбачевым КПСС имела возможность переломить ход событий, а без него — нет. Разойдясь с ним, она (опять-таки в конкретных исторических условиях весны 1991 года) становилась обреченной партией, ибо время для ее «развода» с генсеком, чтобы найти нового главу и начать другую жизнь, безвозвратно ушло. Горбачев это понимал, когда по

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 356.

² Там же. — Поражает лицемерие «прораба перестройки», обвиняющего «ретроградов» в том, что они «тащили КПСС в пропасть». Не кто иной, как он сам столкнул КПСС в пропасть, и она в падении своим судорожно старалась хоть за что-нибудь уцепиться.

³ Там же. С. 538, 539.

поводу своих оппонентов на апрельском Пленуме ЦК говорил: «Будучи прагматиками, они сознавали, что партия в таком случае (т.е. его отставки.— И. Ф.) останется вовсе без влияния на политику, а ее руководству останется тешить себя воспоминаниями о прежнем величии»¹.

Однако следует сказать, что и Горбачеву партия могла еще пригодиться, будь он никем не повязан и прояви способность трезво оценить сложившуюся ситуацию: с помощью КПСС ему, на наш взгляд, удалось бы удержать власть и урезонить радикал-демократов. Увы, у него были иные планы. Но кто знает, как повел бы он себя, если бы вдруг прозрел свое близкое политическое крушение. А пока Президенту казалось, что он выедет на ново-огаревском коньке. Однако этот конек с самого начала стал «плясать» и «взбрыкивать».

А. И. Лукьянов, принимавший непосредственное участие в ново-огаревских «сидениях», пишет: «Перелистывая сегодня записи ново-огаревских встреч, в которых мне пришлось участвовать, вспоминаю, как трудно они проходили. И не случайно. Позиции участников во многом были противоположны. Если, скажем, предложения Белоруссии и Казахстана были близки к сохранению обновленной советской федерации, то представители Украины, Киргизии и некоторых других республик отстаивали идеи «Содружества» типа Европейского сообщества. Руководство РСФСР не соглашалось с предложением о сохранении единого союзного гражданства, со многими аспектами разграничения полномочий Союза и республик. Серьезные расхождения были между Азербайджаном и Арменией, республиками Средней Азии. Особые позиции занимали представители автономных республик, требуя для себя статуса учредителей нового Союза. Руководивший ново-огаревскими встречами Горбачев избрал довольно своеобразную тактику. Предоставив мне возможность защищать идею и интересы Союза, сам он старался играть роль беспристрастного арбитра, то присоединяясь к доводам союз-

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 540.

ного парламента и итогам референдума, то идя навстречу республикам. Скажу прямо, защищать в такой обстановке единство нашего федеративного государства было далеко не просто. В нескольких случаях я вынужден был прибегать к записи своего особого мнения. Так, в частности, особое мнение пришлось написать прямо на тексте проекта Договора в связи с поддержанным Горбачевым предложением именовать нашу страну «Союзом суверенных государств». Ведь и тогда уже было ясно, что «Союз государств» и «Союзное государство» — понятия совершенно разные. Если первое означало слабую и зыбкую конфедеративную структуру, то второе было синонимом федерации, обладающей, как и ее составные части, собственным суверенитетом»¹.

Из свидетельства А. И. Лукьянова напрашивается вывод: поведение Горбачева на ново-огаревских встречах нельзя характеризовать иначе как двурушничество. Проявляя на словах приверженность воле народа, заявленной в ходе референдума 17 марта, на деле он нарушал ее, подыгрывая сепаратистским устремлениям республиканских лидеров. Причем петлял, как заяц: сначала ратовал «за восстановление ленинского понимания федеративности, потом — за обновленный федерализм, потом — за реальную федерацию, потом — за конфедерацию, потом — за союз суверенных республик. Наконец — за союз государств»².

По мере разработки союзного договора из него исключались социалистические, советские и федеративные начала. Ради этого Горбачеву приходилось хитрить, изворачиваться, делать в своем политическом «танце» забавные «па». Вот одно из них, описанное Черняевым, который рассказывает, как 15 июня 1991 года «М. С. давал большое интервью Кравченко (начальник ТВ)... был в ударе. Логичен, ясен... Увильнул... от вопроса: как же, мол, так — согласно референдуму государство вроде «социалистический

---

¹ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 52—53.

² Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 40.

Союз», а в проекте Союзного договора слово «социалистический» выпало?.. Признал, что народ голосовал за единое государство, а не «социалистический выбор»!!»¹

Таким образом, в Ново-Огареве «шаг за шагом шло отступление от тех принципов, которые были сформулированы на IV съезде народных депутатов СССР и однозначно поддержаны народом на всесоюзном референдуме»². В результате был подготовлен проект Договора, в котором не было ничего, что хотя бы отдаленно напоминало обновленный Союз Советских Социалистических Республик.

А. И. Лукьянов приводит заключения по ново-огаревскому проекту договора трех больших групп независимых экспертов-юристов. Их мнения в принципе совпали. Первая группа экспертов заключила: «Анализ текста договора приводит к тому, что Союз не будет обладать суверенитетом в той степени, которая необходима для нормального функционирования государства и в силу этого не является федеративным государством. Нормы практически всего текста договора свидетельствуют о конфедерации, которую авторы проекта, не желая противоречить открыто результатам референдума, стремятся выдать за федерацию»³. По заключению второй группы экспертов, «проект договора создает условия для стимулирования центробежных тенденций в Союзе, действие которых может выйти из-под контроля тех, кто возьмет на себя обязательства по договору. Весь текст проекта позволяет усомниться в искренности желаний авторов способствовать сохранению и обновлению Союза. Проект договора свидетельствует о конфедеративном характере будущего Союза, тогда как 17 марта 1991 г. большинство народа высказались за сохранение и обновление Союза Советских Социалистических Республик как федерации равноправных суверенных республик»⁴. Наконец, третья группа экспертов заявила: «Признав феде-

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника... С. 153.

² Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 54.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 54—55.

рацию, договор на деле создает не конфедерацию, а просто клуб государств. Он прямым путем ведет к уничтожению СССР. В нем заложены все основы завтрашних валют, армий, таможен и пр. Проводя эту линию тайно, неявно, он — вдвойне опасен, поскольку размывает все понятия в такой мере, что возникает государственный монстр»¹.

Третья группа экспертов, на наш взгляд, наиболее ясно обозначила заложенную в проекте договора перспективу развала страны. В рамках именно этой перспективы Горбачев стремился создать Союз суверенных государств, где можно было иметь «федеративные связи по одним вопросам, конфедеративные — по другим, ассоциативные — по третьим»². Перед нами уже не «государственный монстр», а государственный мутант. Но Горбачев, лавируя как всегда, говорит в другой раз о том, что непозволительно превращать Союз «в нечто аморфное, нежизнеспособное», поскольку нужна «реальная федерация, а не какое-то общество, не какая-то ассоциация»³. Не следует, однако, обольщаться подобными заявлениями, поскольку они, как нам кажется, не отражали подлинные замыслы «реформатора». Достаточно напомнить, что он, создавая Союз суверенных государств, готов был отказаться даже от единой конституции, заменив ее, по подсказке акад. В. Н. Кудрявцева, развернутым Договором об образовании государства и Декларацией прав человека⁴. Уже этот, отдельно взятый факт свидетельствует о том, что политика Горбачева — являлась политикой разрушения, а не созидания.

Главы республик, общаясь с Горбачевым и наблюдая за его поведением, могли подумать, что он в глубине души вообще против любого жизнеспособного Союза. И здесь припоминается такой довольно красноречивый эпизод, рассказанный помощнику А. Черняеву и пресс-секретарю

---

¹ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 55.

² Горбачев М. С. Августовский путч. Причины и следствия. М., 1991. С. 44.

³ Там же. С. 79.

⁴ Грачев А. Дальше без меня... Уход Президента. М., 1994. С. 147.

А. Грачеву самим М. Горбачевым после очередных дебатов с республиканскими лидерами о судьбе Союза: «Я был совершенно спокоен. Я не боялся ничего потерять и потому чувствовал себя свободным от любого давления. Я следовал только своей убежденности и сказал им это. Сказал, что они не свободны, раз оглядываются на чужие мнения, на чьи-то настроения и амбиции... Я согласен строить любой Союз — федеративный, конфедеративный, какой хотите, но строить, а не разваливать. И когда они поняли, что я говорю всерьез, то растерялись и сразу потребовали перерыва»¹. Заявление весьма красноречивое.

Возникает вопрос, что скрывается за словами Президента СССР о *несвободе глав республик в своих действиях, об их зависимости от чужих мнений и настроений*. Не заключен ли здесь намек на влияние Запада, откуда исходили эти *чужие мнения и настроения*, которые регламентировали поведение республиканских лидеров. Тут есть о чем поразмыслить.

Что касается растерянности глав республик, вызванной намерением Горбачева строить Союз, а не разваливать его, то она, по всей видимости, объясняется внутренней уверенностью «националов» в том, что Горбачев, несмотря на публичные разговоры о Союзе, ведет дело к его развалу.

Необходимо далее заметить, что Горбачеву народ не поручал «строить любой Союз». В соответствии с итогами референдума 17 марта 1991 года он обязан был строить Союз Советских Социалистических республик в качестве обновленной **федерации** равноправных суверенных республик, а отнюдь не конфедерацию и тем более союз суверенных государств. Президент пренебрег волей своего народа, совершив, если говорить начистоту, преступление перед нацией. И не ему теперь осуждать тех, кто завершил начатое им разрушение страны, ибо он и они — «из одной стаи». Непомерным ханжеством отдает от его слов: «Никто из этих людей (демократов.— И. Ф.) не ог-

---

¹ Грачев А. Дальше без меня... С. 152.

лянется, не вспомнит о том, как беспардонно была проигнорирована суверенная воля советского народа, выраженная голосованием 17 марта. А ведь 76 процентов населения страны, 71,34 процента населения России сказали «да» Союзу. Столь же впечатляющи были результаты референдума на Украине и в Белоруссии. Но это не остановило Ельцина, Кравчука и Шушкевича, когда они собрались в Беловежской пуще. Не дрогнула у них рука подписывать документ, идущий вразрез с волеизъявлением русских, украинцев, белорусов, смею сказать, и всех других населяющих нашу страну народов»¹.

Пример наплевательского отношения к «волеизъявлению русских, украинцев, белорусов и других населяющих нашу страну народов» подал Ельцину, Кравчуку и Шушкевичу сам Горбачев. Следовательно, «беловежцы» шли путем, указанным прорабом «перестройки», но только зашли дальше, чем мог в тот момент Горбачев, для которого ликвидация СССР означала самоликвидацию как Президента СССР. Было бы большой несправедливостью упрекать его в том, что он не сделал сам этот последний «самоубийственный» шаг: нельзя от человека, особенно такого как Горбачев, требовать невозможного. Но говорить о том, что он оказался у данного рокового рубежа в результате полной истощенности своей, так сказать, исторической миссии, надо. И тут привлекает к себе внимание рассказ Президента, как в полемике с главами республик он был «совершенно спокоен, *не боялся ничего потерять* (курсив мой.— И. Ф.) и потому чувствовал себя свободным от любого давления». Как это понимать?

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что Горбачев сохранял спокойствие прежде всего потому, что не боялся потерять власть. Драматические коллизии последних полутора лет настолько внутренне истощили его, что он, как говорится, «перегорел» и без мучительных переживаний мог уже передать власть другому. Наше предположение приобретает убедительность на фоне описанного Черняевым

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 528.

случая, произошедшего вечером 2 декабря 1991 года, когда Горбачев говорил по телефону с Ельциным. «Тот куда-то ехал в машине. Был уже пьян. М. С. уговаривал его встретиться вдвоем, втроем + Кравчук, вчетвером + Назарбаев. Тот пьяно не соглашался: «Все равно ничего не выйдет. Украина независимая». «А ты, Россия?!» — возражал М. С. «Я что! Я — Россия. Обойдемся, ничего не выйдет с Союзом... Вот если вернуться к идее четверного Союза: Россия + Украина + Белоруссия + Казахстан?» «А мне где там место? Если так, я ухожу. Не буду болтаться, как говно в проруби. Я — не за себя. Но пойми: без Союза все провалится и погубите все реформы. Ты определись. От нас двоих зависит все в решающей степени». «Да как же без вас, Михаил Сергеевич!» — пьяно «уговаривал» Ельцин. «Ну а что же я, где... если нет Союза?..» «Ничего... Вы оставайтесь», — милостиво соглашался Ельцин. Мы с Яковлевым переглянулись: сколько терпения у М. С.! *Но и явная готовность уйти... Без сожаления... Без драмы... Спокойно!* (курсив мой. — И. Ф.)»¹. Такое душевное состояние возникло у «М. С.» не в одночасье. Он шел к нему как минимум год.

В черняевском дневнике находим следующую запись, датированную 1 января 1990 года: «Примерно месяца полтора назад, после очередной встречи с видным иностранцем М. С. сказал мне, потом Шахназарову, потом Яковлеву: «Я свое дело сделал!»². Автор Дневника сопровождал слова Горбачева таким комментарием: «Воистину так, но не думаю, что он захочет уйти. Скорее всего ему придется стать президентом»³. Но мысль об уходе снова и снова посещала «М. С.». 25 февраля 1990 года Черняев писал: «Из реплик в узком кругу, из звонка ко мне Раисы Максимовны я почувствовал, что Горбачев готов уйти. Великое дело он уже сделал, а теперь, мол, сам народ, которому он дал

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 284—285.

² Там же. С. 25.

³ Там же.

свободу, пусть решает свою судьбу, как хочет и как может. Впрочем, держит его чувство ответственности и надежда, что все-таки еще можно «упорядочить процесс»»¹. Горбачева, стало быть, угнетала неупорядоченность процесса, а проще сказать — хаос, порожденный «перестройкой» в стране. Однако с упорядочением никак не ладилось, и «реформатор» погружался, по выражению наших предков, в «меланхолию, сиречь кручину». Однажды во время отдыха в Крыму в августе 1990 года Горбачев поведал Черняеву: «Работать не хочется. Ничего не хочется делать»². Перед нами опустошенный политик, для которого бремя власти становится непосильным.

Подобные настроения овладевали и людьми из ближайшего окружения Горбачева. Один из них, Черняев, впадал периодически в тоску, уныло наблюдая, как «хорохорится М. С., но пороку в нем уже (запись от 24 ноября 1990 года. — И. Ф.) нет. Он повторяется не только в словах и манере поведения. Он повторяется как политик, идет по кругу. Он остался почти один»³. По ощущению Черняева, «характер событий и действий Горбачева в последние месяцы 1990 года и в последний год его президентства однотипны. Во всем было что-то «последнее», «обреченное»⁴. А вот другое признание, сделанное 7 января 1991 года: «Просидел весь день на службе. Скукота. Ощущение бессилия и бессмысленности. Даже внешние дела, которые при Шеварднадзе шли благодаря нам, теперь начинают нас «обходить». Мы все больше оказываемся на обочине, в офсайде, в мифологии великой державы. М. С. уже ни во что не вдумывается по внешней политике. Занят «структурами» и «мелкими поделками» — беседами то с одним, то с другим, кого навяжут: то Бронфмана примет,

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 28.

² Там же. С. 43.

³ Там же С. 58.

⁴ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. С. 392.

то японских парламентариев, то еще кого-нибудь. Не готовится ни к чему, говорит в десятый раз одно и то же»¹.

Чем дальше, тем хуже. 14 января в Верховном Совете СССР выступил с речью Горбачев: «косноязычная, с бессмысленными отступлениями речь. И нет политики. Сплошное фарисейское виляние. И нет ответа на главный вопрос, речь недостойна ни прошлого Горбачева, ни нынешнего момента, когда решается судьба всего его пятилетнего великого дела. Стыдно было все это слушать»². Теряется всякий стимул и способность к работе. 2 апреля Черняев записал: «Тоска зеленая... уже нет ни «вдохновения», ни мысли... Иссякла «способность», потому что иссякла политика. Осталась от нее словесная шелуха. Новое мышление сделало свое дело... а дальше начатое Горбачевым, увы, продолжают... американцы, создавая «свой» новый мировой порядок. Обесмысливается мое пребывание при М. С. Никакого «импульса». Но бежать стыдно, хотя устал — больше не от работы, а от сознания тупика и поражения. Хотя сделано-то огромное дело — через новое мышление, но это уже... позади»³.

«М. С.» настолько опостылел всем, что «никакие его слова уже ни на кого не действовали. Поразить народ можно было, пожалуй, только одним — заявлением об отставке»⁴. В середине 1991 года Черняев приходит к выводу: Горбачев проиграл, и «ему надо постепенно, с достоинством отходить в историю, осваивая великое свое в ней место»⁵. Насчет великого места в истории, принадлежащего якобы прорабу «перестройки», мы сильно сомневаемся, поскольку для этого надо быть созидателем, а не разрушителем, пустившим по ветру вековое достояние, приобретенное

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 67.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 127.

⁴ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 436.

⁵ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 150.

потом и кровью русского народа, ценою великих жертв многих и многих поколений. А вот относительно того, что к этому времени Горбачев-политик окончательно исчерпал себя, у нас нет ни малейших сомнений.

Так думал и мастер «перестроечных дел» А. Н. Яковлев, который еще в декабре 1990 года доверительно говорил Черняеву: «Я окончательно убедился, что он [Горбачев] исчерпал себя»¹. По поводу новогоднего послания Президента СССР советскому народу Яковлев в телефонном разговоре 2 января 1991 года сказал Черняеву: «Знаешь, вроде и слова какие-то не очень банальные, и все такое, но не производит...»² Продолжая дневниковую запись, Черняев замечает: «И я тоже ловлю себя на этом: чтобы Горбачев теперь ни произносил, действительно, «не производит»... Его уже не воспринимают с уважением, с интересом — в лучшем случае жалеют. Он пережил им же сделанное»³.

Люди Горбачева, чувствуя, что их шеф выдыхается, стали задумываться о том, как распорядиться принадлежащей им властью. Вот почему еще в ноябре 1990 года Шеварднадзе предлагал «изучить вопрос о порядке передачи власти» своим, надо полагать, преемникам⁴. В июне 1991 года Черняев отметил в Дневнике: «Вообще пора ему [Горбачеву] «делать» книгу «Перестройка-2», чтоб объяснить по прошествии пяти лет — и с миром, и с народом, и с партией — объяснить до того, как передать бразды»⁵.

Рассуждения о «передаче власти» предполагают наличие наследников и продолжателей дела, начатого «перестройкой». В противном случае, имеющем в виду противников «перестройки», речь, по-видимому, должна была идти о сдаче власти, но не о ее передаче. Значит, горба-

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 61.

² Там же. С. 65.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же. С. 164.

чевцы знали, кому передать, как по эстафете, удерживаемую ими с 1985 года власть. А это выдает существование плана поэтапного развития событий, предусматривающего в какой-то момент переход власти к людям из второго кадрового эшелона «перестройки». Важно было только не допустить такого ослабления Горбачева, которым могли воспользоваться антиперестроечные силы, чтобы взять власть в свои руки. Поэтому Запад тщательно отслеживал политическую ситуацию в стране и посылал, когда того требовали обстоятельства, командные сигналы.

Западных политиков, конечно же, волновала судьба Горбачева. Но, будучи прагматиками, они понимали, что в политике нельзя полагаться на какую-то одну личность, пусть даже многообещающую. Примечательны в этом отношении наставления руководителя ЦРУ Роберта Гейтса: «Не будьте настолько ослеплены сверхзадачей Горбачева, чтобы забыть, что мы ведем дела со страной, а не с отдельным человеком. Помните, что парень, управляющий сейчас Советским Союзом, через десять лет может не управлять»¹.

Сомнения насчет того, удержится ли Горбачев, зародились на Западе уже тогда, когда, казалось, еще ничто не предвещало его падения, а положение главного «перестройщика» представлялось довольно прочным. А. Ф. Добрынин свидетельствует: «В начале 1989 года в ходе подготовки к первой полномасштабной встрече с Бушем на Мальте Горбачев послал меня в Вашингтон с личным письмом к американскому президенту и инструкциями, касающимися обсуждения вопросов повестки дня предстоящей встречи. Буш, которого я знал в течение двадцати лет, в беседе наедине со мной признался, что недавние «бурные события» в СССР заставили его более внимательно изучать советскую историю и роль компартии в правящей структуре страны. Президент задал мне «не очень дипломатичный, но весьма прямой вопрос»: *сможет ли Горбачев пережить «эти бурные дни»?* (курсив мой.— И. Ф.). Президент,

---

¹ Г р о м ы к о Анат. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 195.

по его словам, хотел бы иметь Горбачева в качестве своего партнера в будущих переговорах по различным вопросам, *но не совсем уверен в отношении политического будущего самого советского лидера* (курсив мой.— И. Ф.)»¹.

Неуверенность Буша в благополучии политической судьбы советского руководителя производит несколько странное впечатление, особенно если учесть, что «в течение первых четырех лет пребывания у власти Горбачев был неоспоримым лидером страны, до конца 1989 года он сохранял контроль над процессами, которые так смело привел в действие»². И вот в то время, когда Горбачев еще «сохранял контроль над процессами», американский президент сомневается в прочности его положения. Быть может, он знал такое, что содержалось в строжайшей тайне?..

К началу 1990 года сомнения американских политиков переросли в уверенность. «У него [Горбачева],— рассуждал госсекретарь Бейкер,— все меньше шансов уцелеть, хотя мы не можем говорить об этом открыто. Чем больше мы будем об этом говорить, тем быстрее это станет сбывшимся предсказанием»³.

Вслед за американцами заколебались и другие. В пятницу 23 февраля 1990 года к А. С. Черняеву приходил Креддок, внешнеполитический помощник М.Тэтчер; «выяснял, продержится ли Горбачев»⁴. В июле того же года у Горбачева был Делор. Черняев сообщает об этом визите так: «Тоже присматривается. Обещает все изучить. Но под «ни за что» денег не даст. Вообще под имя Горбачева складная становится на Западе все более сомнительной»⁵.

Тон западной прессы в отношении своего недавнего любимца менялся. «Западные газеты,— отметил с досадой

---

¹ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 667.

² Там же.

³ Г р о м ы к о Анатолий. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля... С. 201.

⁴ Ч е р н я е в А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 28.

⁵ Там же С. 38.

Черняев в дневниковой записи от 15 ноября 1990 года, — начинают публиковать о нем [Горбачеве] статьи без прежнего восхищения, а скорее с жалостью или с сочувственными насмешками, как о неудачнике»¹.

Роковой для Горбачева 1991 год заставил поволноваться его иноземных друзей. «Удержишься ли?» — с тревогой спрашивал «лучшего немца» по телефону германский канцлер. Г. Коль заверял, что будет «твердо поддерживать Михаила»², своего, так сказать, виртуального соотечественника. Но «Михаил» стремительно и неудержимо катился вниз. И М. Тэтчер, побывавшая в Москве и повидавшая Горбачева в конце мая 1991 года, нашла его политическое положение «отчаянным»³. После ужина с ним она встретила поздно ночью с американским послом Мэтлоком и просила его срочно передать Бушу — «старому другу Джорджу»: «Мы должны помочь Михаилу. Конечно, вы американцы, не должны все делать сами, но Джордж должен возглавить общие усилия, как это он сделал в Кувейте». Она, как актриса в мелодраме, восклицала: «История не простит нам, если мы сообща не поддержим его!»⁴ И все же «Джордж» медлил, как говорится, «тянул резину». Почему? Ответ дает Мэтлок: «Хотя президент относился с сочувствием к проблемам Горбачева и в политическом плане поддерживал его, он тем не менее не хотел связывать себя созданием международной структуры, которая могла бы помочь Советскому Союзу войти в мировую экономику *в качестве конструктивного партнера* (курсив мой. — И. Ф.). Президент не обладал видением того, как можно повлиять на развитие событий в будущем, и поэтому он предпочел занять выжидательную позицию: ждать, пока Горбачев сам найдет ключи к реформе, а самому время от времени мямлить слова поддержки или упрека, старательно избегая при этом связывать себя какими-либо конкретными действиями»⁵. К то-

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника... С. 57.

² Там же. С. 134.

³ Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно... С. 672.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

му же «старый друг Джордж» уже сделал ставку, кажется, на другого «скакуна», о чем ниже.

М. С. Горбачев нутром чувствовал перемену отношения к себе со стороны американцев, впадая порой в бесильную ярость. «Вы уже уверовали, что мой корабль тонет?» — с гневом вопрошал Горбачев Мэтлока при встрече с послом США 7 мая 1991 года¹. Нередко он становился суетливым, назойливым и подозрительным, ронял достоинство, унижался, что вызывало у «американских друзей» раздражение и снисходительную жалость. На Бейкера он производил впечатление «тонущего человека, ищущего спасательный круг. Нельзя было не испытывать жалости к нему»². Пожалел, как говорит народная мудрость, «волк кобылу». Тот же самый Бейкер в ответ на призывы Тэтчер поддержать Горбачева и «встретить его на полпути» с насмешкой заявил: «Он идет по пути к нам. Так пусть же идет и дальше»³. Так что «Майклу» было на что обижаться и от чего недоумевать.

Свои обиды и недоумения «Майкл» однажды выложил Бушу за трапезным столом в американском посольстве в Лондоне. Было это во время очередного заседания «семерки» летом 1991 года. Содержание застольной беседы воспроизвел Черняев, составив пространную запись. Приведем ее целиком, чтобы не утерять важные детали. Черняев пишет: «Горбачев потом (и неоднократно) гордился перед своими, что задал Бушу (на завтраке.— *И. Ф.*) «неудобный» вопрос, который, дескать, вогнал его в смущение. А оказалось, что вопрос этот произвел совсем иное действие. Вопрос был задан так. «На основе той информации, которой я располагаю,— сказал М. С.,— я знаю, что президент США — человек основательный, что его решения — это решения серьезного политика, а не импровизация. И на основе этих решений мы уже продвинулись к большим перспективам в нашем диалоге в области безо-

---

¹ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 672.

² Там же. С. 675.

³ Та м же. С. 673.

пасности. И в то же время создается впечатление, что мой друг президент США еще не пришел к окончательному ответу на главный вопрос: каким Соединенные Штаты хотят видеть Советский Союз? А до тех пор, пока не будет дан окончательный ответ на этот вопрос, мы будем спотыкаться на тех или иных частных вопросах отношений. А время будет уходить. В этом контексте встреча с «семеркой» — удачный повод для большого разговора. Главный вопрос — об органическом включении Советского Союза в мирохозяйственные связи. Конечно, тут многое зависит прежде всего от нас самих. И я спрашиваю: чего же ждет Джордж Буш? Если после этого ланча, на «семерке» мои коллеги будут в основном говорить мне, что, мол, нам нравится то, что вы делаете, мы это поддерживаем, но по сути дела вы должны вариться в своем котле, то я говорю: а ведь суп-то общий! Мне вот что странно: нашлось 100 миллиардов долларов, чтобы справиться с одним региональным конфликтом (имеется в виду война в Персидском заливе), находятся деньги для других программ, а здесь речь идет о таком проекте — изменить Советский Союз, чтобы он достиг нового, иного качества, стал органической частью мировой экономики, мирового сообщества не как противодействующая сила, не как возможный источник угрозы. Это задача беспрецедентная». (Я сверил потом эту свою запись с записью переводчика. Совпали.). За ланчем я сидел рядом с Горбачевым, т.е. почти напротив Буша. Когда М. С. произносил свой пространственный вопрос, Буш на глазах багровел, взгляд темнел, он смотрел не на Горбачева, а то на меня, то на Примакова, то, оглядываясь, будто недоуменно вопрошал своих — Бейкера, Скоукрофта. Перестал есть, задвигал желваками. Мне стало не по себе. Хорошо запомнил, какие мысли лезли в голову: «Чего ты хочешь от американца?! Ты этот вопрос задавал три раза. И в конце концов — была Мальта, был твой визит в Вашингтон, там был Кэмп-Дэвид, где вы катались по лужайкам вдвоем в портативном автомобильчике по очереди за рулем, были Хельсинки (из-за Хусейна). Тебе что, недостаточно доказательств, чего данный президент хочет и может (в своих

обстоятельствах) в отношении нас?! И опять же, если бы не Буш, не был бы ты сейчас здесь, на «семерке». Зачем ты позволяешь себе такую бессмысленную бестактность?» Вопрос был задан в контексте длинного выступления Горбачева — он объяснял ситуацию в стране и т.д., но после вопроса никого это уже не интересовало: американцы ели и перешептывались между собой. Кончил Горбачев. Пауза. Заговорил Буш, сдержанно, подавляя раздражение: «Видимо, я недостаточно убедительно излагаю свою политику, если возникают сомнения относительно того, каким мы хотим видеть Советский Союз. Я мог бы понять, если бы возник вопрос о том, что могли бы сделать Соединенные Штаты, чтобы помочь Советскому Союзу. Но если на обсуждение опять поставлен вопрос о том, каким США хотят увидеть Советский Союз, то я попробую ответить еще раз. Мы хотим, чтобы Советский Союз был демократической, рыночной страной, динамично интегрированной в западную экономику. Наконец,— пусть не покажется, что вмешиваюсь в ваши внутренние дела, но я говорю это в связи с экономикой — Советский Союз, в котором успешно решены проблемы между Центром и республиками. Это принципиально важно для притока частных капиталовложений. Итак: первое — демократия, второе — рынок, третье — федерация...» Горбачев, по-моему, тогда не понял, что ему был «дан отпор» (употребляя советский термин). Время поджимало. Ланч закончен. Оба президента только с переводчиками удалились на минутку в соседнюю комнату... Американцы все вместе проводили нас вниз к машинам... Тогда за ланчем М. С. оставил впечатление человека, который своей словесной агрессивностью пытался прикрыть неуверенность, растерянность перед лицом ситуации в стране. И американцы это усекли»¹.

Застольная беседа в американском посольстве в Лондоне двух президентов (США и СССР) приоткрывает некоторые существенные моменты. Она показывает, что Гор-

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 178-180.

бачев полностью утратил самостоятельность как глава великой державы, превратился в прислужника, желающего услышать, «каким Соединенные Штаты хотят видеть Советский Союз». Он продавал страну, попирая волю народов ее населяющих, которые на референдуме высказались за социалистическую ориентацию Союза, а не за то, чтобы сделать его «органической частью мировой экономики», т.е. перевести на капиталистические рельсы. Американцы тоже хотели видеть Советский Союз интегрированным в западную экономику, но отнюдь не в качестве сильного и равноправного партнера, а в качестве периферийного и зависимого. Поэтому им незачем было тратиться и предоставлять долларовые миллиарды Горбачеву. Бушу, следовательно, надо было сделать вид, что он не понял «Майкла», и американский президент повернул разговор так, будто Горбачев озабочен одним вопросом: каким они, американцы, хотят видеть Советский Союз. Со стороны «старого друга Джорджа» то была откровенная игра, которую Черняев, увлеченный, по-видимому, едой и питием, не уловил.

На этой встрече Горбачев произвел на Буша удручающее впечатление. По возвращении в Москву «М. С.» сказал Черняеву: «Знаешь, пришла информация. Буш после моего завтрака с ним в Лондоне сказал своим, что Горбачев устал, нервничает, не владеет ситуацией, не уверен в себе, поэтому подозревает меня в неверности, ищет большей поддержки... Надо переключаться на Ельцина»¹. Черняев не поверил: «Не верю, Михаил Сергеевич. Не может Буш быть таким мелким. Это противоречит его логике поведения в последнее время, смыслу «семерки»². Звучит в некотором роде благородно, но уж очень наивно. Черняев скептически отреагировал и на высказанное ранее Горбачевым подозрение по поводу финансирования американцами «ельцинских кампаний» и «всех российских дел»³.

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 177.

² Там же.

³ Там же. С. 151.

Как-то неудобно объяснять такому искушенному в политике человеку, как Черняев, что нельзя переносить простые человеческие отношения в политическую сферу, где господствуют особые правила и существуют свои измерения. И то, что с точки зрения обычной людской этики может показаться «мелким», в плане политическом является продуманным, выверенным и рассчитанным, а стало быть, значительным. Логика поведения политика обусловлена конечной целью, к которой он стремится, мобилизуя все свои силы и возможности. Когда Черняев говорит, что полученная Горбачевым информация противоречит логике поведения Буша, можно подумать, будто ему известна конечная цель, преследуемая американским президентом. Если это так, тогда — другое дело. Однако «свежо предание, да верится с трудом». Впрочем, не исключено, что Черняев старался успокоить своего патрона и потому покривил душой, заведомо говоря неправду. Ведь еще до заседания «семерки» он писал в Дневнике: «Сегодня (26 июня 1991 года. — И. Ф.) М. С. бросил Максвеллу (известный британский издатель. — И. Ф.): «А откуда вы взяли, что я буду баллотироваться на следующий срок в президенты?...» Даже если он так решил, не следует это выбалтывать: Запад считается перестанет совсем, еще активнее будут переключаться на Ельцина»¹. Отсюда следует, что, во-первых, западные политики в определенной мере перестали считаться с Горбачевым, но пока не совсем; и, во-вторых, они уже переключаются на Ельцина, но не полностью.

Эти выводы соответствуют задачам американской дипломатии лета 1991 года, сформулированным госсекретарем Бейкером как «балансирование» между Горбачевым и Ельциным². Это «балансирование» явилось следствием изменения в Москве политической конъюнктуры после избрания Ельцина Президентом РСФСР. Став президентом, Ельцин быстро набирал силу. Приведем в этой связи интересную деталь. А. В. Шебаршин, возглавлявший Первое

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника... С. 162.

² Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно... С. 674.

главное управление КГБ (ПГУ), занимавшееся внешней разведкой, рассказывает об одном своем рабочем дне: «Информационные материалы рассмотрены и подписаны. В списке адресатов весьма существенное добавление — Б. Н. Ельцин. Телеграммы и аналитические записки ПГУ направляются ему уже несколько месяцев; с середины июня (1991 года.— И. Ф.) Ельцин получает те же материалы, что и Горбачев»¹.

Но власть Горбачева уходила в прошлое. В разделе книги Шебаршина, где повествуется о событиях июня 1991 года, читаем: «В верха прошла добротная информация. В окружении Буша сделан вывод, что господствующая роль Горбачева в политической жизни Советского Союза завершилась, в полный рост встает альтернативная ему фигура Ельцина. Сохраняя прежние отношения с Горбачевым, Соединенные Штаты должны отныне уделять гораздо больше внимания российскому президенту — проще говоря, не связывать свою политику с проигравшим игроком. Судя по информации, американцам было жаль потерять Горбачева — он податлив и предсказуем, Ельцин для них пока неизвестная величина, но в серьезной политике нет места эмоциям»².

Эта агентурная информация дошла и до Ельцина. В его «Записках» читаем: «В справке КГБ, представленной Крючкову, говорилось, что «в ближайшем окружении Дж. Буша полагают, что М. С. Горбачев практически исчерпал свои возможности как лидер такой страны, как СССР... В администрации Буша и правительствах других западных стран пытаются определить возможную кандидатуру на замену Горбачева...»³ В отличие от начальника ПГУ Ельцин (по понятным причинам) умалчивает о том, что американцы обращают взоры на «российского президента» как альтернативную Горбачеву политическую фигуру. Более того, он связывает приведенные агентурные данные с поведением

---

¹ Шебаршин А. В. Из жизни начальника разведки. М., 1994. С. 92.

² Там же. С. 72.

³ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 76.

некоторых участников августовского «заговора». Ельцин говорит: «Дело не в том, насколько это сообщение КГБ соответствовало действительности, важно, что Крючков явно опирался на эти данные, строя тактику заговора. Тактику не чисто военного, а фактически легального, административного изменения в верхних эшелонах власти — замены «всем надоевшего» Горбачева»¹. По Ельцину, следовательно, получается, что Крючков, опираясь на агентурные сведения, действовал в угоду «ближайшего окружения Буша», подыскивая замену Горбачеву, исчерпавшему, по мнению американцев, «свои возможности» в качестве лидера СССР.

Поверить в такую комбинацию едва ли возможно, если, конечно, не подозревать в председателе Комитета государственной безопасности СССР Крючкова «агента влияния», помогающего Ельцину, на которого «положили глаз» американцы, оттеснить Горбачева и возглавить процесс продолжения «перестройки». Но причастность Крюкова к «агентуре влияния» нам представляется маловероятной². Вернемся, впрочем, к главному.

---

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 77.

² Необходимо, однако, заметить, что какие-то подозрения относительно В. А. Крючкова все же циркулировали в обществе. Б. И. Олейник по этому поводу говорит: «Думаю, что это издержки инерционного мышления: раз главный кагэбист, следовательно, — агент. Хотя некоторые детали и озадачивали. Откуда, скажем, у Крючкова такая уверенность в том, что, как он заявил после ареста, меня, мол, суд оправдает? Удивляет и существенная разница указов (от 22.VIII.91 г.) Горбачева об освобождении от должности В. С. Павлова и В. А. Крючкова. Касательно первого он звучит так: «В связи с возбуждением Прокуратурой СССР уголовного дела в отношении Павлова В. С. за участие в антиконституционном заговоре Павлов Валентин Сергеевич освобожден от обязанностей премьер-министра СССР». А по второму — весьма обыденно, чуть ли не как в связи с переходом на другую должность: «Крючков Владимир Александрович освобожден от обязанностей председателя Комитета государственной безопасности». Не правда ли, весьма настораживающая разница? Но это — внешние признаки, и не исключено, что они кем-то... специально так выстроены, чтобы «засветить» именно Владимира Александровича» (О л е й н и к Б. И. Князь тьмы... С. 34).

В конкретных условиях лета 1991 года единственной альтернативой Горбачеву был Ельцин. Американцы это хорошо понимали и сделали ставку именно на него, о чем и дали знать в Москву наши разведчики. И едва ли можно согласиться с М. Я. Геллером в том, будто Горбачев на летней лондонской встрече 1991 года «получил нормальную поддержку: главы семи богатейших стран еще раз подтвердили, что ставят на Горбачева, что видят в нем единственного собеседника в Советском Союзе, как бы этот Союз сегодня не трясло... В Лондоне он получил мандат на управление по крайней мере еще на полтора года»¹. Внешне, на словах это, быть может, было так. Но на деле «семерке», особенно США, стало ясно, что «постепенновец» Горбачев, весьма непопулярный и одиозный в своей стране, явно проигрывает динамичному и радикальному Ельцину, располагающему довольно широкой народной поддержкой, что показали июньские выборы президента России².

Итак, «податливый» и «предсказуемый» Горбачев представлял собой к середине 1991 года политика, по всем статьям уступавшего Ельцину. Это порой признавал сам «М. С.». Вероятно, в один из моментов политического просветления он и обронил фразу: «Может, мне надо все отдать Борису?»³ И вот смена лидеров «перестройки», наконец, состоялась.

По мнению М. Вольфа, августовские события инсценировал Крючков — ставленник Горбачева (В о л ь ф М. Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки. М., 1998. С. 348).

¹ Г е л л е р М. Я. Российские заметки 1991—1996. М., 1998. С. 34.— Совсем иное впечатление у А. А. Собчака: «На совещании глав государств «большой семерки» в Лондоне Горбачев не получает поддержки для реализации антикризисной программы, предложенной правительством Валентина Павлова» (С о б ч а к А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 34).

² Эта поддержка была обусловлена не столько достоинствами Ельцина как политика, сколько «порочностью, антинародной деятельностью Горбачева» (см.: П а в л о в В. С. Август изнутри. Горбачевпутч. С. 7).

³ П о п о в Г. Август девяносто первого//Известия, 1992, 25 августа.

4 августа 1991 года Горбачев отбыл на непродолжительный отдых в Крым. На 20 августа было намечено подписание нового договора о Союзе, подготовленного в процессе встреч в Ново-Огареве. Однако ранним утром 19 августа, когда еще Горбачев находился в Форосе, по центральному радио и телевидению было передано Заявление советского руководства о введении чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР на срок шесть месяцев, начиная с 4 часов московского времени 19 августа 1991 года¹. Эта мера, по объяснению составителей Заявления, предпринималась с целью преодоления глубочайшего кризиса, переживаемого страной, политического, международного и гражданского противостояния, хаоса и анархии, угрожающих жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости Отечества.

Для управления страной в условиях ЧП был образован Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), куда вошли: О. Д. Бакланов — первый заместитель председателя Совета обороны СССР, В. А. Крючков — председатель КГБ СССР, В. С. Павлов — премьер-министр СССР, Б. К. Путо — министр внутренних дел СССР, В. А. Стародубцев — председатель Крестьянского союза СССР, А. И. Тизяков — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Д. Т. Язов — министр обороны СССР, Г. И. Янаев — и.о. Президента СССР.

Был обнародован Указ вице-президента СССР Г. И. Янаева по поводу его вступления в исполнение обязанностей Президента СССР, который гласил: «В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР, на основании статьи 127(7) Конституции СССР

---

¹ А. А. Собчак почему-то пишет о введении чрезвычайного положения «по всей стране». (С о б ч а к А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 35).

вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года».

ГКЧП принял Обращение к советскому народу. Там, в частности, говорилось: «Соотечественники! Граждане Советского Союза! В тяжкий критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! *Начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик* (курсив мой.— И. Ф.). На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна, по существу, стала неуправляемой. Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества. Циничная спекуляция на национальных чувствах — лишь ширма для удовлетворения амбиций. Ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом народного доверия, они забывают, что осуждаемые и разрываемые ими связи устанавливались на основе куда более широкой народной поддержки, прошедшей к тому же многовековую проверку историей. *Сегодня те, кто, по существу, ведет дело к свержению конституционного строя* (курсив мой.— И. Ф.), должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев. Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, еще вчера живших в единой семье, а за-

тем оказавшихся в собственном доме изгоями. Каким быть общественному строю, должен решать народ, а его пытаются лишить этого права»¹.

«Долгие годы,— сказано в Обращении,— со всех сторон мы слышим заклинания о приверженности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния. На глазах теряют вес и эффективность все демократические институты, созданные народным волеизъявлением. Это результат целенаправленных действий тех, *кто, грубо попирая Основной Закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот* и тянется к необузданной личной диктатуре. Префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры все более явочным путем *подменяют собой избранные народом Советы*» (курсив мой.— И. Ф.)².

«Углубляющаяся дестабилизация политической и экономической обстановки в Советском Союзе подрывает наши позиции в мире. Кое-где послышались реваншистские нотки, выдвигаются требования в пересмотре наших границ. *Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны* (курсив мой.— И. Ф.). Такова горькая реальность. Еще вчера советский человек, оказавшийся за границей, чувствовал себя достойным гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он — зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несет печать пренебрежения либо сочувствия»³.

ГКЧП намерен радикальным образом изменить ход событий: «Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего нашу страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен ре-

---

¹ Советская Россия, 1991, 20 августа.

² Там же.

³ Там же.

шимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса»¹.

Обращение к советскому народу содержит по меньшей мере пять основных положений: 1) политика реформ («перестройка») зашла в тупик; 2) «перестройка ввергла народ в пучину невиданных бед и страданий; 3) страна на грани антиконституционного переворота, свержения конституционного строя и установления личной диктатуры; 4) в Советском Союзе осуществляется ликвидация Советов посредством их замены властными учреждениями, не предусмотренными Конституцией; 5) подорваны позиции СССР в мире, его суверенитет, территориальная целостность и безопасность.

Следует признать справедливость оценки состояния нашей страны к августу 1991 года, данной советским руководством в лице ГКЧП. Однако переломить ситуацию Комитет не сумел. 21 августа он перестал существовать. Затея провалилась. Причастные к ней лица были арестованы и заключены в московскую тюрьму с умиротворяющим названием «Матросская тишина». Рекою полились суждения о происшедшем. К настоящему времени о событиях августа 1991 года написано немало. В различных публикациях они изображаются как переворот или путч. Здесь нет необходимости в полном обзоре этих публикаций, но о некоторых сказать все же придется.

Не следует думать, будто идея о перевороте и путче возникла в результате неторопливого и всестороннего осмысления событий 19—21 августа 1991 года. Она появилась мгновенно после выступления гкачепистов, будто была заготовлена заранее и хранилась до случая, чтобы в нужный момент и быть запущенной. Эта идея фигурирует уже в документах российского руководства, обнародованных 19 августа. В обращении «К гражданам России», сочиненном Р. И. Хасбулатовым, С. М. Шахраем, Г. Э. Бурбулисом, И. С. Силаевым, М. Н. Полтораниным и В. Н. Ярошен-

---

¹ Советская Россия, 1991, 20 августа.

ко¹, говорилось, что «в ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный президент страны. Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом». Обращение называет членов ГКЧП путчистами, потерявшими «всякий стыд и совесть». Одновременно с обращением Президент России Ельцин издал Указ, в котором постановил: «Считать объявление Комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением»². Позднее в своих «Записках президента» Ельцин будет оперировать аналогичными понятиями: «заговор», «переворот», «путч», «хунта» и т.д.³

По примеру Ельцина правительство Молдовы заявило ночью 19 августа, что «отстранение от руководства страной законно избранного Президента СССР — антиконституционный путч, государственный переворот, организованный реакционными силами»⁴. Тогда же, 19 августа, в различных обращениях и призывах посыпались такие штампованные словечки, как «военный путч», «хунта» и пр.⁵.

Итак, «государственный переворот», «путч», «антиконституционный путч», «военный путч», «хунта» — вот набор терминов, квалифицирующих деятельность ГКЧП и введенных в оборот в первый же день деятельности этого Комитета. Поэтому Горбачев был отнюдь не оригинален, когда в своем Указе от 22 августа 1991 года писал: «В ночь на 19 августа группа заговорщиков захватила власть с намерением осуществить государственный переворот... Так называемым ГКЧП издан ряд актов, имевших целью установить диктаторский режим и свернуть страну с пути

---

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 82.

² Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995 гг.). С. 359.

³ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 67, 74, 85, 95, 105, 131.

⁴ Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995 гг.). С. 362.

⁵ Там же. С. 361.

демократических преобразований»¹. Горбачев определил действия ГКЧП как заговор².

Он стал, пожалуй, первым, кто буквально «вдогонку» августовским событиям написал и опубликовал специальную книгу. Правда, книга эта небольшая, на шесть с половиной учетно-издательских листов, но все-таки книга, работа над которой требовала серьезного осмысления случившегося, следовательно, времени. Она была подписана в печать 21 октября 1991 года, т.е. ровно через два месяца после провала ГКЧП. Интересное, хотя, быть может, и случайное совпадение. Однако еще любопытнее очень сжатый срок ее подготовки: не более, по-видимому, полутора месяца, а если взять в расчет обращение к читателю, предпосланное основному тексту и датированное сентябрем 1991 года³, то несколько недель⁴. Конечно, сделать книгу можно и в столь короткий срок, но в других, надо полагать, условиях, чем те, в которых находился ее автор, когда вернулся в Москву из форосского «пленения». Ведь на него тогда накатило столько забот, переживаний, опасений и страхов, что можно только удивляться тому, как удавалось ему выкраивать время для работы над книгой⁵.

Не меняет дела тот факт, что в книге есть авторская статья, написанная в Форосе. Ее присутствие здесь дает еще больше оснований думать, не создавались ли заблаговременно какие-то и другие фрагменты горбачевской

---

¹ Российская газета, 1991, 24 августа.

² Там же.

³ Горбачев М. С. Августовский путч. Причины и следствия. М., 1991. С. 1.

⁴ При этом надо учесть, что книга «вышла вначале по-английски, потом — по-французски и лишь затем по-русски, что тоже симптоматично» (Геллер М. Я. Горбачев. Победа гласности и поражение перестройки//Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 569).

⁵ М. Я. Геллер полагает, что она была подготовлена советниками Горбачева (там же), признавая тем самым, хотя и косвенно, невозможность ее написания в столь сжатый срок единоличным образом. Однако, на наш взгляд, стиль книги свидетельствует о том, что именно Горбачев является автором этого опуса.

книги¹. Но если это так, то Горбачев, приступив к написанию книги об августовских событиях заранее, знал, что такие события скоро произойдут. Именно в этом плане ориентируют нас свидетельства А. С. Черняева, помогавшего Горбачеву писать в Форосе упомянутую статью. «К 15 августа,— рассказывает Черняев,— уже был 30-страничный текст. Судя по статье, он (Горбачев.— И. Ф.) предвидел возможные варианты развития событий, в том числе «чрезвычайный»... В статье Горбачев подробно разбирает, к чему оно (чрезвычайное положение.— И. Ф.) может привести. Поскольку общество изменилось, «народ привык к воздуху свободы» (есть у него там такое выражение), он никогда не согласится повернуть вспять, никогда не примирится с режимом диктатуры. Может что-то получиться в тех или иных местах — народ ведь доведен до предела и есть настроения: мол, черт с ней, с диктатурой, с хунтой, лишь бы немедленное спасение от повседневных бед, улучшение жизни. В традициях русского народа искать спасителя в верховной власти, которая все рассудит и наладит. В этих построениях — большая опасность. И тем не менее народ в целом, вся страна не захотела бы и не позволила вернуться, отнять атмосферу свободы, которую создала перестройка. Так рассуждал М. С.»².

Форосская статья, помещенная в книге Горбачева о событиях августа 1991 года, не содержит подробного разбора последствий введения чрезвычайного положения. Этому разбору посвящен, в сущности, один абзац: «Введение чрезвычайного положения, в котором видят выход из кризиса даже некоторые сторонники перестройки, не говоря уже о тех, кто исповедует идеологию диктатуры,

---

¹ В. И. Болдин, находившийся не один год при М. С. Горбачеве, т.е. знавший что к чему, высказывает любопытную в данной связи мысль. Он говорит: «Даже вернувшись из Фороса, Горбачев сказал на пресс-конференции, что во время отдыха писал статью, где затрагивал вопросы попытки переворота. Впрочем, ему это было нетрудно сделать и до отпуска». (Болдин В. И. Крушение пьедестала... С. 12).

² Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 190-191.

это — гибельный путь, путь к гражданской войне. И откровенно говоря, за призывами к чрезвычайному положению нетрудно подчас разглядеть поиск средства вернуться к политической системе, существовавшей в дореформенный период»¹.

Отсутствие в книжном варианте фаросской статьи подробного разбора последствий введения чрезвычайного положения, который, по свидетельству Черняева, был представлен в первоначальной ее редакции, говорит о сокращениях и правке, произведенных при подготовке этого книжного варианта. Зачем понадобилось править и сокращать статью? Не для того ли, чтобы завуалировать осведомленность Горбачева о предстоящих событиях?..

Поспешность издания книги также, по-видимому, имеет какой-то смысл. Предлагая в спешном порядке собственную интерпретацию происходившего в Москве 19—21 августа, Горбачев рассчитывал, наверное, во-первых, отвести от себя подозрения в причастности к затее гэнгистов и, во-вторых, внедрить в сознание доверчивых людей (таких среди русских «пруд пруди») мысль о том, что он стал жертвой заговора, т.е. страдальцем, и потому заслуживает сочувствия и жалости.

М. С. Горбачев называет действия представителей советского руководства 19—21 августа 1991 года «преступной авантюрой», «переворотом» и «путчем». Он подчеркивает, что «механизм путча был запущен в Москве. Очевидно, все было подготовлено заранее»². Это заявление производит несколько загадочное впечатление. Где, как не в Москве, мог быть запущен «механизм путча»? Другой город СССР тут просто исключен, и это совершенно очевидно. И все же Горбачев говорит о Москве. Почему? Не потому ли, чтобы намеренно замкнуть все на Москве, оставив за ширмой тех, кто находился далеко от советской столицы и, так сказать, «заказывал музыку». Поразмыслить тут есть над чем.

---

¹ Горбачев М. С. Августовский путч... С. 76.

² Там же. С. 9.

В книге «Августовский путч», а также в других публикациях Горбачев предлагает незамысловатую и чересчур упрощенную версию августовских событий, связывая их с выступлением представителей консервативных сил в КПСС. Подоплека «заговора» ему кажется очевидной — «сохранить и возродить старые порядки, не останавливаясь перед самыми крайними мерами, ликвидировать завоевания перестройки»¹. По Горбачеву, «линия поведения консервативного крыла в партийном руководстве давно просматривалась. И все же — что непосредственно подтолкнуло их на явную авантюру? Раздумывая над этим, я прихожу к выводу, что «последней каплей», переполнившей чашу терпения, стало опасение утраты личной власти... Поэтому заявления гэкачепистов о том, что ими двигало одно лишь патриотическое чувство, — демагогия, рассчитаны на простаков»². Словно почувствовав, что перестарался, Горбачев добавляет: «Не хочу сказать, что им вовсе была безразлична судьба государства. Но они отождествляли его с прежней системой, а действовали, исходя в первую очередь из карьерных или даже шкурных интересов, чтобы сохранить за собой должности»³.

Эти обвинения настолько неубедительны, что вызывают сомнение даже у демократов. «В ходе критики путчистов,— пишет Г. Х. Попов,— иные обвинители очень уж напирают на то, что они, путчисты, нарушили некий нормальный процесс в страхе перед его неутешительными лично для них итогами. Все, мол, шло к их устранению, вот они и восстали. Конечно, этот аспект присутствует. И все же я склонен считать, что по преимуществу организаторы путча — люди идеи, верные слуги поднявшей их к вершинам пирамиды. Они думали об интересах страны — в своем, коммунистическом понимании. Понимание того, что страна разваливается, что дальше так нельзя, что узел уже затянулся намертво, что его не развязать деба-

---

¹ Горбачев М. С. Декабрь-91. Моя позиция. М., 1992. С. 3.

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 556, 557.

³ Там же. С. 557.

тами, законодательством и другими нормальными методами, усиливалось на обоих полюсах политической жизни — и у консерваторов, и у демократов»¹. Знаменательные слова! В них проглядывает не только неизбежность столкновения демократов с их противниками, осознание всеми, в том числе демократами, что «нормальными методами» из сложившейся ситуации не выйти, но и готовность демократов воспользоваться любым удобным случаем, чтобы пойти на силовое противостояние.

И об этом Г. Х. Попов говорит вполне откровенно: «Консерваторы понимали, что осенью дадим бой уже мы. Опять-таки потому, что и нам ждать больше было нельзя»². Вот почему мы не можем согласиться с Т. Х. Гдлянном, который то ли по простодушию, то ли по лукавству говорит, что «демократы, исходя из своей идеологии ненасильственных действий, недооценили мощь и коварство противника, а потому не подготовили план действий на случай внезапного введения в стране чрезвычайного положения. Не было, естественно, никакого координационного органа. Наивные по своей сущности демократы, неоднократно повторявшие в публичных выступлениях азбуку марксизма, согласно которой власть без боя не отдается, даже не предусмотрели никаких вариантов поведения в случае антиконституционных действий со стороны партноменклатуры»³. Какой «координационный орган» нужен был демократам, если они, по выражению Ельцина, «отхватили Россию» и в российской верховной власти, прежде всего президентской, имели для себя мощную опору?! О какой наивности демократов, не предусмотревших «никаких вариантов поведения» в случае чрезвычайных об-

---

¹ П о п о в Г. Август девяносто первого//Известия, 1992, 22 августа.— По мнению Д. Боффа, нет причин оспаривать, что основной целью «заговорщиков» было «сохранение структур государства, потрясенных перестройкой» (Б о ф ф а Д. От СССР к России... С. 237-238).

² П о п о в Г. Август девяносто первого//Известия. 1992, 22 августа.

³ Г д л я н Т., И в а н о в Н. Кремлевское дело. Ростов-на-Дону, 1994. С. 402.

стоятельств, можно говорить, если в сейфе Белого дома у генерала К. Кобеца лежал заранее составленный план противодействия путчистам под кодовым названием «План Икс»?!!¹ Да и сама идея о том, будто демократы «не предусмотрели никаких вариантов поведения в случае антиконституционных действий со стороны партноменклатуры», попросту неверна. Такие «варианты поведения» предполагались заранее. И если Гдлян говорит искренне, то он, следовательно, не знал о подобных заготовках. По-видимому, ранг у него был не тот, чтобы иметь доступ к тайнам демократов.

А вот Гавриил Попов был на сей счет осведомлен. «Когда мне задолго до путча, — рассказывает он, — в первый раз показали как возможные его сценарии, так и *наши возможные контракции* (курсив мой. — И. Ф.), у меня глаза разбежались. Чего тут не было: и сопротивление в Белом доме, и под Москвой, и выезд в Питер или в Свердловск для борьбы оттуда, и резервное правительство в Прибалтике, и даже за рубежом. А сколько было предложений о сценариях самого путча! И «алжирский вариант» — бунт группы войск в какой-нибудь из республик. *Восстание русского населения в республиках* (курсив мой. — И. Ф.)². И т. д. и т. п. Но постепенно сценарии «сгущались» и все яснее становилось, что все будет зависеть от роли самого Горбачева: путч будет или с благословения Горбачева, или под флагом его неинформированности, или при его несогласии, или даже против него. Самым благоприятным для нас был вариант путча «против Горбачева». Мы ожидали, что, скорее всего, таким он и будет. Но, может быть, нам удастся представить его в таком варианте — и это будет большая удача. Поэтому даже если день, полдня будет «нестыковка» путча и Горбачева — надо будет сразу же

---

¹ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 15; см. также: Московский комсомолец. 1991, 31 августа.

² Признание знаменательное: вариант, предполагавший «восстание русского населения в республиках», со всей очевидностью свидетельствует о том, что реформы, проводимые демократами, были направлены против русского народа.

этим воспользоваться и ударить в эту щель. ГКЧП из всех возможных вариантов избрал такой, о котором мы могли только мечтать, — не просто против Горбачева, а еще с его изоляцией. Получив такой прекрасный пас, Ельцин не мог не ответить великолепным ударом. Я не хочу сказать, что все изложенные соображения были утром 19 августа за два часа «просчитаны» среди десятков других вариантов. Работа велась в эти часы очень напряженная, но *не на пустом месте*» (курсив мой. — И. Ф.)¹.

Таким образом, у нас нет ни малейших сомнений относительно того, что так называемый «путч» был для демократов желанным². Они ждали путчистов, можно сказать, «с томленьем упования». Задолго до «путча» Крючков передавал Горбачеву секретные записки о готовящемся демократами перевороте.³ Не будь «путча», демократы непременно выдумали бы его, поскольку «путчевая» ситуация создавала идеальные условия для них «в укреплении своего положения, в том числе и юридическими и административными мерами»⁴. События после «путча» — яр-

---

¹ П о п о в Г. Август девяносто первого. — В. С. Павлов, комментируя эти признания Попова, пишет: «Осведомленность Попова в этих делах — вне сомнений, а цинизм откровенности понятен — победители делят лавры. Тем не менее осторожность и здесь не покинула Попова. Он лишь раскрыл секрет полишинеля. Но ничего не сказал, кто его знакомил, а что еще важнее — из каких источников приходила информация. О том, какого рода указания получали информатор или информаторы, известно. Но кто они? Ответа нет...» (П а в л о в В. С. Август изнутри. Горбачевпутч. С. 80).

² Нередко пишущие демократы стараются представить дело так, будто в путче была заинтересована лишь одна сторона — противники «реформ» и консерваторы. По словам Д. А. Волкогонова, путч «не был неожиданным. О возможности военного переворота много говорили и писали. На Съезде народных депутатов звучали прозрачные намеки на необходимость «твердой руки». При выборах президента России в списки претендентов на посты первого и второго лица появились генералы» (В о л к о г о н о в Д. А. Семь вождей. М., 1996. Кн. 2. С. 346).

³ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 80.

⁴ К о р ж и х и н Т. П., С е н и н А. С. История российской государственности. М., 1995. С. 315.

кое тому свидетельство. Однако демократы до сих пор предпочитают об этом умалчивать и по-прежнему «крутят заезженную пластинку» о «заговоре», «государственном перевороте» и «путче» консерваторов, спасавших якобы свои теплые, насиженные места и обреченный тоталитарный режим¹. Подобные представления просочились в научную литературу, энциклопедии и учебники.

В «Политической истории» читаем, например, такое: «5 августа, после отбытия Горбачева в Крым, консервативные руководители СССР приступили к реализации заговора, направленного на пресечение реформ, восстановление в полном объеме власти Центра и КПСС»². О «путче реакционных сил в августе 1991 г.» рассуждает А. Каппелер³. Терминами «путч» и «заговор» оперирует М. Я. Геллер. Он определяет выступление гэкачепистов как «путч правых, реакционеров, фашистов, сталинистов и пр.»⁴. Однако трезвый анализ фактов вынуждает Геллера отойти от чрезмерно эмоциональных оценок и признать, что «практически путч кончился, не начавшись», а «заговор не удался». Да он и «не мог удался, ибо его практически не было»⁵.

Энциклопедический справочник «Россия» содержит раздел, посвященный истории нашей страны, откуда узнаем: «19 августа 1991 года консервативная часть союзного руководства, возглавляемая вице-президентом Г. И. Янаевым, премьер-министром В. С. Павловым, председателем КГБ В. А. Крючковым, министром внутренних дел Б. К. Пуго и другими деятелями, фактически отстранила Горбачева от власти и объявила о создании Государственного комитета по

---

¹ См., напр.: С о б ч а к А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 35; Г а й д а р Е. Т. Дни поражений и побед. С. 71—86; Г д л я н Т., Иванов Н. Кремлевское дело. С. 399—438.

² Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. С. 652.

³ Ка п п е л е р А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 288.

⁴ Г е л л е р М. Я. Российские заметки 1991—1996. С. 35—36.

⁵ Там же. С. 37, 38.

чрезвычайному положению (ГКЧП). К этой акции ее инициаторов толкало как стремление к собственному политическому самосохранению, так и к сохранению власти старой партийно-государственной элиты вообще»¹.

А вот каким премудростям «обучают» учеников и студентов России авторы одного учебного пособия по отечественной истории: «Демократические преобразования, демонтаж социалистических порядков, процесс ликвидации советской империи вызывал беспокойство, а то и ненависть со стороны некоторых групп населения, прежде всего тесно сроднившихся с коммунистическим режимом: партократии, чиновничества, руководителей государственных предприятий, прежде всего военно-промышленных, колхозных «генералов», отвыкших или не способных хорошо работать, мечтавших о возвращении «хозяина», о твердой руке, железном порядке. Настроения этих слоев населения были широко представлены в руководстве компартии, государства, ближайшем окружении Президента СССР. В ночь на 19 августа 1991 года, накануне намечавшегося подписания нового союзного договора, группа высокопоставленных государственных чиновников, членов высшего руководства КПСС, предприняла попытку совершить антиконституционный государственный переворот»². Среди документов и материалов, прилагаемых к главе, откуда взят цитированный текст, нет ни одного документа ГКЧП, тогда как материалы противной стороны здесь представлены³. И это досадно, поскольку авторы пособия дают весьма негативную оценку деятельности ГКЧП, которую учащимся, как и в недавние «приснопамятные» времена, приходится принимать на веру: «Документы ГКЧП показывают, что это была авантюристическая попытка теряющих свою власть и свои привилегии реакционно-коммунистических сил отбросить страну на-

---

¹ Россия: Энциклопедический справочник. М., 1998. С. 198.

² Отечественная история. XX век. М., 1997. С. 471.

³ Там же. С. 474-476.

зад к социалистическим порядкам, сорвать трудный процесс вхождения в свободный мир»¹.

Версии Горбачева—Ельцина об августовских событиях 1991 года, а также тех, кто разделяет и развивает их, противостоят взгляды А. И. Лукьянова, В. А. Крючкова, В. С. Павлова и других участников этих драматических событий.

По мнению А. И. Лукьянова, «август 91-го был лишь эпизодом, важным, существенным, но все же эпизодом в общей канве тех событий, которые развернулись в нашей стране в конце 80-х годов. Только в этом контексте и может быть правильно найдено подлинное место того, что произошло в августе 1991 года»². Свое мнение бывший Председатель Верховного Совета СССР сформировал не только на основе личных впечатлений, но и на основе следственных материалов. Он говорит: «Теперь, прочитав 35 тыс. страниц уголовного дела об августовских событиях, я еще с большей убежденностью могу подтвердить, что это был не «государственный переворот», не «заговор», а отчаянная попытка спасти закрепленный Конституцией СССР общественный строй. Это не уместяющийся в рамках закона ответ на другой исподволь готовившийся действительный и грозный переворот, состоящий в переводе страны в капиталистическое русло и разрушении Советской федерации, многие десятилетия объединявшей народы Советского Союза. Хочу подчеркнуть особо. Не свертывание реформ, не возвращение к тоталитаризму, не огосударствление всего и вся. Нет, речи об этом не шло, хотя именно так пытаются изобразить «зловещие планы путчистов» телерадио и газетные оракулы. Спасти социалистическую ориентацию развития общества, сохранить Союз, не допустить скатывание страны в пучину еще более глубокого кризиса — вот что вытекает из документов ГКЧП, когда их читаешь спокойно и непредвзято»³.

---

¹ Отечественная история. XX век. М., 1997. С. 472.

² Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 6.

³ Там же. С. 12.

По убеждению В. А. Крюкова, документы ГКЧП «свидетельствовали о намерении группы лиц из числа высшего советского руководства предпринять отчаянную попытку спасти державу и уберечь наш народ от бед, которые так щедро свалились на него»¹. Эта «группа лиц», или «группа товарищей», выступила «на защиту Конституции СССР, против воцарившегося в стране правового беспредела»². Августовское выступление являлось «попыткой максимально возможными средствами остановить разрушение страны»³. В. А. Крюков, как и А. И. Лукьянов, считает, что август 1991 года имел свою предысторию: «Августовским событиям 1991 года предшествовал целый ряд широкомасштабной политической, пропагандистской, психологической подготовки трагического развала Союза, осуществляемой сознательно и целенаправленно одними, в силу заблуждений и неведения последствий — другими»⁴.

В русле взглядов Лукьянова — Крюкова иногда высказываются односторонние и отчасти простодушные суждения. Так, Е. К. Лигачев проникновенно говорит о «настоящих патриотах», объединившихся в «группе руководящих лиц государства», которые предприняли «попытку, правда неудачную, отстранения Горбачева от поста президента». Побудил их к тому «отказ от социалистического строя, Советской власти, от общественной собственности на основные средства производства», зафиксированный в проекте Союзного договора», подготовленном Горбачевым и Ельциным⁵.

Несколько иначе видятся августовские события В. С. Павлову — члену ГКЧП, написавшему по поводу данных событий небольшую книгу. «Эта книга,— говорит он,— создавалась в тюремной камере «Матросской тишины» и служит прямым ответом на потоки лжи, фальсификаций,

---

¹ Крюков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 164.

² Там же. С. 408.

³ Там же. С. 417.

⁴ Там же. С. 410—411.

⁵ Лигачев Е. К. Ликвидатор//Советская Россия, 1998, 17 сентября.

которые уже выплеснуты на экраны телевизоров, в эфир, на страницы газет, журналов и книг. Это не мемуары, не воспоминания, а детальный анализ августовских событий, сделанный на основе личных наблюдений и следственных материалов. По существу, в книге содержится мой ответ на главный вопрос: кто в действительности был инициатором драматических августовских событий? И этот ответ недвусмысленно сформулирован в заголовке — «Горбачевпутч»¹.

Согласно Павлову, то был «государственный переворот, тщательно подготовленный и профессионально проведенный Горбачевым — Ельциным, по спецзаказу»². Откуда шел этот «спецзаказ»? Ответ на вопрос дает следующий текст из книги Павлова: «Обусловленные так называемым «новым мышлением» и «перестройкой» идеи и цели, связываемые западными средствами массовой информации и политиками в значительной мере только с именем Горбачева, имели для Запада вполне реальные блага и ценности. Его внешнеполитическая деятельность дала возможность Западу, ничего не уступив, добиться достижения своих эгоистических целей в политике, позволила уменьшить бремя военного налогообложения и выйти на весьма перспективные рынки сбыта, к источникам сырья. Для западного обывателя он — уже не лидер «империи зла», а гуманист, борец за мир и приоритет общечеловеческих ценностей. Для них он — человек, снявший угрозу ядерных конфликтов, изнурительного противостояния в холодной войне, — что им до того, что заплатил он за это развалом собственной страны, подрывом на многие годы ее экономической мощи. Поэтому, очевидно, он усиленно восхваляется их средствами массовой информации по сей день и превращается в «ласкового Горби». Два лица одного человека: *предатель своего народа и герой для внешнего мира, и прежде всего США, Германии, Израиля* (выделено мной. — И. Ф.). И то и другое объективно, обоснован-

---

¹ П а в л о в В. С. Август изнутри. Горбачевпутч. С. 3.

² Там же. С. 4.

но. Все зависит от того, кто платит. Вот почему Горбачев спешил все сдать — и государство, и партию, и народ. *Это тот капитал, за который ему платят и еще заплатят миллионы сребреников*» (выделено мной.— И. Ф.)¹.

В. С. Павлов, как видим, уличает Горбачева в предательстве советской державы Западу, и в этом усматривает основной смысл его деятельности. Отсюда ясно, что «спецзаказ», о котором говорит Павлов, сделан Горбачеву из-за рубежа. Главная задача, какую этот заказ ставил перед генсеком и президентом страны, состояла в разрушении единого государства, а также в ликвидации социалистического строя². Кроме того, Горбачев, инспирируя путч, преследовал и личные цели, связанные с его желанием удержать власть. Павлов пишет: «Горбачев решил использовать нашу преданность делу и своей стране, народу, чтобы расправиться нашими руками с Ельциным, подталкивая нас на кровопролитие. Затем, как Президент СССР, расправиться с виновниками этого кровопролития, то есть с нами. В итоге — страна в развале, раздел и беспредел, он на троне, а все, кто мог оказать сопротивление, на том свете или в тюрьме»³. Павлов уверен, что Ельцин «знал этот сценарий и готовил заранее свой выход из-за занавеса. Он тоже решил использовать нас, откорректировав сценарий Горбачева. Он решил нашими руками убрать Горбачева и затем, также организовав кровопролитие, ликвидировать нас»⁴. В целом это был «спектакль», в котором некий режиссер отвел Горбачеву соответствующую роль⁵.

Помимо Павлова о причастности Горбачева к «путчу» говорил и Э. Шеварднадзе. 5 сентября 1991 года, как свидетельствует А. С. Черняев, между Горбачевым и германским канцлером Г. Колем состоялся телефонный разговор. Коль спросил Горбачева: «Как расценивать заявление Шеварднадзе о том, что ты якобы знал о намечавшемся пут-

---

¹ П а в л о в В. С. Август изнутри. Горбачевпутч. С. 7.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 80.

че?» Горбачев ответил: «Что-то я не слышал здесь таких интерпретаций». Канцлер заметил: «Но у нас пишут об этом в газетах». «Я поинтересуюсь: возможно, это были какие-то заявления на границу», — сказал Горбачев¹. Такого рода сообщения, распространяемые западной прессой, Черняев считал «дикими домыслами», сожалея, что к ним «приложил руку Э. А. Шеварднадзе своим двусмысленным публичным намеком»². Черняев — лицо слишком заинтересованное, чтобы ему можно было верить. Не столь пристрастные наблюдатели имеют в данном случае иное мнение. М. Я. Геллер говорит: «Горбачева предали все его «апостолы». И это настолько странно, что приходится задать вопрос: предали ли? Вопрос этот задавали и задают: знал ли Горбачев, а если знал, то почему молчал? Даже та информация, которая имеется сегодня, позволяет говорить: знал. В «дипломатической», уклончивой форме не перестает это повторять бывший министр иностранных дел Шеварднадзе»³.

Как и Павлов, генерал А. Лебедь также считает спектаклем события, происходившие в Москве 19—21 августа 1991 года. «Спектакль назывался «путчем»», — одна из глав его книги «За Державу обидно...»⁴. Слово «спектакль» фигурирует и в рассуждениях М. Я. Геллера⁵. По Б. И. Олейнику — это «карнавальный путч»⁶, а по М. Малиа, — фарс⁷. Согласно же Д. Кьеца, «путч недоумков из ГКЧП» слишком «смахивал на оперетту, чтобы быть настоящим»⁸. То была «пьяная оперетта», ибо «пили все путчисты августа-91, на-

---

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 480.

² Там же.

³ Геллер М. Я. Российские заметки 1991—1996. С. 36—37.

⁴ Лебедь А. И. За Державу обидно... С. 294—315.

⁵ Геллер М. Я. Горбачев. Победа гласности и поражение перестройки. С. 567.

⁶ Олейник Б. И. Князь тьмы... С. 9.

⁷ Малиа М. Конец утопии // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. С. 594.

⁸ Кьеца Д. «Прощай, Россия!» С. 238, 240.

чина с вице-президента Геннадия Янаева и премьера Валентина Павлова. Кажется, единственным трезвым тогда был шеф КГБ Крючков. Пьян был и Ельцин, как раз в тот вечер вернувшийся из Алма-Аты»¹. Кье за резонно замечает: «Сложные шахматные партии не разыгрываются на таких «зияющих высотах» потребления алкоголя. Ничего не стоит неловким движением смахнуть на пол все фигуры»². Тем самым Кье за как бы намекает, что настоящими игроками являлись не участники «путча» и даже не Ельцин со своими людьми, а те, что были «за кадром».

Неожиданное подтверждение несамостоятельности «путчистов» получаем со стороны Ельцина, который отметил «марионеточный характер» их «заговора»³. Жаль только, что он не указал на «кукловодов», хотя и подчеркнул: «Главное происходило за кулисами событий»⁴. Ему было ясно, что «настоящая военная хунта так себя вести не станет»⁵. Тут Ельцин сказал, конечно, лишнее, поскольку эти его слова перечеркивают значимость победы демократов в августе 1991 года. В самом деле, если заговор гёкачепистов имел «марионеточный характер», если «главное происходило за кулисами событий», что же это за «народно-демократическая революция», о которых без устали трубили и трубят демократические средства массовой информации?

М. Дэвидоу, подобно другим упомянутым нами наблюдателям, воспринимает августовские события как «опереточный переворот», осуществленный демократами, а отнюдь не ГКЧП. Нельзя, полагает он, рассматривать происшедшее как «серьезную попытку ГКЧП захватить власть, а тем более установить тоталитарный режим»⁶. Станные и противоречивые действия Государственного комитета по чрезвычайному положению «дали толчок для взрывчато-

---

¹ Кье за Д. «Прощай, Россия!» С. 213.

² Там же.

³ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 85.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же. С. 85.

⁶ Дэвидоу М. Камо грядеши, Русь?.. С. 146.

го материала и создали идеальные условия для сил антикоммунизма, чтобы осуществить свою контрреволюцию»¹. Само же выступление гэкачепистов было беспомощным, больше похожим на фарс².

«Бездарная акция», ««любительский» путч»; «попытка переворота», проведенная в «опереточной манере», — так характеризует события августа 1991 года М. Вольф³.

Определение «опереточный» присутствует и в рассуждениях Г. А. Зюганова. Слово «путч» он берет в кавычки. В результате имеем «опереточный «путч» ГКЧП»⁴, «трагикомический «путч» ГКЧП»⁵. Но это — управляемый мировой олигархией «путч». По мнению Зюганова, «перед сценаристами нашей современной драмы была изначально поставлена задача — разработать и практически реализовать в России методику контролируемого перевода страны в новый политический режим с элементами диктатуры. При этом программа-максимум предусматривает достижение негласного, но полного и жестокого международного контроля над внутривнутриполитической ситуацией. Программа-минимум — недопущение к рычагам государственной власти национально-патриотических сил»⁶.

Вот почему плачевный для вдохновителей и участников ГКЧП результат был предопределен, а «возможность неконтролируемого развития «путча» сведена к минимуму. Этому способствовали следующие факторы: 1. Предсказуемость самого события. Путч, что называется, «вита в воздухе» задолго до попытки его практической реализации. То, что нечто подобное должно вот-вот произойти, главным «игрокам» было очевидно заранее, так что «посвященные» имели полную возможность подготовиться к

---

¹ Д э в и д о у М. Камо грядеши, Русь?.. С. 148.

² Там же. С. 149.

³ В о л ь ф М. Игра не чужом поле. Тридцать лет во главе разведки. С. 348, 374.

⁴ З ю г а н о в Г. А. География победы: Основы российской геополитики. С. 111.

⁵ З ю г а н о в Г. А. Россия и современный мир. М., 1995. С. 37.

⁶ Там же.

развязке. 2. Изначально бутафорский, робкий и нерешительный характер «путча». Даже самими организаторами он никогда не планировался всерьез. Молчаливо предполагалось, что демонстрация решительности и силы сама по себе расставит все по своим местам, став затем декорацией, эффектным фоном, на котором беспрепятственно и легко будут проведены стабилизационные меры. 3. Странное (мягко говоря) поведение главы партии и государства. Двойная игра президента-генсека на этом этапе очевидна. Открыв своим бездействием «зеленый свет» ГКЧП, он мгновенно «сдал» всех соратников-партийцев, как только ситуация стала необратимой. Притом его персональные политические цели незамысловаты и понятны: избавиться от стеснительной опеки «консерваторов», развязать себе руки для дальнейших политических и кадровых комбинаций и т.д.»¹.

С точки зрения общего плана «управляемой катастрофы», реализуемого внешними силами в нашей стране, Г. А. Зюганов находит связь между «путчистами» августа 91-го и «мятежниками» октября 93-го².

Эту точку зрения развивает и В. С. Широнин: «На основе известных мне фактов могу сказать, что и Август-91 и Октябрь-93 были звеньями одной цепи, можно даже считать позициями одного общего плана, разработанного в недрах ЦРУ США,— плана по анатомическому расчленению Советского Союза»³. По Широнину, Запад сильно встревожили результаты референдума 17 марта 1991 года, побудив западные спецслужбы приступить к ускоренной подготовке Августа-91: «Итоги того референдума потребовали внести срочные коррективы в коалиционные планы Запада по развалу Советского Союза... Началось трагическое обвальное движение страны от 17 марта к августу 1991 года»⁴.

---

¹ З ю г а н о в Г. А. Россия и современный мир. С. 42—43.

² Там же. С. 37.

³ Ш и р о н и н В. С. 1) Под колпаком контрразведки... С. 152; 2) КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. С. 151.

⁴ Ш и р о н и н В. С. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. С. 158.

Заслуживает самого пристального внимания заявление Б. Н. Ельцина о том, что «август-91 и октябрь-93 соединились в одну неразрывную цепь, разрушилась империя, мы стали свидетелями мучительного и жестокого прощания с целой эпохой»¹. Это заявление представляет особую ценность, поскольку исходит от компетентного представителя демократического лагеря, опрокинувшего Россию в капиталистическое прошлое. Оно может быть объяснено так: Ельцин в очередной раз проговорился, приоткрыв тайные планы демократов и их чужеземных наставников и покровителей.

Таковы некоторые мнения и суждения об августовских событиях 1991 года, существующие в современной публицистике, научной, учебной и мемуарной литературе. Они обладают, на наш взгляд, разной степенью убедительности. Наиболее примитивной и потому заслуживающей быть отвергнутой является версия о «путче», «перевороте», «заговоре» консервативной части советского руководства, враждебной реформам и стремившейся к восстановлению старой тоталитарной системы и унитарного государства.

Односторонней и упрощенной нам представляется идея, сводящая события 19—21 августа 1991 года к выступлению патриотов, спасающих СССР, закрепленный Конституцией общественный и политический строй. Конечно, такая мотивация присутствовала в поведении некоторых участников августовских происшествий. Но она была лишь одной среди прочих и при этом не основной и не доминирующей. Патриотический настрой определял поведение лишь отдельных лиц, втянутых в августовскую историю и заранее обреченных в ее дьявольской игре на проигрыш. Это были достойные люди, но, увы, наивные и обманутые.

Отсюда становится очевидной недостаточность, определенная неполнота представлений об августовских событиях как «фарсе», «спектакле», «опереточном путче»,

---

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 8.

«бутафорном путче» и т.п. Возникновение подобных представлений можно объяснить тем, что демократы ожидали и, возможно, планировали нечто подобное событиям 19—21 августа. Они, наверное, заранее знали, что назовут «путчем», «переворотом», «заговором» любое выступление традиционалистов («консерваторов»), даже если оно не соответствует или не вполне соответствует данным понятиям. Им нужен был именно путч, чтобы применить адекватные путчевым решительные меры воздействия по отношению к своим противникам с целью покончить с ними навсегда и выйти на финиш к развалу СССР и капиталистической реставрации. Поэтому едва гёкачеписты заявили о себе, как к ним сразу же прилепили слова «путч», «переворот», «заговор». А когда трезвые наблюдатели присмотрелись к действиям ГКЧП, они убедились, что эти действия, если говорить честно и всерьез, не соответствуют ни путчу, ни перевороту, ни заговору¹. Поэтому и пошли в ход выражения «путч-спектакль», «опереточный путч», тогда как при оценке событий 19—21 августа 1991 года следовало вообще отказаться от понятий «путч», «переворот», «заговор», искусственно притянутых демократами из конъюнктурных политических соображе-

---

¹ Даже Б. Н. Ельцин не удержался и высказал свое недоумение: «Нелепости в их (членов ГКЧП.— И. Ф.) поведении стали бросаться в глаза довольно быстро. Группа захвата из подразделения «Альфа», присланная сюда (в Архангельское.— И. Ф.) еще ночью, так и осталась сидеть в лесу без конкретной задачи. Были арестованы депутаты Гдяня и Уражцев, а главные российские лидеры проснулись у себя на дачах, успели сообразить, что случилось и начали организовывать сопротивление. Пока я обратил внимание только на телефоны. Они работают, значит, жить можно... Я успел почувствовать: что-то тут не так. Настоящая военная хунта так себя не станет вести» (Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 85).— Эти слова Ельцина приобретают особую выразительность при их сопоставлении с заявлением В. С. Павлова: «Мы, члены ГКЧП, не готовили переворота. У нас, поверьте, хватило бы ума и возможностей арестовать все российское руководство еще далеко от Москвы, в аэропорту, на даче, на дороге. Возможностей было сколько угодно. Даже в здании Верховного Совета РСФСР могли, если бы ставили такую цель» (Павлов В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. С. 73).

ний с целью оправдать свои последующие, чрезвычайные меры, не допустимые при обычных обстоятельствах. Убедительные, на наш взгляд, доводы насчет того, что в действительности не было никакого путча, переворота или заговора, приводит В. С. Павлов¹. К его доводам кое-что и «от себя приложим».

В современном русском языке слово «путч» означает «государственный переворот, организованный группой заговорщиков»². Терминами «переворот», «государственный переворот» на нашем наречии называют «коренное изменение в государственной жизни»³, а словом «заговор» — «тайное соглашение о совместных действиях против кого-нибудь в политических и других целях»⁴. Если исходить из данного понятийного материала, а не из другого, сильного лишь демократическим «мудрецам», то следует со всей определенностью сказать, что действия ГКЧП нельзя характеризовать как путч, переворот или заговор. Езакачеписты не планировали «коренное изменение в государственной жизни» СССР. Напротив, они пытались сохранить существующий конституционный порядок, общественный и государственный строй перед угрозой их «коренного изменения», предпринимаемого со стороны Горбачева — Ельцина с пособниками.

Они не сговорились тайно против Горбачева, т.е. не составили заговор против него. Иначе не понять их появление в Форосе перед Горбачевым и обсуждение с ним вопроса о введении чрезвычайного положения — основной акции, характеризующей деятельность ГКЧП⁵. По верному замечанию В. С. Павлова, «весь сыр-бор разгорелся» как

---

¹ П а в л о в В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. С. 67—68.

² О ж е г о в С. И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 550.

³ Там же. С. 431.

⁴ Там же. С. 174.

⁵ «На самом деле, можно ли считать «заговором» акцию, организаторы которой заранее ставят о ней в известность Президента, а тот не предпринимает ни одного шага, чтоб ей воспрепятствовать», — говорит А. И. Лукьянов (Л у к ь я н о в А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 11).

раз «в связи с решением вопроса: вводить или не вводить чрезвычайное положение и кому это делать?»¹ При этом резонно Павлов спрашивает: «При чем здесь власть и заговор?» Он мог бы с тем же основанием спросить и еще: при чем тут путч и переворот? Ведь все это — выдумки. Сам Горбачев является здесь невольным свидетелем. Описанная им сцена встречи в Форосе с посланцами ГКЧП О. Д. Баклановым, В. И. Болдиным, В. И. Варенниковым и О. С. Шениным никак не может быть истолкована как встреча с путчистами и заговорщиками.

«Речь со стороны прибывших — повествует форосский дачник, — шла о том, что люди уже объединились и нужен указ Президента. Вопрос передо мной поставлен так: или издайте указ (о введении чрезвычайного положения. — И. Ф.) и оставайтесь здесь, или передайте полномочия вице-президенту»². Так читаем в книге Горбачева «Августовский путч», изданной сразу же после августовских событий, когда ему надо было решительно отмежеваться от гэкачепистов, чтобы отвести от себя какие бы то ни было подозрения. Поэтому у него такая жесткая альтернатива: или издай указ, или отдай полномочия вице-президенту. Но вот прошло время, случилось так, что Горбачев «вылетел из седла» и оказался не у дел. Теперь президенту на пенсии ничто не угрожало, и он мог кое-что приоткрыть. И оказывается, что Бакланов сказал Горбачеву: «Не хотите сами подписывать Указ о введении чрезвычайного положения, передайте свои полномочия Янаеву». А затем добавил: «Отдохните, мы сделаем «грязную работу», а потом вы сможете вернуться»³. Очень странные заговорщики, не правда ли! А дальше началась целая дискуссия между «заговорщиками» и «жертвой заговора», причем тон ей задавал главным образом Горбачев. Он спросил «заговорщиков»: «В связи с чем так ставится вопрос?». Те ответили: «Ситуация в стране такая — страна катится к катастрофе,

---

¹ Павлов В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. С. 68.

² Горбачев М. С. Августовский путч... С. 11.

³ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 558—559.

надо принимать меры, нужно чрезвычайное положение — другие меры уже не спасут, нельзя больше предаваться иллюзиям»¹. «Злодеи-заговорщики», следовательно, уговаривают свою «несчастную жертву», но она упрямится: «Мой ответ состоял в том, что я не хуже их знаю политическую, экономическую, социальную ситуацию в стране, положение людей, их жизнь, все тяготы, которые они несут сейчас. И надо делать быстрее все то, что нужно для улучшения жизни. Но я решительный противник — не только по политическим, но и моральным соображениям — таких способов решения вопросов, которые всегда приводили к гибели людей — сотнями, тысячами, миллионами. От этого мы должны навсегда отказаться. Иначе все, что начали, будет предано и похоронено, и мы пойдем по новому кровавому кругу. Если у вас такая точка зрения, давайте ставить вопросы на Верховном Совете, выносить на обсуждение Съезда народных депутатов, искать решения... И вы, и те, кто вас послал, — авантюристы. Вы погубите себя — ну, это ваше дело, черт с вами. Но вы погубите страну, все, что мы уже сделали. Передайте это комитету, который вас послал. Сейчас мы подошли к подписанию Договора. Вместе с республиками подготовлены крупные решения по продовольственным, топливным, финансовым проблемам, с тем чтобы быстрее стабилизировать политическую и экономическую ситуацию, быстрее развивать рыночные процессы, дать людям больше возможности развернуться во всем. Наметилось согласие. Да, его не хватает — мы не избавились от подозрений и с той и с другой стороны. И в отношениях между республиками и центром, и в отношениях между политическим и общественным движением — все это есть. Но единственный путь — искать согласие. Оно появилось, и мы начали продвигаться вперед. Только самоубийцы могут предлагать сейчас вводить чрезвычайный режим в стране. На это я не пойду... Ну вот вы завтра чрезвычайное положение объявите. А что дальше? Вы хоть прогнозируйте на один, на четыре шага — что

---

¹ Горбачев М. С. Августовский путч... С. 11.

дальше? Страна отвергнет, не поддержит эти меры. Вы хотите сыграть на трудностях, на том, что народ устал, что он уже готов поддержать любого диктатора... Я предлагаю созвать Верховный Совет, Съезд и все решить. Вы обеспокоены нынешней ситуацией? Она беспокоит всех нас. Вы считаете, что нужны срочные неотложные меры. Я такого же мнения. Давайте соберемся и будем решать. Я готов пойти на созыв Съезда народных депутатов, Верховного Совета, раз у части руководства есть сомнения. Давайте собираться, давайте обсуждать. Депутаты знают, что происходит на местах. Давайте принимать меры. Я буду отстаивать три главных направления: путь согласия, путь углубления реформ, сотрудничества с Западом. Тем более что есть встречные желания народов сотрудничать с нами сейчас, на этом решающем этапе... Все, другого разговора не может быть. Доложите, что я категорически против ваших замыслов, и вы потерпите поражение. Но мне страшно за народ и за то, что мы сделали за эти годы...»¹

В книге мемуаров, вышедшей четыре года спустя, Горбачев настолько лапидарен, что уместает этот монолог, произнесенный перед гэкачепистами, в небольшой абзац: «Вы и те, кто вас послал, обеспокоены ситуацией? Но я не хуже вас знаю обстановку в стране, и она тревожит меня не меньше, чем вас. Считаете, что нужны адекватные меры? Я такого же мнения. Главная из них уже подготовлена — это подписание Союзного договора. На заседании Совета Федерации 21 августа намечено обсудить ход выполнения экономической реформы. Вы же спасение видите в чрезвычайных мерах. Я с этим не согласен. Давайте созывать Верховный Совет СССР, Съезд народных депутатов, раз у части руководства есть сомнения в правильности политического курса. Давайте обсуждать и решать. Но действовать только в рамках Конституции, закона. Иное для меня неприемлемо. То, что вы себя загубите,— черт с вами, но ведь дело может кончиться большой кровью. Не

---

¹ Горбачев М. С. Августовский путч... С. 11-13.

тот стал народ, чтобы мириться с вашей диктатурой, с потерей свободы, всего, что было добыто в эти годы»¹.

У нас нет уверенности в том, сказал ли Горбачев все эти слова на самом деле, или выдумал их задним числом. Ведь протокольных записей тогда не велось. И все же, на наш взгляд, важнее не столько их полнота и даже конкретное содержание, сколько тон и стиль разговора Горбачева с «заговорщиками». Поучения и нотации, перемешанные с грубостью, — вот что сразу обращает внимание при знакомстве с тем, что говорил он гэкачепистам. Мы присутствуем при разговоре самоуверенного начальника с подчиненными, а отнюдь не испуганной жертвы заговора с заговорщиками и путчистами². Впрочем, допустим на минуту, что и здесь Горбачев сфантазировал, желая выглядеть героем. Но с геройством и тут ничего не выходит, поскольку такая фантазия разрушает представление о заговорщиках, создавая образ чересчур усердствующих недоумков, вызвавших недовольство своего хозяина. Однако в том-то и дело, что Горбачев воспроизводит тон и стиль фюрерского разговора правдиво. В. И. Варенников в одном телевизионном интервью возмущался по поводу того, что в Форосе Горбачев разговаривал с ним и его спутниками как с холопами. Кажется, это подтверждает и сам Михаил Сергеевич, с удовлетворением сообщая, как в присущей ему манере обложил своих собеседников матом («послал их

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 558.

² Показателен здесь и рассказ В. И. Болдина — участника фюрерской делегации. Когда Горбачев спросил делегатов, с чем они прибыли, вперед выступил О. Д. Бакланов и сказал: «Я хотел бы начать с обстановки в стране. Вы знаете, в каком трудном положении находятся сельское хозяйство и промышленность, а мы занимаемся сегодня не тем». Горбачев грубо его прерывает: «Что ты мне говоришь? Я все знаю, и знаю лучше вас». По свидетельству В. И. Болдина, «говорить Бакланову он не дает. В разговор вступает Варенников. С присущей ему решительностью он говорит о положении в стране и армии, о тяжелых испытаниях, ожидающих народ, офицерский корпус, всю армию, ее боеготовность, если не будут приняты чрезвычайные меры. Но и он прерван...» (Болдин В. И. Крушение пьедестала... С. 16).

туда, куда в подобных случаях посылают русские люди»; «обругал их «по-русски»»¹. Так и хочется сказать: бедные «заговорщики».

М. С. Горбачев, как явствует из его рассказа, материл гэкачепистов «по-отечески», поскольку не считал их конченными людьми, полагая, что «заговорщики» образуются. Вот его собственные признания: «Мне не раз в последние годы удавалось гасить, предупреждать опасное развитие событий. И на этот раз рассчитывал, что поймут, одумаются»²; «18 августа я еще надеялся, что те, кто в Москве, выслушав сообщение о встрече со мной, одумаются, остановятся»³; «прежде всего, я рассчитывал, что мой отказ принять ультимативные требования ГКЧП отрезвят зачинщиков заговора. Не раз я удерживал этих людей от опрометчивых шагов... и оставалась надежда, что и на сей раз моя твердая позиция окажет свое воздействие. Да, я не терял надежду»⁴. Но, увы, «заговорщики» не «поняли», не «одумались» и не «отрезвели». Горбачев вводит читателя в какой-то политический цирк, не замечая, как сам превращается в клоуна от политики.

Забавляет, как «путчисты» становятся у него преступниками. Горбачев отказался подписать указ о введении чрезвычайного положения, что и перевело гэкачепистов в разряд преступников: «Мой решительный отказ сделать это сразу (подписать указ.— *И. Ф.*) ставил их в положение преступников»⁵. Значит, до «требования» гэкачепистов подписать указ они еще не находились в положении преступников. Не оказались бы «путчисты» в этом положении, подпиши Горбачев указ. Такую логику нельзя назвать иначе, как логикой политической эквилибристики и трюкачества. Но Горбачев продолжает одурачивать его обывателя. «Потерпев неудачу в противоборстве с прези-

---

¹ Горбачев М. С. 1) Августовский путч... С. 13: 2) Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 559.

² Горбачев М. С. Августовский путч... С. 11.

³ Там же. С. 17.

⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы... С. 559.

⁵ Там же.

дентом, заговорщики сникли», — говорит он. Вот ведь какие эти «заговорщики»: стоило «жертве заговора» прочитать им строгую нотацию и наградить их матом, как они, оробев, сникли.

Таким образом, горбачевские реминисценции ярко и убедительно свидетельствуют, вопреки их автору, об отсутствии заговора и путча в высшем советском руководстве в августе 1991 года.

В условиях лета 1991 года идею путча, переворота, заговора лелеяли в первую очередь демократы и зарубежные их патроны. Не случайно они, демократы и американцы, стали нагнетать эту идею за два месяца до выступления ГКЧП. Теперь мы знаем, что «в разгар политического кризиса в Советском Союзе в июне 91-го года мэр Москвы нанес незапланированный визит в посольство Соединенных Штатов. После нескольких минут тривиальной беседы, предназначенной для подслушивающей аппаратуры КГБ, Гавриил Попов взял лист бумаги и написал: «Мне нужно срочно передать послание Борису Николаевичу Ельцину. Возможен переворот. Ему следует немедленно вернуться в Москву»¹. Продолжая беседу как ни в чем не бывало, американский посол Джек Мэтлок взял ручку и вывел одно слово: «Кто?» В ответ Попов написал имена трех лиц: премьер-министра Валентина Павлова, председателя КГБ Владимира Крючкова и министра обороны Дмитрия Язова. «Я немедленно сообщу в Вашингтон», — написал в ответ Мэтлок»².

Посол отправил, как и обещал, депешу американскому руководству, о чем А. Ф. Добрынин рассказывает так: «Примерно в это же время (20 июня 1991 г.) американский посол Мэтлок прислал в Вашингтон сверхсрочную теле-

---

¹ Президент РСФСР Ельцин находился тогда с визитом в Вашингтоне.

² Ш и р о н и н В. С. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. С. 165. — В. С. Шиرونин по поводу этой встречи и беседы Попова с Мэтлоком замечает: «Примечательное откровение! Оно дает богатую пищу для размышлений о том, кто исподволь разжигал августовские события и кто был заинтересован в развязывании той драмы» (там же).

грамму о том, что его только что посетил мэр Москвы Попов и написал на бумаге (он не хотел говорить вслух, опасаясь подслушивания), что в столице готовится путч против Горбачева (он назвал имена заговорщиков — Павлова, Крюкова, Язова и Лукьянова) и что положение поэтому серьезное. Попов попросил срочно сообщить об этом Ельцину, находившемуся в то время с визитом в США. Президент Буш тут же поручил Мэтлоку встретиться лично с Горбачевым и передать эту важную информацию, не называя фамилий заговорщиков. Однако Горбачев, как телеграфировал затем посол в Белый дом, отнесся к этому сообщению весьма спокойно: он был уверен, что «никто не сможет сбросить его» (разговор этот был за два месяца до известных августовских событий). Тем временем Буш проинформировал о записке Попова и Ельцина, который как раз в этот момент находился в Вашингтоне»¹. Началась какая-то странная круговерть.

В. С. Павлов, имевший доступ в качестве обвиняемого к следственным материалам по делу ГКЧП, рассказывает о показании А. А. Бессмертных на допросе 6 ноября 1991 года: «20 июня 1991 года, находясь в Берлине, он [Бессмертных] вернулся в советское посольство из американской резиденции после завершения раунда переговоров с господином Бейкером. Вдруг совершенно неожиданно ему перезвонил господин Бейкер и предложил приехать для неформальной беседы по очень срочному делу, организовав встречу так, чтобы о ней, по возможности, никто не узнал. А. Бессмертных очень удивился, так как они только что расстались. Но господин Бейкер очень настаивал, и, чувствовалось по тону, был взволнован. Настолько господин Бейкер был настойчив и убедителен, что наш министр иностранных дел под благовидным предлогом сделал перерыв в беседе с министром иностранных дел Кипра и, оставив его ждать продолжения, через черный ход помчался к господину Бейкеру. Когда А. Бессмертных прибыл

---

¹ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986). С. 673.

на место, сопровождавшего его начальника управления МИДа СССР по США и Канаде Г. Мамедова вежливо удалили, благо переводчик не требовался. После этого господин Бейкер, по словам А. Бессмертных, сказал: «Я только что — вот в промежутке между нашей беседой — получил из Вашингтона информацию. Я так понимаю, она может быть построена на разведывательных источниках, о том, что может быть попытка смещения Горбачева». Дальнейшее описание происходившего, я полагаю, для пользы дела лучше всего представить читателю со слов самого А. Бессмертных: «Я, конечно, совершенно опешил и так на него смотрю внимательно. В это время в руках у Бейкера находился листок бумаги. Он также сказал, что его слова подтверждает шифровка. Далее говорит: «Понятно, это дело сугубо деликатное и нам нужно как-то такую информацию передать. По нашим данным,— сказал он,— в смещении будут участвовать — назвал — Павлов, Язов, Крючков». Возможно, Бейкер еще кого назвал, но троих он назвал точно. «И это, говорит, вопрос такой срочный. Его нужно сейчас довести до сведения Горбачева». Он спросил, есть ли у меня прямая, совершенно защищенная связь с президентом... «Нет, нет! — говорит Бейкер. — Мало ли что? Все же-таки надо передать...» Но ВЧ, как известно, находится под контролем КГБ. Тогда Бейкер предложил имеющуюся информацию передать, воспользовавшись американским посольством. Я в свою очередь обещал позвонить Черняеву и попросить, чтобы быстро организовать встречу. Бейкер говорит: «Тогда мы поручим послу Мэтлоку. Вот он уже сейчас запрашивается. А вы звоните Черняеву, чтобы он обеспечил срочно прием. Таким образом, Горбачев получит те же сведения, что и я передал. Это абсолютно надежно и никто тогда ничего не перехватит». Так с Бейкером и условились... Я вернулся в совпосольство и быстро свернул беседу с мининдел Кипра. Позвонил Черняеву где-то минут через 30, поскольку пока ехал, пока шла беседа. Черняеву я сообщил о своем местонахождении, кратко о беседе с Бейкером, попросил его, что если на прием запросится посол Мэтлок, то желательно бы, не отклады-

вая, принять его. Черняев ответил: «Вот какое совпадение. Как раз попросился и его принимаем...»¹

О том, как прошла встреча Мэтлока с Горбачевым, рассказывает уже Черняев в своей дневниковой записи, датированной 21 июня 1991 года: «Вдруг уже часов в 8 вечера опять называют из посольства США. Мэтлок просит немедленной аудиенции у президента: срочное, секретное сообщение от Буша. Мне как раз в этот момент позвонил М. С. Я ему сказал. Он: «Давай!» Я помчался в Кремль. Спрашиваю у М. С.— мне присутствовать? «Обязательно»... Вошел Мэтлок. Лица не нем нет. М. С. начал с похвал послу, сожалений, что он уезжает, стал ему говорить всякие добрые слова: что он хорошо, честно работал, был настоящим партнером, много помог в этот самый сложный период отношений, «очень ценим вашу деятельность» и т.д. Мэтлок стоял, перебирая ногами: не терпелось выложить, с чем пришел. А пришел вот с чем. Господин президент, я получил только что личную закрытую шифровку от своего президента. Он велел мне тут же встретиться с вами и передать: американские службы располагают информацией, что завтра (т.е. сегодня, 21.VI) будет предпринята попытка отстранить вас от власти. Президент считает своим долгом предупредить вас». М. С. засмеялся. (Я — тоже!) Мэтлок смутился: мол, глупость принес на такой верх. Стал извиняться: «я не мог не выполнить поручение своего президента, хотя сказал ему (каким способом, интересно), что у меня в Москве таких сведений нет и вряд ли это правда». М. С.: «Это невероятно на все 1000%. Но я ценю, что Джордж сообщает мне о своей тревоге. Раз поступила такая информация, долг друга — предупредить. Успокойте его. Но повторяю: в этом его сообщении я вижу подтверждение настоящих наших отношений. Значит, действительно мы далеко ушли вперед во взаимном доверии. Это очень ценно». Говорил он по-доброму, но с внутренней иронией, как бы уверенный в том, что все это чепуха»².

---

¹ П а в л о в В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. С. 81—82.

² Ч е р н я е в А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 156—157.

Однако этим дело не кончилось. «Страхи продолжались,— свидетельствует Черняев.— Ночью стал названивать Горбачеву Буш. Из приемной меня спрашивают: что делать? Я: «Соединяйте». Но М. С. гулял с Р. М. (было около 12-ти). Вернувшись, велел связаться с Белым домом. Теперь уже Буш был «занят»... и, видно, отчаявшись соединиться с другой «сверхдержавой» на информационном уровне конца XX века, послал депешу. Она пришла рано утром»¹.

Наконец, в канун событий 19—21 августа Буш снова предупреждает Горбачева о возможном перевороте².

Такая спазматическая активность американских политиков нуждается, конечно, в объяснении. Может показаться, что все тут предельно ясно: добрый Джордж, встревоженный за судьбу дорогого друга Майкла, предупреждает его о грозящей опасности, демонстрируя свое участливое к нему отношение. Майкл хочет этому верить, но в душе у него, вероятно, поселился червь сомнения. Вот почему Черняев уловил в голосе М.С. нотки внутренней иронии в разговоре с Мэтлоком, вполне понятной, если учесть, что Горбачев уже тогда подозревал американцев в двуличии, находя подтверждения своим догадкам об их сотрудничестве с Ельциным³.

Предупреждая Горбачева о замышляемом отстранении его от власти, американцы тем самым стремились, по-видимому, создать себе алиби, как бы заявляя заранее, что ко всем возможным попыткам подобного отстранения они не имеют никакого отношения. Здесь, похоже, проглядывает элемент игры. Заметен он и в поведении Мэтлока.

По А. Ф. Добрынину, президент США Буш поручил Мэтлоку встретиться с Горбачевым после того, как он получил от посла сверхсрочную телеграмму, в которой со ссылкой на мэра Москвы Попова говорилось о подготов-

---

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника... С. 158.

² Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 16.

³ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника... С. 151.

ке путча против советского президента¹. Следовательно, Мэтлок, находясь в Москве, располагал сведениями об этом путче. Но в разговоре с Горбачевым он заявил, что не имеет подобных сведений, о чем уведомил президента Буша. «Каким способом, интересно», — отметил про себя присутствующий при разговоре Черняев, уловив неискренность американского посла². Мэтлок, на наш взгляд, играл. И это, вероятно, было отражением общей игры Вашингтона с Горбачевым. Ее кульминацией, как нам представляется, стали августовские события.

Весьма правдоподобно предположение В. С. Широина: «Прикрываясь недомоганием, Горбачев просто выжидал. Кто-то «не посоветовал» ему прежде времени покидать Форос. Чем же был продиктован такой совет? Не сомневаюсь, что в будущем различного рода государственные комиссии найдут четкий ответ на все форосские вопросы. Я же позволю себе высказать личную точку зрения профессионала-контрразведчика. На мой взгляд, с Горбачевым в тот момент «вели игру». События в Москве разворачивались таким образом, что у американских спецслужб появилась возможность воспользоваться ситуацией и совершить такой переворот, который помог бы разом покончить с КПСС. Но для этого пришлось бы пожертвовать Горбачевым. И очень с большой долей вероятности можно предположить, что, связавшись по срочной связи с Вашингтоном, посольство США в Москве запросило согласие на переориентацию своей политической ставки с Горбачева на другого лидера. Вскоре такое согласие было дано. На мой взгляд, в результате августовских событий, как говорится, в дураках оказался сам Горбачев. По такому поводу в народе обычно говорят: пошел за шерстью, а вернулся стриженным»³.

---

¹ Д о б р ы н и н А. Ф. Сугубо доверительно... С. 673.

² Ч е р н я е в А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 157.

³ Ш и р о и н В. С. Под колпаком контрразведки... С. 180.

Принимая догадку В. С. Широнина о том, что с Горбачевым «вели игру», мы при этом полагаем: переориентация политической ставки с Горбачева на другого лидера, в частности на Ельцина, произошла несколько ранее, по всей видимости, в июне 1991 года с избранием последнего Президентом РСФСР. Внешним проявлением ее следует, по нашему мнению, считать визит Ельцина в США и устроенную одновременно с данным визитом суету по поводу замышляемого кем-то смещения Горбачева¹.

За всей этой суетой американских политиков и дипломатов угадывается возня западных спецслужб, осуществлявших не только сбор разведывательных данных, но и разрабатывавших тайные планы типа августовских событий. Показательно, что президент Буш по прошествии этих событий заявил, что завоевана не только победа демократии, но и «наша победа — победа ЦРУ»².

Американский президент явно поскромничал, поскольку в достижение названной победы он внес и значительный личный вклад. Начиная с Мальты, Буш в отноше-

---

¹ Сама стремительность визита российского президента в Вашингтон довольно примечательна. Вот как его прокомментировал М.Я. Геллер: «Едва избранный, Борис Ельцин отправляется к президенту США Дж.Бушу. Еще совсем недавно после избрания очередного генерального секретаря ЦК КПСС в Москву, как некогда в Орду за ярлыком на правление, направлялись главы иностранных держав. Теперь за ярлыком, который может обернуться займом, едут из Москвы. Вслед за неутомимым «глобтроттером» Горбачевым едет Борис Ельцин. Как если бы сегодня единственной практической легитимностью советского лидера являлось признание заграницы, материализованное в долларах» (Г е л л е р М. История России 1917—1995. В 4 т. М., 1996. Т. 4. С. 113). Ассоциация визита Ельцина в США с поездкой за ярлыком на правление, по нашему мнению, вполне правомерна. Едва ли можно сомневаться в том, что новоиспеченный российский президент прибыл в Америку за советами, наставлениями и, возможно, инструкциями американского президента.

² Л у к ь я н о в А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 16. Понятно, почему «бывший директор ЦРУ Гейтс на Красной площади в Москве провел свой парад победы». (К а ч а н о в с к и й Ю. В. Куда идет Россия? М., 1999. С. 110).

ниях с Горбачевым проявил себя (и в этом нужно отдать ему должное) как виртуоз политической игры. Знаковым, можно сказать, был его приезд в Москву в конце июля, т.е. за три недели до пресловутого «путча». Официально то был ответный визит в СССР президента Соединенных Штатов, связанный с подписанием Договора по СНВ. По свидетельству А. С. Черняева, сначала Горбачев с Бушем «общались в Кремле один на один¹, потом в «расширенном составе»». Горбачев «подробно охарактеризовал ситуацию в стране, с большой долей оптимизма уверял, что общество будет реагировать спокойно на предстоящие «очень ответственные, драматические шаги», связанные с «тремя главными» задачами: заключением союзного договора, стабилизацией финансов, активным разгосударствлением и приватизацией. Сообщил, что «вчера» (29 июля.— И. Ф.) у него была большая встреча втроем с Ельциным и Назарбаевым в Ново-Огареве... В подробности не посвящал², но о двух выводах проинформировал: не торопиться с парламентскими выборами и принятием конституции, чтобы дать время для некоторой стабилизации обстановки; более решительно, более быстро проводить реформы, включая либерализацию цен и конвертируемость рубля»³. М. С. Горбачев, как видим, развернул перед американским президентом план буржуазного переустройства советского общества, предполагающий «очень ответственные и драматические шаги»: разгосударствление, приватизацию и либерализацию цен. Бушу это не могло, конечно, не им-

---

¹ Горбачев называет эту встречу «доверительной беседой» (Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 301).

² Эти подробности воспроизводит А. С. Черняев, рассказывая со слов Горбачева, как тот с Ельциным и Назарбаевым «пьянствовал до 3 утра и договаривался о Союзном договоре и о последующих выборах». Горбачев не жалел красок: «Ох, Толя. До чего же мелкая, пошлая провинциальная публика. Что тот, что другой. Смотришь на них и думаешь: с кем, для кого?... Бросить бы все. Но на них ведь бросить-то придется...». (Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 183).

³ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 461-462.

понировать. Но президент США уже определился в том, кто будет претворять в жизнь план реставрации капитализма в России. И это был не Горбачев, а другой, более решительный политик.

В своих мемуарах Горбачев не раскрывает содержание кремлевских бесед с Бушем, повествуя главным образом о встрече с ним «без галстуков», проходившей «на веранде в Ново-Огареве». Отдаваясь воспоминаниям по поводу визита «друга Джорджа», Горбачев пишет: «Вспоминаю я сейчас об этом визите Президента США, *последнем в Советский Союз, с некоторой горечью* (курсив мой.— И. Ф.). Не знали мы тогда, что произойдет всего через три недели. Жили будущим. Говоря о множестве актуальных проблем, мы вместе с тем как бы подводили итог пройденного за 5—6 лет пути»¹. Вот ведь как: не знали, что произойдет всего через три недели, а уже подводили итог пройденному. Положим, однако, «не знали» и «жили будущим». Как они собирались строить это будущее? Каким видели его? Президент Буш «счел необходимым еще раз заявить, что Соединенные Штаты хотели бы видеть Советский Союз сильным, экономически крепким, способным к коренным изменениям в демократическом духе». Но эти слова развеялись, как дым, когда Горбачев попытался перевести беседу в практическую плоскость: «Апеллируя к доверительному характеру наших личных отношений, я напомнил Бушу о серьезных препятствиях, которые создают для нашей экономики дискриминационные законы США и запретительные списки КОКОМ. Обратил его внимание на наиболее разительные примеры. Буш признал, что в ряде случаев речь, видимо, идет о наследии «холодной войны», обещал разобраться. Однако вопрос о дискриминационном американском законодательстве и запретительных списках КОКОМ не был решен ни тогда, ни спустя два года... Перед Бушем я поставил вопрос — как обойтись без «испытательного срока» при вступлении СССР в Международный валютный фонд; для нас важно воспользоваться

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 307.

его услугами именно сейчас, а не когда-нибудь потом. Из его рассуждений я понял, что на серьезную поддержку со стороны США рассчитывать не следует»¹. Как видим, делу не помог даже «доверительный характер отношений» двух президентов, а почему — понятно: Буш никоим образом не был заинтересован в восстановлении экономики Советского Союза, а тем более — в ее процветании.

Скрытая цель приезда Буша в Москву приобретает рельефные очертания на фоне его поездки из Москвы в Киев. С какой-то наивностью Горбачев пишет: «В связи с предстоявшей поездкой в Киев Буш заверил меня: ни он, ни кто-либо из сопровождавших его лиц не допустят ничего такого, что могло быть интерпретировано как поддержка сепаратистских тенденций»². Неужели Горбачев не разумел, что сам по себе визит в Киев в условиях парада суверенитетов и деклараций о независимости является обнадеживающим для сепаратистов событием. Ведь недаром «Ландсбергис активно добивался того, чтобы по пути домой Буш совершил посадку в Вильнюсе»³. Буш не стал этого делать вовсе не потому, что не хотел поддерживать литовского сепаратиста, а потому, что для него важнее в плане мировой политики была Украина, без которой существование Советского Союза являлось весьма и весьма проблематичным. Можно предположить, что для изучения обстановки на месте перед августовскими событиями и прибыл Буш в Киев.

Еще больше оснований говорить об этом применительно к его пребыванию в Москве. Довольно характерны два момента, связанные с Бушем в Москве. О них рассказывает Горбачев, не понимая в полной мере, как нам кажется, подлинной их сути: «В рамках визита состоялись два официальных обеда: с нашей стороны — в Грановитой палате, а с американской — в резиденции посла США. Первым был наш обед. По протоколу я и Раиса Максимовна пред-

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 305.

² Там же. С. 304.

³ Там же. С. 304—305.

ставляли президентской чете США приглашенных. В числе первых подошедших гостей оказалась супруга Ельцина, которую почему-то сопровождал Гавриил Попов¹. А в конце церемонии, когда гости все прошли, появился в гордом одиночестве Ельцин. Подходит и приглашает Барбару Буш в Грановитую палату. Все в недоумении (кроме меня, я-то Бориса знаю. Накануне он звонил мне и обращался с просьбой дать ему возможность выступить на обеде вместе со мной и Бушем. Я, естественно, отказал ему в этом. Зачем?). Смущена была и госпожа Буш: она ждет приглашения Президента СССР, хозяина приема. «Разве так можно?» — восклицает она. Президент России очень хотел обратить на себя внимание. Потом уже на обеде в посольстве США Назарбаев и Ельцин были недовольны тем, что их не посадили за главные столы. И где-то в середине приема, поднявшись с мест, направились вдвоем к президенту США. Это само по себе ничего не значило, если бы от Ельцина и Назарбаева не последовали горячие клятвенные заверения американскому президенту в том, что *они* «сделают все для успеха демократии в этой стране». Сидящие за столами наблюдали за происходящим не только с любопытством, но прежде всего с недоумением и естественным вопросом — что бы все это значило? И лишь наши герои не испытывали никакого смущения. Конечно, это уже выходило за всякие рамки. Это был сигнал Президенту СССР — предстоят нелегкие времена»².

Поведение Ельцина и в первом и во втором случаях — это поведение человека, претендующего на роль хозяина. Имел ли он на это какие-нибудь основания? По-видимому, да. Информированный американцами и сблизившийся с ними, он, наверное, знал, что Горбачев вскоре окажется на задворках власти и политики. Об осведомленности Ельцина свидетельствует то, что он готовился к августу-91.

---

¹ До чего же недогадлив Горбачев: «понтитский грек» сделал правильный выбор... Видно, «суть бо греци лстивы и до сего дни».

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 308.

В плане такой подготовки следует, по нашему мнению, рассматривать посещение Ельциным Тульской дивизии. Повествуя об этом, Ельцин сообщает довольно любопытные подробности: «Незадолго до путча я посетил образцовую Тульскую дивизию. Показывал мне боевые части командующий воздушно-десантными войсками Павел Грачев. Мне этот человек понравился — молодой генерал, с боевым опытом, довольно дерзкий и самостоятельный, открытый человек. И я, колебавшись, решился задать ему трудный вопрос: «Павел Сергеевич, вот случись такая ситуация, что нашей законно избранной власти в России будет угрожать опасность — какой-то террор, заговор, попытаются арестовать... Можно положиться на военных, можно положиться на вас?» Он ответил: «Да, можно»¹. Так Ельцин предусмотрительно склонил на свою сторону генерала Грачева, который «во время путча сыграл одну из ключевых ролей, отказавшись поддержать членов ГКЧП»². Не надо обладать особой проницательностью, чтобы понять приговорительный характер действий российского президента. Значит, он ждал прихода «путчистов»³.

К «сопротивлению» путчистам окружение Ельцина также подготовилось заблаговременно. По свидетельству генерала К. Кобеца, руководившего «обороной» Дома Советов, у него «в сейфе утром 19-го уже лежал отработанный план противодействия путчистам. Он назывался план

---

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 83.

² Там же. С. 74.

³ Факт частных контактов Ельцина с Грачевым в Туле подтверждает А. В. Коржаков. «Весной 91-го,— сообщает он,— мы побывали в воздушно-десантной дивизии в Туле, там шеф уединялся с Грачевым, и с глазу на глаз они обговаривали, как лучше вести себя в подобной ситуации. Реального ГКЧП, конечно, никто не допускал, но профилактические разговоры велись на всякий случай» (К о р ж а к о в А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. С. 83). С последним утверждением Коржакова согласиться, на наш взгляд, нельзя. Путчевую ситуацию не только допускали, но и готовили. Поэтому Ельцин уединенно беседовал с Грачевым не «на всякий случай», а в ожидании «путча» или чего-то подобного ему.

«Икс». Мы тут же начали возводить баррикады. По секторам, внешним и внутренним, на все участки обороны я тут же старшими назначил наших офицеров — а в штабе обороны было всего лишь девять генералов. Мы заранее определили, какое предприятие, что должно нам выделить: где взять железобетонные плиты, где металл и т.д. Продумали, каким образом обрезать провода, как забаррикадировать мост, чтобы на него не прошли танки»¹. Как видим, созданный заранее «штаб обороны» разработал «план противодействия путчистам», зная, следовательно, наперед, что будет именно «путч» (а не какая-то иная по форме акция) с применением военной силы и ввода танков в Москву. Впрочем, разработать этот план не представляло особого труда, поскольку он составлялся по известному уже образцу, на что обратил внимание А. И. Лукьянов: у Дома Советов РСФСР «строились баррикады, создавались боевые дружины, горели костры. Все это было очень похоже на зимние баррикады вокруг литовского, латвийского и эстонского парламентов. Казалось, сценарий писался рукой одного и того же изощренного драматурга»².

Надо сказать, что разработчики плана «Икс» явно пересолили, чересчур драматизируя предстоящие события и предусматривая меры, не симметричные действиям ГКЧП. До штурма Белого дома дело не дошло, «а к окружавшим дворец баррикадам, как потом рассказывали [очевидцы], так никто и не приближался»³. И вовсе не потому, будто «намерения хунты оказались не адекватны ее реальным возможностям», как считает А. А. Истомин⁴, а потому, что подобной задачи гэкачеписты не ставили⁵. Ведь самому А. А. Истомину в первый же день «путча» стало ясно, что «переворот какой-то «ненормальный» — по сравнению с типичными военными переворотами, например, где-нибудь

---

¹ Московский комсомолец. 1991, 31 августа.

² Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 36.

³ Истомин А. А. Революция, которая была праздником // Этнографическое обозрение. 1992, № 3. С. 62.

⁴ Там же.

⁵ Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 191, 424—425.

в странах «третьего мира». ГКЧП, объявив войну демократии, казалось, не спешил разворачивать боевые действия, ограничиваясь демонстрацией силы»¹. Однако и «демонстрация силы» была настолько вялой и нерешительной, что никого не устрашала. Невероятно, но факт: колонны бронетехники двигались по улицам Москвы неспешно и останавливались на красный свет светофоров, вызывая тем удивление у наблюдателей². Уличное движение, по свидетельству ехавшего 19 августа в машине с Лубянки в Ясенево генерала КГБ Шебаршина, продолжалось «обычным порядком» и пришлось «задержаться лишь минуты на три на проспекте Вернадского у выезда на кольцевую дорогу»³. Поразительно, что управление войсками, введенными в столицу, осуществлялось если не полностью, то, во всяком случае, частично из Белого дома. Генерал Кобец рассказывает: «Я постоянно связывался с Калининым (командующий Московским военным округом.— И. Ф.) по телефону, иногда чуть ли не по несколько часов не отнимал трубку от уха. Я ему: Николай Васильевич, такой-то полк такой-то дивизии идет по такому-то маршруту. Останови! Дай такую-то команду! Не вздумай ничего сделать! Не вздумай дополнительные силы! И он выполнял это»⁴.

К. Кобец, кроме того, звонил утром 19 августа начальнику связи Генштаба генералу В. Лисовскому и начальнику связи Генштаба генералу В. Зарембо с просьбой «помочь ему со связью и передачей в войска обращения Ельцина. Как мы знаем сегодня, просьба была выполнена. Более того, Кобец говорил, что даже когда были соответствующие комиссии, направленные начальником Главного оперативного управления, чтобы найти, где мы «присосались» к системе связи, с тем, чтобы нас парализовать, то генерал Зарембо им ничего не показал, не пояснил, действо-

---

¹ И с т о м и н А. А. Революция, которая была праздником. С. 62.

² Ш е б а р ш и н Л. В. Из жизни начальника разведки. С. 139.

³ Там же. С. 140.

⁴ Московский комсомолец, 1991, 31 августа.

вал очень хорошо. Подтверждают свои «хорошие» действия и они сами»¹.

Наряду с К. Кобецом, командирам звонил также В. Иваненко, о чем сообщает Гайдар, находившийся в то время в Белом доме: «Иваненко непрерывно связывается по телефону с командирами Московского военного округа, внутренних войск, частей КГБ. Говорит примерно одно и то же: звоню по поручению Ельцина, не ввязывайтесь в это дело, держите личный состав и технику в стороне...»² «Командиры», видно, слушались Иваненко. ГКЧП, следовательно, сохранял себе на погибель телефонную связь Белого дома с внешним миром. Что это: просчет или намеренность?..

Цель распоряжений, отдаваемых Кобецом, заключалась, по всей видимости, в том, чтобы вызвать путаницу и неразбериху в прохождении по Москве армейских соединений. И она была достигнута: «В общем, получилось черт знает что, какое-то хаотичное движение. И дисциплина уже была нарушена»³. Так развивалась военная ситуация в Москве.

Что касается Ленинграда, то командующий Ленинградским военным округом генерал Самсонов вообще не отдал приказ о вводе войск в город, ограничившись заявлением по телевидению утром 19 августа о введении чрезвычайного положения. Но то были только слова, не подкрепленные реальными действиями. Более того, Самсонов пообещал Собчаку не вводить войска в невскую столицу⁴. Поэтому в Ленинграде не удалось, как в Москве, создать хотя бы видимость вооруженного сопротивления «путчистам». И тем не менее в демократических СМИ много говорилось о сопротивлении «путчу» в Ленинграде. А в западной пе-

---

¹ П а в л о в В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. С. 49.

² Г а й д а р Е. Г. Дни поражений и побед. С. 78.

³ Московский комсомолец. 1991, 31 августа.

⁴ «Командующий Ленинградским округом Самсонов после разговора с мэром заявил: будьте спокойны, войск в Ленинграде не будет. Об этом мне говорил А. А. Собчак», — пишет Горбачев (Г о р б а ч е в М.С. Августовский путч... С.21).

чати распространялась даже легенда о том, будто Собчак 19 августа 1991 года «смог остановить путч». И эта заведомая чушь выносится на обложку его книги «Жила-была коммунистическая партия», чтобы создать автору имидж решительного борца с гэкачепистами¹.

Генерал Кобец, объясняя послушность командующего Московским военным округом Калинина, говорит: «Он подчинялся фактически двум командирам. С одной стороны, он не мог нарушить приказ министра обороны. С другой — не мог пойти против народа. Калинина просто подставили самым наглым образом»². 19—21 августа «подставили» далеко не одного Калинина. И народ здесь упомянут зря, ибо народные массы проявили равнодушие и безразличие к происходящему в верхах³. А вот подчинение «двум командирам», т.е. двоедушие, забвение чести офицера, неверность воинскому долгу и присяге, Кобец устанавливает точно. Однако, кроме Калинина, надо тут назвать и генерала Е. И. Шапошникова, который, по свидетельству Кобца,

---

¹ О том, как этот «герой сопротивления» вел себя в действительности, говорит В. А. Крючков: «К исходу дня 20 августа нормализовалась обстановка в Ленинграде, а точнее, она и не обострялась до опасной степени, во всяком случае, никакой информации на этот счет не поступало. Мэр города Собчак занял в целом негативную, но осторожную позицию по отношению к ГКЧП, он явно выжидал» (Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 193).

² Московский комсомолец. 1991, 31 августа.

³ В аналитической записке американской резидентуры, содержащей оценку положения в России после событий 19—21 августа, читаем: «Не произошло сознательного и окончательного разворота масс в сторону демократии, о чем свидетельствует *пассивность большинства населения в дни августовских событий*» (курсив мой.— И. Ф.) (см.: Широнин В. С. Под колпаком контрразведки... С.157). Руководитель советских спецслужб характеризует ситуацию в стране аналогичным образом: «Во всем Союзе, всей России не встало ни одно промышленное предприятие, ни один трудовой коллектив не прекратил работу и не вышел на митинг протеста или демонстрацию. Люди спокойно работали, предоставив Москве самой разбираться с проблемами, решить вопрос о власти и о том, что следует предпринять для стабилизации обстановки в государстве» (Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 193).

«не дал вертолеты» для высадки на крышу Белого дома передовому отряду 103-й воздушно-десантной дивизии КГБ¹. Правда, задачу Шапошникову облегчил поп-демократ Глеб Якунин, возносивший молитву Богу о победе над гэкачепистами. Молитва якобы дошла до слуха Господня: «И Бог сделал такую погоду, что вертолеты не взлетели бы»². Кобец не разъясняет, какому богу молился Якунин. Но мы-то знаем, кто бог демократов³.

Услуга Шапошникова оказалась настолько важной, что о ней сочли необходимым специально упомянуть Горбачев и Ельцин. По Горбачеву, «генерал Шапошников не пошел с заговорщиками. А ведь нужно было всего три самолета — и от «Белого дома», да и от Кремля остались бы руины»⁴.

---

¹ Московский комсомолец, 1991, 31 августа.

² Там же.

³ Митрополит Иоанн. Одоление смуты. Слово к русскому народу. СПб., 1995.

⁴ Горбачев М. С. Августовский путч... С. 21.— Горбачев тут передергивает факты, излагая их так, будто Шапошников, разойдясь с заговорщиками, сберег тем самым Кремль от бомбежки. Не понять, для чего «заговорщикам» понадобилось бы бомбить Кремль. Ведь Ельцин и его люди находились в Белом доме, а не в Кремле. Горбачев, как говорится, «слышал звон, да не знает, где он», или только делает вид, что не знает. В печати, как известно, прошло интервью Генерального прокурора России В. Г. Степанкова о том, что в августовские дни готовилась бомбардировка Кремля. Перед А. И. Лукьяновым был поставлен вопрос, правда ли это. Он ответил: «Я и сам удивился, узнав, что Генеральный прокурор России выдал эту «следственную тайну». Если бы она касалась «злодеяний так называемых путчистов», то куда ни шло. Но тут ведь речь шла о намерениях, которые вынашивали люди, действовавшие вместе с «демократами». Причем прокурор проговорился о совершенно реальном, никем не оспариваемом факте. Действительно, об этом свидетельствует один из самых близких к Президенту России людей, приезжавший вечером 20 августа в штаб воздушно-десантных войск к генералу Грачеву. Он сообщает, что на следующий день, когда они вновь встретились с генералом уже в более спокойной обстановке, Грачев рассказал, что у него была договоренность с Шапошниковым о том, что если не будет другого выхода, то «для того, чтобы отвлечь силы путчистов от Белого дома, будет дана команда двумя самолетами бомбить Кремль, где находятся члены ГКЧП» (Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 37—38).

Согласно же Ельцину, генерал Шапошников «мужественно повел себя во время путча. Сколько ни давили на него Язов и его окружение, он не поддался на провокации и сделал все, чтобы военная авиация не принимала участия в перевороте»¹. Ельцин упоминает также генерала Б. В. Громова, с которым Ю. В. Скоков по поручению президента поддерживал «неформальные связи»². Особенно тесные такого рода «неформальные связи» сложились у Ельцина с генералом Грачевым. Именно ему Ельцин позвонил 19 августа. «Это был один из самых моих первых звонков из Архангельского, — рассказывает президент. — Я напомнил ему наш разговор. Грачев смутился, взял долгую паузу, было слышно на том конце провода, как он напряженно дышит. Наконец он проговорил, что для него, офицера, невозможно нарушить приказ. И я сказал ему что-то вроде: я не хочу вас подставлять под удар... Он ответил: «Подождите, Борис Николаевич, я пришлю вам в Архангельское свою разведроту» (или роту охраны, не помню). Я поблагодарил, и на том мы расстались. Жена вспоминает, что уже в то раннее утро я положил трубку и сказал ей: «Грачев наш». Почему? Первая реакция Грачева меня не обескуражила. Больше того, не каждый в такой ситуации смог бы ответить прямо. Приказ есть приказ... И все-таки какая-то зацепка была, Грачев не отрекся от своих слов.

Следовательно, угроза бомбежки Кремля исходила от демократов, а не от гэкачепистов. И она, по-видимому, была реальной, поскольку соответствовала той грандиозной провокации, которую тогда затеяли в Москве. Она была реальной еще потому, что в демократическом лагере находились и такие лица, которые не имели никаких сдержек. В полной мере они продемонстрировали свой принцип «дозволено все» несколько позже, расстреляв прямой наводкой из танковых орудий Белый дом. (К р ю ч к о в В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 200).

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 145. — Нельзя сказать, чтобы Язов уж очень «давил» на Шапошникова, который, как нам припоминается, сразу после поражения ГКЧП говорил одному телевизионному корреспонденту, что министр обороны в один из моментов, когда Шапошников был с ним наедине, посоветовал командующему ВВС не очень усердствовать в деле исполнения приказаний.

² Там же. С. 144.

И это было главное. В общем-то мало у человека бывает таких секунд, когда решается, быть может, главный вопрос жизни. Пока Грачев дышал в трубку, он решал судьбу не только свою, но и мою. Судьбу миллионов людей. Вот как бывает. Конечно, военачальнику такого ранга было очень непросто. Он был слишком тесно подключен к действиям ГКЧП, сам отдавал приказы о вводе войск в Москву, сам руководил военной стороной путча. И в то же время поддерживал нас. То, что на этом посту оказался человек такого склада, как Грачев, — волевой, самостоятельный и независимый, было для России настоящей удачей»¹.

Позволительно спросить: в чем заключается эта «настоящая удача»? Неужели в том, что Россию (СССР) расчленили, а народы страны, прежде всего русский народ, бросили в пучину бед? Честнее было бы сказать, что августовская история стала «настоящей удачей» для Ельцина и тех, кто ему помогал². Выиграл, разумеется, и Грачев. Вот что говорил об этом в августе 1992 года Г. Х. Попов: «Недавно, выступая по Российскому телевидению, тогдашний первый заместитель главы правительства Юрий Скоков сам рассказал о переговорах в дни путча с тогдашним командующим воздушно-десантными войсками генералом Павлом Грачевым. Грачев, по словам Скокова, был против ГКЧП, но, вполне естественно, интересовался гарантиями со стороны Ельцина. Если учесть, что штурм Белого дома десантниками не состоялся и что Грачев стал министром обороны России, то нетрудно предположить, что обе стороны свои обязательства выполнили. В будущем выяснится, сколько еще было переговоров такого рода»³. Попов, следовательно, воспроизводит торг, по которому один получил высшую власть, а другие — престижные и доходные

---

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 83—84.

² «Начиная расследование убийства, — замечает М. Я. Геллер, — следователь задает обязательный вопрос: кому оно было выгодно? Первые результаты неудачного заговора очевидны: он принес пользу Ельцину...» (Геллер М. История России 1917—1995. Т. 4. С. 123), а значит, и его помощникам.

³ П о п о в Г. Август девяносто первого.

должности, т.е. доступ к «кормушке». Такова проза жизни, на фоне которой героизация Ельциным образа Грачева выглядит по меньшей мере забавно.

Г. Х. Попов имел основания рассматривать этот торг как одно из важнейших условий победы над гэкачепистами. «Победа в дни путча,— пишет он,— была обеспечена не только действиями масс, но и сложными и тонкими переговорами Ельцина с армией и безопасностью с местными аппаратчиками. И только в будущем станет ясно, какой вклад внесли эти переговоры и принятые Ельциным обязательства»¹.

Однако и тогда и сейчас понятно, что так называемые действия масс имели декоративный характер, тогда как главное, вынужден признать даже Ельцин, «происходило за кулисами событий»². Там, за кулисами, трудно, конечно, разглядеть, кто сидел за пультом управления. Думается, ни Павел Грачев, ни Евгений Шапошников, ни Борис Громов, а кто-то другой. Эти генералы, скорее всего, выступали в подсобной роли исполнителей³.

На Ельцина работали не только люди, одетые в военные мундиры, но и те, что носили «партикулярное платье», т.е. «местные аппаратчики», по терминологии Г. Х. Попова. О таких пособниках говорит Н. И. Рыжков: «Вспомните, например, как один «демократический» министр Н. Во-

---

¹ П о п о в Г. Август девяносто первого.

² Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 83.

³ Контакты отдельных лиц из высшего генералитета, в частности Грачева, с людьми Ельцина не являлись секретом для некоторых членов ГКЧП. В. А. Крючков вспоминает: «Появились настораживающие сведения о поведении тех, кто с самого начала был на стороне ГКЧП. В Комитет госбезопасности, да и к Язову, поступили сведения о контактах одного из заместителей министра обороны СССР, а также командующего воздушно-десантными войсками Грачева с представителями российских властей. Грачев, надо сказать, с самого начала, с утра 19 августа, стал устанавливать контакты с представителями российского руководства, в рамках которых бросал шары и в ту и в другую корзину» (К р ю ч к о в В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 199). Удивительно, что, зная об этом, Крючков и Язов не сделали ничего, чтобы остановить Грачева и ему подобных генералов.

ронцов аккуратно зафиксировал все выступления на известном августовском заседании Кабинета, чтобы потом нижайше преподнести их Ельцину. Вспомните твердый голос и указующий перст того заседания парламента России: «Читайте, Михаил Сергеевич, что говорят ваши министры, читайте!»¹ Известно имя другого «споспешника». Это — заместитель председателя правительства В. И. Щербаков. Приведем свидетельство Крючкова: «Для решения текущих задач 20 августа в ГКЧП была создана группа по координации, обработке поступающей информации и подготовке рекомендаций, конкретных предложений во главе с Баклановым. В эту группу вошли представители ряда министерств, ведомств, аппарата Кабинета министров. Она приступила к работе сразу после создания. Однако из-за болезни Павлова не работал Кабинет министров. В. И. Щербаков, которому Павлов поручил исполнять обязанности председателя правительства, был для этой роли самой неподходящей фигурой. Его политическая ориентация никогда не отличалась четкостью и откровенностью. В этом отношении он был непредсказуем. Точнее, можно было безошибочно предположить, что его деятельность примет негативный характер. Так оно и случилось»².

Остается только спросить: почему такому человеку Павлов поручил исполнять обязанности председателя правительства? Быть может, в этом тоже есть свой, неизвестный нам смысл?.. Конечно, упомянутые и военные и штатские лица — лишь разные по размерам винтики в машине, запущенной умельцами, стоящими повыше.

Присутствие в августовских событиях мощной направляющей силы ощутил принимавший непосредственное участие в этих событиях генерал А. И. Лебедь, который видел, как «самолеты сбивались с графика, шли в разной бой, заявлялись и садились не на те аэродромы. Подразделения полков смешались, управление частично нарушилось. Комдива вместо Чкаловска посадили в Кубинке. И за

---

¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 17.

² Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 189.

всем этим беспорядком чувствовалась чья-то крепкая организационная воля»¹. А. И. Лебедь попал, что называется, в самую точку, задел, так сказать, основной нерв. Отсюда соответствующая реакция со стороны Ельцина, который, надо полагать, знал о тайных пружинах происходящего. Он пишет: «Царящий в тот день (20 августа.— И. Ф.) среди военных хаос генерал Лебедь пытается объяснить каким-то сверххитроумным заговором «темных сил»... Но хаос — настоящий — нельзя так хитро организовать. Направить. Он образуется по самым элементарным причинам. Какой по счету была десантная дивизия, которую Лебедь ездил принимать в Кубинку? Какой по счету из тех, что вводились в те дни в Москву? Четвертой? Пятой? Шестой? Штурм Белого дома можно было осуществить одной ротой. Отсутствие заранее подготовленного плана военные заменили обычным русским «навались». Но главное, конечно, было не в этом. Двойственность отношения к происходящему царила в высшем эшелоне командования — еще до того, как военные пошли на контакт с нами. Армия понимала, что КГБ опоздал с действиями на целые сутки. И теперь, как говорит Лебедь Грачеву в мемуарах, «любые силовые действия на подступах к зданию Верховного Совета приведут к массовому кровопролитию». Это будет тяжелейший моральный удар по военным, от которого они не оправятся. Поэтому они лишь имитируют подготовку к штурму, имитируют военные действия, тянут время»².

Непонятно, почему нельзя организовать хаос, будь он и настоящий. Ведь этим успешно занимался, как мы видели, даже генерал Кобец, «сидя на телефоне» в Белом доме. Что касается генерала Лебеда, то с хаосом и неразберихой он столкнулся не только в Кубинке. В целом тогда, с точки зрения военного человека, «творилось что-то невообразимое, дикое, противоестественное. И у истоков этой дикости стояли самые высокие начальники»³. Следовательно,

---

¹ Лебедь А. И. За Державу обидно... С. 310.

² Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 116.

³ Лебедь А. И. За Державу обидно... С. 309.

у части «самых высоких начальников» не было никакого «двойственного отношения к происходящему», и они целенаправленно создавали хаотическую ситуацию в войсках, действуя в интересах лишь одной стороны. Могли ли они так действовать, не имея опоры в лице могущественных сил, находящихся, по выражению Ельцина, «за кулисами событий»? Конечно, нет.

«Штурм Белого дома можно было осуществить одной ротой», — утверждает Ельцин. Но какова тогда цена разрекламированного подвига защитников Белого дома? Зачем столько «шума из ничего»?

Б. Н. Ельцин, возражая Лебедею, допускает одну существенную, на наш взгляд, оговорку: у генерала речь идет о «чьей-то крепкой организационной воле», а президент говорит о «каком-то сверххитроумном заговоре темных сил», хотя перед этим текст из книги Лебедея цитирует точно. Совершенно очевидно, что Лебедь рассуждает об одном, а Ельцин — о другом. Данную оговорку следует, по нашему мнению, рассматривать как ошибочное действие, подлежащее психоанализу, и отнести ее к разряду «замещения, или субституции»¹. С точки зрения психоаналитика, ошибочные действия (оговорки) «не являются случайностями, а представляют собой серьезные психические акты, имеющие свой смысл, они возникают благодаря взаимодействию, а лучше сказать, противодействию двух различных намерений»². В результате столкновения в сознании российского президента догадки Лебедея и подлинного президентского знания возникла оговорка, выдающая деятельность закулисных сил, известную президенту.

В плане психологическом представляет интерес акцентирование Ельциным внимания на «массовом кровопролитии» при возможном взятии военными Белого дома. Из целого рассказа Лебедея президент берет единственную фразу: «любые силовые действия на подступах к зданию Верховного Совета приведут к массовому кровопроли-

---

¹ Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989. С. 17.

² Там же. С. 25.

тию». Между тем Лебедь воспроизводит диалог, состоявшийся между ним и командующим ВДВ генералом Грачевым: «Товарищ командующий, карты на бочку! Я в эти игры не играю. Вы знаете, я всегда готов выполнить любой приказ, но я должен понимать его смысл. В марионетки не гожусь и затевать в столице Союза совершенно непонятную мне войну, которая по сути своей является гражданской, не стану. Любые силовые действия на подступах к зданию Верховного Совета приведут к массовому кровопролитию. Можете так и доложить по команде». Грачев, по словам Лебеда, «просиял» и сказал: «Я тебя не зря учил, Александр Иванович!.. Я тебе всегда верил, и замечательно, что не ошибся. Сделаем так: ты сам лично поедешь к Верховному Совету и найдешь возможность довести до сведения его защитников, что блокирование, возможно, и штурм начнутся в 3 часа ночи»¹. Лебедь выполнил поручение Грачева, но «назвал не три, а два часа, оставив так называемый «ефрейторский зазор»»².

Выделение Ельциным из разговора Лебеда с Грачевым только фразы о «массовом кровопролитии» нельзя считать случайностью. Оно свидетельствует о внутреннем его состоянии, связанном с ожиданием пролития крови, требуемого сценаристами августовских событий. Генерал Грачев знал об этом или догадывался, поэтому, наверное, и «просиял», когда услышал о возможном кровопролитии у стен Белого дома. Командующий ВДВ тут же послал Лебеда «к Верховному Совету», где тот через наиболее заслуживающих доверия людей передал Скокову и Коржакову (стало быть, и Ельцину) сведения о часе возможного штурма Белого дома, а значит, — пролития крови.

Объясняя армейскую сумятицу и нежелание военных прибегнуть к крайним мерам, Б. Н. Ельцин указывает на просчет КГБ: «Армия понимала, что КГБ опоздал с действиями на целые сутки». Нельзя говорить, что КГБ уж очень спешил, а лучше сказать, вовсе не спешил. Вот взгляд из

---

¹ Лебедь А. И. За Державу обидно... С. 309—310.

² Там же. С. 310.

самого КГБ, мнение начальника внешней разведки и члена Коллегии КГБ генерала А. В. Шебаршина, многое для которого было странным и непостижимым, наводило на размышления и вопросы¹: «почему ГКЧП действовал столь вяло, неуверенно и нерешительно, почему Крючков в этот ответственный момент не привел в действие весь комитет, почему не были изолированы российские руководители, почему не была отключена связь с Белым домом? Вопросы — крупные и мелкие — неотвязны. Не самый главный, но для меня весьма существенный: почему Крючков не пытался вовлечь в свои замыслы начальника разведки, хотя бы предупредить меня о том, что одно из наших подразделений может потребоваться для решительных действий в Москве»². Шебаршин недоумевает по поводу того, «что в действительности случилось 19—20 августа, каким образом дальновидный, хитрый, целеустремленный Крючков оказался в тюрьме, на что он рассчитывал, почему так нелепо, по-дилетантски проводились меры чрезвычайного положения»³.

Громадный интерес представляют воспоминания Шебаршина о дне 19 августа: «Начальник ПГУ и его заместители узнали о создании ГКЧП и введении в стране чрезвычайного положения утром 19 августа из сообщений по

---

¹ Член ГКЧП министр обороны СССР Д. Т. Язов пошел еще дальше, указав на бездействие ГКЧП. В. А. Крючков рассказывает, как 21 августа в 10 часов утра он и «несколько членов ГКЧП, а также Шенин, Прокофьев и Плеханов, который был приглашен несколько позже в связи с предстоящей поездкой к Горбачеву, отправились к Язову на Фрунзенскую набережную в Министерство обороны. Хозяин кабинета встретил вежливо, внешне спокойно, но на лице было написано, что в нем все бурлит: огромная напряженность, усталость и даже какая-то отрешенность. На замечание, что мы приехали посоветоваться с ним лично о дальнейших шагах, Язов, как показалось, с укоризной и обидой заявил, что в ответ на бездействие ГКЧП, а также других ведомств (курсив мой. — И. Ф.) коллегия Министерства обороны приняла решение о выводе войск из Москвы, и вывод войск уже начался» (Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 200).

² Шебаршин А. В. Из жизни начальника разведки. С. 101.

³ Там же. С. 138.

радио. Этот факт, установленный двумя комиссиями — ведомственной и государственной. Тем же утром начальник ПГУ участвовал в совещании у председателя КГБ. День 19 августа проходил так. Звонок дежурного: «Совещание в кабинете председателя в 9.30». Если раннее утро начинается с телефонных звонков, добра не жди. Это вестники тревоги, нарушения нормального хода жизни. Мелькнула мысль: «Нормальной жизни уже не будет никогда». Передаю информационной службе указание записывать на пленку передаваемые по радио тексты документов ГКЧП и отправляюсь из Ясенева на Лубянку. Как обычно по утрам в понедельник, на улицах много автомашин, люди возвращаются из-за города. Очереди на автобусных остановках, народ спешит на работу. Спокойно в центре, обычная толкучка у «Детского мира», никаких внешних признаков ЧП. В углублении коридора напротив кабинета председателя ждут 9.30 знакомые все лица — члены коллегии, начальники управлений. Все слегка подавлены, не слышно разговоров, не видно улыбок. Крючков начинает совещание без предисловий; *понять, что произошло, невозможно*. По привычке делаю короткие пометки, по привычке про себя пытаюсь кратко, одной фразой, прокомментировать речь Крюčkова. Получается: *«Чрезвычайное положение введено с целью помочь в уборке урожая»*. Говорит Крючков отрывисто, он очень возбужден, завершает выступление примерно такими словами: *«Работайте!» С предложением задавать вопросы не обращается*. Мелькнула фигура Плеханова, начальника службы охраны, генерал совершенно подавлен. («Видимо, беспокоится о здоровье президента? Ведь он болен?») Какой-то ободряющий жест в его сторону сделал Крючков. *Расходимся понурые, обмениваемся не мнениями, а бессмысленными ругательствами вполголо-са»* (курсив мой. — И. Ф.)¹. В. А. Крючков, стало быть, выступив с разъяснениями по поводу начавшихся 19 августа событий перед командным составом КГБ, не поставил пе-

---

¹ Ш е б а р ш и н А. В. Из жизни начальника разведки. С. 138-139.

ред сослуживцами какой-нибудь задачи, но отпустил их с пустым в тот момент напутствием: «Работайте».

Аналогичную картину воссоздает генерал КГБ В. С. Широнин. «В середине августа 1991 года,— сообщает он,— я возвратился из командировки в Нахичевань. Доложил о прибытии. *Каких-то внеочередных указаний не последовало, наоборот, было предложено несколько суток отдохнуть.* О создании ГКЧП услышал лишь из сообщения по радио и срочно прибыл в центральное здание на Лубянке. *Большинство сотрудников также слышали аббревиатуру «ГКЧП» впервые, она ничего им не объясняла. Собирались по кабинетам, ждали разъяснений. Обстановка была спокойной, в чем-то даже обыденной* (курсив мой.— И. Ф.). К середине дня 19 августа оперсостав, наконец, был оповещен, что Крючков провел совещание с руководителями подразделений, на котором объявил, что вводится режим ЧП. С какой целью? Воспрепятствовать дезорганизации страны, погасить межнациональные конфликты. Вдобавок участники совещания рассказали, что Крючков несколько раз возвращался к вопросу об уборке урожая. Говорил, что надо бы сформировать бригады чекистов в общей сложности до 2 тысяч человек и послать их на помощь селу. Стало также известно, что... ожидается выступление В. Крюčkова на сессии ВС РСФСР. Но выступление не состоялось...»¹

Свидетельства А. В. Шебаршина и В. С. Широнина подтверждает бывший руководитель разведки ГДР М. Вольф. Касаясь событий августа 1991 года, он пишет: «Мои давние коллеги в КГБ горько сетовали на то, что даже они не были проинформированы о том, что происходит. Так как они прекрасно понимали полную дезорганизованность и непродуманность происходящего, не удивительно, что они отказались поддержать путчистов открыто»².

---

¹ Ш и р о н и н В. С. КГБ—ЦРУ. Секретные пружины перестройки. С. 233.

² В о л ь ф М. Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки. С. 374.

Итак, становится ясно, что КГБ 19—21 августа был скорее пассивен, чем активен. В. А. Крючков, как явствует из сообщений Шебаршина, Широнова и Вольфа, держал свой Комитет (за исключением группы «Альфа»), так сказать, на расстоянии от событий этих дней, полагая, очевидно, что обойдется без гэбистов и в конце концов сумеет уладиться с российским руководством¹. Это собственно подтверждает и Ельцин, говоря о «выжидательной позиции КГБ»². Такая выжидательность сбивалась на отстраненность. Но какая в России «свадьба без баяна», а путч — без КГБ?..

Привлекает к себе внимание упоминание Широным намечавшегося выступления председателя КГБ в Верховном Совете РСФСР. Об этом говорит и сам Крючков: «В ночь на 21 августа у меня состоялись два или три разговора с Ельциным. Ему я говорил, что никакого штурма «Белого дома» не намечается. Разговоры были вполне спокойными. Я не почувствовал какого-то раздражения, более того, Ельцин сказал, что надо искать выход из создавшегося положения, и хорошо было бы ему, Ельцину, слетать вместе со мной в Форос к Горбачеву для того, чтобы отрегулировать ситуацию. Он предложил мне выступить

---

¹ Такую надежду, вероятно, подавали достаточно спокойные и отчасти конструктивные переговоры ГКЧП с руководителями союзных республик, а также краев и областей: «19, а затем 20 августа члены ГКЧП переговорили по телефону с руководителями всех союзных республик, многих краев и областей. Кравчук (Украина), Назарбаев (Казахстан), Акаев (Киргизия), Дементей (Белоруссия) и другие отмечали сложность ситуации, осуждения по поводу введения чрезвычайного положения не высказывали, а Кравчук даже сказал, что не исключает возможности введения чрезвычайного положения в западных областях Украины, где обстановку считал наиболее настораживающей. Спокойный разговор состоялся с Назарбаевым. Положение в стране он также оценивал как критическое, не испытывал никакого восторга от предстоящего подписания нового Союзного договора. Условились поддерживать контакт и обмениваться информацией» (Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 192-193).

² Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 96.

на открывавшейся 21 августа сессии Верховного Совета РСФСР с объяснением обстановки и ответить на возможные вопросы. Я посоветовался с Янаевым и дал согласие на вылет к Горбачеву в Форос и на выступление на сессии Верховного Совета России. Мы условились утром 21 августа решить технические вопросы и реализовать договоренность»¹.

Об одном из этих телефонных разговоров вспоминает и Б. Н. Ельцин: «Разговор наш дословно не помню, но сценарий его был интересный. *Крючков оправдывался*» (курсив мой.— И. Ф.)². Если Крючков на самом деле оправдывался, то он тем самым укреплял Ельцина в мысли о слабости, неуверенности и нерешительности ГКЧП, об эфемерности планов гкачепистов. «Тихий старичок со стальным взглядом», как Ельцин характеризует Крючкова, должен был понимать, в каком ключе надо вести разговор с Ельциным. Он избрал тон оправдательный. Время покажет, случайность ли это... Показателен и телефонный разговор Ельцина с Янаевым. «Я вспоминаю,— повествует российский президент,— довольно мрачный эпизод августовского путча. Как я звонил Янаеву. Я сказал ему, что их заявление о здоровье Горбачева — ложь. Потребовал медицинского заключения или заявления президента. «Будет заключение»,— ответил он»³. Стиль разговора (если он верно передан) совершенно не соответствует тому, когда на одном конце провода находится путчист, а на другом — его политическая жертва. Во всяком случае, с настоящими путчистами, представляющими серьезную опасность, в такой вызывающей манере не говорят.

У Крючкова имели место и другие, вполне мирные, телефонные контакты с представителями российского руководства. Так, глубокой ночью 21 августа, после гибели на Калининском проспекте трех парней, он говорил по телефону с Г. Э. Бурбулисом. Крючков рассказывает: «По это-

---

¹ Крючков В.А. Личное дело. Ч. 2. С. 197—198.

² Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 98.

³ Там же. С. 131.

му поводу примерно в два часа ночи 21 августа у меня состоялся разговор с Бурбулисом. Я обратил его внимание на провокационные действия лиц из числа так называемых защитников «Белого дома». Сказал, что никакого нападения со стороны военнослужащих не было, напротив, в отношении последних была совершена грубая провокация. *Бурбулис обещал разобраться и принять меры*» (курсив мой.— И. Ф.). По форме перед нами разговор, если не партнеров, то, во всяком случае, не ожесточенных врагов. Быть может, Крючков тут сочиняет? Однако есть возможность проверить правдивость его слов. При разговоре Бурбулиса с Крючковым присутствовал Гайдар. Он свидетельствует: «Постепенно, уже за полночь, обстановка начинает накаляться. Танки, кажется, действительно двинулись. Бурбулис набирает по правительственной связи номер председателя КГБ Крюčkова. *Что-то очень странное: вроде вот-вот убивать будут, и в то же время созвонились, побеседовали...*» (курсив мой.— И. Ф.)¹.

20 августа целая группа российских руководителей (Руцкой, Хасбулатов, Силаев) встречалась в Кремле с А. И. Лукьяновым. В ходе встречи с российской стороны были выдвинуты требования, сводившиеся «к прекращению деятельности ГКЧП, возвращению в Москву Горбачева, но особых угроз при этом не высказывалось. У Лукьянова создалось впечатление, что эти требования не носили ультимативного характера»². Отсутствие ультимативности в требованиях посетителей Кремля говорило об их желании не обострять ситуацию и тем самым удержать гэкачепистов от попыток силовых действий, а также не торопить события, т.е. продлить неопределенность ситуации, выгодной Белому дому.

---

¹ Г а й д а р Е. Т. Дни поражений и побед. С. 78.— Еще более спокойно и мирно отнеслись гэкачеписты к аппарату президента Горбачева, который в момент объявления чрезвычайного положения продолжал без помех работать в здании ЦК. (Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998. С. 497).

² К р ю ч к о в В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 189—190.

В целом у Крючкова сложилось впечатление, будто «представители российского руководства старались установить закрытые контакты с лицами, действовавшими в рамках ГКЧП, стремились сгладить ситуацию, снять острые вопросы и создать видимость рабочего обсуждения возникших проблем с целью поиска приемлемых вариантов решения»¹. Крючков объясняет эту линию поведения «представителей российского руководства» страхом перед гэкачепистами: «Чувствовалось, что они напуганы обстановкой, опасаются влияния ГКЧП и его усиления, боятся возможных жестких мер в отношении тех, кто выступил против создания Комитета»². Теперь мы знаем, что российское руководство оказалось хитрее и ловчее тех, кто составил ГКЧП. Для него августовские события не были неожиданностью. Оно к ним готовилось. И когда эти события начались, Ельцин и его ближайшее окружение стали маневрировать, чтобы затянуть время, которое работало против ГКЧП. Не страх, а политический расчет побуждал представителей российского руководства налаживать «закрытые контакты с лицами, действовавшими в рамках ГКЧП». Люди, не посвященные в тайну происходящего и толпившиеся вокруг российского руководства, конечно, боялись.

Так, Гайдару казалось, что «вот-вот убивать будут». Но он зря боялся, ибо Крючков заверил Бурбулиса в том, что «никакого штурма «Белого дома» со стороны ГКЧП не намечается, что кому-то надо подогреть слухи вокруг этого и что части, которые якобы будут принимать участие в штурме, продолжают находиться в местах постоянной дислокации и никуда не выдвигаются. Если, допустим, кому-то даже захотелось бы провести такой штурм, то это невозможно сделать по той простой причине, что специальные подразделения просто не успели бы подойти к назначенному времени к «Белому дому». Бурбулис в свою очередь ссылаясь на достоверную информацию, на-

---

¹ Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 185.

² Там же.

зывал час штурма — два часа ночи, три часа ночи, затем пять часов утра¹. Проходил один срок, второй — никакого штурма не было, однако мне не показалось, что у обитателей «Белого дома» от этого поднялось настроение. Более того, создавалось впечатление, что они были явно разочарованы»². Значит, среди российского руководства были лица, заинтересованные в столкновении военных с находившимися возле Белого дома людьми. Им нужна была кровь. И ее пролили, но не на подступах к Белому дому, а в стороне от него³.

---

¹ По-видимому, то была информация от Грачева, переданная через Лебеда, о чем уже шла речь. Не думал ли Грачев без санкции ГКЧП провести силовую акцию у стен Белого дома, которую там так ожидали? Иначе трудно понять уверенность Бурбулиса в предстоящем якобы штурме.

² Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 197. Об отсутствии намерения штурмовать здание Верховного Совета РСФСР говорил Д. Т. Язов. В книге В. В. Бакатина читаем: «Вечером звонил из «Белого дома» Николай Столяр, председатель комиссии партконтроля ЦК КП РСФСР. «Вадим Викторович,— сказал он мне,— я говорю из кабинета Руцкого. Александр Владимирович просит вас как-то повлиять на маршала Язова. Нам известно, что войска готовятся к штурму здания российского парламента. Попытайтесь уговорить министра обороны не делать этого. У нас тут люди вооружены. Может пролиться много крови». Я пообещал выполнить просьбу вице-президента России и тут же набрал номер телефона маршала Язова. Он был у себя в кабинете. «Дмитрий Тимофеевич,— говорю,— ваши десантники намерены штурмовать «Белый дом». Прошу вас отказаться от этого». «Вадим Викторович,— отвечает Язов,— мы с вами давно знакомы. Неужели вы думаете, что я позволю десантникам штурмовать «Белый дом»? Я гарантирую: никакого штурма не будет». Не знаю почему, но мне показалось, что Язов говорил со мной откровенно. Я тоже тогда не верил, что десантные войска будут использованы для штурма «Белого дома»». (Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992. С. 15).

³ Провокационные действия предпринимались и около Белого дома. Д. Т. Язов на допросе 22 августа свидетельствовал о том, что видел, как к военным, находившимся у Белого дома, подвозили «большое количество водки, целыми автобусами. Тем самым пытались побудить солдат к нарушению своего долга. Представьте, пьяные в БТР, это уже совершенно особая угроза» (цит. по: Зеньков и ч Н. А. Новости из

Генерал Лебедь не сомневается в том, что пролитие крови было предопределено. «Сам я,— говорит он,— не был свидетелем тех событий, но мне пришлось потом разбираться с очевидцами и даже некоторыми участниками этой трагедии. Конечно, люди были в запале, всякий трактовал по-своему, но в целом картина получилась следующая. В соответствии с приказом о патрулировании начальника гарнизона генерал-полковника Калинина, по Садовому кольцу в колонне шла рота на БМП. Шла по своей земле. Под броней этих машин сидели 18—20-летние парни, которые давно перестали что-либо понимать, а вместе с тем и частично соображать. Если не понимали генералы, что говорить о солдатах и офицерах?! Рота вошла в тоннель под Калининским проспектом, всякий, знающий хоть немного Москву, должен признать, что как только рота втянулась в тоннель, здание Верховного Совета осталось справа — сзади. Есть шутовское правило — в тактике неудовлетворительную оценку ставят в трех случаях: за нанесение ядерного удара по собственным войскам, за форсирование реки вдоль и за наступление в диаметрально противоположном направлении. Если говорить о наступлении на Верховный Совет, то тогда получается, что, втянувшись в тоннель, рота начала «тянуть» на оценку «неудовлетворительно». К тому же любой тоннель для колонны — неважно какой — танковой, автомобильной — это ловушка. Командир роты не мог этого не знать. Но рота вошла в тоннель в колонне именно потому, что двигалась по своей земле, наступать не собиралась, а затурканные офицеры и солдаты наивно полагали, что опасаться нечего. Не угадали. «Новой русской революции» нужна была жертвенная кровь, и пролитие ее было предопределено. На выходе, забитом автотранспортом, с боковых эстакад и в машины полетели камни, палки, бутылки с зажигательной смесью.

Кремля. Смоленск, 1998. С.47). Пьяных солдат легко было вовлечь в кровопролитие. На это, по-видимому, и рассчитывали те, кто поил их водкой. К счастью, кровь у Белого дома не пролилась.

Часть людей попыталась захватить БМП. И тогда раздалась предупредительная очередь из пулемета»¹.

Символичен, как на заказ, национальный состав погибших: русский, полутатарин-полуукраинец и еврей. Перед нами своеобразное олицетворение трех основных конфессий в России: православия, мусульманства и иудаизма. Вследствие этого события 19—21 августа приобретают не только политический, но и культурно-исторический характер². Столь же символично и то, что убиенные молодые люди стали последними Героями Советского Союза. А. И. Лебедь дает этому свою трактовку: «То, что они стали последними в истории существования страны Героями Советского Союза, восприняв это звание посмертно из рук людей, которые готовились этот Союз ликвидировать, звучит с каждым днем и месяцем все более пронзительно-кощунственно»³. Это, конечно, так, но еще добавим: похороны жертв «вылились в максимально ритуализованную церемонию», причем весь «церемониал был задуман прежде всего как общественно-политическая акция»⁴. Ритуал символизировал «переход к новому порядку»⁵: вместе с последними Героями Советского Союза хоронили и сам Союз.

Совокупность приведенных фактов и соображений, относящихся к событиям 19—21 августа 1991 года, побуждает нас отбросить за их несостоятельностью привычные официальные суждения, определяющие эти события как антиконституционный переворот, путч и заговор⁶. «Труд-

---

¹ Лебедь А. И. За Державу обидно... С. 311.

² Бородатова А. А., Абрамян Л. А. Август 1991: праздник, не успевший развернуться//Этнографическое обозрение, 1992, № 3.

³ Лебедь А. И. За Державу обидно... С. 312.

⁴ Бородатова А. А., Абрамян Л. А. Август 1991... С. 55.

⁵ Там же.

⁶ Следует согласиться с В. С. Павловым в том, что проповедуемое Горбачевым и Ельциным мнение об августовских событиях «как путче, перевороте, заговоре с целью захвата власти — не более чем маскировочная сеть, призванная скрыть существо прежде всего своих целей и свою роль во всем этом» (Павлов В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. С. 67).

но называть «переворотом», — справедливо говорит М. Я. Геллер, — ситуацию, в которой остается на месте вся структура государственной власти, кабинет министров в полном составе, вся структура партийной иерархии. Даже введение чрезвычайного положения нельзя считать признаком переворота, ибо уже около двух лет разные люди его требуют: несколько раз просил ввести Горбачев, совсем недавно просил дать ему чрезвычайные полномочия премьер-министр Павлов. Страна шла к чрезвычайному положению. И — пришла»¹.

Ничего не выходит и с идеей захвата власти гэкачепистами. Генерал Лебедь, впервые услышав в кабинете Скокова о ГКЧП и его составе, в душе подумал: «Какой захват власти могли осуществить эти люди?! Они и так были воплощением власти: вице-президент, премьер-министр, министры обороны, безопасности, внутренних дел!»² При этом надо иметь в виду, что Горбачев, улетаая на отдых в Форос, сказал Янаеву: «Ты остаешься на хозяйстве»³. В. С. Павлов следующим образом комментирует данный факт: «В практике нашей страны при временном отсутствии первого лица в государстве или первого лица высших органов власти и управления письменных документов об исполнении заместителем обязанностей никогда, по крайней мере на моей памяти, не издавалось. Этой фразы было более чем достаточно для всех присутствующих. Тем более что согласно Конституции СССР, ст.127-4, «Вице-президент СССР... замещает Президента СССР в случае его отсутствия и...»⁴. Значит, вся полнота власти была сосредоточена в Москве, и поэтому не имело никакого резона ставить

---

¹ Г е л л е р М. История России 1917—1995. Т. 4. С. 120.— Отрицая мысль о перевороте, М. Я. Геллер полагает, будто был заговор (там же). На наш взгляд, заговор — такой же миф, как и переворот. Впрочем, в другой раз автор говорит, что заговора «практически не было» (Геллер М. Российские заметки 1991—1996. С. 38).

² Л е б е д ь А. И. За Державу обидно... С. 299.

³ П а в л о в В. С. Август изнутри. Горбачевпутч. С. 96.

⁴ Там же.

праздный вопрос о захвате власти. Впрочем, нам могут указать на «изоляцию» Горбачева в Форосе. Однако, как показывают факты, то была самоизоляция и самозатворничество¹, т.е. политическая игра. Единственное, что было сделано,— это отключение по распоряжению Крючкова телефонной связи, которое позволяло Горбачеву оставаться на определенное время как бы в стороне от событий в Москве, или самоизолироваться². В. А. Крючков видит смысл поведения форосского самозатворника в следующем: «Горбачев отлично знал, что решение о введении чрезвычайного положения в Москве должно быть рассмотрено на Верховном Совете. В случае одобрения Горбачев через несколько дней возвращается в Москву и возглавляет работу по реализации мер, связанных с режимом чрезвычайного положения. Так называемая болезнь Горбачева позволяла ему как бы остаться в стороне и сохранить свой имидж, прежде всего в международном плане. В случае отклонения Верховным Советом решения о чрезвычайном положении Горбачев также не оставался бы в накладе. К сожалению, дело до обсуждения в Верховном Совете не дошло»³. Думается, до обсуждения в Верховном Совете дело не дошло бы в любом случае, поскольку закулисный план предусматривал, на наш взгляд, совсем иное: спровоцировать выступление «путчистов», подавить его и посредством экстраординарных мер ускорить развал Советского Союза. Этот план предполагал, как нам думается, и смену лидеров «перестройки»: Горбачев должен был уступить место Ельцину.

А. И. Лебедь, оценивая август-91, пишет: «Была гениально спланированная и блестяще осуществленная крупномасштабная, не имеющая аналогов провокация, где роли были расписаны на умных и дураков. И все они, умные и дураки, сознательно и бессознательно свои роли выпол-

---

¹ Павлов В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. С. 32—66; Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 211, 421—422.

² Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 421, 422.

³ Там же. С. 422.

нили»¹. Аналогичный расклад сил рисует и В. А. Крючков, касаясь обстоятельств, предшествующих событиям 19—21 августа: «Августовским событиям 1991 года предшествовал целый период широкомасштабной политической, пропагандистской, психологической подготовки трагического развала Союза, осуществляемой сознательно и целенаправленно одними, в силу заблуждений и неведения последствий — другими»².

Стало быть, «умные» и «дураки», или «посвященные» и «непосвященные» — вот круг участников подготовки и осуществления событий августа 1991 года. Это собственно две движущие силы августа-91, преследующие разные цели. Отсюда вывод: нельзя рассматривать августовские события как нечто одномерное, поддающееся однозначной трактовке. Они представляют собой сложное сплетение людских групп, столкновение несоединимых интересов и противоположных задач. По верному наблюдению В. А. Крюčkова, «тогда в одном водовороте событий смешалось все: всплеск правды и потоки лжи, луч надежды и горечь поражения, ликование обманутых, торжество подлецов и страдания честных людей»³. Только с учетом сложности и многозначности случившегося в августе 91-го возможно приближение к истине. Начнем с тех, кто не был посвящен в тайный замысел августовской операции.

Достаточно лишь беглого взгляда, чтобы обнаружить неоднородный состав непосвященных, среди которых видим гэкачепистов, а также их сторонников и противников.

В ГКЧП вошли люди, встревоженные за судьбу Отечества и, наконец, прозревшие относительно того, в какую пропасть сталкивает страну Горбачев. Они воспротивились подписанию нового Союзного договора, намеченного на 20 августа 1991 года.

Подготовленный Горбачевым и главами республик проект Договора о Союзе суверенных государств (ССГ)

---

¹ Лебедь А. И. За Державу обидно... С. 313.

² Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 410—411.

³ Там же. С. 131.

ставил, так сказать, крест на Советском Союзе, готовя его уничтожение. Именно так оценивали данный проект эксперты. Их мнение разделял А. И. Лукьянов, согласно которому новый Союзный договор, будь он подписан и приведен в действие, ликвидировал бы СССР как «федерацию советских республик»¹. В. С. Павлов назвал проект Договора о ССГ «откровенно антиконституционным, противоречащим решению Съезда народных депутатов и итогам всенародного референдума по этому вопросу, антигосударственным и антинародным»². Он усматривал в нем подобие «мюнхенского сговора, сплетенного Горбачевым и его сателлитами за спиной народа»³. По словам Павлова, «это был проект ликвидации СССР как единого федеративного государства, ликвидации социалистического строя и Советов народных депутатов как основы правового, демократического народовластия»⁴. Бывший премьер советского правительства полагает, что нарушение Конституции СССР и законов СССР приняло со стороны Горбачева «характер государственной измены, предусмотренной уголовным кодексом»⁵.

А вот мнение В. А. Крючкова, тщательно изучившего текст документа: «Ознакомление с подготовленным Союзным договором, я думаю, ни у одного здравомыслящего человека не оставляло сомнений, что с его подписанием Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование и вместо федеративного государства появляется новое образование, где федерация заменяется в лучшем случае конфедерацией»⁶. Взамен СССР, подчеркивает Крючков, создается «совершенно иное образование. Слово «Социалистических» опущено⁷, «Совет-

---

¹ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 61.

² Павлов В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. С. 87.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Там же.

⁶ Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 134.

⁷ При подготовке референдума именно Горбачев, по свидетельству А. С. Черняева, упрямо добивался, «чтобы в формуле референдума о

ских» для проформы оставлено. Ведь это же коренным образом противоречило состоявшемуся референдуму 17 марта 1991 года, где было упоминание о характере государства, социально-политического строя, четкой преемственности между СССР и новым государственным образованием. Причем в соответствии с решениями Съезда народных депутатов СССР и итогами упомянутого референдума существо государства в смысле его социально-политического строя оставалось неизменным»¹. Крючков, говоря о том, что новый Союз лишь приблизительно напоминает конфедерацию, указывает на бутафорный его характер².

Аналогичное мнение высказывал и бывший министр обороны Д. Т. Язов. На допросе 22 августа 1991 года он говорил следователям Леганову и Сычеву: «20 августа должен был быть подписан Союзный договор. Лично мне и многим другим товарищам, с которыми я беседовал, стало вдруг ясно, что тем самым на нас неумолимо надвигается развал Союза. Все выступали за Союз Советских Социа-

---

сохранении Союза было обязательно слово «социалистический»: Союз Советских Социалистических Республик. Казалось бы, политичнее было обойтись без этого. Тогда легче было бы и с Грузией, и с Молдовой, а может, и с Прибалтикой. Но нет, настоял на своем» (Черняев в А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 403). Тем самым Горбачев, согласно Черняеву, «бросил вызов» Грузии, Эстонии, Латвии и Молдове (Черняев в А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 64). Черняев недоумевает, почему Горбачев так поступил: «Или идеологическая шлея опять под хвост попала или действительно полозковщина царствует победу над ним — ничего не пойму» (там же). Черняев обычно такой сообразительный и понятливый, а тут почему-то понять ничего не может. Наверное, ему не хочется сказать, что его патрон здесь, как и во многих других случаях, искусно маневрировал. Цель — оттолкнуть окончательно Грузию, Молдавию и республики Балтии от идеи Союза, а также сохранить видимость приверженности социализму. Маневр удался: Грузия, Армения, Молдавия, Литва, Эстония и Латвия в референдуме не участвовали, а Горбачев получил легитимную возможность морочить голову сторонникам сохранения реформированного СССР «ново-огаревским процессом».

¹ Крючков в В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 134.

² Там же. С. 137, 140.

листических Республик, и вдруг поступает проект Союзного договора, в котором речь идет о суверенных государствах. Мы были убеждены: здесь не простая ошибка, здесь *идет целенаправленная работа* (курсив мой.— И. Ф.) на то, чтобы не было никакого Союза, а лишь конфедерация республик с собственными президентами»¹.

Нас могут упрекнуть в том, что все приведенные суждения о проекте нового Союзного договора принадлежат гэкачепистам, т.е. заинтересованным лицам. Но вот — «глас», раздающийся с противной стороны. В дневниковой записи Черняева, помеченной 3 августа, говорится о том, как Горбачев накануне отлета в Крым «дал интервью о Союзном договоре — все сказал... Заангажировался фактически на будущую *свободную конфедерацию*» (курсив мой.— И. Ф.)². В книге Черняева, написанной на основе дневниковых материалов, приводится еще более красноречивая формула: Горбачев во время интервью о предстоящем подписании Союзного договора «фактически «засветил», что речь теперь идет о *«свободной конфедерации независимых государств»*» (курсив мой.— И. Ф.)³. Нетрудно понять, что создание «свободной конфедерации независимых государств» есть начало поэтапного развала СССР, сопровождаемого сменой общественно-политического строя в нашей стране, что с полной очевидностью явствует из следующего пассажа черняевской книги: «Все *внешнеполитические* условия были налицо, чтобы *политически* порвать со старым строем именно тогда — в конце лета и осенью 1990 года. Порвать с партией, с социалистической идеологией, с прежним порядком осуществления власти, назначить выборы в новый парламент, отказаться от Советского Союза и начать в этот момент (а не через полгода) «ново-огаревский процесс». Иначе говоря, признать, что перестройка — это революция, означающая

---

¹ Цит. по: З е н ь к о в и ч Н. А. Новости из Кремля. С. 40—41.

² Ч е р н я е в А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 183.

³ Ч е р н я е в А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 476.

смену строя»¹. Как видим, «ново-огаревский процесс» недвусмысленно связывается Черняевым, обладающим достаточной информацией о планах Горбачева, с отказом от СССР, а также с политическим и общественным переворотом. Так оно на самом деле, конечно, и было. Но это нельзя квалифицировать иначе, как антиконституционный и антинародный (если учесть результаты всенародного референдума 17 марта 1991 года) переворот.

Таким образом, члены ГКЧП или отдельные представители Комитета (кто именно, покажет, наверное, будущее), выступившие против подписания горбачевского Союзного договора, выступили в защиту Конституции СССР и против антигосударственного переворота. Их попытка предотвратить переворот и попрание Конституции оказалась неудачной, поскольку они стали пешками в грандиозной провокационной игре, тщательно подготовленной и виртуозно проведенной закулисными силами. Персональный состав этих сил определен, по-видимому, частично В. С. Павловым, который, надо думать, располагал соответствующими на сей счет сведениями. Он утверждал, что «уже в июне 1991 года Горбачев, Ельцин, Попов и другие деятели «Демократической России» действовали скоординированно... заодно. И объединял их не кто иной, как Президент США господин Буш»².

Эти и другие игроки использовали гэкачепистов как разменную монету в своей дьявольской игре. Когда те поняли, какая им навязана роль, то было уже поздно, ибо, по выражению древних римлян, «даже боги не могут сделать бывшее не бывшим». На исходе трех августовских дней у В. С. Павлова сложилась «твердая уверенность» в том, что его с товарищами по ГКЧП «расчетливо предали, и притом заранее»³. Вряд ли уместно в данном случае рассуждать о предательстве. Гэкачепистов не предали, а обманным образом вовлекли в заведомо провальное пред-

---

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 375.

² Павлов В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. С. 79.

³ Там же. С. 124.

приятие¹, которому преднамеренно присвоили категорию «путча», чтобы прибегнуть, как мы уже отмечали, к аналогичным по характеру «ответным» действиям, т.е. к чрезвычайным мерам по изменению общественного, государственного и политического строя СССР, не возможным в обычной ситуации.

М. С. Горбачев, судя по всему, являлся если не единственным, то одним из тех, кто спровоцировал выступление гэкачепистов. В. А. Крючков свидетельствует: «После каждого разговора об обстановке в стране Горбачев, как правило, давал указания, поручения продолжать анализ ситуации, готовить на всякий случай соответствующие материалы, предложения. Не исключал возможности введения то ли президентского, то ли чрезвычайного положения в стране или отдельных ее регионах, использования жестких мер в экономике для предотвращения ее полного краха. Все чаще такие поручения он давал председателю Кабинета Министров Павлову, министрам Язову, Пуго, мне, ответственным сотрудникам аппарата Президента СССР, руководителям ЦК КПСС. Все подготовленные материалы затем возвращались на доработку или с командой «ждать момента». При каждом таком поручении Горбачев обычно говорил: «Поднимите старые материалы, актуализируйте их, подправьте с учетом происшедших изменений и будьте наготове»².

Подобная методичность возобновляемых поручений анализа ситуации в стране с перспективой вероятного введения чрезвычайного положения едва ли была случайной. Она достигала, по крайней мере, трех результатов. Во-первых, Горбачев приучал советское руководство к мысли о чрезвычайном положении, о возможности наступления момента, когда потребуется его ввести. То была своеоб-

---

¹ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 40.

² Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 146—147. Сказанное В. А. Крючковым подтверждает В. И. Болдин. По его словам, Горбачев «постоянно говорил о необходимости введения чрезвычайного положения». (Болдин В. И. Крушение пьедестала... С. 19).

разная психологическая обработка и, надо признать, Горбачев вел ее расчетливо и умело, обращая помыслы будущих гэкачепистов к чрезвычайщине как спасательному средству. Во-вторых, неоднократная и потому в итоге, можно сказать, исчерпывающая разработка мер, связанных с чрезвычайным положением, обнажала механизм их осуществления, что, в свою очередь, позволяло выработать соответствующие контрмеры. Не отсюда ли у демократов задолго до «путча» целый ворох его сценариев и возможных «контракций», о чем писал Г. Х. Попов? В-третьих, введение чрезвычайного положения требует определения круга людей, обеспечивающих применение чрезвычайных мер. Во всяком случае, ключевые фигуры здесь, как нам кажется, должны быть обозначены. Надо полагать, «заготовки», о которых рассказывает В. А. Крючков, включали их имена. Не отсюда ли «тонкие переговоры» Ельцина с представителями армии, госбезопасности и аппаратчиками, обеспечившие победу демократам, о чем говорил тот же Г. Х. Попов?

Весьма примечательно, что перед своим отъездом на юг в начале августа 1991 года Горбачев поручил В. А. Крюкову, Б. К. Пуго и Д. Т. Язову «еще раз проанализировать обстановку, посмотреть, в каком направлении может развиваться ситуация, и готовить меры на случай, если придется пойти на чрезвычайное положение»¹. В. А. Крючков объясняет данное поручение следующим образом: «Горбачев боялся исключительно за себя, боялся, что с ним могут рассчитаться те, кому он когда-то, как он выразился, «насолил», имея в виду прежде всего Ельцина. В последнем разговоре со мной, перед отъездом в отпуск, он многозначительно заметил: «Надо смотреть в оба. Все может случиться. Если будет прямая угроза, то придется действовать»². Не отвергая личный момент в поручении Горбачева, все же следует сказать, что главная, на наш взгляд, цель этого поручения состояла в том, чтобы подтолкнуть

---

¹ Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 147.

² Там же.

силовых министров к мысли о введении чрезвычайного положения в стране.

Сразу после вылета Горбачева в Крым «силовики» энергично принялись за дело. Состоялась встреча Крюкова с Язовым, и они «договорились изучить обстановку, подготовить предложения, полностью отдавая себе отчет в том, что ситуация ухудшается с каждым днем»¹. Министр обороны и председатель КГБ привлекли к работе своих сотрудников (в том числе... генерала Грачева), которые подготовили предложения, содержащие «перечень мероприятий в политической, экономической, военной областях, а также по линии государственной безопасности»². Это были предложения, связанные с введением чрезвычайного положения³. О них решено было доложить Горбачеву. Цель — «спасение Отечества»⁴. Тогда, в августе 1991 года, эти слова звучали для кого-то, быть может, ненатурально и выспренно. Но теперь, когда мы видим нашу Родину в руинах, они наполняются набатным звоном, призывающим всех нас стать за Россию на последних ее рубежах. Отступить дальше нельзя, да и некуда: позади «мерзость запустения» и «мрак небытия»...

Достоверность рассказа Крюкова о работе представителей Министерства обороны и Комитета государственной безопасности проверяется «Записками» Ельцина, который сообщает, как 6 августа председатель КГБ привлек экспертов из своего ведомства «к работе над прогнозом о последствиях ввода в стране чрезвычайного положения. Это была не просто абстрактная разработка той или иной стратегической ситуации, которую аналитики КГБ, учитывая, конечно, вкусы и запросы начальства, периодически составляли по заказу свыше»⁵. Это был конкретный при-

---

¹ Крюков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 147.

² Там же. С. 148.

³ Там же. С. 148—149.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Отсюда следует, что Ельцин знал об упоминаемых Крюковым материалах и предложениях, разрабатывавшихся по поручению Горбачева и поступавших к нему. Значит, мог думать и о «контракциях».

каз — обосновать проблемную базу, подготовить главные документы, основные направления будущего переворота. Риск разглашения конфиденциальной информации был велик, тем более что шеф безопасности привлек эксперта и из другой структуры, Министерства обороны СССР. Этим экспертом был Павел Грачев, будущий министр обороны России...»¹ Ельцин, как видим, без всякого стеснения говорит о том, через кого шла утечка «конфиденциальной информации»². Располагая этой информацией, он мог не бояться «путча».

В. А. Крючков, В. К. Пуго и Д. Т. Язов, выполнив поручение Горбачева и уверившись в том, что момент ввода чрезвычайного положения назрел, решили оповестить об этом «форосского дачника». Они не питали больших иллюзий насчет Горбачева. И все же у них теплилась небольшая надежда, что он «должен понять и выполнить свой президентский долг, к которому его обязывала Конституция СССР, клятва, данная им при вступлении в должность

---

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 74.

² Крючков и Язов не возлагали на генерала Грачева больших надежд по части деловых способностей. «Скажу откровенно,— говорит Крючков,— что у меня появились большие сомнения относительно деловых качеств и способностей Грачева, которыми я поделился с Язовым. Он не стал разуверять меня в этом мнении, но заметил, что вместе с другими товарищами Грачев, пожалуй, может справиться с заданием» (Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 148). Крючков, в отличие от Ельцина, не разглядел других «способностей» генерала до тех пор, пока не стала поступать соответствующая оперативная информация: «Появились настораживающие сведения о поведении тех, кто с самого начала был на стороне ГКЧП. В Комитет госбезопасности, да и к Язову, поступили сведения о контактах одного из заместителей министра обороны СССР, а также командующего воздушно-десантными войсками Грачева с представителями российских властей. Грачев, над сказать, с самого начала, с утра 19 августа, стал устанавливать контакты с представителями российского руководства, в рамках которых бросал шары и в ту и в другую сторону» (там же, с. 199). Крючков не объясняет, почему, получив эти сведения, ни он, ни Язов не предприняли никаких действий в отношении Грачева.

Президента»¹. Какая наивность! Она обернулась развалом и гибелью для СССР, а для самих этих людей, стоявших у кормила власти,— оглушительным падением. Как сказал бы древний летописец, «и погыбе память их с шумом».

Отвергнув предложение о введении чрезвычайного положения, привезенное московскими посланцами в Форос, Горбачев повел себя двусмысленно, сбив приехавших к нему с толку. В. А. Крючков рассказывает: «Первое сообщение о характере и результатах встречи с Горбачевым я получил от выезжавших товарищей из машины на обратном пути следования из Фороса на аэродром Бельбек. Затем была связь с самолетом. Как и ожидалось, ответ был таков: и «да» и «нет». Рукопожатие на прощание, заключительные слова Горбачева: «Валяйте, действуйте!» По мнению Болдина, через несколько дней Горбачев однозначно должен склониться к положительному решению. Сейчас же он вроде решил выждать, посмотреть, как будет развиваться обстановка, чья возьмет. Короче говоря, напрашивался вывод: как только Горбачев убедится в успехе выступления и меры чрезвычайного характера дадут впервые положительные результаты, он открыто и самым активным образом поддержит их»².

Сходную картину форосской беседы Горбачева с московской делегацией воспроизводит А. И. Лукьянов: «Каким был разговор с президентом во второй половине дня 18 августа, мне трудно сказать определенно. Горбачев утверждает, что, в случае отказа от чрезвычайных мер, ему предлагалось уйти в отставку. Те же, кто был у него тогда, категорически это отрицают, заявляя, что разговор носил товарищеский, доверительный характер и Горбачев, прощаясь, пожал каждому руку. Но так или иначе предложение о чрезвычайных мерах президентом принято не было. Однако, отвергнув его, президент и пальцем не пошевелил,

---

¹ Крючков В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 156—157.

² Там же, с. 160. Согласно В.И.Болдину, М.С.Горбачев, пожал на прощание руки посланцам из Москвы, добавил: «Черт с вами, действуйте». (Болдин В.И. Крушение пьедестала... С. 17).

чтобы удержать тех, кто выступал за введение чрезвычайного положения. Оставшись на своей форосской даче, он своим бездействием в какой-то мере лишь стимулировал введение этих чрезвычайных мер»¹.

Бездействие Горбачева является подтверждением занятой им двусмысленной позиции: и «да», и «нет». А сама двусмысленность реакции Горбачева на предложение о введении чрезвычайного положения подтверждается, по нашему мнению, действиями ГКЧП, нерешительными, вялыми и странными, которые Д. Т. Язов имел все основания квалифицировать как бездействие². Это — факты, не зависящие от противоречий в версиях форосского разговора, передаваемых Горбачевым и членами московской делегации. Нам становится ясно, что Горбачев сделал все, чтобы спровоцировать оставшихся в Москве руководителей на объявление чрезвычайного положения. Не случайно Ельцин в очередной раз, очевидно, проговорившись, назвал Горбачева «главным взрывателем путча»³. Самого себя он, вероятно, также мог бы причислить если не к «главным взрывателям», то по крайней мере к «главным делателям путча».

Итак, непосвященные, действовавшие в рамках ГКЧП или на его стороне, потерпели, как и следовало ожидать, поражение, сыграв «на руку» тем силам, которые вели Советскую Державу к гибели. Движимые благими намерениями, они своей неудачей сняли последние преграды на пути развала СССР.

К числу непосвященных в тайный смысл происходящего 19—21 августа 1991 года относились и собравшиеся у Дома Советов, а также те, кто в компании со Станкеви-

---

¹ Л у к ь я н о в А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 10. Отказ Горбачева поддержать введение чрезвычайного положения поверг в изумление приехавших, особенно О. Д. Бакланова, который при выходе из особняка, где проходила встреча, растерянно молвил: «Но ведь он еще недавно считал введение чрезвычайного положения единственным выходом. Что же изменилось?». (Б о л д и н В. И. Крушение пьедестала... С. 17).

² К р ю ч к о в В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 200.

³ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 131.

чем бесчинствовали на Лубянке, свергая бронзовую статую «железного Феликса». В последнем случае народ, по мнению А. С. Панарина, посредством «революционного вандализма» разрядил свой гнев, чем было предотвращено насилие против номенклатуры на Старой площади¹. Возникает вопрос: насколько правомерен здесь термин «народ?»

По оперативным данным, приводимым В. А. Крючковым, в разное время у стен Белого дома «находилось от 3—4 до 30—35 тысяч человек»². Д. Т. Язов, давая показания на следствии по делу ГКЧП, говорил о 70 тысячах человек³. Взяв даже последнюю цифру, придется признать, что для многомиллионного города она незначительна. Правда, существует другая, на наш взгляд, причудливая методика подсчета участников противостояния ГКЧП. Так, А. А. Бородатова и Л. А. Абрамян полагают, что «стабильное ядро» этих участников доходило приблизительно до 15 тысяч человек. «Однако,— считают исследователи,— общее «подвижное число» людей, в разное время приходивших к Дому правительства, несомненно, было в десятки раз выше. А если учитывать также людей, косвенно вовлеченных в события, даже мысленно поддерживающих защитников, то фактическая цифра участников становится огромной»⁴. Думается, показательным тут является именно «стабильное ядро», но отнюдь не «подвижное число людей», а тем более «мысленно поддерживающие». Ведь «подвижное число» составили прежде всего те, кто пошел к Белому дому не столько по зову сердца, сколько из любопытства⁵. То были обычные зеваки, пришедшие «позоровать», т.е. понаблюдать, полюбопытствовать. И они появились здесь не с тем чтобы слиться со «стабильным ядром», а ради того, чтобы посмотреть на массовку, спектакль, разыгрываемый на фоне Белого дома.

---

¹ П а н а р и н А. С. Дело свободы — праздник народа//Независимая газета. 1991, 11 сентября.

² К р ю ч к о в В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 190.

³ З е н ь к о в и ч Н. А. Новости из Кремля. С. 46.

⁴ Б о р о д а т о в а А. А., А б р а м я н Л. А. Август 1991... С. 49.

⁵ К р ю ч к о в В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 190.

«Важно подчеркнуть,— пишут А. А. Бородатова и Л. А. Абрамян,— что вопреки распространенному мнению среди защитников и манифестантов у Белого дома были представлены все социальные слои и группы населения. Помимо демократического ядра, т.е. тех, кто давно определился в своем отношении к законному российскому правительству, сюда пришли и те, кто в свое время также голосовал за его главу — Бориса Ельцина, но кого никак нельзя причислить к интеллектуально-демократической элите. Они пришли, повинувшись некоему не до конца осознанному патриотическому чувству... Здесь был действительно представлен народ во всей своей социальной многоликости...»¹

Подобно тому, как из нескольких маленьких собачек невозможно сделать большую собаку, так и из разных слоев и групп населения нельзя сотворить народ. В данном случае причастность народа к противостоянию гэкачепистам определяется массовостью народных выступлений. Но ее как раз и не было несмотря на то, что Ельцин обратился к гражданам России с призывом начать всеобщую политическую стачку, организовывать забастовки, выходить на митинги протеста, совершать акты неповиновения. По данным, приводимым В. А. Крючковым, «в течение 19 и 20 августа по всему Советскому Союзу с населением почти 300 миллионов человек в забастовках и митингах приняли участие не более 150—160 тысяч человек, и то условно. Нередко на митингах присутствовали те, кто активно поддерживал ГКЧП, многие приходили просто из любопытства»².

В эпицентре происходящего, т.е. в Москве, жизнь шла своим чередом, будто ничего экстраординарного не произошло. «Как обычно по утрам в понедельник,— рассказывает Л. В. Шебаршин,— на улицах много машин, люди возвращаются из-за города. Очереди на автобусных остановках, народ спешит на работу. Спокойно в центре, обычная

---

¹ Б о р о д а т о в а А. А., А б р а м я н Л. А. Август 1991... С. 49.

² К р ю ч к о в В. А. Личное дело. Ч. 2. С. 188—189.

толкучка у «Детского мира», никаких внешних признаков ЧП»¹. И с забастовками не ладилось. «Как свидетельствуют материалы «дела ГКЧП», 19—20 августа в Москве не было ни одного более или менее крупного государственного предприятия, которое бы бастовало². Однако средства массовой информации порой намеренно распространяли ложные слухи о забастовках рабочих крупнейших московских заводов. «Сведения о том, что ЗИЛ объявил забастовку в знак протеста против введения чрезвычайного положения, неверны,— заявил по телефону корреспонденту РИА дежурный по ЗИЛу Николай Мисюгин.— По моим сведениям, цеха работают с большим энтузиазмом»³. Аналогичная информация прошла и по заводу «Калибр». Как сообщила корреспонденту РИА секретарь директора завода С. Чиркова, «все цеха «Калибра» работают ритмично, о забастовках нет и речи»⁴.

На примере автомобильного гиганта и одного из крупнейших заводов Москвы видно, что московские рабочие не только не прекратили работу, но трудились «ритмично» и с «большим энтузиазмом», проявив, следовательно, если не сочувствие гэкачепистам, то довольно прохладное отношение к проблемам и призывам российского руководства во главе с Ельциным. Другое дело — биржевые дельцы. Они откликнулись на зов, и биржа забастовала⁵. Таким образом, народ страны, как в целом и население самой столицы, отреагировал спокойно на введение чрезвычайного положения, продемонстрировав, по сути, равнодушие к схватке на верху. Сказывалось отчуждение народа от власти, его безразличие к тому, что происходило в ее высших сферах. Поэтому не следует отождествлять с народом собравшихся на Краснопресненской набережной у здания Дома Советов. Намного правильнее было бы гово-

---

¹ Ш е б а р ш и н Л. В. Из жизни начальника разведки. С. 139.

² Л у к ъ я н о в А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 115.

³ Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995 гг.). С. 360.

⁴ Там же.

⁵ Л у к ъ я н о в А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 115.

рить о сборе у Белого дома политизированных и, как обнаружилось, не без участия криминальных групп

Несомненно, среди находившихся там было немало приличных людей, искренне веривших, что защищают свободу и демократию, борются за то, чтобы остановить «партию реванша», не допустить возврата к тоталитарной и командно-административной системе. Возможно, это покажется странным, но у тех людей с гэкачепистами (или их частью) было кое-что общее. Они также являлись непосвященными, не знающими глубокой тайны разворачивающихся событий. Они тоже стали жертвой великого обмана, но с разницей во времени: гэкачепистов провели в августе 91-го, а идеалистов, образовавших живой заслон у стен Белого дома,— несколько позже, когда свершилось то, что должно было свершиться: криминальная революция¹. Эту категорию «защитников Белого дома» сближало с гэкачепистами еще и то, что те и другие, разумеется, по своему думали о благе Отечества.

Вместе с тем у Дома Советов встречаем группу предпринимателей и бизнесменов, появившихся в горбачевское время. Похоже, она задавала тон остальным. Символичен тот факт, что «громадное трехцветное знамя, которое прошло по улицам Москвы в эти дни, было сшито на Московской бирже, и несли его деловые люди России»². На Краснопресненскую набережную к Верховному Совету РСФСР с полосатым полотнищем стройными рядами шли финансисты, оптовики и маклеры³. Московская биржа бросила огромные деньги на «оборону» Белого дома, «выделила боевую дружину из ста брокеров»⁴. «Деловые парни» кормили и поили людей, потчевали даже деликатесами — балыком и осетриной. По свидетельству А. В. Коржакова, «защитники» Белого дома «съели астрономическое количество еды. Около баррикад дымили полевые кухни. Коо-

---

¹ Г о в о р у х и н С. Великая криминальная революция. М., 1993.

² Б о р о д а т о в а А. А., А б р а м я н Л. А. Август 1991... С. 51.

³ Л у к ь я н о в А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 115.

⁴ Там же.

ператоры организовывали буфеты... На протяжении трех дней никто за питание денег не брал»¹. Свою лепту внесла здесь чета Хазановых: муж Геннадий потешал присутствующих с импровизированных подмостков, а жена Злата, имевшая собственную коммерческую фирму, кормила их бесплатно².

Что же подвигло кооператоров и деловых людей на такую щедрость? Эгоистический интерес или нечто возвышенное? А. А. Бородатова и Л. А. Абрамян склоняются больше ко второму варианту. «Нам,— пишут они,— приходилось слышать не раз, что людям бизнеса было что терять, так что, защищая Белый дом или снабжая защитников изысканной бесплатной едой (в полуголодной Москве — осетрина и балык), они боролись за свое существование. Действительно, путчисты специальным пунктом своего указа били в первую очередь по предпринимателям и кооператорам (в «Коммерсанте» за 2.09.91 оцениваются убытки, которые успели нанести исполнители указов хунты за три дня путча). Однако не только соображения защиты интересов двигали деловыми людьми. *Они тоже почувствовали себя частью народа и так же, как все, пережили всплеск патриотических чувств. Поэтому их подношения защитникам стоят в том же ряду, что и пирожки, приносимые к зданию парламента полунисицами старушками*» (курсив мой.— И.Ф.)³. Забавная картина: в патриотическом экстазе слились толстосумы с «полунисицами старушками». Но это — какой-то фарс, мифология, ничего общего не имеющая с наукой, пародия на августовские события.

Полагаем, что проблема борьбы за свое существование доминировала в поведении «деловых людей», пришедших к Белому дому. Казалось, им ничего не угрожало. В Обращении ГКЧП к советскому народу говорилось: «Развивая многоукладный характер народного хозяйст-

---

¹ Коржаков А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. С. 90.

² Там же.

³ Бородатова А. А., Абрамян Л. А. Август 1991... С. 51.

ва, мы будем поддерживать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг»¹. Но Обращение содержит и другое обещание народу, которое делает понятными действия «деловых людей»: «Мы намерены незамедлительно восстановить законность и правопорядок, положить конец кровопролитию, объявить беспощадную войну уголовному миру, искоренять позорные явления, дискредитирующие наше общество и унижающие советских граждан. Мы очистим улицы наших городов от преступных элементов, положим конец произволу расхитителей народного добра»².

Намерение ГКЧП восстановить законность и правопорядок, пресечь расхищение народного добра — вот что пугало «деловых людей», поскольку их капиталы создавались обычно за счет обмана, спекуляции, воровства и присвоения общественной собственности, т.е. нечестным и преступным образом. Частные собственники, или, как их станут называть чуть позже, «новые русские», обогатившиеся криминальным путем, легко нашли общий язык с откровенными уголовниками, которые также собрались на Краснопресненской набережной, выступив в качестве «защитников Белого дома». То были вооруженные рэкетеры, ставшие, по мнению некоторых (с демократическим вывихом в сознании) специалистов, «героями непроверенных рассказов об организованных военных акциях»³. Нас уверяют, будто эти «герои», как и социальные их близнецы «деловые люди», сбегались к Белому дому в революционном порыве, охваченные чувством «всеобщей солидарности с теми, кто окружил живым кольцом Дом Советов. Именно это чувство «всеобщей солидарности» сняло «опозицию между кооператорами и их естественными врагами — рэкетерами»⁴.

---

¹ Советская Россия. 1991, 20 августа.

² Там же.

³ Б о р о д а т о в а А. А., А б р а м я н Л. А. Август 1991... С. 51.

⁴ Там же.

Попытки придать возвышенность поступкам кооператоров и рэкетиров в памятные августовские дни выглядят, конечно, экстравагантно, но весьма и весьма сомнительно. Естественные враги (кооператоры и рэкетеры) превратились в эти дни в естественных друзей не потому, что были увлечены чувством «всеобщей солидарности», а потому, что в планах гэкачепистов почуяли для себя смертельную опасность¹. Вот почему им нужны были иные правители, настроенные не на восстановление законности и правопорядка или пресечение произвола расхитителей народного добра, а на сохранение правового хаоса и утверждение вседозволенности по части разграбления государственной собственности. Однако гарантировать все это мог лишь новый общественный, государственный и политический строй. Поэтому-то «деловые люди» и пронесли по улицам Москвы к Белому дому новое трехцветное знамя, позаимствованное из досоветского прошлого.

Таким образом, предприниматели и бизнесмены, а также порожденные их делом уголовные элементы составляли еще одну группу непосвященных в тайную суть августовских событий, занявшую «оборону» у Белого дома. В отличие от идеалистов, вставших за свободу и демократию, то были прагматики, защищавшие свои личные, корыстные интересы, отстаивавшие свободу разграбления огромного богатства, созданного несколькими поколениями советских людей, свободу распродажи несметных ресурсов страны.

---

¹ «Над их бизнесом, над их коммерцией,— говорит А. И. Лукьянов,— нависла какая-то, пусть неясная угроза» (Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 115).— Над «бизнесом» и «коммерцией» этих «деловых людей» нависла не какая-то неясная, а вполне определенная и реальная угроза, поскольку их «предпринимательская» деятельность в большинстве случаев не вписывалась в систему правопорядка и законности. Поэтому восстановление правопорядка и законности сулило большей части «предпринимателей» если не тюремные нары, то потерю жульнически приобретенного капитала, или, уж во всяком случае, «набивать карман» преступным образом.

Факт появления «деловых людей» у стен Белого дома с необычным знаменем симптоматичен. Если бы речь шла только о противодействии посягательствам союзной власти на самостоятельность России, то, наверное, незачем было бы вооружаться триколором, а следовало бы поднять узаконенный Конституцией флаг РСФСР. Но «деловые люди» решили осенить себя и «защитников» Белого дома другим стягом. Они не могли, на наш взгляд, не задумываться над тем, как отнесется к этому российское руководство, возглавляемое Ельциным. И то, что «деловые люди» все-таки появились на Краснопресненской набережной именно с трехцветным полотнищем, указывает на благосклонное отношение к данной акции со стороны российских руководителей. Остается, впрочем, догадываться: «деловые люди» *предполагали* такую реакцию или заранее *знали* о ней. Не исключено также и то, что кто-то из Белого дома дал им понять, что от них ожидает российское руководство. Последние два предположения нам кажутся наиболее вероятными и одинаково возможными, поскольку с 22 августа 1991 года «бело-сине-красный стяг вновь стал государственным флагом России»¹. И это не явилось совершенной неожиданностью.

Ведь еще за год до того (в августе 1990 года) российское правительство по предложению министра внешнеэкономических связей В. Н. Ярошенко включило в повестку дня одного из своих заседаний «пункт о возвращении к традиционной государственной символике, а именно к трехцветному флагу и двуглавному орлу»². 5 ноября 1990 года оно приняло постановление о создании Государственного герба и Государственного флага РСФСР. С целью подготовки решения вопроса «была образована Правительственная комиссия, по поручению кото-

---

¹ Дегтярев А. Я. 1) История Российского флага (легенды, факты, споры). М., 1994. С. 44; 2) История Российского флага. Париж, 1997. С. 119—120; В и л и н б а х о в Г. В. Страсти по геральдике // Герб и флаг России. X—XX века. М., 1997. С. 507.

² Дегтярев А. Я. История Российского флага. С. 127.

рой комитет по делам архивов при Совете Министров РСФСР организовал работу «круглого стола»¹. В результате встреч за этим столом специалистов из Москвы и Ленинграда, народных депутатов, представителей министерств и ведомств, художников были выработаны и представлены в Правительственную комиссию предложения: в качестве Государственного флага РСФСР принять белосине-красный флаг, а в качестве Государственного герба РСФСР — изображение двуглавого орла на красном поле². «Рассмотрев на своем заседании представленные предложения, Правительственная комиссия приняла решение не торопиться с внесением предложений Совету Министров и Верховному Совету РСФСР об изменении государственной символики в период предвыборной борьбы за пост Президента России»³.

Последний штрих особенно примечателен: Ельцин и его окружение не были уверены в положительном отношении народа к возвращению из досоветского прошлого триколора и двуглавого орла и потому сочли необходимым повременить, чтобы не навредить себе в предвыборной кампании. Но вот 22 августа 1991 года в знак победы над «путчистами» над Белым домом был водружен трехцветный флаг⁴. Теперь можно было сделать вид, что этого хотел народ, осененный уже трехцветным полотнищем, сшитым на Московской бирже.

Поднятие триколора над Белым домом — событие в высшей степени знаменательное, говорящее о полном разрыве с прежним советским укладом жизни, о конце комму-

---

¹ В и л и н б а х о в Г. В. Страсти по геральдике. С. 504.

² Там же. С. 504, 506. — Материалы «круглого стола» публиковались в печати (Г е р а с и м о в а Н. Двуглавый орел: взгляд справа и слева//Ленинские искры, 1991, 21 марта; К а р я к и н Р. Двуглавый орел: прерванный полет//Союз. Март 1991, № 13; М о н а х о в В., С а п р ы к о в В. Герб и флаг: какими им быть?//Народный депутат, 1991. № 5; Двуглавый орел: снова в полете? Какой быть государственной символике России?//Родина, 1991. № 5).

³ Вилинбахов Г. В. Страсти по геральдике... С. 507.

⁴ Д е г т я р е в А. Я. История Российского флага. С. 127.

нистической эры, провозглашенной в Октябре 17-го. Трехцветный Российский флаг производил впечатление начала восстановления в истории России связи времен, прерванной Октябрьской революцией, внушал мысль о возвращении страны и народа к национальным историческим истокам. Но то были ложные ощущения, очень скоро разошедшиеся с реальностью.

Творцы августовского катаклизма, посвященные в его сокровенную тайну, повели Россию, а в ее лице святую Русь на новое вселенское распятие. Их наставляли, им помогали внешние силы. Не случайно именно в августе Дж. Буш говорил, что не будь усилий президентов-республиканцев США, Советский Союз оставался бы могучей сверхдержавой¹.

Кое-что проясняет здесь и один из моментов хроники Российского информационного агентства: «По сообщению пресс-секретаря Президента РСФСР П. Воцанова, сегодня (20.08.91.— И. Ф.) в 15.15 мск. Б. Ельцину позвонил Дж. Буш. Президент США интересовался ситуацией в СССР и России, шагами российского руководства по восстановлению законности и правопорядка. Б.Ельцин информировал Дж.Буша о происходящих событиях, ознакомил с принятыми документами, решениями и обращениями российского руководства, планами предполагаемых дальнейших действий. Буш сообщил Ельцину о состоявшихся переговорах со всеми руководителями «большой семерки», главами бывших социалистических государств. Все собеседники Буша безоговорочно поддерживают Горбачева и Ельцина, благодарят Президента России за мужество... *США намерены разработать комплекс мер, способствующих восстановлению законности в СССР*» (курсив мой.— И. Ф.)².

Восстановление законности в СССР есть прерогатива самого СССР, его безусловное и неотъемлемое право. Разработка же комплекса мер в США по восстановлению

---

¹ Ш е б а р ш и н А. В. Из жизни начальника разведки. С. 180.

² Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995). С. 363.

законности в СССР означала прямое и грубое вмешательство иностранного государства во внутренние дела Советского Союза, нарушение суверенитета нашей страны. Американцы, как видим, уже не скрывали своего участия в российских делах. Что на американский лад значило восстановление законности в СССР, судим по действиям Горбачева и Ельцина.

А. В. Шебаршину довелось повидать Горбачева на следующий день после его возвращения из Фороса: «Михаил Сергеевич выглядит прекрасно. Он энергичен, оживлен, говорит коротко и ясно, глаза блестят. Именно так должен выглядеть человек, хорошо отдохнувший на берегу ласкового теплого моря, но никак не вырвавшийся на свободу узник»¹. Горбачев, «хорошо отдохнувший на берегу ласкового теплого моря» и набравшийся сил, первый удар нанес по партии, которая его вскормила и вознесла на вершину власти. 24 августа он сделал заявление о сложении с себя обязанностей Генерального секретаря и «самороспуске» ЦК КПСС. Каковы мотивы? Вот они: «Секретариат, Политбюро ЦК КПСС не выступили против государственного переворота. Центральный Комитет не сумел занять решительную позицию осуждения и противодействия, не поднял коммунистов на борьбу против попрания конституционной законности. Среди заговорщиков оказались члены партийного руководства, ряд партийных комитетов и средств массовой информации поддержал действия государственных преступников. Это поставило коммунистов в ложное положение... В этой обстановке ЦК КПСС должен принять трудное, но честное решение о самороспуске. Судьбу республиканских компартий и местных партийных организаций определяют они сами. Не считаю для себя возможным дальнейшее выполнение функций Генерального секретаря ЦК КПСС и слагаю соответствующие полномочия»². Горбачев дал санкцию на то, чтобы опечатать зда-

---

¹ Шебаршин А. В. Из жизни начальника разведки. С. 106.

² Российская газета, 1991, 27 августа.

ние ЦК КПСС. Вот такой был «самороспуск» Центрального Комитета.

«Самороспуск» ЦК КПСС означал прекращение деятельности Политбюро и Секретариата ЦК, что вызвало паралич аппарата КПСС в целом, являвшегося «несущей конструкцией» государственности СССР и вместе с тем заводной, если позволено так выразиться, пружиной государственного механизма Советской страны.

Последовал удар по коммунистам и со стороны президента Ельцина, который 23 августа издал указ «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР». Он гласил: «Действующая на территории РСФСР и не зарегистрированная в установленном порядке Коммунистическая партия РСФСР поддерживала так называемый Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР, совершивший государственный переворот и насильственно отстранивший от должности Президента СССР. В ряде регионов РСФСР при непосредственном участии республиканских, краевых и областных органов Компартии РСФСР созданы чрезвычайные комитеты (комиссии), что является грубым нарушением Закона СССР «Об общественных объединениях». Органы Компартии РСФСР в республиках, краях и областях неоднократно вопреки Конституции РСФСР вмешивались в судебную деятельность, препятствуют исполнению Указа Президента РСФСР от 20 июля 1991 г. «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР». На основании изложенного постановляю: 1. Министерству внутренних дел РСФСР и Прокуратуре провести расследование фактов антиконституционной деятельности органов Коммунистической партии РСФСР. Соответствующие материалы направить на рассмотрение судебных органов. 2. До окончательного разрешения в судебном порядке вопроса о неконституционности действий Компартии РСФСР приостано-

вить деятельность органов и организаций Коммунистической партии РСФСР...»¹

Едва ли следует сомневаться в том, что инициативы Горбачева и Ельцина были ориентированы на ликвидацию КПСС и Компартии РСФСР. Однако еще до горбачевского заявления и ельцинского указа мэр Москвы Гавриил Попов 22 августа громогласно заявил о «причастности КПСС к перевороту» и необходимости «срочно закрыть все партийные комитеты, распустить все партийные организации»². Через год он с театральным пафосом скажет: «Я всегда буду гордиться тем, что в дни путча всеми силами помогал свергнуть отживший, угрожавший будущему России строй»³; «мы, демократические силы, сломали хребет КПСС»⁴.

Демократы «ломали хребет КПСС» торопливо, стараясь не упустить момент. Уже 22 августа в Москве и ряде других мест стали опечатывать здания партийных комитетов и выгонять из них работников аппарата. В помещениях ЦК КПСС и Компартии РСФСР имели место погромы: «крутые парни» от имени «демократов» били стекла, срывали вывески⁵. После того, как было объявлено об опечатывании здания ЦК КПСС, сотрудники аппарата ЦК безропотно и послушно его покинули под свист и улюлюканье толпы. «Из многих миллионов членов партии ни один не пришел на защиту своего руководящего органа. Величайшая в истории человечества партия позорным образом прекратила существование»⁶.

Но это не было «самоубийством КПСС», как считает М. Я. Геллер. «Нужно признать,— утверждает он,— партия покончила с собой, твердо храня традиции: по приказу вождя перерезала себе брюхо. Без сопротивления она со-

---

¹ Российское государство: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сб. документов. С. 476-477.

² Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 80—81.

³ Попов Г. Август девяносто первого // Известия, 1992, 25 августа.

⁴ Там же, 27 августа..

⁵ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 80.

⁶ Зинovieв А. Русский эксперимент. М., 1995. С. 46.

гласилась на запрет газет, на изгнание из занимаемых помещений, конфискацию чудовищных богатств, захват архивов. Генеральный секретарь приказал Центральному комитету самораспуститься, и тот — распустился»¹.

На самом деле все обстояло по-другому. Пользуясь лексикой Геллера, надо сказать, что в августе 1991 года произошло не самоубийство, а убийство партии. С ней покончил человек, лишь формально называвшийся Генеральным секретарем ЦК КПСС, тогда как в действительности он находился уже вне партии и замышлял ее уничтожение. Верно то, что партия, не сопротивляясь, с овечьей покорностью пошла под нож убийцы. Однако это не означает, что она совершила самоубийство. Речь следует вести именно об убийстве, причем предательском убийстве. Даже Геллер, которого невозможно заподозрить в симпатиях по отношению к КПСС, вынужден признать предательство Горбачева: «Преданная своим командующим (Горбачевым.— И. Ф.), армия (партия.— И. Ф.) превратилась в толпу, которая безропотно отдала свои дом, банковские счета, архивы»².

По мнению М. Я. Геллера, «КПСС погибла в результате шестилетних попыток придать себе благородный вид, реформировать неререформируемое, улучшить идеальную ленинско-сталинскую модель»³. Вернее было бы сказать, что КПСС погибла в результате шестилетней «перестройки», подорвавшей основы общественного, политического и государственного строя СССР, с которым партия была связана нерасторжимыми узами, ибо этот строй был ее детищем. И пока он жил, жила и партия. Но по мере продвижения разрушительного «перестроечного» процесса партия коммунистов теряла свои силы. Настал, наконец, момент, когда дальнейшее разрушение страны без ликвидации КПСС становилось невозможным.

---

¹ Геллер М. История России 1917—1995. Т. 4. С. 124; см. также: Геллер М. Российские заметки 1991—1996. С. 39.

² Геллер М. Российские заметки 1991—1996. С. 39.

³ Геллер М. История России 1917—1995. Т. 4. С. 124.

Поспешность, с которой «демократы» приступили к ликвидации КПСС, синхронность акций Горбачева и Ельцина, направленных против КПСС и Компартии РСФСР, обнажают одну из самых главных целей организаторов так называемого путча. Покончить с КПСС — вот в чем состояла эта цель. А. И. Лукьянов прав, когда утверждал, что разгром Коммунистической партии, устранение ее с политической арены являлись «первейшей и наиважнейшей задачей переворота, в результате которого радикальные «демократы» пришли к власти»¹. Отвечая на вопрос, зачем понадобилось «демократам» ликвидировать КПСС, автор пишет: «Они отлично понимали, что цели капитализации страны могут быть достигнуты только при условии, если будет разрушена и парализована та организация, которая является главным носителем социалистической идеи»². Это, конечно, так. Но есть еще одна, очень существенная часть проблемы.

Партия, как известно, была структурной опорой Советского государства. На единстве КПСС держалось единство и неделимость СССР. Партия, по выражению А. Зиновьева, образовала «стержень, основу и объединяющую силу коммунистического государства»³. Чтобы расчленив СССР и

---

¹ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 81.

² Там же.

³ Зиновьев А. А. Русский эксперимент. С. 227.— Ученый, выступая перед западной аудиторией во времена своего диссидентства, замечал: «Самое слабое место в советской системе — то, которое сами советские люди считают самым надежным, а именно в аппарате ЦК КПСС, Политбюро, в персоне Генерального Секретаря ЦК КПСС. Проведите своего человека в Генсеки, т.е. захватите эту ключевую позицию, и вы захватите все советское общество. Генсек развалит Политбюро и с его помощью весь ЦК. Это приведет к распаду всего аппарата КПСС. Распад КПСС приведет к распаду всей системы государственности, а развал последней — к развалу всей страны. Так уж этот социальный организм устроен!» (там же, с. 206). То, о чем в свое время говорил А. А. Зиновьев, ныне стало очевидным. «Сейчас, пожалуй, общепризнанно,— пишет К. Н. Брутенц,— что разрушение партии, означавшее прежде всего разрушение аппарата, явилось одним из основных факторов, повлекших за собой ослабление, а затем и распад государств

покончить с его государственной системой, надо было разгромить КПСС. Это было сделано Горбачевым и Ельциным с помощью управляемого августовского «путча».

Удар по КПСС сопровождался ударом по КГБ, что вполне понятно, поскольку Комитет госбезопасности стоял «на страже целостности государства»¹, являясь в то же время гарантом сохранности общественного строя СССР. Возня вокруг КГБ дает пищу для размышлений.

Утром 23 августа состоялось решение, по которому КГБ РСФСР был объявлен головным в системе органов госбезопасности России и на его базе формировалось новое ведомство — Российский КГБ, выступающий в качестве правопреемника КГБ СССР². Это новое ведомство возглавил Виктор Иваненко — кадровый чекист, назначенный на должность председателя КГБ РСФСР незадолго до создания ГКЧП³. Иваненко не вызывал отторжения у работников госбезопасности. Напротив, они возлагали на него некоторые надежды⁴. Но вдруг все перевернулось. Иванен-

---

ва. Любопытно, что это мне разъясняли в мае 1993 года в Пекине такие заслуженные антикоммунисты, как бышний госсекретарь США Г. Киссинджер и французский президент Жискара д'Эстан. Киссинджер, в частности, сказал мне, что «было ошибкой Горбачева переносить центр тяжести от партии к государству, к президентским структурам, поскольку это лишило страну организующего ядра». На мою реплику: «Но ведь вы всегда сами выступали за это; против партии» — он ответил коротко: «То было раньше!»» (Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. С. 182-183). Ответ прямо-таки издевательский. Но главное состоит в том, что видный представитель «мировой закулисы» делает «козлом отпущения» Горбачева, сводя развал страны к его ошибкам, т.е. поворачивает происшедшее так, будто Запад здесь ни при чем.

¹ Ш и р о н и н В. С. Под колпаком контрразведки... С. 163.

² Там же. С. 349.

³ Бака т и н В. Избавление от КГБ. С. 46. О. А. Платонов числит генерала КГБ Иваненко среди причастных к масонству (П л а т о н о в О. А. Терновый венец России... С. 429). Если это так, то данное назначение Иваненко приобретает определенный и достаточно ясный смысл.

⁴ Один из бывших первых руководителей КГБ СССР говорил В. С. Широнину: «Если бы двадцать третьего августа девяносто первого года председателем органов госбезопасности был назначен Иваненко, а не

ко принимал еще поздравления, когда во второй половине того же дня стало известно, что КГБ СССР остается, его председателем назначен В. Бакатин, а КГБ РСФСР передается ему в подчинение. Генерал Широ́нин так прокомментировал эту стремительную перемену: «Можно лишь догадываться о той ожесточенной борьбе, какая шла в те часы вокруг органов госбезопасности. Два противоположных решения за один день! И каких решения! Не сомневаюсь, в неразберихе, в горячке тех дней Горбачеву и его ближайшему окружению очень трудно было спрогнозировать дальнейший год [ход?] реформирования КГБ, поэтому наверняка не обошлось здесь без консультаций с теми, для кого КГБ десятилетиями был противником № 1. Видимо, потому и было решено не передавать головную боль в системе российскому КГБ, а на время сохранить прежнюю централизованную структуру, чтобы потом «вдарить» по ней в целом и расколоть на отдельные, не связанные между собой «обрубки». А роль «дровосека» отвели послушному Бакатину, чужаку в системе КГБ, который привел с собой на Лубянку еще несколько «демократических комиссаров», вроде своего помощника бывшего работника ЦК Вячеслава Никонова, который впоследствии стал депутатом Госдумы и «звездой» телеэкрана, предпочитая не упоминать о том, что он приложил руку к развалу системы госбезопасности страны¹. Повторяю, в горячке и неразберихе тех

Бакатин, то в этом случае оставался бы еще шанс повернуть дальнейший ход событий в более мирное русло...» Широ́нин разделял это суждение (см.: Широ́нин В. С. Под колпаком контрразведки... С. 349).

¹ В. Никонов при Бакатине играл роль советника-интеллектуала. Вот как говорит об этом Л. В. Шебаршин: «Помощник председателя КГБ Никонов — прелюбопытная фигура. В отличие от советника председателя господина Калугина, он практически неизвестен публике. Вячеслав Алексеевич Никонов молод, презентабелен, гибок и вежлив. На работу в КГБ, к Бакатину, пошел волонтером. Он доктор наук, с хорошей родословной — внук Вячеслава Михайловича Молотова, несомненно превосходит своего шефа в интеллектуальном отношении и, говорят понимающие люди, является генератором его идей. Интересно. У каждого нашего политического деятеля есть альтернативный мозг. Тот, который покоится в голове на плечах, отвечает как бы за улыбки, за

дней Горбачев и его сподвижники физически не могли самостоятельно спланировать дальнейшую судьбу органов КГБ и потому первоначально пошли по естественному для того момента пути — передать головные функции новорожденному российскому Комитету ГБ. Однако кое-кто их быстренько поправил, и спустя несколько часов на свет появилось новое решение...»¹

Касаясь отношения Ельцина к смене решений, В. С. Широнин говорит: «В этой связи совершенно непонятной была позиция Ельцина. Ведь в тот момент фактическая власть находилась в его руках и совершенно очевидно, что назначение Бакатина не могло состояться без его согласия. Ельцин прямо на глазах вырывал власть из рук Горбачева, но разведку и контрразведку — эти важнейшие источники информации! — почему-то отдал своему главному сопернику. Причем произошло это при драматических обстоятельствах: за несколько часов «наверху» все перерешили и отменили указ о том, что КГБ СССР должно по сути влиться в российский Комитет, то есть перейти в подчинение Иваненко. В миг все стало наоборот! Это было очень странно, и я не сомневаюсь, что история рано или поздно ответит на вопрос, что же все-таки произошло в те часы, когда решалась участь КГБ»². Исследователь не может сидеть, сложа руки, и ждать, когда история, раскрыв свои секреты, разомкнет уста, заговорит и ответит на этот вопрос. Он вправе высказать свои гипотетические соображения, тем более что есть факты (правда, косвенного

вежливые протокольные фразы. Другой скрывается в головах толковых помощников. Именно в нем зарождаются и разрабатываются концепции, продумываются ответы на мировые вопросы. У Шеварднадзе такой альтернативный мозг принадлежит уминику Мамаладзе-Степанову, у Горбачева — Яковлеву и Шахназарову, у Бакатина — Никонову» (Ш е б а р ш и н Л. В. Из жизни начальника разведки. С. 147).

¹ Ш и р о н и н В. С. Под колпаком контрразведки... С. 349—350; см. также: Ш и р о н и н В. С. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. С. 249—250.

² Ш и р о н и н В. С. Под колпаком контрразведки... С. 353—354.

порядка), которые заключают в себе определенные намеки на суть случившегося и дают пищу для размышлений.

Прежде всего, на наш взгляд, следует отказаться от идеи о «горячке и неразберихе» памятных августовских дней, которые якобы мешали Горбачеву и его сподвижникам спланировать или спрогнозировать дальнейшую судьбу органов КГБ. Конечно, подобная идея допустима, если исходить из того, что Горбачев, Ельцин и другие лица, посвященные в скрытый смысл происходящего, действовали стихийно, на ходу импровизируя, а не по заранее написанному сценарию, т.е. по плану. Всем ходом своего исследования мы старались показать, что план этот существовал. А коль так,— значит, у Горбачева и его окружения не было особых затруднений относительно предвидения «дальнейшего хода реформирования КГБ». Они знали, что делать с КГБ СССР и потому тут же приступили к его «реформированию» через направленного в Комитет своего человека, уже имеющего опыт проведения специфических «реформ» в МВД СССР.

В решении вопроса о Председателе Комитета госбезопасности СССР, состоявшемся 23 августа 1991 года, нельзя, по нашему мнению, переоценивать «игру и сложные интриги между разными командами», как это делает В. С. Широнин¹. Кадровую политику вершили люди, находящиеся в иных сферах. Согласившись с этим, мы сможем, по видимому, приблизиться к пониманию того, что произошло 23 августа.

Вряд ли можно сомневаться в том, что Б. Н. Ельцин имел непосредственное отношение к принятию решения о превращении КГБ РСФСР под началом генерала Иваненко в головную организацию всей системы органов госбезопасности России и о создании нового ведомства — Российского КГБ, являвшегося правопреемником КГБ СССР. Это решение соответствовало характеру политики ельцинского руководства, переводившего союзную собственность,

---

¹ Ш и р о н и н В. С. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. С. 249.

находящуюся на территории РСФСР, в собственность России, и подчинявшего союзные органы власти российским властям¹. Но тут вдруг что-то сорвалось. Возникла кандидатура Бакатина на пост Председателя КГБ СССР с подчинением ему КГБ РСФСР — поворот для Ельцина, надо думать, мало приятный.

«Председателем КГБ,— утверждает В. С. Широнин,— Бакатин был назначен по инициативе Горбачева»². Похоже на правду, ибо Бакатин — выдвиженец Горбачева, верный ему человек, игравший в августовские дни на стороне своего патрона³. Его назначение «по инициативе Горбачева» говорит о многом, особенно если вспомнить, что Ельцин сразу же после провала ГКЧП стремился взять кадровые дела Союза в собственные руки. «С августа до момента отставки Горбачева,— рассказывает Ельцин,— у нас с ним состоялось примерно восемь — десять встреч. Не знаю, понимал ли он сам, насколько изменился к тому времени характер наших отношений. Я сказал ему: «У нас есть горький опыт, август нас многому научил, поэтому, прошу вас, теперь любые кадровые изменения — только по согласованию со мной». Горбачев внимательно посмотрел на меня. Это был взгляд зажатого в угол человека. Но другого выхода у меня не было⁴. От жесткой последовательности моей

---

¹ У Ю. М. Лужкова читаем, как в «ситуации эйфории победы» над «путчистами» российское руководство приняло ряд решений, «смысл которых сводился к одному: имущество бывших союзных структур объявлялось российской собственностью. Республиканские чиновники мгновенно начали захватывать союзные министерства, ведомственные помещения, вычислительные центры. Это была почти операция «штурм унд дранг»» (Лужков Ю. Мы дети твои, Москва. М., 1996. С. 188).

² Ш и р о н и н В. С. 1) Под колпаком контрразведки... С. 353; 2) КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. С. 251.

³ Ч е р н я е в А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 202, 206—207.

⁴ Это требование, предъявленное Президентом РСФСР Горбачеву, подтверждает А. В. Коржаков: «Условие Бориса Николаевича касалось кадровых назначений — их теперь следовало делать сообща. Выбора у

позиции зависело все. И время показало, что я не ошибся. Первые кадровые назначения Горбачев сделал самостоятельно: Моисеева назначил министром обороны, Шебаршина — председателем КГБ, Бессмертных оставил министром иностранных дел. Мне было хорошо известно, что все эти люди явно или тайно были участниками путча. Я позвонил Горбачеву ночью, когда информационные агентства сообщили об этих назначениях, и я сказал: «Михаил Сергеевич, что вы делаете? Моисеев — один из организаторов путча. Шебаршин — ближайший человек Крючкова». Он стал говорить: «Да, возможно, я не сориентировался, но сейчас уже поздно, во всех газетах опубликован указ, его зачитали по телевидению». В конце этого телефонного разговора я сказал: «Утром буду у вас». Аргумент Горбачева меня поразил: мол, неудобно. Неужели внешние приличия важнее реальной угрозы безопасности страны? Утром я приехал к нему. Первое, что я потребовал, — сразу же отправить в отставку Моисеева. Горбачев сопротивлялся, но в конце концов был вынужден согласиться, что совершил ошибку. Сказал: «Я подумаю, как это исправить». «Нет, — говорю, — я не уйду, пока вы при мне этого не сделаете. Приглашайте Моисеева прямо сюда и отправляйте его в отставку»¹.

М. С. Горбачеву пришлось покориться, и М. А. Моисеев был снят с должности. «Мы договорились, — продолжает Ельцин, — что назначение нового министра обороны будет согласовано с Советом глав республик. В этот день (23 августа. — *И. Ф.*) через пару часов как раз должно было начаться его заседание. Я предложил кандидатуру Шапошникова, главнокомандующего ВВС... С его назначением проблем не возникло... Дошли до Министерства иностранных дел. Я сказал, что Бессмертных выполнял поручения ГКЧП, во все посольства ушли шифровки в под-

---

Президента СССР не было, и он согласился» (К о р ж а к о в А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. С. 115).

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 143—144.

держку ГКЧП, всю внешнеполитическую службу он ориентировал на то, чтобы помогать путчистам. Козырева тогда сложно было назначать на пост министра иностранных дел Союза, он был к этому не готов. Остановились на фигуре Бориса Панкина, посла в Швеции. Он был одним из немногих послов, кто в первый же день переворота дал однозначную оценку путчу»¹.

Итак, Ельцин, по его собственным словам, занял в кадровых вопросах довольно жесткую позицию, вынуждавшую Горбачева уступать ему. Возможно, так оно и было. Но, вероятно, не всегда и не во всем. В случае с Бакатиным инициатива, по свидетельству генерала-контрразведчика Широнина (а он-то по роду своих занятий, наверное, кое-что знал), исходила от Горбачева. Правда, Ельцин и здесь хочет показать, что предложение по Бакатину шло также от него. Он говорит: «Не менее важно было найти достойного человека на роль руководителя КГБ, тем более перед ним стояла задача разрушить эту страшную систему подавления, которая сохранилась еще со сталинских времен. Человек, вступающий в эту должность, обязан был иметь опыт руководства властными структурами. Бакатин, который до Пуго возглавлял Министерство внутренних дел, как мне казалось, мог справиться с этой работой. Это было достаточно неожиданно, но Горбачев согласился»².

По Ельцину, стало быть, получается, что не только инициатива назначения Бакатина исходила не от Горбачева, но последнему пришлось даже в некотором роде внутренне преодолевать чувство неожиданности предложения, осознать его и затем согласиться. Но в это трудно поверить. Ведь Ельцину хорошо было известно, что Бакатин — человек Горбачева. Перечисляя своих соперников на президентских выборах в июне 1991 года, он пишет: «Еще одна — на этот раз уже прямая — креатура Горбачева: Бакатин. Еще один отставник (помимо Н. И. Рыжкова. — И. Ф.), прогрес-

---

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 145.

² Там же.

сист, симпатичный человек, окруженный вниманием прессы. За него, кстати, проголосовало немного избирателей, но свою роль он сыграл — вызвал некоторую сумятицу в мозгах, неуверенность у людей, часть из которых, запутавшись в кандидатурах, вовсе не пошла на участки для голосования. И наконец, еще один «подарок» — три одиозные и очень активные фигуры, которые яростно выступили против демократической идеи вообще, против горбачевской перестройки и против Горбачева и Ельцина лично, за наведение порядка железной рукой — Макашов, Тулеев, Жириновский»¹. Названную тройку кандидатов в президенты РСФСР Ельцин именует ястребами. И вот эти «ястребы», по его словам, «во всем обвиняли Горбачева (да и Рыжков порой выступал с критикой в его адрес), но ведь он-то в выборах не участвовал! Объективно все кандидаты работали на него. То есть против меня. И он через своих людей помогал всем моим противникам — за исключением, быть может, Жириновского. Рыжкову и Бакатину помогали организовывать избирательную кампанию, на Тулеева работали депутатские фракции, Макашова поддерживали Полозков и его компартия»².

Таким образом, Бакатин, хотя и «прогрессист, симпатичный человек», но «прямая креатура Горбачева», подарок в кавычках, противник на июньских выборах, угождавший Горбачеву и мешавший успеху Ельцина. Естественен вопрос: стал ли Ельцин по свежим переживаниям своих негативных эмоций, связанных с Бакатиным (прошло ведь немногим более двух месяцев после выборов), и с отчетливым пониманием того, что перед ним креатура недруга, каковым считал Горбачева, выдвигать эту креатуру на чрезвычайно важную (в том числе для собственной безопасности) должность Председателя КГБ СССР? Зная лишь чуть-чуть характер Ельцина, обнаруживаемый в его публичном поведении и поступках, можно сказать наверняка: не стал. Однако он вряд ли проявил бы покла-

---

¹ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 50.

² Там же. С. 51.

дистость, будь выдвижение Бакатина фактом одной только личной инициативы Горбачева, поскольку в тот момент правила игры диктовал уже сам Ельцин. Значит, за горбачевской инициативой стояла третья сторона, послушаться которую российский президент не мог. И ему, по-видимому, пришлось отказаться от первоначального решения по КГБ РСФСР и генералу Иваненко, согласившись с кандидатурой Бакатина.

Эта третья сторона просматривается на фоне рассказа Л. В. Шебаршина о посещении КГБ СССР госсекретарем США Бейкером, когда Бакатин уже восседал в кресле его председателя: «Приемная битком набита журналистами, телекамерами, охраной, дежурными, помощниками. На веселое оживление строго смотрит мраморный Дзержинский, выставленный в «предбанник» из кабинета председателя. Распахивается дверь лифта, шум и гам мгновенно смолкают. Крепкое рукопожатие председателя КГБ и госсекретаря США, радостно сияющее лицо Вадима Викторовича и сдержанная улыбка Бейкера. Два переводчика: один — из союзного МИД, другой — американец, оба великолепные специалисты. Хозяин и главный гость следуют в кабинет, за ними валит толпа журналистов. Оказия историческая. Ни американская, ни московская сторона не вспоминает, что в этом кабинете в последние годы Крючков принимал посла США Мэтлока, начальника Объединенного комитета начальников штабов генерала Пауэлла, заместителя помощника президента США Гейтса, ушедших в отставку директоров ЦРУ Колби и Тернера. Бейкер действительно здесь впервые, но, удивительно, *хозяином в этом кабинете чувствует себя скорее он, а не Бакатин*. Кажется, это тот редкий момент, когда Вадим Викторович забывает посмотретья в зеркало. Он в самозабвенном упоении: сам господин Бейкер, правая рука президента Буша, посещает КГБ. Мир уже никогда не будет прежним. Со стены взирает на душеспитательную сцену портрет Михаила Сергеевича Горбачева. На портрете он молод, полнолиц, глаза его светятся историческим оп-

тимизмом, он явно одобряет и посещение Бейкером КГБ, и своего верного помощника и единомышленника *Вадима Викторовича Бакатина*. Мы долго не могли уговорить-ся: какая честь, какая редкая привилегия принимать в КГБ (брезгливая гримаса!) господина Бейкера. Разумеется, он должен понять, что председатель КГБ относится к своему ведомству совершенно неодобрительно. Господин Бейкер, кажется, не питает никаких сомнений на этот счет. *Ему, совершенно очевидно, нравится господин Бакатин* (курсив мой.— И. Ф.).

— О, совсем недавно я отдыхал вместе с Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе, и он мне сказал...

— О, господин Шеварднадзе сказал... Это мой очень близкий друг.

— О, мы очень близки с Эдуардом Амвросиевичем, и он мне сказал, когда мы ели шашлык...

Ну что ж, раз оба собеседника числят Эдуарда Амвросиевича среди своих дорогих друзей, вопроса о взаимопонимании не возникает. Бейкер очень дипломатично и твердо разъяснил, что России не должно быть позволено притязать на чрезмерную долю при разделе наследства бывшего СССР. Господин Бакатин дипломатично, но с энтузиазмом принял этот тезис. Помощник господина Бакатина господин Никонов, сидящий за тем же столом, одобрительно улыбнулся: Россия должна раз и навсегда расстаться с великодержавными амбициями¹.

Описанная Л. В. Шебаршиным сцена высвечивает не только третью сторону, стараниями которой Бакатин оказался во главе КГБ СССР, но и объясняет, почему за этим Комитетом сохранилось союзное значение с правом подчинения ему КГБ РСФСР, а также и то, почему было отдано предпочтение Бакатину перед Иваненко².

---

¹ Шебаршин Л. В. Из жизни начальника разведки. С. 145—146.

² В. В. Бакатин, подобно В. В. Иваненко, входит в составленный О. А. Платоновым «Краткий словарь лиц, принадлежащих к масонским ложам и другим организациям, созданным для достижения масонских целей» (Платонов О. А. Терновый венец России... С. 424).

Относительно третьей стороны едва ли ошибемся, если скажем, что это — американская сторона. Именно американцы, как явствует из рассказа генерала Шебаршина, не хотели усиления России за счет других республик «бывшего СССР», а значит, и усиления КГБ РСФСР за счет КГБ СССР. Они не могли допустить, чтобы КГБ РСФСР стал правопреемником КГБ СССР. Вот почему, надо полагать, было отменено первоначальное решение по КГБ РСФСР и КГБ СССР, принятое утром 23 августа 1991 года. Вместе с этой отменой отпадала, естественно, и кандидатура генерала Иваненко. К тому же Бакатин имел перед Иваненко одно очень существенное преимущество: он обладал опытом по части расшатывания государственного и общественного строя СССР.

В. В. Бакатин приобрел этот опыт, возглавляя в 1988—1990 годы Министерство внутренних дел СССР. С первых же дней его деятельности в качестве министра «обстановка в коллективе МВД стала накаляться, возникла нервозность. Началась реорганизация центрального аппарата министерства, местных органов. Центр передал почти все права и соответственно задачи на места; министерства внутренних дел союзных республик получили практически полную независимость; центр лишился влияния, оставив за собой подготовку кадров в центральных учебных заведениях, разработку методологии борьбы с преступностью, координацию работы органов по строго определенным направлениям да кое-что еще второстепенное. Решение кадровых вопросов передавалось на места. Так было низведено до непозволительно низкой отметки значение одного из важнейших союзных органов»¹. Согласно В. А. Крючкову, «рассредоточение сил и возможностей органов внутренних дел», проведенное Бакатиным, «было непродуманным шагом»². Ну, а если посмотреть на дело иначе и предположить продуманность «рассредоточения сил и возможностей органов внутренних дел», предоставления

---

¹ Крючков В. А. Личное дело. Ч. 1. С. 437.

² Там же. С. 438.

министерствам внутренних дел союзных республик «практически полной независимости». Что тогда? А тогда придется признать, что эти меры полностью соответствовали генеральной линии горбачевской «перестройки» на развал союзного государства и коренную ломку социально-экономических отношений.

Наделение республиканских министерств внутренних дел независимостью, в том числе кадровой по отношению к Центру способствовало в условиях конца 80-х годов усилению начавшегося процесса суверенизации и сепаратизма союзных республик, т.е. распаду СССР. И тут у Бакатина, а также у тех, кто направлял его, была, по всей видимости, полная ясность.

Рассредоточение функций МВД СССР по периферийным министерствам ставило в очень сложное положение органы прокуратуры и госбезопасности, подрывая всю правоохранительную систему страны¹. Помимо этого, Бакатин ликвидировал формировавшийся на протяжении десятилетий агентурный милицкий аппарат — эффективный инструмент борьбы с преступностью². Он также издал приказ, разрешающий сотрудникам милиции работать по совместительству в других организациях, что создавало благоприятные условия для сращивания правоохранительных органов с преступным миром³. В. С. Шиرونин, подытоживая эти бакатинские дела, замечает: «Таким образом, за нынешний криминальный разгул Россия в немалой степени обязана безответственности Бакатина»⁴. Однако Бакатин работал не только на перспективу, но и на потребу дня, причем, как нам представляется, не в состоянии неосознанной безответственности, а с ясным разумением смысла предпринимаемых мер. В чем состоял этот смысл?

А. А. Зиновьев с присущей ему проницательностью говорит: «Разрушение планово-командных принципов и

---

¹ Крючков В. А. Личное дело. Ч. 1. С. 436.

² Шиرونин В. С. Под колпаком контрразведки... С. 351—352.

³ Там же. С. 352.

⁴ Там же. С. 351—352.

централизованного управления в экономике было равносильно полному краху коммунистической экономики и засилью экономики преступной»¹. «Перестройка», в ходе которой командно-административная система подверглась разрушению, стимулировала развитие преступности, включая экономическую преступность. Мы уже видели, как благоприятно воздействовали на развитие теневой и криминальной экономики антиалкогольная кампания и кооперативное движение. По-другому и быть не могло: советскую экономику можно было трансформировать в буржуазную только на преступной основе. В противном случае на эту трансформацию потребовались бы многие десятилетия, если не столетия. Пример тому — Запад, где капиталистическое общество рождалось в ходе постепенного естественноисторического развития. Но «перестройщикам» нужен был переход к капитализму сейчас же, немедленно, по приказу сверху. Поэтому ставка была сделана на криминальный мир и людей с криминогенным сознанием как рычаг социального переворота, не столь, впрочем, бесстыдно-откровенная, как в период последующих «либерально-демократических» реформ. «Класс частных собственников,— замечает Зиновьев,— начал создаваться искусственно, причем в основном из уголовников и как класс уголовников. Уголовные элементы советского общества стали опорой реформаторов...»² И еще: «В массе населения (Советского Союза.— И. Ф.) не было никакой потребности в переходе к капитализму. Об этом мечтали лишь преступники из «теневой экономики», отдельные диссиденты, скрытые враги и часть представителей привилегированных слоев, накопившая богатства и хотевшая их легализации»³. При подобных обстоятельствах необходимы были послабления криминальному «сообществу», что и постарался обеспечить Бакатин, направленный в МВД. «Преступный мир просто обязан поставить за это

---

¹ Зиновьев А. А. Русский эксперимент. С. 200.

² Там же. С. 303.

³ Там же. С. 313—314.

Бакатину памятник в золоте, инкрустированном бриллиантами», — не без иронии говорит В. С. Широнин¹.

Таким образом, Бакатин к моменту назначения председателем КГБ СССР имел навыки по части разрушения государственной и общественной системы Советского Союза, что в нем и привлекало тех, кто направил его в Комитет госбезопасности. Вступив в должность, он с величайшим рвением стал громить вверенное ему учреждение. Это было настолько противоестественно и запредельно, что даже некоторые сотрудники Комитета не предполагали подобной возможности. Им казалось, что «Горбачев решил поставить во главе КГБ своего, чтобы «охладить пыл» чекистов, которые, мол, по старинке видят в лице Запада врага СССР. И поскольку отношения с Западом внешне изменились, а сам «Горби» превратился в кумира Европы и Америки, то органы госбезопасности должны стать «мягче» по отношению к деятельности зарубежных спецслужб на территории СССР. Этот более «широкий» подход и должен был обеспечить Бакатин... Так думали на Лубянке некоторые кадровые сотрудники. Однако они жестоко ошиблись: произошло нечто невероятное — Бакатина прислали для того, чтобы учинить настоящий погром органов госбезопасности...»². Теперь об этом откровенно говорят Ельцин и Коржаков. Да и сам Бакатин не скрывает того³.

Комитет государственной безопасности СССР был уничтожен способом расчленения на отдельные части: самостоятельные ведомства и службы. «Сначала, — пишет Коржаков, — «монстра» разбили на отдельные ведомства. Пограничные войска стали самостоятельной «вотчиной». Первое главное управление КГБ СССР переименовали в Службу внешней разведки и тоже отлучили от комитета... Затем от КГБ отделили технические подразделения, и об-

---

¹ Ш и р о н и н В. С. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. С. 250.

² Там же. С. 251—252.

³ Б а к а т и н В. В. Избавление от КГБ. М., 1992. С. 22, 25.

разовалось ФАПСИ — Федеральное агентство правительственной связи и информации»¹. Помимо этого, из КГБ СССР была выведена служба правительственной охраны, подразделения по борьбе с терроризмом и др.² В результате целостная и могущественная организация превратилась «в разновидность островного архипелага, где каждый из островков не связан друг с другом»³.

Огромный ущерб был нанесен кадрам системы госбезопасности. Между августом и октябрем 1991 года на Лубянке побывало около десятка «демократических» комиссий, проводивших «переаттестацию» сотрудников Комитета, являвшуюся, по сути, политической чисткой⁴. Тон задавал сам Бакатин. «Утром 24 августа,— рассказывает А. В. Шебаршин,— новый председатель вошел в приемную — «предбанник» своего кабинета, выслушал краткий ритуальный рапорт дежурного офицера и спросил: «А где вы были 19 августа?» «На работе»,— правдиво ответил дежурный. «Уволить его!» — сказал Бакатин находившемуся при нем кадровику и бодро проследовал в кабинет»⁵. В этом маленьком эпизоде отразилась генеральная линия в обреченном на разгром ведомстве. И вот «перетряхивается верхний кадровый эшелон, появляются начальники с демократическими наклонностями. Это привычно: совсем недавно свои лучшие кадры направляла на укрепление органов КПСС. Сейчас то же самое делают победившие политические силы. Преимущество отдается тем, кто сумел зафиксировать свое присутствие у Белого дома 19—21 августа. Кое-кто успел сделать это в последнюю минуту, в середине 21-го. Все равно считается»⁶. Итог следующий: «Многие опытные, прекрасно подготовленные в профессиональном отношении сотрудники были уволены, другие

---

¹ Коржаков А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. С. 118.

² Крючков В. А. Личное дело. Ч. 1. С. 440.

³ Зенькович Н. А. Новости из Кремля. С. 538.

⁴ Широнин В. С. Под колпаком контрразведки... С. 344, 347.

⁵ Шебаршин А. В. Из жизни начальника разведки. С. 144.

⁶ Там же. С. 150.

ушли сами, потеряв перспективу и будучи не в силах примириться с той, совершенно не деловой атмосферой, возникшей на Лубянке»¹.

Следует, наконец, сказать, что Бакатин выдал американцам ряд секретов КГБ². Тут, как и в других случаях, опять видна американская сторона.

«Реформирование» КГБ СССР, наряду с ликвидацией КПСС, пагубным образом сказалось на безопасности Советского Союза (исторической России), прежде всего на его целостности. На слом пошли и другие важнейшие государственные учреждения: Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР и Кабинет Министров СССР.

Съезд народных депутатов СССР внушал, вероятно, Горбачеву опасения, связанные с потерей власти. В ст. 127 п. 8 Закона Союза ССР «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» от 14 марта 1990 года читаем: «Президент СССР обладает правом неприкосновенности и может быть смещен только Съездом народных депутатов СССР в случае нарушения им Конституции СССР и законов СССР»³. Инициатива постановления вопроса о смещении президента могла исходить как от самого Съезда, так и от Верховного Совета СССР «с учетом заключения Комитета конституционного надзора СССР»⁴. Мог возникнуть вопрос об отрешении, поскольку нарушение Горбачевым Конституции и законов СССР было налицо: подго-

---

¹ Ш и р о н и н В. С. Под колпаком контрразведки... С. 344.

² Он «передал послу США секретную документацию о подслушивающих устройствах в новом здании посольства (это помогло американцам установить зарубежные фирмы, с которыми сотрудничала наша разведка), 40 дел оперативного наблюдения и учета за западной резидентурой в Москве «уплыли» за океан». (Качановский Ю. В. Куда идет Россия? С. 113. См. также: Герой Соединенных Штатов Америки// Аргументы и факты. 1991, № 51).

³ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990, №12.

⁴ Там же.

товленный им к подписанию Договор о Союзе суверенных государств игнорировал волеизъявление советского народа на референдуме 17 марта¹ и ликвидировал Союз Советских Социалистических Республик, что являлось попранием Конституции СССР.

Съезд народных депутатов СССР, будучи верховным органом власти, выступал в качестве силы, скрепляющей единство союзного советского государства. Поэтому Съезд становился помехой для тех, кто разваливал Державу. Его следовало убрать с дороги. И он был убран, причем коварным способом, т.е. якобы по «собственной» воле депутатов. Как это произошло?

Настроение народных депутатов СССР, собравшихся в Москве в начале сентября, не располагало Горбачева к благодушию. «Оценивая атмосферу, сложившуюся накануне съезда, и особенно дискуссию вокруг повестки дня, я и руководители республик,— говорит он,— были весьма обеспокоены тем, чтобы съезд не втянулся с самого начала в бесплодные споры»². Необходимо было перехватить у Съезда инициативу. И вот Президент СССР вместе с главами 10 союзных республик (РСФСР, Украина, Белоруссия, Узбекистан, Казахстан, Азербайджан, Киргизия, Таджикистан, Армения, Туркмения) в спешном порядке, ночью³, составили Заявление, с которым вышли на Съезд. Преамбула Заявления наполнена страхами: «В результате государственного переворота, совершенного 19—21 августа сего года, был сорван процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами,

---

¹ Это, собственно, признал и сам Горбачев. «В свое время,— говорит он,— я был инициатором референдума, первого в истории нашего Отечества. Народ проголосовал тогда за Союз. Соглашаясь преобразовать его в Союз суверенных государств как конфедеративное государство, мы уже тогда отступили от того, что понималось под обновленным Союзом, за что голосовали на референдуме» (Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 601).

² Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 585.

³ Там же.

что поставило страну на грань катастрофы. Сложившаяся в стране после путча ситуация, если она выйдет из-под контроля, может привести к непредсказуемым последствиям внутри страны и в отношениях с зарубежными государствами»¹. Но Горбачев и республиканские лидеры не теряют надежды: «Мы констатируем, что срыв заговора, победа демократических сил нанесли серьезный удар по реакционным силам и по всему тому, что сдерживало процесс демократических преобразований. Тем самым создан исторический шанс для ускорения коренных преобразований, обновления страны»².

Ради «обновления страны» и ее «ускоренных преобразований» авторы Заявления «согласились с необходимостью» установить «переходный период» («до принятия новой Конституции и проведения на ее основе выборов новых органов власти») и на этот период учредить: 1. «Совет представителей народных депутатов по принципу равного представительства от союзных республик по 20 депутатов из числа народных депутатов СССР и республик, делегированных их Верховными Советами, с целью выполнения законодательных функций и разработки новой Конституции Союза суверенных государств»; 2. «Государственный совет в составе Президента СССР и высших должностных лиц союзных республик для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик». С целью «координации управления народным хозяйством и согласованного проведения экономических реформ» предлагалось вместо правительства (Кабинета Министров СССР) создать временно «межреспубликанский экономический комитет с представителями всех республик на паритетных началах»³. Для сговорчивости заявители «бросили кость» депутатам: «сохранение статуса народных депутатов СССР за всеми из-

---

¹ Заявление Президента СССР и высших руководителей Союзных Республик// Известия, 1991, 2 сентября.

² Там же.

³ Заявление Президента СССР...

бранными депутатами на весь срок, на который они были избраны».

Съезд вынужден был «в основном одобрить предложения, вытекающие из совместного Заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик...»¹ Получалось так, будто Съезд сам покончил с собой, а заодно и с Кабинетом Министров СССР и прежним Верховным Советом СССР. Внешне это выглядело законно, конституционно, что и пытается обыграть Горбачев, рядясь в мантию законника и конституционалиста. «По данному поводу,— заявляет он,— было немало спекуляций, некоторые договаривались до того, что будто Горбачев и лидеры республик совершили своего рода государственный переворот, не удавшийся путчистам. Это — чепуха уже потому, что все сентябрьские решения были приняты самим съездом, иначе говоря, конституционным путем. Далее, потому что был сохранен высший законодательный орган — Верховный Совет. И, наконец, потому, что серьезная реорганизация структур управления страной была предпринята не по прихоти лидеров, а как вынужденная, временная мера, продиктованная последствиями путча, новыми реальностями. Иначе говоря, мы ни на шаг не преступили Конституцию»². Доказывая последний тезис, Горбачев особенно усердно прикрывается Съездом: «Президент и руководители республик вышли ведь со своим Заявлением не куда-нибудь, а на Съезд — высший орган государственной власти, конституционный орган. Обратились к нему, к его конституционной компетенции. И это что — заговор?»³

Итак, никакого принуждения или насилия по отношению к Съезду и Верховному Совету. На этом стоит и А. А.

---

¹ Постановление Съезда народных депутатов СССР «О мерах, вытекающих из совместного заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик и решений внеочередной сессии Верховного Совета СССР»//Горбачев М. С. Декабрь-91. Моя позиция. С. 199.

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 585.

³ Горбачев М. С. Августовский путч. Причины и следствия. С. 42.

Собчак, делая в своем «Политическом пункте» запись: «Самороспуск Верховного Совета и Съезда народных депутатов СССР»¹. Термин «самороспуск» должен, вероятно, подчеркнуть добровольность и, следовательно, конституционность прекращения деятельности Съезда и Верховного Совета. Перед нами явная натяжка, если не сознательная фальсификация событий. Надо вспомнить обстановку в стране, возникшую после 19—21 августа 1991 года. Насильственный роспуск КПСС, шельмование ее руководящих органов, случаи погромов партийных зданий, экспроприация собственности партии, арест гэкачепистов и заключение их в тюрьму, гонения на тех, кто поддержал или сочувствовал ГКЧП, кадровые чистки, доносы на «неблагонадежных», иницилируемые и поощряемые сверху, истерия в средствах массовой информации, требования учредить нечто вроде ВЧК — все это придавало «текущему моменту» характер определенной репрессивности. Закрывать глаза на это, ослушаться власть имущих и рисковать, зная по недавнему прошлому, что «сила соломой ломит», депутаты, конечно, не могли, и они сделали вид, будто сами решают судьбу Съезда, тогда как на деле им пришлось подчиниться диктату Горбачева и республиканских руководителей², которые еще в рамках ново-огаревских соглашений

---

¹ С о б ч а к А. А. Жила-была коммунистическая партия. С. 36.

² К чести Съезда надо сказать, что был и протест со стороны отдельных депутатов, о чем рассказывает сам Горбачев: «Я высоко оцениваю тот факт, что при всем многообразии мнений большинство народных депутатов с высокой ответственностью отнеслись к оценке ситуации и поддержали Заявление. Но не могу я согласиться с теми из выступлений, в которых Заявление изображалось как нечто идущее вразрез с Конституцией и законами страны, более того, оценивалось чуть ли не как еще один переворот» (Г о р б а ч е в М. С. Августовский путч. Причины и следствия. С. 42). При этом «в критике Заявления сошлись крайние правые и крайние левые», что для Горбачева было «удивительно» (там же). На наш взгляд, подобное сходство говорит об обоснованности критики Заявления. А сама критика свидетельствует о том, что как среди «крайних левых», так и среди «крайних правых» (и это особенно примечательно) были мужественные и честные люди, болеющие за судьбу своего Отечества.

вели СССР к распаду. Какая же тут законность и конституционность? Их нет. И это совершенно ясно ученым, российским и зарубежным.

Итальянский историк Д. Боффа пишет: «Однажды прибегнув к практике свершившихся фактов, не слишком беспокоясь об их законности, было трудно ввести процесс в правовые рамки, то есть пойти по пути, который амбициозно провозгласила перестройка. Жертвой этого явления стал и советский парламент. От имени глав республик Горбачев предложил ему самораспуститься, уступив место временному Верховному Совету. Предложение вызвало протест, но было ратифицировано, никто не затруднил себя слишком тщательной проверкой относительно законности этой процедуры»¹.

В «Политической истории», подготовленной коллективом российских авторов, говорится: «Съезд народных депутатов СССР был распущен, а на переходный период до заключения нового союзного договора между республиками высшим представительным органом власти стал радикально реформированный Верховный Совет СССР; вместо Кабинета министров создавался аморфный и явно безвластный межреспубликанский экономический комитет, большинство союзных министерств ликвидировалось»².

Теперь мы можем сказать: все то, что было сделано Горбачевым, Ельциным и другими республиканскими лидерами после провала ГКЧП, предопределило беловежский сговор в декабре 1991 года. С устранением КПСС и развалом КГБ СССР сломались мощные государственные скрепы, удерживающие целостность и неделимость Советского Союза. «Роспуск Съезда народных депутатов СССР,— справедливо замечает А. И. Лукьянов,— повлек за собой стремительное ослабление союзной власти. Начался обвальный процесс отторжения республик от того полити-

---

¹ Б о ф ф а Д. От СССР к России... С. 247.

² Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. С. 655.

чески и экономически единого организма, каким был Советский Союз»¹.

«Реформирование» Верховного Совета СССР, явившееся, в сущности, его ликвидацией, нанесло смертельный удар центральной законодательной власти. Новый Верховный Совет как переходный законодательный орган «оказался мертворожденным. Собирался он крайне редко, и, когда это случалось, из-за отсутствия кворума он почти никогда ничего не мог решить»². Замену Кабинета министров СССР на временный межреспубликанский экономический комитет, ликвидацию большинства союзных министерств нельзя истолковать иначе, как упразднение центральной исполнительной власти.

Итак, Центр был разгромлен. Настало время, когда можно было переводить процесс разрушения СССР в период активного распада, что опять-таки было сделано собственноручно Горбачевым. 6 сентября, т.е. на следующий день после роспуска Съезда народных депутатов СССР, за его подписью вышли постановления новоиспеченного Государственного Совета СССР о предоставлении независимости Латвии, Литве и Эстонии. Связь между роспуском Съезда и этим актом для нас несомненна. При наличии Съезда его прохождение было бы весьма проблематичным. Роспуск развязал Горбачеву руки, и он, наконец, выполнил пожелание американского президента Дж. Буша «отсечь, отпустить на волю эти республики»³. Примечательно, что еще 2 сентября, т.е. до упомянутого постановления Государственного Совета, Дж. Буш позвонил руководителям Литвы, Эстонии и Латвии, чтобы «сообщить им о го-

---

¹ Л у к ъ я н о в А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 66.

² Б о ф ф а Д. От СССР к России... С. 247.

³ Г о р б а ч е в М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 305.— Не знаем, на каком основании М. Я. Геллер заключил, будто американская дипломатия «к независимости Прибалтийских республик относилась недоброжелательно» (Г е л л е р М. Я. Горбачев. Победа гласности и поражение перестройки. С. 571). Перед нами, по-видимому, угловатая попытка приукрасить политику американцев, которые никогда официально не признавали вхождение в состав СССР стран Балтии.

товности США немедленно установить с ними дипломатические отношения»¹. Значит, президент США знал, что в самое ближайшее время последует объявление Горбачевым независимости прибалтийских республик. Но, поступая в соответствии с желанием американцев, Горбачев решительным образом разошелся с Конституцией СССР, по сути растоптал ее.

Предоставление независимости республикам Прибалтики побудило другие республики Союза принять законы, «упрочивающие их суверенитет и делавшие их фактически неподвластными Москве»².

А. И. Лукьянов резонно спрашивает: «Вправе ли был Государственный Совет принимать постановления, фактически закрепляющие выход из СССР трех республик?..» Ответ следующий: «Нет, такими полномочиями Госсовет не обладал. Его акты были в вопиющем противоречии с Конституцией СССР, союзным Законом «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», и наносили тяжелейший удар по интересам сотен тысяч проживающих в Прибалтике людей так называемой «некоренной национальности»³. К этому следует добавить, что данные акты Госсовета оказались в «вопиющем противоречии» с принятым лишь днем назад Постановлением Съезда народных депутатов СССР, который, зная или предчувствуя, куда клонит Горбачев, заявил: «Уважая декларации о суверенитете и акты о независимости, принятые республиками, Съезд подчеркивает, что обретение независимости республиками, решившими отказаться от вхождения в новый Союз, требует проведения их переговоров с СССР для решения всего комплекса вопросов, связанных с отделением...»⁴

---

¹ Г е л л е р М. Я. Горбачев. Победа гласности и поражение перестройки. С. 570-571.

² Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. С. 655.

³ Л у к ъ я н о в А. И. Переворот мнимый и настоящий. С. 66.

⁴ Постановление Съезда народных депутатов СССР... С. 200.

М. С. Горбачев, иницируя постановления Госсовета о выходе из СССР Литвы, Латвии и Эстонии, не стал ждать момента образования «нового Союза», выпустил прибалтийские республики из «старого Союза» без предварительных с ними переговоров «для решения всего комплекса вопросов, связанных с отделением». И после этого он, нисколько не смущаясь, говорит: «Приняв решение о признании независимости республик Прибалтики, нам так и не удалось запустить механизм переговоров. Этому помешал Беловежский сговор»¹. На кого рассчитаны эти слова? Только на чересчур наивных и доверчивых. Любому же здравомыслящему человеку ясно, что переговоры, являющиеся условием выхода из СССР (так по смыслу соответствующего закона и последнего постановления Съезда), не могли состояться, поскольку страны Балтии обрели независимость. Им незачем было садиться за стол переговоров, ибо они уже получили то, к чему стремились. Поэтому-то и не «удалось запустить механизм переговоров». Но Горбачев хитрит и переводит стрелку на «Беловежский сговор». Перед нами обычный для него прием: перевалить свою вину на других и уйти от ответственности.

Кстати, аналогичным образом он поступает с гэкачепистами. Если верить ему, «организаторы августовского заговора сорвали обозначившуюся возможность сохранить Союз путем его преобразования в Федерацию и КПСС — путем ее реформирования в политическую партию левых сил»². Они перечеркнули «надежду на реформирование КПСС, превращение ее в демократическую, современную партию», почему Горбачев и «сложил с себя обязанности Генерального секретаря и предложил ЦК самораспуститься»³.

---

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 587.

² Там же. С. 576.

³ Горбачев М. С. Августовский путч. Причины и следствия. С. 29.

Тут что ни слово, то фальшь. Какую «Федерацию» хотел создавать Горбачев, договариваясь в Ново-Огареве с руководителями республик, мы уже знаем: составленный там новый союзный Договор базировался на конфедеративной основе. Конфедерация же для многонационального СССР (преемника исторической России) есть ни что иное, как начало развала. Что касается «реформирования» КПСС, то намечалась ее замена на партию социал-демократической направленности подобно социал-демократическим партиям Западной Европы. Стало быть, это — не реформирование КПСС, а ликвидация ее под видом реформирования. Относительно сложения Горбачевым обязанностей Генерального секретаря — можно почти с полной уверенностью сказать, что оно было сделано для облегчения разгрома КПСС. Но самое главное состояло в том, что меры, осуществленные между 23 августа и 6 сентября, не являлись непосредственным результатом так называемого путча, т.е. не находились в прямой причинно-следственной связи с событиями 19—21 августа. То была реакция демократов на инсценированный их же хозяевами «путч», заранее продуманная и спланированная. И так по каждому случаю, начиная с насильственного устранения КПСС и кончая предоставлением независимости республикам Прибалтики.

Роспуск партии, по нашему убеждению, был отнюдь не адекватен ее роли в событиях 19—21 августа. После отмены в марте 1990 года внеочередным Съездом народных депутатов СССР 6-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС в жизни советского общества партия не могла отвечать за действия лиц, облеченных высшей государственной властью, будь они даже ее членами. К тому же партия в памятные августовские дни вела себя довольно пассивно и вяло. И это вынужден признать ни кто иной, как Горбачев, упрекая Секретариат и Политбюро ЦК КПСС в том, что они не выступили против ГКЧП. Он видел вину КПСС в неумении «занять решительную позицию осуждения и противодействия», а также в том, что ЦК «не поднял

коммунистов на борьбу против попрания конституционной законности». Горбачев обижался на ЦК, который, как ему казалось, проявил безразличие к судьбе своего генсека¹. Обида, по крайней мере, странная, если вспомнить, как этот генсек несколько лет нещадно мордовал собственную партию, готовя ей погибель. Надо только удивляться тому, что КПСС в целом заняла несколько отстраненную позицию по отношению к событиям 19—21 августа, сдав без какого-либо сопротивления инициативу демократам. Правда, «среди заговорщиков оказались члены партийного руководства (далеко не все.— И. Ф.²), ряд партийных комитетов... поддержал действия государственных преступников». Вместе с тем «многие члены партии отказались сотрудничать с заговорщиками, осудили переворот и вклю-

---

¹ ЦК сковала нерешительность, неумение действовать в отсутствие «вождя» — генсека. К. Н. Брутенц вспоминает, в каком беспомощном состоянии застал ЦК 20 августа: «Прилетев из Сирии вечером 19 августа, я на следующий день утром у лифта встретил... А. Грачева, заместителя заведующего Международным отделом и члена ЦК, избранного на XVIII съезде. Спросил не без нажима и нетерпения: «Что же ЦК молчит?» В ответ услышал: «Обсуждают, никак не могут договориться». (Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. С. 497).

² М. С. Горбачев здесь сгущает краски, поскольку партийное руководство в целом, если говорить начистоту, стояло в стороне от августовских событий. Поэтому А. А. Зиновьев с полным основанием говорил, что руководство КПСС фактически не поддержало ГКЧП, «хотя это был последний шанс спасти партию, еще в какой-то мере способную мобилизовать население страны на борьбу против надвигающейся катастрофы. С этой точки зрения аппарат КПСС заслуживает еще большего презрения, чем радикалы, открыто стремившиеся разрушить советскую систему государственности и социальный строй страны. Руководство КПСС может служить образцовым примером того, какую гнусную породу людей культивировал коммунизм. Если бы руководство КПСС выступило с призывом к членам партии поддержать ГКЧП и покончить с преступной политикой перестройки, на улицы Москвы вышло бы народу в десятки раз больше, чем число приверженцев Ельцина. Но вожди КПСС всех уровней, дрожа за свою шкуру, не сделали этого, подписав тем самым приговор своей партии и вообще всей системе государственности» (Зиновьев А. Русский эксперимент. С. 392).

чились в борьбу против него». Спрашивается, достаточно ли всего этого для столь радикального решения, как ликвидация многомиллионной партии, подавляющее большинство членов которой не помышляли посягать на «демократию» Горбачева — Ельцина? По-видимому, недостаточно. Но партию, тем не менее, ликвидировали. Значит, причину роспуска КПСС необходимо искать за пределами августовских событий, послуживших в данном случае лишь поводом для задуманного ранее уничтожения партии. Вот почему, если бы не было Августа-91, то было бы что-то другое, но с одинаковым итогом: ликвидацией КПСС.

Не соответствуют степени участия КГБ СССР в августовских событиях предпринятые против него санкции. Гэкачеписты, как известно, не только не задействовали руководящих работников Комитета, но даже не проинформировали их относительно ГКЧП (вплоть до объявления о его создании и о введении чрезвычайного положения в отдельных регионах страны). Причем впервые об этом они услышали по радио, как и все остальные рядовые советские люди¹. «Это факт, установленный двумя комиссиями — ведомственной и государственной»². Вот почему у некоторых возникло желание подальше держаться от высшего начальства, «чтобы не нарваться на какое-нибудь поручение»³. Если так обстояло дело с информированностью командного состава КГБ в Москве, что тогда говорить об осведомленности сотрудников местных комитетов госбезопасности... Но коль и те и другие не знали подлинной сути происходящего, как их числить среди участников «государственного переворота»... Следует далее сказать, что с группой «Альфа», вовлеченной в события, Белый дом поддерживал постоянную связь⁴. А Пред-

---

¹ Ш е б а р ш и н Л. В. Из жизни начальника разведки; Ш и р о н и н В. С. 1) Под колпаком контрразведки...; 2) КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки.

² Ш е б а р ш и н Л. В. Из жизни начальника разведки. С. 138.

³ Там же. С. 139.

⁴ К о р ж а к о в А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. С. 93.

седатель КГБ РСФСР В. Иваненко в ночь с 20 на 21 августа говорил из Белого дома по телефону с командиром «Альфы» генералом Карпухиным и рекомендовал ему не «ввязываться в авантюру»¹. Поведением бойцов «Альфы» Ельцин мог быть доволен².

И все же, несмотря на все эти, так сказать, смягчающие обстоятельства, КГБ СССР подвергли разгрому. Нужен был повод, чтобы убрать КГБ. Повод нашли. О том, что погром КГБ не был обусловлен августовским «путчем», а являлся составной частью вынашиваемого длительное время антисоветскими силами общего плана развала СССР, свидетельствует замена Шебаршина на Бакатина в должности председателя КГБ. А. В. Шебаршина отставили отнюдь не по причине причастности к гёкачепистам или сочувствия к ним. «Место В. А. Крючкова после путча занял профессиональный разведчик Леонид Шебаршин, — вспоминает А. В. Коржаков. — Я с ним практически не был знаком, но Борис Николаевич знал Шебаршина лично и категорически выступал против его кандидатуры в качестве главы КГБ. По мнению Ельцина, Шебаршин *не допустил бы распада комитета. Поэтому искали человека, способного развалить зловещего «монстра»*» (выделено мной. — И. Ф.)³. Яснее не скажешь!_

Еще более очевидным является отсутствие внутренней причинной связи между августовскими событиями и роспуском Съезда народных депутатов СССР, а также реформированием Верховного Совета СССР, парализовавшим его деятельность. Казалось, после «путча», потрясшего и ослабившего Центр, необходимо было предпринимать срочные меры по восстановлению и укреплению союзной власти, чтобы удержать Союз от распада. Однако вместо этого Горбачев ликвидировал и Съезд народных депутатов, и Верховный Совет — важнейшие органы централь-

---

¹ Ш и р о н и н В. С. Под колпаком контрразведки... С. 348.

² К о р ж а к о в А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. С. 84, 85.

³ Там же. С. 117.

ной власти, обеспечивавшие единство страны. В результате Центр потерял последние точки опоры и СССР стал на глазах расползаться. Отсюда ясно, что Горбачев не был по-настоящему заинтересован в сохранении Советского Союза, а это в свою очередь означает, что события 19—21 августа послужили лишь прикрытием и поводом для разрушения высших институтов власти Союза, а отнюдь не причиной. Создав атмосферу чрезвычайности, данные события делали внешне правомерными чрезвычайные меры, посредством которых демократы добивали СССР. Вот почему нельзя согласиться с А. Л. Яновым, утверждающим, будто «августовский путч» сыграл «решающую роль в развале Советского Союза», «обозначив собою этот критический предел»¹. Это попытка, что называется, «накинуть тень на плетень». «Августовский путч» был подсобным средством осуществления плана по уничтожению СССР, составленного задолго до выступления гэкачепистов.

Итак, ликвидация КПСС, развал КГБ СССР, роспуск Съезда народных депутатов СССР, реформирование Верховного Совета СССР, означавшее в реальности его упразднение, предоставление (в обход Конституции и последнего Постановления Съезда народных депутатов) независимости республикам Прибалтики — все это, по нашему убеждению, планировалось раньше августовских событий. Эти события, бесспорно, спровоцированные, были использованы Горбачевым как удобный момент для осуществления перечисленных акций, означавших переход процесса развала Советского Союза в конечную стадию, завершившуюся в декабре 1991 года. Хотел того Горбачев или не хотел, но именно он своими действиями конца августа — начала сентября повернул страну на путь к беловежскому сговору. Вот почему некоторые исследователи рассматривают период между сентябрем и декабрем 1991 года как единый по своей сути. «На определенном этапе,— пишет известный

---

¹ Я н о в А. Л. Тень Грозного царя. Загадки русской истории. М., 1997. С. 207.

ученый-юрист Ю. К. Толстой,— интересы номенклатуры, которая стремилась к наследственному закреплению своих привилегий, с одной стороны, мафиозных и преступных групп — с другой, сомкнулись, что и предопределило успех *акций, предпринятых в сентябре — декабре 1991 г.* (курсив мой.— И. Ф.). Думаю, что не обошлось и без ощутимого влияния из-за бугра»¹. Оценивая эти акции с точки зрения политической и социально-экономической, Ю. К. Толстой говорит: «Если называть вещи своими именами, то в сентябре — декабре у нас произошел антиконституционный переворот, имеющий своей целью замену одного общественного строя другим. И в этом нужно отдавать себе ясный отчет»².

Данный переворот имел еще одну, можно сказать, первоочередную задачу — развал СССР. Поэтому его необходимо квалифицировать и как антигосударственный переворот. В целом же происшедшее после подавления ГКЧП мы, подобно А. А. Зиновьеву, рассматриваем как открытую контрреволюцию «по отношению ко всему тому, что явилось результатом революции 1917 года» и в положительном, и в отрицательном смысле³. Горбачев шел к ней целенаправленно. Приступая к «перестройке», он в том или ином варианте, надо полагать, предвидел ее. Однако, провоцируя события 19—21 августа, он едва ли догадывался, что за это придется поплатиться личной властью.

27 августа Ю. М. Лужков встречался с М. С. Горбачевым. «Я сижу,— рассказывает он,— в том самом кабинете Михаила Сергеевича, где бывал много раз, и удивляюсь перемене. Пространство, окружающее президента, оказалось вдруг гулким, бесхозным и пустым, как покинутый

---

¹ Толстой Ю. К. Исповедь на незаданную тему. СПб., 1993. С. 159 — Следует только добавить, что это влияние было весьма ощутимым.

² Там же. С. 166.

³ Зиновьев А. А. Русский эксперимент. С. 393.— Начало контрреволюции А. А. Зиновьев ведет с момента прихода к власти Горбачева, т.е. с 1985 года, а ее завершение связывает с расстрелом Верховного Совета Российской Федерации 4 октября 1993 года (см.: Зиновьев А. Советская контрреволюция//Советская Россия, 1988, 19 сентября).

дом. Нет той напряженности в воздухе, той «государственной энергетики», что составляет главную притягательность власти для людей, зараженных политикой. Всматриваюсь в лицо хозяина кабинета. Как оно изменилось! Исчезла самоуверенность, артистичность. Ушло обаяние — та скрытая демоническая веселость, что пряталась раньше за каждой фразой, создавая второй план разговора и подавляя в собеседнике способность возражать. Все через силу. Взгляд с поволокой. «Он больше не президент», — подумал я»¹. Власть, действительно, перешла из рук Горбачева к Ельцину², а вместе с ней и инициатива, и лидерство по части государственного и общественного «реформирования». Смену караула в коридорах власти символизировали переезд Ельцина из Белого дома в Кремль³ и поднятие над Кремлем Российского флага⁴. Звезда Горбачева-правителя закатилась.

Однако осторожные американцы на всякий случай позволили ему еще немного «побарахтаться» во власти, чтобы посмотреть, как поведет себя Ельцин — человек, зависимый от Бахуса, и потому в политике импульсивный и порой непредсказуемый. «Судя по информации из Вашингтона, — сообщает А. В. Шебаршин, — американцы еще не списали окончательно Михаила Сергеевича. Они рассчитывают, что в комбинации с лидерами бывших республик Горбачев некоторое время сможет сдерживать «великодержавные притязания» Ельцина»⁵. Под «великодержавными притязаниями» Ельцина следует, вероятно, понимать возможные притязания Москвы на исконно русские территории, которые по сумасбродной причуде советских правителей оказались в составе других республик и на которые Россия, по разумению американцев, не должна претендовать при распаде СССР и его территориальном разделе.

---

¹ Л у ж к о в Ю. М. Мы дети твои, Москва. С. 185.

² Ш е б а р ш и н А. В. Из жизни начальника разведки. С. 109.

³ К о р ж а к о в А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. С. 115.

⁴ Е л ь ц и н Б. Н. Записки президента. С. 64.

⁵ Ш е б а р ш и н А. В. Из жизни начальника разведки. С. 129.

Вряд ли по-другому можно истолковать «великодержавные притязания Ельцина», вызывающие беспокойство у американской стороны. Российский президент не являлся даже государственным, а тем более — великодержавником. Он развалил не только Советский Союз, но и привел в «студенистое» состояние российскую государственность, предлагая субъектам РФ брать столько суверенитета, сколько они способны проглотить.

Эта политика суверенизации субъектов Российской Федерации, чрезвычайно опасная с точки зрения целостности России, соответствовала видам американцев. А. В. Шебаршин, опираясь на оперативные данные осени 1991 года, пишет: «Наш осведомленный источник предупреждает, что в ЦРУ очень решительно настроены в пользу дробления России на составные, слабо связанные конфедеративными узами части. Видимо, усилия будут сосредоточены на Татарии, где растут сепаратистские настроения»¹. Надежды на «дробление России» могли вынашиваться в ЦРУ только при уверенности в скором развале СССР. И такая уверенность, как мы видим, существовала у американцев еще осенью 1991 года. Отсюда следует, что беловежский сговор не являлся для них какой-то неожиданностью. Нечто подобное, по всему вероятно, ими планировалось. Значит, американцы опасались не «великодержавных притязаний Ельцина». Они, судя по всему, хотели проверить, насколько управляемым послушным будет российский президент, взяв власть у Горбачева. И, чтобы у Ельцина не возникло никаких иллюзий насчет того, кто «правит бал», был на некоторое время сохранен Горбачев, дабы российский президент своим затылком ощущал дыхание соперника. И все же по большому счету американцы сдали Горбачева, но, конечно, не столько из подлости и коварства, а сколько прежде всего — из трезвого расчета. Разумеется, об их

---

¹ Там же. — Вероятно, со временем станет ясно, случайно или нет Ельцин призывал субъекты Федерации брать у федерального Центра суверенные права, сколько на то хватит сил, именно в Татарии.

конкретных мотивах можно лишь догадываться. Каковы возможные здесь варианты?

М. С. Горбачев исчерпал к себе доверие народа, вызвав всеобщее негодование и даже ненависть. По верному наблюдению А. А. Зиновьева, «он становился самой ненавистной фигурой в стране»¹. Это ощущали даже те, кто окружал Горбачева. К примеру, ближайший его помощник А. С. Черняев в дневниковой записи от 26 августа 1990 года констатирует: «Народ (толпа) Горбачева просто ненавидит. Это он чувствует. Говорил мне, что «все эти» (т.е. Ельцин и компания) сознательно усугубляют дестабилизацию, пользуясь ненавистью и раздражением людей, чтобы взять власть»². Ненависть и раздражение людей по отношению к «прорабу перестройки» понять несложно. Горбачев начал такое дело, которое неизбежно должно было на определенном этапе его осуществления породить подобные настроения и чувства в обществе. Это можно было заранее прогнозировать. Следовательно, все развивалось таким образом, что в какой-то момент вера в Горбачева иссякла, надежды, возлагаемые на него, развеялись. И он превратился в правителя, ненавистного народу. Двигать дальше «перестройку» ему уже было нельзя. Понадобился другой лидер, внушающий массам доверие. Американцы понимали это и потому сделали ставку на Ельцина, всплывшего на волне демагогии, популизма и обмана. Однако смена лидеров не означала смену «курса реформ». Б. Н. Ельцин продолжил политику «перестройки», но в новых политических условиях. Такова, на наш взгляд, главная причина переориентации американцев с Горбачева на Ельцина. Имели место и дополнительные причины.

Взявшись за проведение «перестройки», Горбачев нередко демонстрировал нерешительность и непоследовательность. Его политика являлась политикой «затягивания,

---

¹ Зиновьев А. Русский эксперимент. С. 388.

² Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 43.

откладывания, половинчатости и т.д.»¹. Горбачев осознал этот свой серьезный недостаток слишком поздно, когда уже неудержимо падал вниз с вершины власти. Выступая перед участниками Московского совещания-конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (сентябрь 1991 года), он говорил: «Не могу не сказать о допущенном просчете с моей стороны. На этапе, когда начался демонтаж тоталитарной системы управления, надо было действовать решительнее и быстрее по разрушению старых структур». Горбачев теперь понимал, что ему надо было «решительнее, смелее, быстрее идти вперед по пути демократических преобразований к новому Союзу и рыночной экономике»². Ельцин как раз и отличался от Горбачева напористостью, решительностью, готовностью без каких-либо раздумий продвигать реформы в ускоренном, обвальном темпе. Данные качества Ельцина, наверное, привлекали американцев, которые не без основания могли полагать, что любые промедления, затяжки в осуществлении «перестройки» опасны и чреватые ее провалом. В данном отношении он, естественно, был для них предпочтительнее Горбачева.

Наконец, следует сказать еще об одном существенном обстоятельстве, которое, надо думать, учитывали в Вашингтоне. Горбачев вел СССР к развалу через конфедерацию. И в этом был некоторый риск: при изменении политической конъюнктуры, возможность чего исключать было нельзя, конфедеративный союз мог быть трансформирован в союз федеративный, что остановило бы распад СССР. Во всяком случае, конфедерация не делала процесс этого распада необратимым. Вот почему американским интересам больше соответствовал единовременный распад СССР, решающий проблему, как им, наверное, казалось, раз и навсегда. К тому же справиться с отдельными, сравнительно мелкими, «самостоятельными» государствами

---

¹ З и н о в ь е в А. Русский эксперимент. С. 387, 388.

² Государство Российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сб. документов. С. 475.

значительно проще, чем с такой машиной, как Союз, пусть даже конфедеративный: заглатывать по частям легче, а в нужной последовательности — удобнее и результативнее. Плюсы, стало быть, тут очевидные.

Однако все это — дополнительные мотивы, склонявшие американских политиков к смене лидеров «перестройки». Главное заключалось в том, что Горбачев довел свое дело до конца и свершил свой путь. Теперь он должен был передать эстафету разрушения СССР Борису Ельцину.

Без содеянного Горбачевым «реформаторская» деятельность Ельцина была бы не только безуспешной, но и невозможной. Ему удалось: расстроить экономику страны и привести ее в состояние деградации, начать изменения в отношениях собственности с целью структурных перемен в обществе, ослабить власть в стране до такой степени, что последняя стала неуправляемой и неподвластной Центру, разрушить государственность и поставить Советский Союз на грань активного распада. Горбачев сумел подвести СССР к черте, за которой начинались необратимые процессы разложения общественно-экономического строя страны и дробления дотоле единого союзного государства на отдельные самостоятельные части. Враги России могли ликовать, ибо результат превзошел все их чаяния. «Если бы лидеры Запада,— пишет А. А. Зиновьев,— назначили на пост главы советского государства своего собственного политика, убежденного антикоммуниста, он не смог бы нанести такой ущерб Советскому Союзу и советскому народу, как это сделал Горбачев со своей кликой. Они действовали как опытные партийные аппаратчики, со знанием дела, используя всю мощь власти, какой обладало коммунистическое государство. Явление поистине поразительное, никак не укладывающееся в рамки здравого смысла: могучее коммунистическое государство использовалось как орудие разрушения общества, которому оно обязано своим существованием и охранять которое было его священным долгом!»¹

---

¹ Зиновьев А. А. Русский эксперимент. С. 330.

А. А. Зиновьев рассматривает деяния Горбачева как «беспрецедентное в истории человечества предательство интересов своей страны и своего народа». Он говорит: «Я не знаю в истории другого такого случая предательства, который по масштабам и последствиям можно было поставить с этим»¹.

Перед нами, следовательно, историческая аномалия, а проще говоря,— неизвестное доселе исторической науке политическое уродство. В этом, увы, и состоит «вклад» Горбачева в историю. Что заставило Горбачева стать на такой путь? Здесь придется надолго, если не навсегда, оставаться в области догадок.

А. А. Зиновьев пытается выявить причины, побудившие генсека к предательству. Он допускает возможность того, что соответствующие службы Запада, «подцепив на крючок» Горбачева, расчистили ему путь к власти². Иными словами, речь идет о связи прораба «перестройки» с западными секретными службами и о его работе на них³. Эта версия нам представляется маловероятной, хотя, по правде сказать, в наше время, когда ложь, обман и лицемерие захлестнули мир, возможно всякое. Ведь считали же в КГБ А. Н. Яковлева резидентом ЦРУ...⁴ Симптоматичен и тот факт, что первая биография Горбачева «вышла в свет в Нью-Йорке в день его избрания генеральным секретарем ЦК»⁵. Тут скрыта какая-то символика, а также прозрачный намек на то, что в США знали о приходе Горбачева к власти и готовились к этому событию.

---

¹ Зиновьев А. А. Русский эксперимент. С. 330.

² Там же. С. 385.— «Проведение Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС,— говорит А. А. Зиновьев,— было фактически первой операцией в составе грандиозной операции по осуществлению советской контрреволюции» (Зиновьев А. Советская контрреволюция).

³ Зиновьев А. Советская контрреволюция.

⁴ Широнин В. С. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. С. 237.

⁵ Геллер М. История России 1917—1995. Т. 3. С. 8.

По А. А. Зиновьеву, Горбачев и другие, работавшие на западные спецслужбы, не понимали по-настоящему, что творят. «Если даже допустить,— пишет он,— что Горбачев был ранее как-то вовлечен в деятельность западных секретных служб, занимавшихся подрывной деятельностью в Советском Союзе, и что какие-то лица из советского руководства и идеологической элиты были агентурой этих служб, советское политическое и идеологическое руководство просто не отдавало себе отчета в том, на какой путь оно направляло страну и к каким последствиям должна была привести их деятельность»¹.

По нашему убеждению, советское руководство в лице Горбачева и его сообщников знало и понимало, к чему ведет «перестройка» и на какой путь она выводит страну. Не в счет здесь, конечно, представители «политического и идеологического руководства», не посвященные в тайны мировой закулисы, которые по наивности и затмению разума полагали, что «перестройка» служит обновлению социализма.

В другом своем предположении о причинах предательства в Кремле А. А. Зиновьев исходит из ряда субъективных факторов или свойств, присущих Горбачеву и его сподвижникам. Это — глупость, тщеславие, идейный цинизм, т.е. безыдейность. В соответствии с этими качествами Горбачев у него представлен в несколько гротескном виде «идиота-правителя», предавшего «русский коммунизм» ради «самых низменных интересов и в силу самых низменных человеческих качеств»². В интервью журналисту из «Независимой газеты» А. А. Зиновьев говорил: «Уровень самого Горбачева... я оцениваю просто как интеллектуальный кретинизм. Болтливость необыкновенная, но уровень понимания проблем — это чудовищный кретинизм»³.

---

¹ Зиновьев А. Советская контрреволюция.

² Зиновьев А. Русский эксперимент. С. 330, 354.

³ Зиновьев А. Наука понимания и наука убийства//Фигуры и лица. Субботнее обозрение, май 1998, № 10 (11).

Видимо, ученый тут погорячился. На наш взгляд, не следовало бы так низко оценивать умственные способности «прораба перестройки». Иначе мы будем вынуждены признать, что Горбачев разрушал общество, государство и страну по глупости и кретинизму, т.е. непреднамеренно. Следовательно, и ответственности строгой нет: что возьмешь с дурака... Ведь с него, как говорится, «взятки гладки». А отсюда один шаг до вывода о совершении Горбачевым предательства при «смягчающих» его вину обстоятельствах: что-то вроде непредумышленного убийства. Такую «логику» мы решительно отвергаем.

Конечно, Горбачев не обладал достаточным интеллектом, чтобы разработать такую, как выразился бы Ильич, архисложную и многоходовую операцию под кодовым названием «Перестройка», но ему хватило ума, чтобы успешно провести ее, разумеется, с помощью консультантов. Лицедейством, изворотливостью, хитростью и коварством он «перещеголял» тех членов Политбюро и ЦК КПСС, которые по недомыслию своему связывали с «перестройкой» появление социализма с «человеческим лицом»¹, поддавшись на этот дешевый пропагандистский трюк, придуманный на Западе².

Действия Горбачева следует расценивать как предательство по отношению к России, к ее народам и, прежде всего, — к русскому народу. Но это невиданное в мировой

---

¹ Любопытны в этой связи признания самого Горбачева, высказанные им позднее. В беседе с обозревателем «Литературной газеты» Ю. Щекочиным он говорил: «Я знал эту систему, в которой партийная машина сплелась с КГБ, с правительством, с другими органами государственной власти. И должен был действовать исходя из этого. Жил ли во мне страх перед КГБ? Нет, страха не было. Если бы я их боялся, то ничего не смог бы сделать. Но я знал их силу! И то, что я теперь могу сказать, тогда, раньше, сказать бы не мог. Я должен был их переиграть» (Горбачев М. С. Декабрь-91. Моя позиция. С. 136).

² Идеологическое обеспечение «перестройки», осуществленное Западом, прекрасно показано в книге А. А. Зиновьева «Русский эксперимент».

истории предательство было не индивидуальным, а коллективным. Его, по верному наблюдению А. А. Зиновьева, «совершили прежде всего высшие руководители страны, работники партийного аппарата, идеологические вожди и представители интеллектуальной элиты»¹. Значит, у Горбачева были не только помощники, но и продолжатели. А коль так, то «перестройку» нельзя рассматривать в прошедшем времени и связывать ее конец с уходом Горбачева из Кремля.

«Перестройка» продолжается...

---

¹ Зиновьев А.А. Русский эксперимент. С.354.

ЭПИЛОГ

Россия повержена. Вопрос перед ней стоит так: «быть или не быть». Это чувствуют и видят все. Потому у одних — радость, а у других — траур. Плывет погребальный звон, звучит надгробный вопль. «Прощай, Россия!» — так назвал свою проникнутую болью за нашу страну книгу итальянский журналист Джульетто Кьеза.

Итак, «прощай, Россия! Иногда страны, нации, народы исчезают, уходят и не возвращаются. Бывало, что от народа не оставалось и следа и ученым даже не удается разузнать что-нибудь о его истории. Но это — не наш случай. От России в любом случае останется память, огромная, как и ее вклад в развитие человеческой цивилизации, как ее литература, театр и наука, как ее военная мощь и ее жестокость, ее подлости и свирепость, как ее нетронутая, дикая красота и гениальная авантюрная склонность к утопии, превратившие ее в лабораторию гигантского трагического эксперимента. Только великий народ мог создать все это одновременно.

Прощай, потому что все это умирает намного быстрее, чем можно было себе представить. Другие империи и цивилизации рушились столетиями, теряя клочки своего величия в пыли времени. Но у их подданных было время приспособиться к переменам, осознать их, примириться с неумолимым ходом истории. Здесь все происходит гораздо быстрее, этот век в самом деле стал очень коротким, сокращая все события и даже время, даже идеи. Человечество никогда не развивалось так бурно. Скорость все растет, расстояний уже практически не существует, судьбы каждого пересекаются с судьбами всех остальных, и у людей от-

нято даже право исчезнуть одиноко и незаметно. На Земле нет больше кладбищ слонов, и Атлантида уже не может затонуть вдали от телекамер и всевидящих электронных глаз космических спутников.

Прощай, потому что уже не видно, за что можно зацепиться, чтобы устоять против течения. В этой России, втянутой (давшей себя втянуть) все перемалывающей западной машиной, нет сил, интеллектуального потенциала, планов на будущее. Она хотела противостоять Западу в одиночку, в который раз ослепленная солнцем собственной гениальности и печальной луной собственного неизбывного комплекса неполноценности.

Прощай, ведь мир отбросил милосердие прошлого. Мне грустно слушать, как друзья — и недруги — провидят новые всплески величия, ссылаясь на свое прошлое, видевшее неоднократные падения и столь же молниеносные, необъяснимые взлеты, непредсказуемые восхождения, неожиданные возрождения. Мне грустно, потому, что все это уже ничего не значит, потому что ни одна историческая аналогия не выдерживает испытания новыми, беспрецедентными условиями, в которых уже не остается места чудесным открытиям гения.

Третий Рим, или вернее, страна, претендовавшая на этот титул, сворачивает свои знамена. Первый пал под ударами варваров, второй под ударами Востока, который с рождения пропитывал его. Этот Рим уничтожается на наших глазах Западом. Единственное отличие от двух других состоит в том, что падение совершается быстрее. И без боя. Россия со всей своей хваленой духовностью склоняется с приходом скупого царства прагматизма, успеха и материализма.

Быть может, еще есть время для мучительных конвульсий, для кровавых и бесполезных судорог, порожденных иллюзиями, которые всегда отказываются умирать. Но новый взлет маловероятен. Спад и распад — только начались. За потерей Средней Азии последует утрата Кавказа. А потом россияне распрощаются с Сибирью, их поглотит самый сильный из «азиатских тигров». Это про-

изойдет само собой, потому что Россия делает харакири на глазах у Азии и колоссальное демографическое давление китайцев скоро не будет сдерживаться уже ничем...

Прощай, Россия!.. Наступает время подлинных интернационалистов, пришедших в эпоху глобализации на смену пролетарскому интернационализму, скончавшемуся по меньшей мере пятьдесят лет назад. А поскольку, как написал Томас Фридман, «глобализация — это мы», то — прощай, Россия!»¹.

Возможно, мы чересчур затянули прощание Д. Къезы с Россией. Виною тому желание полнее воспроизвести его, поскольку оно нам кажется искренним и неподдельным. Прощальные слова Къезы, европейца, если не вполне осведомленного, то хорошо разумеющего смысл происходящего в современной мировой истории, лишний раз объясняют кое-что в трагической судьбе России. Ведь, по всей видимости, недаром он работал в США, как это отмечается на тыльной стороне обложки книги, в Вильсоновском центре Института Кеннана по российским исследованиям.

Но коль Россия гибнет под натиском глобализации, то разделить ее участь суждено и другим странам. Что же касается национальных государств Западной Европы, то они уже попали под каток глобализации, и с ними Къезе также надо было попрощаться. «Прокладывая путь к интеграции государств-наций в коллективный надгосударственный экономический и в конечном счете политический союз,— пишет З. Бжезинский,— Европа указывает также направление к образованию более крупных форм постнациональной организации, выходящей за узкие представления и деструктивные эмоции, характерные для эпохи национализма. Это уже самый многосторонне организованный регион мира»².

И все-таки глобалисты признают, что «государства-нации продолжают оставаться основными звеньями мировой системы»³. А это значит, что у России еще остается

---

¹ Къеза Д. «Прощай, Россия!». М., 1998. С. 256—259.

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 74.

³ Там же. С. 51.

поле для восстановления и развертывания национальных сил, какой бы измученной и больной она ни была. Главное — Россия еще жива.

Когда Россию хоронят иностранцы, то это понятно и простительно. Другое дело — соотечественники или, по терминологии В. С. Бушина, олухи, «отпевающие» живо свою мать-родину¹.

С. С. Говорухин говорит: «То, что России вцепились в бока,— это очевидно. Я хочу понять: повалили ее или еще нет. Если повалили — ей не подняться».² И он понял, что повалили: «А с Россией кончено. Снимите над ней шляпу, друзья, и пролейте последнюю слезу. Стая волков догнала ее, вцепилась ей в бока и повалила на землю. Ей уже не подняться»³. По мнению Говорухина, «России уготовано позорное будущее. Она превратится (уже превращается!) в колонию... Растет новое — глупое, необразованное воровское племя. Растет нация рабов. Удел ее, в конечном счете,— служить иностранцам. Китайцам, японцам, американцам, немцам... рикшами, клерками, лакеями... рабами, добывающими руду, пилящими лес, качающими нефть для цивилизованных соседей»⁴. Вот так, походя, не испив и капли из чаши страданий русского народа, «патриот» Говорухин пригвоздил его к позорному столбу.

«Мы потеряли свой народ. Русской нации больше нет. Есть жуликоватая шпана, мычащее стадо»,— возглашает еще один «патриот» и «народный» писатель⁵.

Мрачными красками рисовал будущее России А. А. Зиновьев: «Россия разгромлена, и в современных условиях она обречена на деградацию, распад, колонизацию»⁶. Но, несмотря на то, что мы обречены и силы врага велики, он

---

¹ Бушин В. Не умирай раньше смерти // Правда, 1998, 22 мая.

² Говорухин С. С. Великая криминальная революция. С. 54.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 62, 83.

⁵ Астафьев В. Мы потеряли свой народ...//Известия, 1999, 30 апреля.

⁶ Зиновьев А. А. Русский эксперимент. С. 142.

призывает «идти до конца» и «драться до конца»¹. Что ж — это вдохновляющий призыв.

Надежду подает нам история русского народа и России. «Одним из отличительных признаков великого народа,— писал В. О. Ключевский,— служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу»².

Русский народ всей своей историей доказал «способность подниматься на ноги после падения».

---

¹ З и н о в ь е в А. А. 1) Посткоммунистическая Россия... С. 174; 2) «Если и выберемся — то через много лет...»//Санкт-Петербургские ведомости, 1998, 2 июля.

² К л ю ч е в с к и й В. О. Очерки и речи. Второй сборник статей. Пг., 1919. С. 197.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Глава первая. ВНЕШНИЙ ФАКТОР	7
Глава вторая. ВНУТРЕННИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ	19
Глава третья. НОВЫЕ ПЛАНЫ ЗАПАДА	44
Глава четвертая. АНДРОПОВ	50
Глава пятая. АНДРОПОВ И ГОРБАЧЕВ	70
Глава шестая. «ПЕРЕСТРОЙКА»	95
Эпилог	442

СУД ИСТОРИИ

Фроянов Игорь Яковлевич

РОССИЯ.

ПОГРУЖЕНИЕ В БЕЗДНУ

Редактор *О. В. Селин*
Художник *Б. Б. Протопопов*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *Н. Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-08-25

Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

*По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International/wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

*По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.*

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

*Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы
и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленин-
ский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87
(многоканальный). e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru*

Подписано в печать 29.05.2009.

Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Бумага газ. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 3000 экз. Заказ № 8688

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

В конце XX века Россия превратилась
из сверхдержавы в нищую страну.
Случай в истории уникальный, когда великая
цивилизация исчезла в мирное время
всего за несколько лет.

По темпам и масштабу разрушений
ничего подобного не было.

В сущности, это было невиданное
предательство. Его, по верному наблюдению
А. А. Зиновьева, «совершили прежде всего
высшие руководители страны, работники
партийного аппарата, идеологические вожди
и представители интеллектуальной элиты».

Об этом предательстве идет речь
в книге выдающегося историка
И. Я. Фроянова.

ISBN 978-5-699-34608-0

9 785699 346080 >